

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАМЯТНИКИ
* ИСТОРИЧЕСКОЙ *
МЫСЛИ

ΧΡΟΝΟΤΡΑΦΙΑ

ΜΙΧΑΗΛ ΨΕΜΑΟΥ

МИХАИЛ ПСЕЛЛ

ХРОНОГРАФИЯ

Перевод, статья и примечания

Я. Н. Любарского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

Л. М. Баткин (ученый секретарь), *Б. Г. Вебер*, *В. С. Далин*,
А. И. Данилов, *С. С. Дмитриев*, *И. В. Нечкина*, *А. П. Новосельцев*,
Т. И. Ойзерман, *В. Т. Пашуто*, *Л. Н. Пушкарев*, *А. И. Rogov*,
В. В. Соколова, *Э. В. Удальцова*, *Н. Н. Чебоксаров*,

Л. В. Черепнин (председатель), *С. О. Шмидт*

Секретарь серии
Е. К. БУГРОВСКАЯ

МИХАИЛ ПСЕЛЛ

ХРОНОГРАФИЯ

Сочинение мудрейшего монаха ипертима Михаила, повествующее о деяниях порфирородных василевсов Василия и Константина, царствовавшего после них Романа Аргиропула, царствовавшего после него Михаила Пафлагонца, царствовавшего после него его племянника Михаила (того, что сначала был кесарем), правивших вслед за ним двух порфирородных сестер, госпожи Зои и госпожи Феодоры, делившего с ними престол Константина Мономаха, госпожи Феодоры (одной из сестер, правившей единодержавно), «царствовавшего после нее Михаила», царствовавшего после него Исаака Комнина — вплоть до провозглашения императором Константина Дуки.

ВАСИЛИЙ II

I. Вот так расстался с жизнью император Иоанн Цимисхий, принесший много пользы РOMEЙСКОЙ державе и укрепивший ее мощь. Царская же власть полностью оказалась в руках Василия и Константина, сыновей императора Романа¹.

II. Они оба уже вышли из отрочества², характерами же различались. Василий — старший из них — производил всегда впечатление человека деятельного и озабоченного, а Константин, напротив, всем казался безвольным прожигателем жизни, будучи человеком легкомысленным и склонным к развлечениям. Они согла-

сились не делить самодержавной власти, и все правление взял в свои руки старший Василий, а его брат только унаследовал титул императора, ибо нельзя было управлять государством, не доверив самодержавной власти первому и более опытному. Поступок Константина вызывает восхищение: ведь можно было бы и поровну разделить отцовское наследие (я имею в виду царскую власть), а он уступил брату большую долю и сделал это в молодые годы, когда огонь властолюбия горит особенно ярко, да при этом и Василий был не зрелым мужем, а юнцом, как говорится, с первым пушком на щеках. Такой похвалы достойным Константином уже в начале рассказа.

III. Что же касается Василия, то он, приняв власть над РOMEЙСКОЙ державой, не пожелал ни делить с кем-либо свои заботы, ни пользоваться чужими советами в управлении государством. Но полагаться на самого себя царь тоже не мог, так как не было у него опыта ни в командовании войском, ни в государственном управлении, и потому он приблизил к себе паракимомена Василия³. Муж этот занимал наивысшее положение в РOMEЙСКОМ царстве, отличаясь и большим умом, и высоким ростом, и истинно царской

внешностью. С отцом Василия и Константина у него был общий родитель, но разные матери. Из-за этого его уже в раннем детстве оскотили, чтобы сын сожительницы при наследовании престола не получил преимущества перед законными детьми. Он смирился с судьбой и сохранял привязанность к царскому и, следовательно, своему роду. Но особое расположение он чувствовал к племяннику Василию, нежно его обнимал и пестовал, как любящий воспитатель. Потому-то Василий и возложил на него бремя власти и сам учился у него усердию. И стал паракимомен как бы атлетом и борцом, а Василий — зрителем, но целью царя было не возложить венок на победителя, а бежать за ним по пятам и участвовать в состязании.

Все с той поры стали послушны Василию: к нему благоволили гражданские, перед ним склонялись военные; и был он первым, если не единственным, кто пекся тогда о пополнении казны и процветании государства. Паракимомену царь отдал во всех делах язык и руку, — то поддерживая его словами, то подтверждая его решения грамотами.

IV. Большинству моих современников, видевших Василия, царь представлялся человеком угрюмым, грубого нрава, вспыльчивым и упрямым, в жизни скромным и вовсе чуждым роскоши. Но из сочинений историков, писавших о нем, я узнал, что поначалу он был не таким и от распушенности и изнеженности перешел к строгости под влиянием обстоятельств, которые как бы укрепили его нрав, сделали сильным слабое, твердым мягкое и изменили весь образ его жизни. Если в первое время он без стеснения бражничал, часто предавался любовным утехам, увлекался дружескими пирушками, уделом своим считал легкомысленные царские развлечения и отдых и вполне пользовался своим юным возрастом и царским положением, то с тех пор, как знаменитый Склир начал домогаться царской власти, а за ним Фока, затем снова Склир и другие со всех сторон выступили против царя, Василий на всех парусах пустился прочь от изнеженной жизни и, используя силу ветра, отдался серьезному делу: нападая на своих близких, захвативших власть⁴, царь стал решительно изничтожать их род.

Восстание Склира

V. По этой-то причине и начали против него беспощадную войну племянники этих людей⁵. Первым же был Склир, мудрый в советах и в делах искусный. Богатствами он владел царскими, обладал большой властью, был победителем в великих битвах, и войско целиком сочувствовало его намерениям. Заручившись поддержкой многих людей, он первый отважился на войну с Василием, двинул на него все конное и пешее войско и дерзко отправился завоевы-

вать царскую власть, будто она его так и дожидалась⁶. Узнав, что все тяжеловооруженные воины стеклись к Склиру, император и его приближенные решили сперва, что погибли, но затем, собравшись с духом, рассудили иначе и нашли, можно сказать, выход из безвыходного положения: сочли некоего Варду, племянника императора Никифора, человека благородного и мужественного, достойным противником мятежного Склира, вверили ему оставшиеся силы, поставили военачальником и послали на борьбу со Склиром.

VI. Однако самого Варду, который был царского рода и высокомнил о себе, они опасались ничуть не меньше Склира. Поэтому они совлекли с него гражданское платье и все знаки власти, ввели его в церковный клир⁷, взяли торжественное обещание не поднимать мятежа и не преступать клятвы и, только обезопасив себя таким образом, отправили его с войском⁸.

VII. А был этот муж, как рассказывает историк, нравом похож на своего дядю-императора: всегда озабоченный и настороженный, он умел все предвидеть и увидеть, был искушен в военных хитростях, опытен в разного рода приступах, засадах и в открытых сражениях. В боевых же схватках он был решительней и мужественней его. Раненый им враг тотчас испускал дух, и одним боевым кличем приводил Варда в замешательство целую фалангу. Таков был Фока. Разделив свои силы и разбив их на отряды, он не раз и не два обращал в бегство отряды Склира, во много раз более многочисленные, чем его собственные. Насколько он уступал неприятелю числом воинов, настолько превосходил его доблестью, искусством и военной хитростью.

VIII. В конце концов оба полководца решили сразиться друг с другом и согласились встретиться в единоборстве. И вот они сошлись на поле, разделявшем войска и, едва окинув друг друга взором, тотчас же начали поединок. Мятежник Склир в своем яростном натиске не стал заботиться о должной осторожности и, приблизившись к Фоке, первым изо всех сил ударяет его по голове, и стремительный бег коня придает его удару еще большую мощь. А Фока, хоть на мгновение и выпустил от неожиданности поводья, быстро пришел в себя и ответил противнику таким же ударом по голове, остудив его пыл и обратив в бегство⁹.

IX. Оба сочли такой суд окончательным и бесспорным. Отчаявшийся Склир, который с Фокой бороться был не в состоянии, а к императору перейти стыдился, принял весьма ненадежное и неразумное решение: вместе со всем войском он покинул ромейские пределы и двинулся в Ассирийскую землю, дав знать о себе царю Хосрою¹⁰, но возбудил в нем подозрения. Опасаясь скопления воинов и неожиданного нападения, царь велел их заключить в оковы и держать в надежной тюрьме¹¹.

Восстание Варды Фоки

Х. Тем временем Варда Фока вернулся к императору ромеев, удостоился триумфа и стал одним из близких к царю лиц. Так закончился первый мятеж, и император Василий, казалось, освободился от забот. Но это избавление было на самом деле лишь началом многих бед. Дело в том, что Фока, которого сначала удостаивали немалых почестей, а потом все меньших и меньших, понял, что вновь обманулся в ожиданиях. Полагая, что он не преступает клятвы, поскольку она действительна только при определенных условиях, Варда вместе с большей частью войска учинил против Василия мятеж еще опаснее и грознее описанного. Прежде всего он привлек на свою сторону самые могущественные в то время роды, отложился от императора, набрал войско из ивиров¹² (это все мужи ростом чуть ли не до десяти стоп^{12а}, видом очень суровые) и уже не в помыслах, а на деле надел императорскую тиару и облачился в платье царского цвета¹³.

XI. Дальше же происходит вот что. В Вавилоне¹⁴, где искали защиты и, как уже говорилось, обманулись в своих надеждах воины Склира, началась война с чужеземцами, война тяжелая и страшная, потребовавшая много отрядов и много воинов. Хосрой не мог обойтись собственной армией и потому, возложив надежды на беглецов, сразу освободил их из оков, вывел из тюрьмы и выстроил против вражеских отрядов. Эти доблестные, воинственные и искусные в военном деле мужи разомкнули строй и с боевым кличем понеслись на врагов, одних из них убили на месте, других обратили в бегство и, преследуя до самого лагеря, уничтожили всех до единого. Они уже повернули было назад, но затем, как бы повинувшись душевному порыву, помчались прочь, ибо опасались, что варвар снова встретит их неласково и опять заключит в оковы. Все вместе стремительно бежали ромей, и, только когда они оказались далеко от Ассирии, варвар узнал об их исчезновении и приказал собравшимся воинам отправиться вдогонку за ними. Полчища врагов обрушились с тыла на наших воинов, но смогли лишь убедиться, насколько уступают они ромейской силе. Преследуемые неожиданно повернули коней и вступили в сражение — немногие против многих; но вскоре врагов осталось мало, да и уцелевшие обратились в бегство¹⁵.

XII. Между тем Склир вновь задумал овладеть престолом и захватить власть, ибо Фока в это время уже ушел из столицы, а царское войско было рассеяно. Однако, подойдя к ромейской границе, он узнал, что Фока объявил себя императором. Тогда Склир, не имея сил, чтобы еще и с царем сражаться, самодержцу нанес новое оскорбление, а к Фоке явился, смилив гордыню, уступил ему первенство и согласился занять второе место после него¹⁶. Затем они разделили на две части военные силы и придали мя-

тежу новый размах. Уповая на отряды и укрепления, они спустились к прибрежным крепостям Пропонтиды, разбили для безопасности лагеря и готовы были приступить к переправе через море¹⁷.

XIII. Царь Василий порицал неблагодарных ромеев, и поскольку незадолго, перед тем явился к нему отряд отборных тавроскифских воинов¹⁸, задержал их у себя, добавил к ним других чужеземцев и послал против вражеского войска. Те застали неприятелей врасплох, готовившихся не противника побить, а вина попить, многих убили, а остальных рассеяли, и поднялся среди мятежников бунт против самого Фоки.

XIV. Набираясь военного опыта, находился в ромейском войске царь Василий, в то время юноша с едва пробивающейся бородой. Не преминул занять место в боевых порядках и брат его Константин, который стоял в строю, облачившись в доспехи и потрясая длинным копьём.

XV. Отряды выстроились друг против друга, по берегу — царские, на холмах — узурпатора, а между ними оставалось свободное пространство. Когда Фока узнал, что в строю находятся императоры, он не стал откладывать сражение, выбрал день, которому суждено было окончательно решить исход войны, и отдался на волю судьбы. При этом он действовал вопреки советам своих прорицателей, которые, совершив жертвоприношение, старались удержать его от битвы; не посчитавшись с ними, он пустил вскачь коня. Рассказывают и о зловещих знамениях. Конь, на которого он сел, сразу же под ним поскользнулся; Фока пересел на другого, но и с тем через несколько шагов случилось то же самое. Цвет лица его изменился, сознание помутилось, началось головокружение. Но ничто не могло остановить этого человека, коль скоро он приготовился к бою; выдвинувшись на переднюю линию и находясь уже невдалеке от царского войска, он собрал вокруг себя пеший отряд — были это воинственные ивиры, цветущие юноши с первым пушком на щеках, одинаково высокого, как по мерке, роста, с мечами в руках, неустойчивые в натиске, — одним мановением руки увлек их за собой, опередил фалангу, и с боевым кличем, опустив поводья, понесся прямо на императора; правой рукой он сжимал рукоять высоко поднятого меча, которым готовился поразить Василия.

XVI. Так дерзко устремился мятежник на Василия, а тот выехал из рядов и остановился, держа в одной руке меч, а в другой образ богоматери¹⁹, в которой видел оплот против неустойчивого натиска врага. Словно туча, гонимая могучим ветром, несся Фока на противника, вздымая пыль, а наши воины с обеих сторон принялись метать в него дротики, и, потрясая длинным копьём, выдвинулся вперед из строя Константин. Но не успел еще Фока далеко отъехать от своего войска, как неожиданно вывалился из седла и рухнул на землю. Разные люди рассказывают об этом по-

разному. Некоторые утверждают, что он был ранен дротиком и упал от смертельного удара, другие говорят, будто из-за расстройств и болезни живота у него вдруг потемнело в глазах и он свалился с коня, потеряв сознание.

Царь Константин хвастливо приписывал убийство узурпатора себе. Но большинство полагало, что все это было результатом заговора. Яд, замешанный для него и выпитый им, во время движения внезапно поднялся к голове, проник в мозг, вызвал головокружение и падение. И был-де это приказ Василия, а выполнила его рука виночерпия при мятежнике. Я со своей стороны ясности в это дело не вношу, а все за счет богоматери отношу.

XVII. И вот тот, кто всегда был недосыгаем для мечей и копий, упал на землю. О, прискорбное и достойное жалости зрелище! Когда оба войска это увидели, мятежное сразу разбилось на части, его плотный строй разомкнулся, подался назад и побежал, приближенные царя поспешили к упавшему (ивиры уже рассеялись), разрезали его тело ножами на куски, а голову отрубили и доставили Василию²⁰.

XVIII. В результате всего этого царь сделался совсем другим, его не столько радовало случившееся, сколько удручало печальное положение дел. Он ко всем стал подозрителен и суров, в мыслях коварен, к провинившимся же питал гнев и злобу.

Удаление от дел и отставка паракимомена Василия

XIX. Он не желал больше уступать правления паракимомену Василию, тяготился этим человеком, всячески проявлял к нему ненависть и отвращение, и уже ничто, ни род, ни добрые дела, ни муки, принятые ради царя, ни высокий титул, не вызывало больше императорской благосклонности. Напротив, ему казалось невыносимым, что он, император, выйдя из младенчества, будто бы вовсе и не царь, а делит власть с кем-то еще и занимает в государстве второе место. Постоянно волнуемый такими мыслями, постоянно мучимый сомнениями, он в один прекрасный день, наконец, решился и сразу отстранил паракимомена от власти; при этом он не потрудился хоть как-то смягчить этот удар, но все сделал самым диким образом, которому нельзя найти никакого оправдания: посадил Василия на корабль и отправил в ссылку²¹.

XX. Нанесенный паракимомену удар стал для Василия не концом, а началом новых бедствий. Император мысленно вернулся к первым годам своего самодержавия, времени, когда делами стал заправлять паракимомен, припомнил обо всем им сделанном с той поры, того, что тот сделал на благо царя и для пользы государства, менять не стал, но попытался отменить многочисленные распоряжения, касавшиеся раздачи благодеяний и чинов, утверждая при этом, что знал только о первом, а о втором не имел никакого

понятия. Всеми способами старался царь нанести паракимомену ущерб и причинить горе. Так, например, он решил разрушить до основания великолепный монастырь, который тот соорудил в честь Василия Великого, по имени которого и был сам назван, монастырь, воздвигнутый с огромным трудом и необычайной роскошью, в котором пышность сочеталась с красотой и где благодаря нескудным дарениям всего было больше, чем нужно. Остерегаясь нечестия, он кое-что оттуда вынес, остальное сломал (утварь, мозаику), и не остановился до тех пор, пока, как он говорил в шутку, монастырь не превратился из места уединения в место раздумий²², поскольку его обитатели должны были раздумывать, где добыть себе еду²³.

XXI. Ежегодно подвергаясь, можно сказать, таким ударам, паракимомен в отчаянии не знал, как избавиться от страданий, и нигде не находил утешения. Свергнутый с высот власти, этот великий человек, чье сердце было преисполнено гордыни, перестал владеть собой; разбитый параличом и ставший мертвым еще при жизни, он вскоре испустил дух и сделался для нашей жизни истинным образцом и великой легендой, более того — примером коловращения всего, рожденного в этом мире. Василий умер, прожив отмеренную ему жизнь.

XXII. Император Василий, осознав, сколь многообразны царские заботы и что не простое и легкое это дело править таким государством, стал воздерживаться от всякой распушенности, отказался от украшений, не носил уже ни ожерелий на шее, ни тиары на голове, ни роскошных, отороченных пурпуром платьев, снял лишние перстни, сбросил пестро окрашенные одежды; он был постоянно сосредоточен и озабочен тем, как привести в царственную гармонию дела своей державы. Он стал с пренебрежением относиться не только к чужим людям, но даже к собственному брату, которому позволил иметь при себе лишь немногочисленную стражу, а в большей чести и пышности отказал из зависти. Ограничив прежде всего — об этом уже говорилось — самого себя и с легкостью отказавшись от чрезмерной роскоши, он мало-помалу ослаблял и власть брата и таким образом легко прибрал его к рукам. Предоставив тому наслаждаться прелестями полей, удовольствием от бань и охотой, любителем которой тот был, сам Василий обратился к терпящим бедствие пограничным областям, решив избавить державу от варваров, окружавших наши земли на востоке и западе.

Второе восстание Склира после гибели Фоки

XXIII. Однако осуществить это намерение Василию удалось лишь позже, так как в то время ему помешал выступить против варваров Склир, приковавший к себе все его внимание. Дело в том, что после гибели Фоки воины под его командованием, еще до

объединения со Склиром, обманувшись в надеждах на предводителя, разошлись и рассеялись; Склир же и бежавшие, а затем вернувшиеся вместе с ним образовали отдельную армию, не уступающую войску Фоки, и стали для царя ничуть не меньшей угрозой²⁴.

XXIV. Этот муж, хотя вроде бы и уступал Фоке силой, явно был более сведущ и изобретателен в том, что касалось полководческого искусства. Вот почему, подняв новое восстание против самодержца, он не захотел сойтись с ним в открытом бою, но укреплял и увеличивал благодаря новым пополнениям войско и оттого оказался еще более грозным противником. Не только так старался он одолеть самодержца, но задерживал столько судов, сколько ему нужно было для сопровождения, запер дороги, а все, что везли во дворец, забирал и хранил в большом количестве для нужд войска и, пристально следя, препятствовал тому, чтобы исполнялись распоряжения, доставляемые из столицы государственной почтой или передаваемые как-либо иначе.

XXV. Начавшееся летом восстание осенью не завершилось, один годовой круг не положил конца заговору, но зло это процветало в течение многих лет, ибо те, кто раз признал над собой власть Склира и присоединился к его войску, уже больше не мучались сомнениями и ни один тайком не перебежал к императору: так их сплотил и такую решимость вселил в них Склир, который покорял людей своей доброжелательностью, обязывал благодарениями, спаял друг с другом, ел с ними из одного котла и пил из одного кубка, каждого звал по имени и удостоивал похвалы.

XXVI. Чего только ни придумывал император против Склира, — тот быстро разрушал все его планы и как мудрый полководец его замыслам противопоставлял свои замыслы, его расчетам — свои расчеты. Увидев, наконец, что Склир для любых уловок неуязвим, Василий отправил к нему посольство с заданием склонить его к миру и уговорить прекратить мятеж и занять в государстве второе место после царского. Сначала Склир встретил эти предложения недоброжелательно, но потом, хорошенько обо всем поразмыслив, сравнил прошлое с настоящим, сопоставил с ним грядущее и, задумавшись о себе самом, уже угнетаемом старостью, дал послам себя убедить. К приему посольства он собрал для поддержки все войско и замирился с Василием на таких условиях: он снимет с головы корону, откажется от царского цвета, займет следующее после царя место, командиры отрядов и вообще все, участвовавшие в мятеже, останутся на прежних должностях и сохраняют свои чины, не потеряют владений, которые имели раньше или получили от него, и не лишатся никаких других пожалований.

XXVII. Стороны сошлись на таких условиях, и царь выступил из города, чтобы в одном из своих самых прекрасных поместий встретить Склира и заключить с ним мир. Император расположился под царским шатром, а этого мужа, не на коне, а пешего,

стража, препроводив издалека, привела к царю для беседы. Высокого роста и уже состарившийся, шел он, поддерживаемый под руки с обеих сторон, а император, который заметил его издали, обращаясь к стоящим неподалеку, произнес ныне широко известную фразу: «Того, кого я страшился, ныне ведут, как просителя»²⁵.

Склир же то ли намеренно, то ли по забывчивости, сложив с себя прочие знаки царского достоинства, не снял с ног пурпурные сандалии, но шел к царю как бы еще облеченный долей власти, и Василий, издалека увидевший это, рассердился и закрыл глаза, так как желал видеть его не иначе, как только в обычном облачении. И вот где-то около императорского шатра Склир снял и пурпурные сандалии и уже в таком виде зашел в палатку²⁶.

XXVIII. Император немедленно поднялся с места, они обменялись поцелуями, после чего приступили к беседе. Склир оправдывался и ссылался на причины, побудившие его замыслить и учинить мятеж, а царь милостиво принимал оправдания и относил все случившееся за счет злой судьбы. Распивая вино из одного с ним сосуда, царь поднес к губам поданный Склиру кубок и, немного отхлебнув, возвратил собеседнику — этим он рассеял его подозрения и засвидетельствовал святость мирного соглашения. Затем, обращаясь к Склиру как к военачальнику, он задал вопрос относительно государственных дел и спросил, каким образом сохранить ему незыблемым свое владычество, а тот в ответ высказал мысль коварную и недостойную полководца, а именно: упразднить пышные должности, никому из воинского сословия не давать богатства, но обирать их с помощью незаконных налогов, чтобы их мысли были заняты одними домашними делами, не вводить во дворец женщину, не подпускать к себе никого близко и не посвящать сразу многих людей в тайные замыслы²⁷.

XXIX. Этим закончилась их беседа. Склир отправился в отведенные ему владения и, недолго там прожив, расстался с жизнью²⁸. Что же касается царя Василия, то он всегда проявлял небрежение к подданным и, по правде говоря, утверждал свою власть скорее страхом, чем милостью. Став же старше и набравшись опыта во всех делах, и вовсе перестал нуждаться в мудрых людях, сам принимал все решения, сам распоряжался войском, гражданскими делами, управлял не по писаным законам, а по неписаным установлениям своей необыкновенно одаренной от природы души. Поэтому-то он и не обращал никакого внимания на ученых людей, но совершенно пренебрегал этим племенем (я имею в виду ученых). Приходится лишь удивляться, что при таком презрении царя к научным занятиям в те времена появилось немало философов и риторов, и я могу найти только одно подходящее и, как говорится, правдоподобное решение этой чудесной загадки: в те времена занимались науками не с какой-то посторонней целью, но интересовались ими ради них самих. Ныне, однако, большинство людей

относится к образованию совсем по-иному: они признают первой причиной ученых занятий пользу и, более того, ради нее одной науками и интересуются, причем сразу же от них отворачиваются, если не достигают цели. Однако оставим это.

XXX. Вернемся к императору. Прогнав варваров и, если можно так сказать, всеми способами прибрав к рукам собственных подданных, он не пожелал на этом остановиться, но сокрушил силу выдающихся родов²⁹, уравниал их с другими и своей властью начал распоряжаться с легкостью игрока в кости. Он окружил себя людьми, благородным нравом не блещущими, родом не знатными и в науках не сведущими, которым и поручал составление царских посланий, и доверял государственные тайны. Поскольку же в те времена царские ответы на доклады и прошения не отличались изысканностью слога, а были просты и бесхитростны (царь совсем не умел складно и изощренно говорить и писать), он соединял между собой приходившие ему на ум слова и диктовал их писцам, и в речи его не было никаких прикрас и никакого искусства.

XXXI. Оградив царство от надменной и завистливой судьбы, он не только гладко вымостил дорогу власти, но перекрыл каналы, через которые утекали поступавшие деньги, никому ничего не давал, к старым сокровищам прибавляя новые, и потому приумножил богатства государства. Дворцовую казну он увеличил до двухсот тысяч талантов³⁰, а кто сможет достойно описать другие его приобретения! Все, чем владели ивиры и арабы, все сокровища кельтов, богатства скифской земли, а вернее — всех соседних стран — все это он собрал воедино и вложил в царскую казну³¹. Туда же он отправил и там хранил деньги, взятые у тех, кто против него восставал и был разгромлен. Когда же в специально построенных хранилищах не хватило места, он велел вырыть подземные лабиринты, наподобие египетских склепов³², и в них спрятал немалую долю собранного. Сам, однако, он своими сокровищами не пользовался, и большая часть драгоценных камней, белоснежных, называемых жемчугами, и многоцветных, не вставлялись в короны и ожерелья, а лежали сваленные на полу. Совершая выходы и принимая должностных лиц, Василий облачался в пурпурное платье не ярких оттенков, а темное, и только несколько жемчугов свидетельствовали о его царском достоинстве. Проводя большую часть времени на войне, отражая варварские набеги и обороняя наши границы, он не только ничего не потратил из накопленного, но, напротив, приумножил свои богатства.

XXXII. Походы против варваров он совершал совсем не так, как это в обычае у большинства императоров, которые выступают в середине весны, а в конце лета уже возвращаются: время возвращения определялось для него достижением цели, ради которой он отправился. Он выносил зимнюю стужу и летний зной, томясь жаждой, не сразу бросался к источнику и был воистину тверд,

как кремень, и стоек ко всем телесным лишениям. Он досконально изучил военное дело — речь в данном случае идет не обо всем построении войска, не о взаимодействии отрядов, не о смыкании строя и его перестроении, а об обязанностях протостатов, гемилохитов³³ и тех, кто за ними, — и во время войны удачно пользовался своими знаниями. Поэтому он и не определял на эти должности случайных лиц, но знакомился со способностями и умелостью в бою каждого и только после этого назначал их на те посты, к которым они подходили нравом и выучкой.

XXXIII. Знал он и самые выгодные для отрядов способы построения, причем об одних вычитал из книг, другие изобрел сам, исходя из собственного опыта. Он умел распоряжаться и составлять план, как нужно вести бой и выстроить войско, но до самого дела был не очень охоч, ибо опасался, как бы не пришлось бежать от противника. Поэтому и занят он большей частью был тем, что располагал в засаде отряды, сооружал осадные машины, издали обстреливал неприятеля и наставлял боевому искусству легковооруженных воинов. Однако, вступая в сражение, Василий сжимал ряды по правилам тактики, как бы обносил армию стеной, смыкал войско с конницей, конницу с отрядами, а отряды с гоплитами³⁴ и никому ни в коем случае не позволял выходить вперед из рядов и нарушать строй. Если же кто-нибудь из самых сильных и удалых воинов вопреки приказанию выезжал из боевых порядков и, вступив в схватку с противником, побеждал, то его не удостоивали по возвращении венков и наград, а, напротив, немедленно удаляли из войска и наказывали, словно преступника. Ведь нерушимый строй Василий считал главным условием победы и полагал, что только благодаря ему неодолимо ромейское войско. Когда же воины выказывали недовольство строгим надзором и в лицо оскорбляли царя, он спокойно переносил их насмешки и благодушно, вполне разумно отвечал: «Иначе нам никогда не кончить войны».

XXXIV. Он делил себя между военными делами и заботами мирного времени и, если говорить правду, на войне проявлял больше коварства, а во время мира — царственности. Если какому-нибудь воину случалось проштрафиться в походе, царь скрывал гнев и хранил его, как огонь под золой, но по возвращении в столицу обнаруживал и вновь его раздувал, и тогда уже сурово карал провинившегося. Большею частью он оставался тверд в своих приговорах, но бывало, что и менял гнев на милость; при этом он нередко доискивался до причины преступления и тогда не наказывал за следствия. Иногда он поддавался состраданию, иногда иным соображениям и чувствовал расположение к провинившемуся. Подвигнуть его на какое-нибудь дело было нелегко, но и от решений своих отказываться он не любил. Поэтому к тем, кому благоволил, Василий без крайней нужды не менял отношения, но и не скоро прощал навлекших на себя его гнев, и были для него собственные мнения судом окончательным и божественным.

Внешность царя

XXXV. Таков был характер царя. Внешность же Василия свидетельствовала о благородстве его природы. Очи его были светло-голубые и блестящие, брови не нависшие и не грозные, но и не вытянутые в прямую линию, как у женщин, а изогнутые, выдающие гордый нрав мужа. Его глаза, не утопленные, как у людей коварных и хитрых, но и не выпуклые, как у распущенных, сияли мужественным блеском. Все его лицо было выточено, как идеальный, проведенный из центра круга, и соединялось с плечами шеей крепкой и не чересчур длинной. Грудь вперед слишком не выдавалась, но впалой и узкой также не была, а отличалась соразмерностью. Остальные члены ей соответствовали.

XXXVI. Роста он был ниже среднего, соразмерного величине членов и вовсе не горбился. Пешего Василия еще можно было с кем-то сопоставить, но, сидя на коне, он представлял собой ни с чем не сравнимое зрелище: его чеканная фигура возвышалась в седле, будто статуя, вылепленная искусным ваятелем. Несла ли его лошадь вверх или вниз, царь держался твердо и прямо, натягивая поводья и осаживая коня, вздымал птицей вверх и не менял своего положения ни на подъемах, ни на спусках. К старости волосы под подбородком у него поредели, а на щеках стали густыми и разрослись, спускаясь с обеих сторон и обрамляя лицо, они образовали круг, и казалось, что борода у него растет повсюду. Василий имел обыкновение теревить подбородок, особенно когда возгорался гневом, занимался делами или предавался размышлениям. Другой его привычкой было, расставив локти, упереться пальцами в бедра. Его речь не была гладкой, он не округлял фраз и не распространял периодов, запинаясь и делал короткие паузы, скорей как деревенщина, нежели человек образованный. Смеялся он раскатисто, сотрясаясь всем телом.

XXXVII. Этот царь, как кажется, прожил дольше всех других самодержцев. С рождения и до двадцатилетнего возраста он царствовал совместно с отцом — Никифором Фокой, а затем с Иоанном Цимисхием и у всех них находился в подчинении, потом в течение пятидесяти двух лет он был самодержцем. Умер же Василий на семьдесят втором году жизни³⁵.

КОНСТАНТИН VIII

I. После смерти Василия власть взяв в свои руки его брат Константин. Все уступили ему владычество, поскольку умирающий император, призвав Константина во дворец, сам вручил ему бразды правления. Во главе государства он встал на семидесятом году жизни и как человек нрава мягкого, с душой, падкой до всяческих удовольствий, найдя казну полной денег, дал волю своим наклонностям и предавался наслаждениям.

II. Сочинение, ему посвященное¹, так рисует этого мужа. Он был беспечного нрава и не слишком властолюбив, при сильном теле был труслив

душой. Уже старик, не способный вести войну, он раздражался от любого дурного известия, и когда наши соседи-варвары поднялись против нас², успокаивал их титулами и дарами, с составшими же подданными справлялся беспощадно и если видел в ком бунтовщика и мятежника, наказывал без следствия и принуждал к повиновению не милостью, а жестокими и разнообразными пытками. Человек вспыльчивый, он легко поддавался гневу, верил любым наговорам, особенно если подозревал, что кто-то покушается на царскую власть, и карал за это сурово: злоумышленников он не подвергал опале, не изгонял и не заключал под стражу, а немедленно выжигал им глаза железом. Такое наказание он определял всем за проступки тяжелые и легкие, независимо от того, действительно человек виновен или только дал пищу для слухов, — ведь царь не заботился, чтобы наказание соответствовало прегрешению, а хотел лишь избавить себя от беспокойства. Кара эта казалась ему самой легкой, и он предпочитал ее другим, так как она делала подвергшихся наказанию беспомощными существами. Он применял ее без разбору к людям большим и малым,

а порой расправлялся и с церковнослужителями, не жалея даже епископов, ибо, поддавшись внезапной ярости, становился неумолим и глух к любым увещаниям³. При такой вспыльчивости Константин, однако, не был лишен и сострадательности, не любил зрелища чужих несчастий и был добр к искавшим его сочувствия. Да и гнев его длился не долго, как у его брата Василия, а быстро проходил, и он горестно раскаивался в содеянном. При этом, если кто-нибудь вовремя гасил его ярость, он воздерживался от наказаний и благодарил остановивших его. Когда же препятствий не оказывалось, гнев увлекал его ко злу, но при первых же извинениях Константин начинал терзаться, горячо обвинял пострадавшего, проливал слезы и оправдывался в жалостных речах.

III. Благодетельствовать подданных он умел лучше любого другого императора, однако в милостях не соблюдал справедливого равенства и близким своим оказывал благодеяния без всяких границ, раздавал им золото, как песок, а в отношении людей от него далеких проявлял эту добродетель в меньшей степени. Окружение же его составляли большей частью те, кого он еще в детстве велел лишить детородных членов и взял к себе в качестве доверенных и домашних слуг. Эти люди не принадлежали к благородному и свободному сословию, но были чужеземцами и варварами. Получившие от Константина образование и воспитанные им по его образу и подобию, они были удостоены наибольшего почета и уважения. Позорная участь этих людей искупалась их нравом: они были великодушны, не жадны до денег, щедры и обладали другими прекрасными и благородными свойствами⁴.

IV. Этот император еще в юные годы, когда самодержцем стал его брат Василий, женился на женщине из благородного и почтенного рода, по имени Елена, дочери небызвестного Алипия, в то время человека весьма значительного. Жена, прекрасная лицом и добрая душой, умерла, родив императору трех дочерей⁵. Она рассталась с жизнью, прожив отмеренные ей годы, а дочери, оставаясь во дворце, получали царское воспитание и образование. Император Василий к ним был весьма расположен и очень их любил, но большой заботы не проявлял и, сохраняя императорскую власть для брата, ему и поручил пещся о дочерях.

V. Старшая из них не была похожа на свою родню, обладала ровным характером и не блистала красотой, ибо еще в детстве была обезображена заразной болезнью. Средняя, которую в ее пожилые годы мне довелось видеть самому, имела нрав царственный, наружность великолепную, характер величественный и полный достоинства — я расскажу о ней подробно в своем месте, ибо сейчас я только кратко упоминаю о сестрах. Третья ростом была высока, речью отличалась сжатой и гладкой, но красотой уступала сестре. Император, их дядя Василий, умер, так и не проявив о них истинно царской заботы, да и отец, придя к императорской власти,

не принял никакого разумного решения, если не считать того, как он уже перед смертью распорядился в отношении средней, самой из них царственной, — но об этом расскажу позже. Эта сестра, как и младшая, согласна была с волей дяди и отца и ни о чем большем не помышляла; старшая же, по имени Евдокия, или не желая властвовать, или стремясь к высшей участи, попросила отца посвятить ее богу. Тот немедленно согласился и отдал всевышнему свое дитя как дар и приношение сердца. В отношении же других помыслы его оставались тайной. Но об этом пока ни слова.

VI. Расскажем, однако, о самодержце, ничего не прибавляя и ничего не отнимая от действительности. Приняв на себя всю полноту власти, он, неспособный истощать себя заботами, поручил дела людям ученым, а на себя взял только прием послов и некоторые другие обязанности полегче, при этом восседал с царственным видом и, пускаясь в словопрения, поражал всех слушателей доводами и доказательствами. С науками он был не очень знаком и лишь слегка, по-ученически причастен к эллинской образованности. Но, человек по природе способный и приятный, владея бойким и изящным слогом, он прекрасными речами помогал появляться на свет мыслям, рожденным в его душе. Несомненно, и некоторые из императорских посланий он диктовал сам (это составляло предмет его гордости), и самая проворная рука не поспевала за его речью, а ведь у него не было недостатка в искусных и быстрых писцах, какие встречаются не часто; цепenea от скорости речи, они записывали поток его мыслей и слов специальными значками⁶.

VII. При огромном, почти в девять стоп, росте, он был еще и очень силен, обладал здоровым желудком и от природы приспособлен к поглощению пищи. Искусный кулинар, он добавлял к блюдам приправы для цвета и запаха и возбуждал свою природу к чревоугодию. Раб желудка и любовных желаний, он подвергся болезни суставов, и особенно мучили его ноги, так что он даже ходить был не в состоянии. Поэтому после прихода к власти никто не видел, чтобы он отважился передвигаться на своих ногах, в седле же сидел вполне уверенно.

VIII. Особенно самозабвенно любил он зрелища и ристания, всерьез занимался ими, менял и по-разному сочетал коней в упряжи, думал о заездах, а также восстановил и ввел в театре⁷ давно забытые состязания босиком и не наблюдал за ними, как подобает царю, а сам вступал в борьбу с соперниками, требуя при этом, чтобы противники не поддавались ему, как императору, но упорно сопротивлялись и давали ему возможность одержать над ними еще более доблестную победу. Он также любил разглагольствовать о состязаниях и приноравливался к нравам простых горожан. Не меньше театров любил он охоту, выносил зной, выдерживал холод, превозмогал жажду и особенно искусен был в схватках с дикими

зверями; ради этого он обучился стрелять из лука, метать копьё, ловко обнажать меч и поражать стрелой цель.

IX. Насколько он пренебрегал своими царскими обязанностями, настолько был увлечен игрой в кости и шашки. Эта забава его увлекала, и он так ею бредил, что во время игры не обращал внимания на ожидавших его послов и отказывался разбирать самые неотложные дела, не отличал ночи от дня и при огромном своем аппетите вовсе воздерживался от пищи, если только хотел бросать кости. Так вот к нему, делающему ставкой в игре империю, и приблизилась смерть, и вместе со старостью пришло неизбежное угасание природы. Почувствовав приближение конца, он, то ли вняв чужим советам, то ли сам поняв эту необходимость, стал искать наследника, которому собрался отдать в жены среднюю дочь. Однако, поскольку он никого из членов синклита⁸ до того времени не наметил, ему было трудно сделать определенный выбор.

X. Жил в то время некий муж — один из первых в синклите, возведенный в сан епарха (это царственное достоинство, хотя и без пурпура)⁹, который с ранних лет был женат и потому оказался негодным в преемники. Родом и достоинством он был самым подходящим человеком, но к жене своей относился отнюдь не философски, и из-за этого его женитьба на императорской дочери представлялась всем весьма затруднительной¹⁰. Так обстояли дела с этим мужем. Но император Константин, которому приближающаяся смерть не позволяла быть чересчур разборчивым и уже не оставалось времени для раздумий, признал прочих недостойными царского свойства и на всех парусах души своей устремился к этому мужу. Зная, однако, что его жена противится этим планам, он сделал вид, будто сурово гневается на мужа и послал людей, чтобы подвергнуть его жестокому наказанию, а ее принудить к отречению от мирской жизни. Не разглядев тайного замысла и не поняв, что царский гнев — одно притворство, жена сразу же поддалась на уловку, обрезала себе волосы, сменила одежды на черные и ушла в монастырь. Роман же (таково было имя мужа) прибыл во дворец, чтобы породниться с царем, и как только увидел прекраснейшую из дочерей Константина, так сразу и вступил с ней в царское супружество¹¹. Ее же отец, прожив ровно столько, сколько надо было, чтобы увидеть свершение брака, умер, оставив власть зятю Роману¹².

РОМАН III

I. Итак самодержцем становится зять покойного Роман, Аргиропул по названию рода¹. Новый император считал свое правление только началом цепи и, поскольку царская семья потомков Василия Македонянина² со смертью тестя Константина прекратила существование, думал о продолжении рода. Он рассчитывал не только править сам, но и передать власть наследникам; в действительности же, прожив очень недолгое время, да и то в болезнях, он скоро испустил дух, о чем я расскажу подробно дальше. Отныне мое историческое повествование станет более де-

тальным. Ведь император Василий умер, когда я был младенцем, Константин — когда я только изучал начатки наук, рядом с ними я не находился, их не слышал и не знаю даже, видел ли, — в детской памяти такого случая не сохранилось, Романа же я сам видел, а однажды и разговаривал с ним. Поэтому о первых двух императорах я рассказывал с чужих слов, этого же опишу сам, ни у кого никаких сведений не заимствуя.

II. Этот муж был воспитан на эллинских науках и приобщен к знаниям, которые доставляются наукой латинской³, отличался изящной речью, внушительным голосом, ростом героя и истинно царской внешностью. Однако о знаниях своих мнил много больше, чем они заслуживали; мечтая к тому же уподобить свое царствование правлению знаменитых древних Антонинов, мудрейшему философу Марку и Августу⁴, он посвятил себя двум занятиям: наукам и военному делу, но в последнем был совершенно невежествен, науки же знал поверхностно и неглубоко. Самомнение и напряжение сверх меры сил души ввели его в заблуждение в вещах весьма значительных. Тем не менее он раздувал любую тлевшую под зо-

лой искру мудрости и собрал все ученое племя — я имею в виду философов, риториков и всех тех, кто занимались или, по крайней мере, считали, что занимаются науками.

III. То время произвело на свет немногих ученых, да и те дошли лишь до преддверия аристотелевской науки, а из Платона толковали только о символах, не знали ничего сокровенного и того, о чем рассуждают люди, знакомые с диалектикой и наукой доказательств. Не имея четких понятий, царь ложно судил об этих философах. Хотя предпосылки проблем были заложены еще в наших священных речениях⁵, большая часть трудных вопросов так и осталась без решения, они же искали, как совместить целомудрие и зачатие, деву и плод⁶, и исследовали предметы сверхъестественные. И вот его царствование приняло тогда философское обличье, но было это маской и притворством, а не исканием и познанием истины.

IV. Едва успевал Роман произнести несколько слов, как вновь обращался к щитам, заводил речь о поножах и панцирях; ведь намерением его было разгромить всех варваров, восточных и западных, и хотел он их не словом покорить, а оружием одолеть. Если бы эти две страсти были не баловством и хвастовством, а истинным стремлением, он принес бы немало пользы государству, но дальше намерений он не пошел; более того, возбуждав радужные надежды, сам же их, можно сказать, и разрушил своими делами. Однако мой рассказ, не миновав еще и введения, уже поспешно стремится к концу — вернемся же к истокам правления Романа.

V. Предпочтенный другим и удостоенный диадемы, он поверил пророчествам и вообразил, будто сможет находиться на престоле долгие годы и даст начало роду, из которого выйдет много царей; при этом он, казалось, и не понимал, что дочь Константина, с которой он соединился после прихода к власти, уже вышла из возраста, когда можно забеременеть, и чрево ее сухо для деторождения (ей было уже пятьдесят, когда она вышла замуж за Романа). Но собственные желания были для Романа выше неспособности тела, поэтому он, пренебрегая главным условием, без которого невозможно зачатие, обратился за помощью к тем, кто хвастал, будто они умеют одолевать и вновь возбуждать природу, и велел умащать и притирать свое тело, предписав то же самое и жене. А она старалась и того больше, совершала множество магических обрядов, подвешивала к телу какие-то камешки, прикрепляла амулеты, обвязывалась веревками и носила всякую чепуху на теле. Однако, поскольку надежды не оправдались, император от всего этого отказался и стал уделять жене все меньше внимания. А был Роман, говоря правду, характером вялый и телом ослабленный — ведь он десятью годами был старше царицы.

VI. Роман сначала щедро раздавал государственные должности, был великодушней большинства самодержцев в царских по-

жалованиях, дарах и милостях, но потом с ним произошла странная и неожиданная метаморфоза: вихрь раздач быстро улегся, сразу задув, он вскоре и выдохся, царь стал непохож на самого себя и обстоятельствам более не соответствовал; при этом он не спускался вниз постепенно и расчетливо, а стремительно скатился вниз с высочайшей вершины. Что же до царицы, то ее волновали две вещи: недостаток мужниной любви и невозможность тратить деньги без счета, ибо император закрыл для нее дверь казны, опечатав сокровищницу, и жила она на отмеренные ей суммы. Поэтому она возненавидела царя и советчиков, которых он слушался, а те, конечно, знали об этом и тем более ее остерегались, особенно же сестра самодержца Пульхерия, женщина большого ума и для него небесполезная. Сам же царь к этим подозрениям относился беспечно, будто вступил в договор о царстве с некоей высшей силой и от нее получил залог неколебимого величия.

VII. Задумав добыть славу боевыми трофеями, он приготовился воевать с восточными и западными варварами, однако потом решил, что победа на западе, если он даже легко ее завоеует, не принесет ему серьезной пользы, а вот если он двинется на страну, где встает солнце, то прибавит себе величия и будет с гордым видом вершить царскими делами. Вот почему за отсутствием истинной причины он выдумал мнимый предлог для войны с сарацинами, живущими в Келесирии (их столица на местном языке называется Халеб)⁷, собрал против них войско, умножил его ряды, изобрел новые боевые порядки, сколотил союзные отряды и набрал пополнение, чтобы одним ударом покончить с врагом. При этом он считал, что сто́ит ему сверх обычного предела увеличить войско, создать огромную армию и двинуть на врага эти полчища ромеев и союзников, как никто уже не сможет выдержать его натиска. И хотя высшие военачальники высказывали опасения и отговаривали его от похода, он велел уже готовить роскошные венки, которые должны были увенчать его, когда он станет провозглашать победу.

VIII. Сочтя подготовку к походу законченной, он выступил из Византии и направился в Сирию⁸. По прибытии в Антиохию Роман совершил торжественный въезд в город, и процессия его выглядела царственно, но скорее театрально, чем по-боевому, и не могла поразить воображения неприятелей. Варвары же, посоветовавшись меж собой и разумно рассудив, прежде всего отправили к самодержцу послов с сообщением, что воевать они не желают, предлога для войны не давали, мирные соглашения соблюдают, прежних клятв не преступают и договоров не нарушают, но раз уж над их головами занесен меч, то и они, если император останется непреклонным, приготовятся (только сейчас) к войне и будут уповать на удачу в бою⁹. На этом стояли послы; что же до импера-

тора, то он, будто рожденный лишь для того, чтобы располагать и строить в боевые ряды войско, устраивать засады и набеги, копать рвы, отводить реки, разорять крепости и делать все, чем, как известно, занимались знаменитый Траян, Адриан, еще раньше цезарь Август, а до них Александр, сын Филиппа, отправил назад посольство (ведь оно было мирным!) и с еще большим усердием продолжал готовиться к битве, при этом не отбирал для своих целей лучших людей, а отдавал предпочтение простым воинам, на которых главным образом и надеялся.

IX. Когда он выступил из Антиохии, на холмах неожиданно показался отряд варварских воинов, засевших в засаде по обе стороны дороги. Вооруженные как попало, без доспехов, эти смельчаки боевыми криками и внезапным появлением навели ужас, оглушили наших воинов конным топотом и произвели впечатление огромных полчищ, ибо не двигались сомкнутым строем, а беспорядочно скакали отдельными группами. Они внушили такой страх, внесли такую сумятицу в ряды этого огромного войска и так сломали волю людей, что все, в каком были виде, так и помчались, ни о ком и ни о чем больше не помышляя. Верховые повернули и пустили вскачь коней, остальные, не теряя времени, чтобы оседлать лошадей, отдавали их первому попавшемуся, а сами, кто как мог, искали спасения в беспорядочном бегстве или скитаниях. Случившееся тогда превзошло все ожидания: те, которые благодаря своей воинской выучке и боевым порядкам покорили всю землю и, казалось, были неуязвимы для любых варварских полчищ, не выдержали одного вида врагов, были как громом оглушены и до глубины души напуганы их криками и пустились в бегство, будто понесли сокрушительное поражение. Первыми поддались панике телохранители императора, которые бросили самодержца и понеслись без оглядки. И если бы какой-то человек не подсадил его на коня, не подал узду и не велел удирать, может быть, и попал в руки врагов тот, кто надеялся потрясти всю земную твердь. Более того, если бы в тот день бог не сдержал натиска варваров и не внушил им благоразумия в удаче, ничто не спасло бы от гибели ромейского воинства, и прежде всего самого самодержца¹⁰.

X. И вот наши в панике удирали, а враги, оказавшись простыми свидетелями своей нежданной победы, стояли в изумлении от такого беспричинного отступления и бегства. Затем, взяв в плен нескольких воинов (да и тех, в ком только узнали людей знатных), с остальными возиться не стали и бросились за добычей. Прежде всего, они сняли царский шатер, который мог бы поспорить с иными из нынешних дворцов, столько в нем было ожерелий, браслетов, венцов, жемчугов и других богатств, всего самого великолепного! Числа этих драгоценностей было не измерить, а красотой не налюбоваться, столько и такой роскоши хранилось в царской палатке. Сначала они сняли шатер, затем собрали и

другую добычу и, груженные ею, вернулись к своим товарищам. Это о варварах. А между тем царь, оторвавшись от варварского отряда, поскакал туда, куда помчались его пыл и ноги его коня, а потом остановился на холме, откуда был хорошо заметен для бегущих и убегающих (его можно было узнать по цвету сандалий); он собрал вокруг себя многих беглецов и встал, окруженный ими. Вскоре слух о нем распространился, подошли и другие воины, затем появилась перед ним и икона божьей матери, которую ромейские цари обычно везут с собой в походах как предводительницу и хранительницу всего войска — одна только она и не попала в руки врагов.

XI. Увидев сладостный лик — царь всегда ревностно почитал эту святыню, — он тотчас воспрянул духом, обнял, не сказать как горячо прижал ее к сердцу, оросил слезами, доверительно заговорил с нею, напомнил о благодеяниях и поборничестве, когда она не раз вызволяла и спасала Ромейскую державу в опасности. Обретя ее милостью мужество, он, сам только что беглец, принялся упрекать бегущих, ободрять их криками и останавливать; воины по голосу и виду узнавали царя, собралась большая толпа, и он прежде всего вместе с ними отправился к наскоро разбитой палатке. Расположившись там на ночлег, он наутро после недолгого отдыха позвал начальников войска и предложил им обсудить, что делать дальше. Все стали советовать вернуться в Византий и уже там обдумать случившееся, и царь, согласившись с их мнением, выбрал для себя самое разумное и отправился в Константинополь.

XII. Потом царь очень раскаивался в своих действиях, терзался душой от пережитых огорчений, резко переменялся и обратился к образу жизни, для него непривычному. Надеясь попечением о казне восстановить в прежних размерах все утраченное, он ходил больше на сборщика налогов, нежели императора, ворошил и исследовал дела еще Евклидовых времен¹¹ и строго взывал с детей долги их давно забытых отцов, споры тяжущихся сторон не разбирая, в защиту ни одной из них не высказывался и приговоры выносил не иначе, как в свою пользу. В результате народ весь разделился на две части: более достойные изображали себя людьми простодушными и далекими от государственных дел — их император и в грош не ставил, те же, кто был готов на все и искал корысти в чужой беде, своей испорченностью только подбрасывали хворост в костер, разожженный самодержцем. И все кругом наполнилось смятением и беспорядком; самое же страшное, что, хотя множество людей обиралось догола, казна от этих поборов ничего не получала, поток же денег устремился в другом направлении. Расскажу подробнее, куда именно.

XIII. Этот царь старался казаться благочестивым. Он и в действительности пекся о божественном, но притворство было в нем

сильнее истины, и казаться значило для него больше, чем быть. Поэтому он весьма усердно занимался божественными вопросами, исследовал причины и смысл, познать которые наукой невозможно, если не обратиться к Уму и непосредственно от него не получить объяснение сокровенного. Он же не слишком много философствовал о здешнем мире, не обсудил этих вопросов с философами (если, конечно, им можно незаконно присвоить это наименование за знакомство с начатками аристотелевского учения), а брался размышлять о вещах глубокомысленных и, как сказал один из наших мудрецов, постижимых для одного лишь Ума¹².

XIV. Таков был первый вид его благочестия. Кроме того, завидую знаменитому Соломону, строителю прославленного храма¹³, и ревнуя к славе самодержца Юстиниана, соорудившего великую церковь, носящую имя несказанной божественной мудрости¹⁴, он и сам принялся воздвигать храм божьей матери, но при этом сделал много плохого и благочестивая цель стала поводом для дурных дел и многих вопиющих несправедливостей. Расходы непрерывно росли, и денег каждодневно собиралось еще больше, чем нужно было для строительства. Царь считал своим злейшим врагом всякого, пытавшегося соблюсти меру, и немедленно причислял к ближайшим друзьям тех, кто изобретал всевозможные излишества. Раскапывались целые горы, горнорудное дело ценилось выше самой философии, одни камни обкалывались, другие полировались, третьи покрывались резьбой, а мастера этого дела почитались не меньше Фидия, Поллигнота и Зевксиды¹⁵, а ему все было мало для сооружения храма! Двери царской сокровищницы распахнулись настезь, золото потекло рекой, но источники истощались, а строительство так и не прекращалось, ибо постройки разбирались одна за другой и, исчезнув, возрождались вновь, то размерами побольше, то с украшениями поизысканнее. Как впадающие в море реки еще до впадения теряют по пути большую часть воды, так и стекавшиеся туда деньги до срока растрачивались и исчезали.

XV. Человек вроде бы весьма благочестивый, царь с самого начала поступал дурно, пуская на ветер для сооружения храма деньги, собранные налогами. Прекрасно, как говорит песнопевец, любить благолепие дома господня и обитель славы его, и лучше много раз подвергнуться в нем презрению, нежели вкусить счастья из иного источника¹⁶. Ибо прекрасно это, и кто из возревновавших господа и горящих его огнем скажет что вопреки? Но пусть не оскверняется это благочестивое намерение, не свершается множество несправедливостей, не приходит в смятение общее дело и не губится тело государства. Ведь тот, кто отверг цену блудницы и, как от пса, презрел жертву преступника¹⁷, не вошел бы в роскошный и великолепный дом, ради которого было содеяно много зла. Чем могут споспешествовать божественному благоче-

стию соразмерность стен, окружность колонн, развешанные ткани, роскошные приношения и прочее великолепие, если для этого достаточно ума в божественных одеяниях, души, окропленной духовным пурпуром, соразмерности дел, благочиния мысли и, того более, простоты духа, из коих внутри нас сооружается иной храм, любезный и приятный господу? Роман же умел мудрствовать на словах, знал силлогизмы, сориты и утиды¹⁸, но на деле вел себя не как мудрец. Если уж нельзя было не злоупотреблять внешними украшениями, то следовало позаботиться о дворце, украшать акрополь, восстановить разрушенное, пополнить казну и деньги предназначить на военные нужды, а он этим пренебрег и ради того, чтобы его храм превзошел красотой прочие, погубил все остальное. Если позволено так сказать, он бредил храмом и готов был им любоваться, не отрывая глаз. Поэтому он и придал ему вид царского дворца, установил троны, украсил скипетрами, развесил пурпурные ткани и сам проводил там большую часть года, гордясь и восхищаясь красотой здания. Желая почтить богородицу самым красивым именем, он, сам того не заметив, дал церкви наименование, скорей подходящее смертной женщине, ибо слово «перивлепт» означает «восхитительная»¹⁹.

XVI. Потом к зданию добавили еще одну пристройку, превратили храм в прибежище для монахов, и это стало источником новых несправедливостей и излишеств, пуще прежних. Роман не почерпнул столь много из арифметики или геометрии, чтобы ограничить чем-либо величину или число, подобно геометрам, которые ограничивают множество²⁰, но, словно рассматривая здание как бесконечную величину, до бесконечности увеличивал и число монахов. Отсюда и другая пропорция: толпы монахов относились к величине монастыря так, как поступающие припасы к толпам монахов. Поэтому искали новую вселенную, разведывали море за Геракловыми столбами²¹: первая должна была доставить спелые плоды, второе — огромных, размером с китов, рыб. Полагая, видимо, ложным утверждение Анаксагора о беспредельности миров, он отсек большую часть нашего материка и отдал его храму. И вот величина следовала за величиной, толпа за толпой, всякое новое излишество превосходило предыдущее, и не было ничего, что бы остановило или положило предел этой расточительности. Роман, видимо, так и не перестал бы громоздить одно на другое, если бы жизни его не был положен конец.

XVII. Рассказывают и о причине, по которой оборвалась его жизнь. Перед тем как сообщить о ней, скажу следующее. Ко всему прочему этот царь оказался неспособен к общению с женой. То ли он с самого начала стремился к целомудренной жизни, то ли, как утверждают многие, предался любовным утехам с другими женщинами, во всяком случае, Роман пренебрегал царицей, от соитий с нею воздерживался и питал отвращение ко всякому общению

с Зоей. А она возненавидела Романа из-за оскорбления, нанесенного в ее лице царскому роду, и особенно из-за страсти к соитию, которую — вопреки возрасту — поддерживала в ней изнеженная жизнь во дворце.

Представление во дворец Михаила его братом

XVIII. Это только вступление к рассказу — события же развивались следующим образом. У Романа еще до восшествия на престол среди прочих находился в услужении некий евнух, происхождения простого и низкого, но характера весьма деятельного²². Он был еще приближенным самодержца Василия, который доверял ему тайны, и хотя не возводил ни на какие высшие должности, питал к нему искреннее расположение. У него был брат, до начала царствования Романа еще мальчик, затем юноша во цвете лет с пробивающейся бородой. Был он и телом прекрасно сложен, и с лицом совершенной красоты, сверкающими глазами и воистину розоволастый. Этого юношу брат представил императору — такова была царская воля, — в то время как тот восседал вместе с императрицей. Когда оба они вошли, император взглянул на юношу, задал несколько коротких вопросов и велел выйти, но остаться во дворце. Что же до его супруги, то пламя, столь же яркое, как и красота юноши, ослепило ее глаза, и покоренная царица сразу же впитала в себя от этого сокровенного соития семя любви к нему. Однако до поры до времени ее любовь оставалась для всех тайной.

XIX. Не в силах ни отнестись к своей страсти по-философски, ни обуздать ее, она часто заговаривала с евнухом, которым раньше пренебрегала и, начиная издали, как бы мимоходом заводила речь о его брате, внушала тому надежды и велела посещать ее, когда он только пожелает. Юноша же, еще не догадываясь о ее сокровенных желаниях, счел это признаком благоволения и, повинуясь приказу, стал приходить к ней со смиренным и робким видом. Однако стыдливость озаряла его еще большей красотой, красила в пурпур и окружала багряным сиянием. Императрица старалась освободить юношу от страха, улыбалась, распрямляла на лбу грозные складки и, как бы намекая на любовь, побуждала к решительности. Когда же она дала возлюбленному явные доказательства любви, то и он стал отвечать ей тем же, сначала не очень смело, а затем все более откровенно и повел себя, как настоящий влюбленный: внезапно обнимал и целовал царицу, гладил ее руки и шею, действуя так, как его вышколил брат. Царица все сильнее льнула к юноше и отвечала на его любовные ласки, а он не испытывал к престарелой императрице никакого влечения и только зарился на царское достоинство, ради которого был готов на что угодно.

До поры до времени обитатели дворца строили одни только предположения и не шли дальше подозрений, но позднее, когда любовь их бесстыдно себя обнаружила, о ней узнали все и происходящее уже ни от кого не оставалось в тайне; начав с поцелуев, они дошли до сожительства, и многие заставляли их покоящимися на одном ложе. Он при этом смущался, краснел и пугался, а она даже не считала нужным сдерживаться, на глазах у всех обнимала и целовала юношу и хвасталась, что не раз уже вкушала с ним наслаждения.

XX. Я не удивляюсь, что она украшала и, как статую, покрывала его золотом, окружала сиянием перстней и шитых золотом одежий. И чего только не сделает для своего возлюбленного влюбленная императрица! Втайне от всех она время от времени сажала юношу на царский трон, вкладывала в руку скипетр, а раз даже увенчала короной, при этом она снова и снова обнимала его, называла статуей, радостью глаз, цветом красоты и отрадой души. Такое она проделывала нередко и не сумела уберечься от глаз одного соглядатая. Это был евнух, человек весьма высокопоставленный при дворе, уважаемый за свой образ жизни и чин, отцовский слуга императрицы. Увидев столь необычное зрелище, он так был поражен, что чуть не лишился дара речи, однако Зоя привела его в чувство, вывела из смятения и велела преданно служить юноше, как тому, кто и ныне царь, а в будущем станет истинным самодержцем.

XXI. Очевидное для всех оставалось тайной от императора — такой туман застилал ему очи. Хотя его зрачки озаряло сверканье молний, а уши оглушало грохотание грома и он видел молнию и слышал гром, тем не менее сам как бы добровольно закрывал глаза и затыкал уши. Вот пример: Роман, часто почивавший с царицей, еще не успев улечься на обтянутое пурпуром ложе, посылал за этим юношей (только за ним!) и приказывал ему растирать и массировать ноги, использовал его как спальничего и для того же самого отдавал в его распоряжение жену. Когда сестра Пульхерия и некоторые из служащих опочивальни раскрыли и обнаружили готовящееся на царскую жизнь покушение и посоветовали принять меры предосторожности, он вместо того, чтобы выдумать для осуществления своего замысла какой-нибудь предлог, убрать тайного прелюбодея и расстроить все действие, ничего не стал предпринимать и не прибег ни к какой уловке, а только призвал к себе влюбленного, а вернее — любимого, и стал выпрашивать о его любви. И когда тот изобразил, будто ни о чем понятия не имеет, дал заверения, поклялся на святынях и принес лживые клятвы, император счел предостережения других людей наветами, слушал уже только юношу и называл его не иначе, как своим верным слугой.

XXII. Было еще и нечто другое, что помогало тому избежать подозрений императора. С детства юноша страдал тяжелым недуг-

гом, время от времени его мозг постигало расстройство, при этом он ни с того ни с сего неожиданно возбуждался, вращал глазами, падал на землю, бился головой и долгое время сотрясался в конвульсиях, затем снова приходил в себя и постепенно возвращался в обычное состояние. Видя, что он подвержен такой болезни, император жалел припадочного юношу, верил в его безумие и не верил в эту любовную связь и утехи. Многим, однако, его болезнь представлялась лишь предлогом и прикрытием для коварных замыслов, и это подозрение было бы справедливо, если бы позже, уже императором, он не страдал от того же недуга. Однако отложим это до рассказа о его царствовании — пока что беда шла ему на пользу, и неподдельное страдание служило ему прикрытием в осуществлении его намерения.

XXIII. Уговорить самодержца в том, что любящие вовсе и не любят, было делом нетрудным — он легко дал себя убедить. Как я слышал от одного из прежних дворцовых служащих, который знал об этой любовной истории императрицы и снабдил меня сведениями для моего сочинения, Роман сам как бы хотел верить в то, что царица не состоит в любовной связи с Михаилом, но в то же время, зная, что она весьма любвеобильна и переполнена страстью, и не желая, чтобы эта страсть излилась сразу на многих людей, не возражал против ее связи с одним любовником, делал вид, будто ничего не замечает, и потворствовал царицыной страсти.

Рассказывали мне и иное. Сам император-де спокойно относился к любовным чаяниям или, лучше сказать, отчаянной любви своей супруги, а возмущались ею его сестра Пульхерия и все поверенные в ее тайны. И вот против них началась настоящая война, полки шли в открытую, но о трофеях только строились догадки: царская сестра вскоре умерла, та же судьба неожиданно постигла и одного из ее сообщников, по воле царя покинул дворец другой, а остальные или смирились с происходящим, или попридержали языки, и любовь уже не творилась втайне, а совершалась как бы законно.

Болезнь царя

XXIV. Что же дальше? Тяжелая и необычная болезнь постигла самодержца. Все тело его вдруг подверглось гниению и порче, аппетит исчез, сон быстро отлетел, и все дурное на него наваливалось: жесткость нрава, неуживчивость характера, приступы гнева, ненависти и раздражения, ранее ему неизвестные. Человек с ранней юности общительный, он стал тогда недоступным и замкнутым. Улыбка покинула его вместе с обаянием души и приятностью нрава, он никому не верил и сам не внушал доверия, подозревал и вызывал подозрение. Широтой природы он уже больше не отличался, стал скуп на денежные раздачи, раздражался от каждой

просьбы и приходил в гнев от всякого слова жалобы. В то же время, несмотря на тяжкие телесные страдания, он не забывал об обязанностях и не пренебрегал царскими процессиями — напротив, облачался в шитые золотом одежды, надевал на себя другие украшения, словно взваливал груз на немощное тело, но во дворец после этого возвращался с трудом и чувствовал себя потом еще хуже.

XXV. Я (в то время мне не было и шестнадцати) нередко видел его в таком виде во время процессий — царь мало чем отличался от мертвого: все лицо его было распухшим, цветом не лучше, чем у пролежавшего три дня покойника, он часто дышал и останавливался, не пройдя и нескольких шагов, волосы свисали с его головы, как у трупа, редкая прядь в беспорядке спускалась на лоб, колеблясь, видимо, от его дыхания. В то время как другие уже потеряли надежды, сам он не отчаивался, вверял себя искусству врачей и у них искал спасения.

Смерть царя

XXVI. Я не могу сказать, причинила ли какое-либо зло императору сама любовная пара и их сообщники, так как не склонен обвинять, если не располагаю точными сведениями; остальные, однако, согласны в том, что они сначала одурманили императора снадобьями, а потом подмешивали ему в пищу и черемицу²³. Ничего больше сейчас не буду говорить по этому поводу, кроме того, что именно они стали причиной его смерти. Так обстояли дела, и император совершал приготовления к нашему общему воскресению и собирался на следующий день выйти на народное празднество²⁴. Еще до рассвета он отправился в одну из бань, расположенных неподалеку от царских покоев, при этом его никто не вел за руку, и ничто не предвещало близкой смерти — он бодро шел, чтобы умастить, умыть и специальными средствами очистить свое тело. Войдя в купальню, он прежде всего вымыл голову, потом смочил водой тело, и, поскольку дышалось ему легко, вступил в вырытый посредине бассейн. Сначала он с удовольствием окунулся и легко поплыл, с наслаждением выдыхая воздух и освежаясь, затем в воду зашли и некоторые из сопровождающих, чтобы поддержать и дать отдохнуть императору — таково было его распоряжение. Совершили ли они какое-нибудь насилие над ним, точно сказать не могу, но те, кто связывает это со всем случившимся, утверждают, что, когда самодержец по своей привычке опустил голову под воду, они сдавили ему шею и довольно долго держали его в таком положении, а потом отпустили и ушли. Оставшийся внутри воздух, придав легкость членам, как пробку, вытолкнул из воды почти бездыханное тело, и оно, бесчувственное, вынырнуло на поверхность. Немного придя в себя, царь понял, в какой беде очутился, и протянул руку, ища поддержки и помощи. Кто-то пожа-

лел его в несчастье, обхватил руками, вытащил из воды и в этом жалком виде водрузил на ложе. На поднявшийся тут крик сбегались люди, среди них императрица без свиты, с выражением глубокой печали на лице. Едва взглянув на мужа, она тотчас ушла, удостоверившись по его виду в близкой кончине. А он, глубоко и горестно вздохнув, посмотрел по сторонам и, не в силах вымолвить ни слова, видом своим и движением головы постарался выразить волю души. Но никто ничего не мог понять, и он, закрыв глаза, задышал все чаще. Затем рот его неожиданно широко раскрылся, и оттуда вылилась темная, вязкая жидкость, после этого он еще раз или два вздохнул и расстался с жизнью²⁵.

МИХАИЛ IV

I. Так умер Роман после пяти с половиной лет царствования. Императрица Зоя, узнав о кончине мужа (при самой смерти она не присутствовала), сразу волей небес получила в удел царство, однако власть мало ее заботила и старания она направила на то, чтобы передать ее Михаилу, о котором уже рассказывалось. Те, кто занимал придворные должности (в большинстве — ее отцовские слуги, а также люди, близкие к ее мужу и связанные с этой семьей еще при его отце), удерживали ее от поспешных решений в столь важных вещах, советовали как можно лучше поразмы-

слить, обдумать свое положение и возвести на царский престол самого достойного из всех, готового служить ей не как супруге, а как госпоже.

II. Они разными способами воздействовали на императрицу, считая, что сумеют быстро ее убедить и заставить согласиться с ними, но она в своих помыслах склонялась к Михаилу, избрав этого мужа велением не рассудка, но страсти. Когда уже следовало назначить день, в который Михаил должен был получить венец и удостоиться прочих знаков царского отличия, к царице тайно пришел его старший брат, евнух Иоанн, человек умный и деятельный, и сказал: «Мы погибнем, если будем медлить с передачей власти». Этим он окончательно склонил Зою на свою сторону. Она тотчас послала за Михаилом, одела его в шитое золотом платье, водрузила на голову царский венец, усадила на пышный трон, сама в том же обличье уселась рядом с ним и приказала всем находившимся во дворце совершать преклонение¹ и славословить обоих². Те повиновались; о происходящем стало известно и за стенами дворца, и весь город пожелал вкусить радость от этого приказа-

ния; многие славословили лицемерно и угодничали перед новым императором, другие легко, с удовольствием, воодушевленно и радостно приветствовали Михаила, ибо сбросили с плеч покойного царя, как давящий груз.

III. Немедленно после того, как близкими царя было устроено это ночное провозглашение, последовало двойное распоряжение епарху города, чтобы рано утром члены синклита прибыли во дворец для преклонения новому императору и для положенного по обычаю выноса покойного. Явившись согласно приказу, они заходили по одному, совершали земной поклон восседающим на троне императорам, при этом императрице никаких иных знаков почтения не оказывали, а самодержцу целовали к тому же и правую руку. Провозглашенный таким образом царем-самодержцем, Михаил готовился посвятить себя заботам о благе государства, а ушедшему из жизни и лежавшему на пышном ложе Роману были устроены похороны, и все явились, чтобы как должно почтить умершего царя. Среди шедших перед погребальным ложем находился и брат нового императора — внук Иоанн, о котором я расскажу в надлежащем месте.

IV. Эту погребальную процессию видел и я, в то время еще безбородый, только обратившийся к поэтическим произведениям³. Посмотрев на покойного, я не смог узнать его ни по цвету лица, ни по внешнему виду и распознал в умершем императора только благодаря знакам царского достоинства: лицо Романа исказилось, но не вытянулось, а раздулось, его цвет изменился и был не как у умерших своей смертью, а как у распухших и пожелтевших от выпитого яда, в щеках же, казалось, не осталось и кровинки. Волосы на голове и подбородке вылезли настолько, что напоминали горелое жнивье с видимыми издалека прогалинами. Если тогда кто и ронял слезы по императору, то только из-за этого зрелища — ведь одним он причинил много всякого зла, другим не сделал никакого добра⁴, поэтому народ или без всяких славословий просто смотрел на царя, или, глядя на него, молча шел в процессии.

V. Какую он вел жизнь, такого заслужил и погребения, и от своих трудов и трат на монастырь воспользовался только тем, что его похоронили в укромном уголке храма.

VI. Михаил же до определенного момента разыгрывает доброе расположение и благоволение к императрице, а затем по прошествии недолгого времени совершенно меняется и платит злом за оказанные ему милости и благоволение. Я не могу ни хвалить, ни порицать Михаила: его неблагодарности и ненависти к благодетельнице я не одобряю, но понимаю его опасения, как бы царица и его не обрела злой участи.

VII. Характер Михаила заставляет меня раздваиваться в своих суждениях. Если отвлечься от единственной несправедливости, до-

пущенной им в отношении Романа, обвинений в прелюбодеяниях и от преступлений, которые он совершил, чтобы избежать подозрений, его можно причислить к наиболее достойным императорам⁵. Он был совершенно непричастен к эллинской науке, но воспитал свой нрав лучше, чем иные постигшие ее философы, властвовал над своим пышущим здоровьем телом и цветущей юностью, не позволяя страстям повелевать рассудком, но сам повелевал страстями. Ибо грозным был его взгляд, но еще более грозной и всегда готовой к отпору была душа Михаила. Он складно говорил, речь его не была гладкой, но текла быстро и звучала красиво.

VIII. Он всякий раз затруднялся, когда приходилось решать спор или что-то доказывать со ссылками на законы и каноны, и его красноречие приносило тут мало пользы. Если же нужно было рассудить с помощью разума, он тут же со всех сторон приступал к делу, нанизывал одно заключение на другое, и дарование служило ему лучше выучки. Но не будем говорить об этом, вернемся к началу и покажем, с каким усердием царь сразу же принялся за государственные дела.

IX. Как видно, об этом уже говорилось, недобрыми были начала царствования Михаила. Тем не менее, получив во владение власть, он совсем недолго, если можно так сказать, находил забаву в своем царском положении, предоставляя событиям идти своим чередом, не загадывая, во что все это выльется, ублажая жену и изобретая для нее удовольствия и развлечения. Когда же он постиг величие власти, распознал многообразие забот и то, какие трудности уготовляет истинному императору попечение о делах, сразу весь переменялся и, превратившись из мальчика в мужа, доблестно и мужественно принялся управлять государством.

X. В этом самодержце меня более всего поражает то, что, поднявшись из низкого звания на такую высоту, он не был ослеплен и подавлен величием власти и не стал изменять установленных порядков, напротив, казалось, будто он издавна готовил себя к этой участи и постепенно двигался к своей цели, и уже в день воцарения производил впечатление человека, от века правящего государством: он не ввел никаких новшеств, не упразднил старого закона и не ввел нового, противоречащего ему, и никого не сменил в высшем совете, как любят это делать при вступлении на трон другие цари. Получив власть, он не обманул надежд ни одного из тех, с кем был близок или кому обещал милости до воцарения; впрочем, сразу высших должностей им не дал, но обучил сначала на более скромных и низких, а потом уже возвел на те, что повыше. Скажу об этом муже следующее: если бы не братцы, с которыми его связала злая судьба (отчего и не мог он ни искоренить весь род, ни — из-за нескладных их характеров — обратить к добру)⁶, с ним не мог бы поспорить ни один из прославленных императоров.

XI. Тем не менее я не видел ни одного из царствовавших при мне (а я могу насчитать их немало, ибо многие правили только по году), кто был бы безупречным царем, но у одних оказался дурной характер, у других дурные друзья, у третьих еще что-нибудь. Так и он: сам по себе хороший, он имел очень плохих братьев. Казалось, будто породившая всех их природа наградила Михаила только хорошим и добрым, а остальной род наделила противоположными свойствами. Каждый из братьев хотел быть выше всех и не желал терпеть никого другого ни на море, ни на суше, будто он один живет на всем свете и получил в удел от всевышнего и море, и землю. Император нередко старался удержать братьев, при этом не только увещевал, но и сурово бранил, выговаривал и угрожал им, однако на этом обычно все и кончалось, поскольку старший из братьев, Иоанн, еще искусней берясь за дело, обуздывал царский гнев и выговаривал для братьев свободу действий; делал же он это не потому, что был заодно с ними, но потому, что заботился о роде.

XII. Я намерен подробнее описать Иоанна и при этом не скажу ничего пустого и лживого. В возрасте, когда уже пробивается борода, я сам видел этого мужа, слышал его речи, наблюдал за его действиями и сумел правильно его оценить, поэтому я знаю о его похвальных качествах и мне известны его слабые стороны. Вот его свойства: он обладал трезвым рассудком и умен был, как никто, о чем свидетельствовал и его пронизательный взгляд, с усердием принявшись за государственные обязанности, он проявил к ним большое рвение и приобрел несравненный опыт в любом деле, но особую изобретательность и ум выказал при обложении налогами. Он никого не хотел обидеть, но не желал и терпеть ни с чьей стороны пренебрежения и потому никому не причинял зла, но на лице часто изображал грозную мину и вселял ужас в собеседников, и хотя гневался только притворно, многие, устранившись его вида, воздерживались от дурных поступков. И был он поэтому истинной опорой и братом императора; не забывал о заботах ни днем, ни ночью и даже среди удовольствий на пирах, празднествах и торжествах не пренебрегал исполнением долга. Ничто не укрывалось от него, и никто даже не помышлял от него укрыться — так боялись и страшились его усердия. Он мог неожиданно среди ночи отправиться на коне в любую часть города и с молниеносной быстротой объезжал все кварталы. Опасаясь этих неожиданных налетов, все люди замкнулись в себе и сжались, каждый жил сам по себе и избегал общения с другими.

XIII. За такие свойства его можно было бы и хвалить, но вот и противоположные: он был изменчив душой, умел приноровиться к самым разнообразным собеседникам и в одно и то же время являл свой нрав во многих облициях. Каждого, кто входил к нему, он издали начинал ругать, но когда тот приближался, обращался

к нему милостиво, будто впервые его заметил. Если кто-то сообщал ему о заговоре и о средстве спасти царство, он, чтобы не вознаграждать этого человека, делал вид, будто ему все давно известно, и даже порицал советчика за промедление. Тот уходил пристыженный, а Иоанн принимался за дело и карами вырывал с корнем только что проросшее зло. Он хотел придать своей жизни великолепие и вершить делами по-царски, но этому препятствовал врожденный нрав, и природа его, если можно так сказать, не откасалась от прежнего чревоугодия, повтому, напившись (а он питал слабость к вину), Иоанн сразу пускался во все безобразия; тем не менее и в этом состоянии он не забывал печься о государственных делах, сохранял свирепое выражение лица и хмурый взгляд.

XIV. Присутствуя вместе с ним на пирах, я нередко поражался, как такой подверженный пьянству и разгулу человек может нести на своих плечах груз ромейской державы. И в опьянении он внимательно наблюдал за поведением каждого из пирующих, как бы ловил их с поличным, позднее призывал к ответу и расследовал, что они сказали или сделали во время попойки, поэтому пьяного его страшилось больше, чем трезвого. В этом человеке смешались разные свойства: уже давно приняв постриг, он и во сне не помышлял о монашеском благочестии, в то же время лицемерно исполнял все положенное свыше монахам и выказывал полное презрение к живущим распутно. При этом он был враждебен каждому, кто избрал благообразную жизнь, жил в добродетели или украшал жизнь светскими науками и всеми способами унижал предмет их рвеня. Так нелепо вел он себя во всем, но к брату-императору всегда сохранял неизменное расположение и проявлял тут постоянство нрава.

XV. Всего их было пять братьев. Михаил по своему характеру был полной противоположностью остальным, а евнух Иоанн, о котором уже шла речь, по добродетели занимал после него второе место, с другими же братьями его и сравнивать нельзя. Скажу яснее. Его отношение к трем братьям было совсем иным, чем у императора, хоть он был и ниже его, но в чем-то и схож. Ему тоже не нравилось их безобразное поведение, но, братолюбивый, как никто другой, он не хотел привлекать братьев к ответу, покрывал их проступки и, таким образом, предоставлял им еще бóльшую свободу действий, поскольку они были уверены, что до ушей самодержца не дойдет ничего.

XVI. Довольно о братьях — вернемся к рассказу об императоре. До поры до времени он сохранял доброе расположение к царице, но вскоре переменился, а поскольку опыт научил его подозрительности, стал косо смотреть на Зою и лишил ее свободы поведения, отстранил от обычных выходов⁷, запер на женской половине и разрешил к ней доступ не иначе, как с позволения начальника стражи,

который предварительно должен был выяснить, кто, откуда и с какой целью идет к императрице. Такую стражу приставил к ней император; Зоя негодовала (а как могло быть иначе, ведь в награду за благодеяния она получила одну ненависть!), но сдерживала себя и не считала нужным сопротивляться, да и что могла бы она сделать, если бы даже и захотела, оставленная без царской стражи и лишенная сил. В то же время она избегала и того, что свойственно презренной женской природе: не распускала языка, не предавалась отчаянию в своих мыслях, к тому же она не напоминала самодержцу о его прежней привязанности, не выражала недовольства царскими братьями, которые мучили и оскорбляли ее, не ненавидела и не прогоняла приставленного к ней стража, но скротостью обращалась со всеми и, подобно самым искусным риторам, применялась к людям и обстоятельствам⁸.

XVII. Таким образом она вела себя. Они же со своей стороны вовсе не применялись к нраву этой женщины, но очень опасались ее, как львицы, которая лишь на время перестала яриться, и старались запереть ее на все замки и запоры. Они следили за ней во все глаза, а самодержец мало-помалу и вовсе перестал смотреть на нее. Я знаю несколько причин этого: во-первых, он не мог вступать с ней в супружеские отношения, так как вышла наружу подтачивавшая его болезнь (его здоровье было погублено, а тело страдало), во-вторых, он горел от стыда и не мог взглянуть в глаза императрице, понимая, что предал ее, нарушил клятву и пренебрег соглашением. В-третьих, беседовав с божественными мужами о том, что он совершил ради власти, и получив спасительные наставления, он отказался от всякой распушенности, в том числе и от законных сношений с супругой. Кроме того, он избегал царицу, опасаясь еще и другого: с ним и прежде через определенные промежутки времени случалось расстройство мозга, но затем, то ли потому, что на болезни сказалась какая-то внешняя причина, то ли потому, что на нее повлиял внутренний недуг, приступы участились. Во время припадков он почти никого не стыдился, но очень стеснялся императрицы, а поскольку недуг посещал его совершенно неожиданно, он старался держаться от нее подальше, чтобы в этом состоянии не оказаться у нее на глазах и не стыдиться⁹.

XVIII. Поэтому он почти не устраивал выходов и неохотно появлялся на людях, а если имел намерение принимать послов или исполнять иные из императорских обязанностей, то те, кому поручено было следить и наблюдать за ним, с двух сторон навешивали пурпурные ткани и, едва лишь замечали, как он закатывает глаза, начинает трясти головой или иные признаки болезни, сразу же удаляли всех присутствовавших, затягивали занавес и принимались хлопотать вокруг лежащего, как в спальне. Он легко был подвержен приступам, но еще легче от них оправлялся, при

этом недуг проходил бесследно, и к нему возвращался непомятый рассудок. Шел ли он пешком, ехал ли на коне, его окружала стража, и если начинался припадок, эти люди плотной стеной окружали его и приходили на помощь. Случалось, однако, что он и падал с коня; однажды, например, болезнь обрушилась на него, когда он на коне переправлялся через ручей, а стража как раз решила ненадолго отойти: царь неожиданно выпал из седла и на глазах у всех распростерся на земле, при этом никто даже не пытался его поднять, но все только жалели и сочувствовали его беде.

ХІХ. О том, что за этим последовало, расскажем в своем месте. Я поведал о больном императоре — посмотрим теперь на него в добром здравии. В перерывах между приступами, будучи в твердом уме, царь неумолимо пекся о государстве и не только обеспечивал благоденствие городам внутри наших границ, но и отражал натиск соседних народов — иногда посольствами, иногда дарами, а то и ежегодными военными экспедициями. Поэтому договоров с ним не нарушали тогда ни властитель Египта, ни повелитель персидского воинства, ни Вавилонец¹⁰ и ни один из более далеких народов открыто не обнаруживал своей враждебности: одни полностью примирились с ним, а другие, видя рвение самодержца, опасались навлечь на себя беду и держались тихо. Брату Иоанну он поручил наблюдение и попечение о государственных налогах и доверил большую часть гражданского управления, а сам распорядился остальным. Заботился отчасти он и о гражданских делах, но прежде всего сколачивал и, как мог, усиливал войско — опору Ромейской державы. Постигшая его болезнь все усиливалась, а Михаил, будто никакая беда ему не грозила, занимался делами.

ХХ. Брат Иоанн видел, как постепенно тают силы императора, и испытывал опасения за себя и весь свой род. Полагая, что со смертью царя в начавшейся неразберихе власть незаметно уплывет из его рук и его ждут впереди суровые испытания, он принял решение по видимости весьма разумное, но, как показал ход событий, опасное. В результате корабль затонул со всей командой, все до единого погибли и, так сказать, сгнули. Но об этом позже. Между тем Иоанн, который потерял всякую надежду на выздоровление царя, втайне от братьев склонял императора к своему замыслу словами скорее убедительными нежели справедливыми, и как-то раз отвел его от остальных, завел речь издали и, стараясь побудить собеседника к вопросам, начал с такого предисловия: «Я непрестанно служу тебе не только как брату, но и как господину и царю, тому свидетели небо и весь мир, да и сам ты не станешь этого отрицать. Я также, скромно говоря, немного думаю и о других членах нашей семьи, забочусь о государстве и радею о его благе, впрочем, ты сам знаешь об этом лучше кого бы то ни было. Поэтому я не только пекусь о твоём престоле ныне, но хочу упрочить его и на будущее и, хотя не могу заста-

вить людей держать язык за зубами, очи их решил направить на тебя одного. Поскольку ты уже получил надежный залог моей любви к тебе и искусства в делах, не отвергни и эту мысль. В противном случае я замолчу, не стану тебя расстраивать и объяснять, чем все может кончиться, и удалюсь».

XXI. Тут смущенный душой самодержец спросил, что все это означает и какова цель его речи. «Твоя любовь ко мне всем известна, не будем сейчас говорить о ней». В ответ Иоанн сказал так: «Не воображай, император, что все слепы и глухи и не знают, что ты тайно и явно страдаешь от болезни. Я-то уверен, что с тобой из-за нее не приключится ничего дурного, но люди непрерывно болтают о твоей смерти, и я боюсь, как бы те, кто думает о твоей близкой кончине, не подняли против тебя бунт, не избрали себе предводителя и не посадили его на твой трон. Я мало думаю о себе и всем нашем роде, но боюсь за тебя, как бы столь достойному и кроткому самодержцу не пришлось держать ответ за беспечность, — от беды-то ты уйдешь, а вот обвинений, что не сумел предвидеть будущее, не избежешь». На что император живо ответил: «Как же мне все это предусмотреть? Как заставить людей попридержать языки и отворотить их от мятежных замыслов?»

Усыновление Михаила августой¹¹ и возведение его в достоинство кесаря

XXII. «Очень легко и просто, — сказал Иоанн, — если бы брат наш не умер, ты бы отдал ему второе после царского достоинство кесаря¹², но поскольку его унесла смерть, возведи в этот сан сына нашей сестры Михаила¹³, которому доверено начальствование над твоими телохранителями. Получит он только звонкий титул, служить тебе станет лучше прежнего, для тебя будет рабом и место займет самое низкое». Столь убедительными доводами он склонил брата, и они принялись думать, как осуществить это решение. И тут Иоанн предложил свой план, сказав: «Тебе известно, император, что царство принадлежит по наследству императрице, весь народ ей предан, ибо она — женщина, наследница престола и к тому же щедрыми дарами сумела привлечь к себе людские сердца; давай же сделаем ее матерью нашего племянника и, соединив их таким благородным образом, заставим царицу не только усыновить¹⁴ его, но и возвести в чин и достоинство кесаря. Противиться она не станет, так как характер у нее податливый и возразить ей будет нечего».

XXIII. Самодержец одобрил такой план, они изложили его императрице, легко сумели ее убедить и тотчас обратили помыслы к осуществлению цели. Объявив о праздничной церемонии, они собрали во Влахернской церкви¹⁵ всех сановников и, когда божий

храм наполнился, вывели мать-императрицу вместе с приемным сыном и таким образом исполнили замысел. Она, стоя перед божественным алтарем, провозгласила его своим сыном, самодержец воздал ему почести, как сыну царицы, возвел в сан кесаря, а собравшиеся в церкви начали славословия, затем в честь кесаря было исполнено все, что принято говорить и совершать в таких случаях¹⁶. После этого собрание разошлось, а Иоани, добившись цели и обеспечив власть за своим родом, не знал, как сдержать переполнявшую его радость.

XXIV. Но стало это событие началом больших бед, и то, что казалось залогом успеха, обернулось гибелью всего рода. Но об этом я расскажу позже. Между тем приближенные самодержца, устроив все таким образом, поставили этого нового кесаря как бы у порога царства, надеясь, что он возьмет правление в свои руки немедленно, после того как властитель уже не сможет совладать с недугом. Все предусматривая для себя заранее, они уже и не стремились больше продлить владычество императора. Что же до самодержца, то не знаю, то ли он сразу раскаялся в содеянном, то ли по каким-то причинам переменялся к племяннику, но, во всяком случае, как с кесарем с ним не обращался, предпочтения никакого не оказывал, не воздавал даже положенных почестей и только что не лишал его титула¹⁷.

XXV. Я видел, как он стоял вдалеке, среди придворных сановников, в надежде, что о нем шепнут доброе слово императору, за императорским же столом он сидел, только когда занимал место кесаря на общих трапезах, а если ему и ставился шатер, имевший вид кесарского и окруженный стражей, то делалось это в каком-нибудь укромном месте, самому же шатру придавалось сходство с палаткой братьев самодержца. А те, опасаясь за жизнь брата, возложили все надежды на племянника, лелеяли, ублажали его, оказывали ему царские почести и делали все, что могло устроить и обеспечить его будущее. По этой причине они и не определили местом его жительства Константинополь, а поселили где-то за городом, причём придумали это якобы для того, чтобы оказать великую честь, но на самом деле это была почетная ссылка — ведь он не мог являться во дворец и покидать его по своей воле, но делал это только по приказу и даже во сне не смел мечтать о милостях дяди.

XXVI. Этот человек — расскажу также и о нем — по отцовской линии принадлежал к роду совершенно незначительному и незаметному: его отец происходил из самой захудалой деревни в какой-то глуши, не сеял и ничего не выращивал, ибо не было у него и кусочка земли, не ходил за стадами, не пас овец, не разводил животных и не имел, видно, никаких средств к жизни. Море же ему понадобилось не для того, чтобы заняться торговлей или мореплаванием, и не для того, чтобы за плату указывать путь

отплывающим и приплывающим судам, тем не менее, покинув твердь и придя к морю, он сделался человеком, в корабельном деле очень значительным: леса не рубил, корабельных бревен не обтесывал, не прилаживал и не сколачивал, но после того, как это делали другие, тщательно обмазывал судно смолой, и ни один корабль не спущен был на воду, пока он не подал к тому знак своим искусством.

XXVII. Видел его и я, но в другом положении, уже баловнем судьбы. Театральное убранство, конь, платье и все прочее несколько ему не шло и не соответствовало. Как вообразивший себя Гераклом пигмей ни старается уподобиться герою, как ни заворачивается в львиную шкуру и ни пыхтит над палицей, все равно его легко можно распознать по виду. Так и все потуги этого человека только приводили к противоположному результату¹⁸.

XXVIII. Таков был его род по отцу. Может быть, кому-нибудь интересно узнать о его происхождении со стороны матери? Если не говорить о дяде, то было оно немногим лучше. Таковы были те, от кого он родился. Сам же он разумом, благородством и характером далеко ушел (а точнее — так лишь казалось) от родителей. Этот человек скрывал, как никто другой, огонь под золой — я имею в виду дурной нрав под видом благомыслия, — питал злые намерения и желания, пренебрегал своими благодетелями и ни к кому не испытывал благодарности ни за дружбу, ни за заботу или служение. Однако все это он умел прятать под притворной маской. Не пробыв он кесарем и короткого времени, как уже мысленно примерял на себя царские одежды и заранее представлял себе все то, что решил совершить позднее, — ополчался на весь свой род и хотел известить тех, кто ему благоволил и помог получить титул. Он свирепствовал против царицы, из дядьев одних убивал, а других отправлял в изгнание, но, рисуя мысленно такие картины, внешне он изображал полную доброжелательность, причем с особым искусством притворялся перед евнухом Иоанном, которого больше всех ненавидел и против которого строил тайные козни, хотя держал себя с ним подобострастно, именовал своим господином и в нем одном, казалось, видел и жизнь свою, и спасение.

XXIX. Окружающие не замечали уловок кесаря, и его намерения остались для них тайной, но Иоанн оказался более проницателен, чем кесарь лицемерен, догадался обо всем, но решил сразу не менять своих планов в отношении кесаря и до поры до времени подождать. Это в свою очередь не укрылось от кесаря, и вот оба они были наизготове, но каждый держал в тайне свои умыслы и внешне изображал доброжелательство, думал, что другой ни о чем не догадается, хотя ни один из них не оставался в неведении относительно планов соперника. В конце концов проиграл Иоанн, не сумевший воспользоваться до конца своим искусством:

он упустил момент, когда надо было ему отказаться от своих намерений относительно кесаря, и тем навлек на себя главнейшую из бед. Но об этом я расскажу позже.

XXX. Я привык возводить все значительные события к воле божественного провидения и, более того, ставлю в зависимость от него вообще все происходящее в том случае, если наша природа не извращена; поэтому-то я и полагаю, что именно благодаря высшему провидению царская власть досталась не кому иному из членов этой семьи, как кесарю, ибо бог знал, что через него погибнет весь его род. Но об этом после.

XXXI. Между тем тело императора заметно распухло, и было видно, как страдает он от водянки. Царь всеми средствами боролся с болезнью, устраивал молебны, прибег к очищениям и соорудил перед стенами восточной стороны великолепный храм Бессребреников, но не основание ему положил, а увеличил и новые фундаменты кругом заложил¹⁹. Дело в том, что на том месте уже стояла церковь, не отличавшаяся великолепиями и не примечательная своим устройством. Ей-то он и придал прекрасный вид, огородил стенами, украсил новыми строениями, устроил там божью обитель, размахом и щедростью затмив почти всех прежних царей, пекшихся о сооружении святых храмов. Глубину церкви он сделал соразмерной с ее высотой, сообщил неописуемую красоту гармонии зданий, в стены и пол вделал самые ценные камни, озарил весь храм сиянием золотых мозаик и искусством художников и, где только было можно, украсил святилище одухотворенными ликами; кроме того, он придал, и, если можно так сказать, присовокупил к храму очарование купален, изобилие вод, благолепие лугов и все другое, что радует глаз и привлекает к себе наши чувства.

XXXII. Он делал это, желая воздать почести богу, но в то же время и умиловить его служителей, ибо рассчитывал, что те сумеют исцелить его воспалившиеся внутренности. Но все было впустую, срок его жизни подходил к концу, тело разлагалось, и поэтому он, отказавшись от надежд на спасение, стал готовить себя к грядущему суду и захотел удалить с души налипшую на нее грязь.

XXXIII. Некоторые из недоброжелателей его рода судят предвзято и утверждают, что еще до того, как взял он в свои руки скипетр, его побуждали к этому некие запретные таинства и что невидимые лики парящих в воздухе духов сулили ему царство и требовали взамен отречься от бога. Это-то, говорили они, мучило, волновало и заставляло царя искать искупления. Справедлива ли эта молва, могли бы знать те, кто вместе с ним участвовал в таинственных церемониях и устраивал эти видения. Если же они лживы — опять моя правда, ведь я, зная, что людям свойственно сочинять небылицы, не легко верю клевете, все слухи

подвергаю проверке и лишь после нее принимаю за истину то, что говорится.

XXXIV. Мне известно, что этот муж после прихода к власти выказывал всяческое благочестие и не только чтил божьи храмы, но и очень заботился и радел о мужах-философах, философами же я называю не тех, кто исследует сущность бытия, ищет основы мироздания, основами же своего спасения небрежет, а тех, кто презрел мир и живет выше его²⁰. Кто из людей такой жизни остался неизвестен императору? Какую только землю или море, какую горную кручу или потаенную земную пещеру он не исследовал, чтобы обнаружить скрывавшихся там? А найдя и доставив во дворец, какие только почести им не оказывал: омывал запыленные ноги, а потом обнимал и сладко целовал их, скрываясь от чужих глаз, надевал на себя их рубище, укладывал подвижников на царскую постель, а сам растягивался на низком ложе, подложив себе под голову большой камень, совершал он и многие другие достойные удивления вещи. Говорю же я об этом не из желания прославить его, а только чтобы сообщить истину.

XXXV. Более того, в то время как все стремятся избежать общения с больными и увечными, он, посещая таких людей, припадал щекой к их язвам, обнимал и целовал их, обмывал их тела и служил им, как раб господину. Так пусть замкнутся уста презренных клеветников и славный этот самодержец освободится от поношений. Но об этом только попутно.

XXXVI. Итак, самодержец все сделал, чтобы снискать себе прощение божье: обратился ко всяким богоугодным делам и искал содействия святых душ. Немалую часть царской казны истратил он, основывая по всей земле монастыри — прибежища для монахов и монахинь. Помимо этого, он соорудил новый приют, который назвал Птохотрофием²¹, и к избравшим подвижническую жизнь потекло рекой золото. В числе прочих его замыслов был и такой, предназначенный для спасения загубленных душ. Город в то время был наводнен множеством продажных женщин; император не пытался наставить их на истинный путь словом — это племя глухо к спасительным увещаниям — и не пробовал удержать силой, чтобы не вызвать обвинений в насилии, но соорудил в самом царственном городе монастырь величины несказанной и красоты неописуемой и, как громогласный глашатай, объявил указом всем женщинам, торгующим своими прелестями, следующее: если кто из них пожелает оставить свое ремесло и жить в изобилии, пусть поспешит туда, облачиться в божественное платье и не опасается скудной жизни, ибо там «ни в какие дни года ни сеют, ни пахут»²². И огромная толпа обитательниц чердаков²³ стеклась туда, женщины сменили одежду и нрав и стали юным воинством божьим на службе добродетели²⁴.

XXXVII. Добывая себе спасение, император этим не ограничился, но отдал себя в руки людям, преданным богу и состарившимся в подвижнической жизни, тем, кто словно бы находился в непосредственном общении с господом и потому был всемогущ. Одним из них он предоставил лепить и ваять свою душу, у других брал ручательства, что они заступятся за него перед господом и вымолят ему прощение грехов. Это возбудило против него языки злокозненных людей, чему особенно способствовали опасения на сей счет некоторых монахов, не все из которых вняли императору, а в большинстве своем отвернулись от него, ибо боялись, что он совершил какое-то преступление, а теперь, стыдясь в нем сознаться, принуждает их нарушить божественное слово. Но это только догадки, налицо же было горячее желание самодержца получить отпущение грехов.

XXXVIII. Я хорошо знаю, что многие другие летописцы расскажут о его жизни иначе, чем это делаю я в своем сочинении, ибо в то время восторжествовало мнение противника истины²⁵, но я вращался в гуще событий, получал от близких царю людей сведения, запретные для распространения, и потому являюсь справедливым судьей, если, конечно, мне не ставить в вину то, что я рассказываю о мною самим виденном и слышанном. Но пусть многое из того, о чем я уже сказал, и распахнет ворота для клеветы злонаправленных людей, — истинность моих дальнейших слов вряд ли вообще может подвергаться сомнению. Было бы долго перечислять все, что он сделал и как распорядился во время внутренних мятежей и внешних войн²⁶, сделаю только одно исключение: я имею в виду его борьбу с варварами — коротко и бегло коснусь главных ее событий.

XXXIX. Племя, включенное в состав Ромейской державы ценой многих войн и опасностей (это произошло, когда светоч среди самодержцев Василий, как говорится, сделал их страну своею добычей и уничтожил ее силу)²⁷ и полностью обескровленное, какое-то время мирилось с поражением и подчинялось ромейской мощи, а затем вернулось к своей прежней кичливости, но до поры до времени открыто не бунтовало. Когда же объявился некий человек из тех, что возбуждают их отвагу, сразу резко к нам переменялось.

XL. Человек, толкнувший их на это безумие и казавшийся им каким-то чудом, был выходцем из их же племени. Он происходил из рода, не заслуживающего даже упоминания, отличался вероломством нрава, был непревзойден в искусстве коварно обманывать своих соплеменников и носил имя Долиан — не знаю уж, унаследовал он такое прозвание от родителей или сам назвался таким образом²⁸. Увидев, что весь народ готов восстать против ромеев, но дальше одних желаний не идет из-за отсутствия предводителя, который начал бы борьбу и повел всех за собой, он прежде всего

постарался показать, что человек он самый достойный, в советах самый разумный и для воинского дела наиболее пригодный. Таким образом он завоевал народное расположение, и для избрания вождем ему не доставало лишь славного происхождения (в обычае болгар — ставить во главе народа людей царского рода), поэтому, зная о таком законе и установлении предков, он возводит свой род к знаменитому Самуилу и его брату Аарону²⁹ — царям, незадолго до того властвовавшим над всем их племенем. При этом он не приписывает себе законное происхождение от царских чресел, но то ли выдумывает, то ли действительно доказывает, что он боковой побег этого корня³⁰, и искусно убеждает в этом болгар, те же поднимают его на щит³¹ и вручают власть, а затем открывают свои намерения, отлагаются от ромеев, сбрасывают ярмо их владычества, самовольно присваивают себе свободу и начинают совершать грабительские набеги на ромейские земли³².

ХLI. Если бы варвары осмелились на такое безумие в самом начале правления императора, то тут же бы и узнали, на какого царя подняли руку: он был тогда полон сил, неуязвим для опасностей, и ему ничего не стоило немедленно взяться за оружие, со своими отборными военачальниками нагрянуть в земли болгар и проучить их хорошенько, чтобы знали они, как бунтовать против ромеев. Но они разродились бунтом, когда тело царя чахло и безнадежно ослабло, малейшее движение доставляло муки и боль причиняли даже одежды на теле. Потому какое-то время они и разыгрывали сцены захвата власти и потешились призраком, пока жар души и рвение к доблести не возгорелись вдруг в императоре и, придав ему новые силы, не повели на врага.

ХLII. Услышав о восстании, царь пожелал тотчас, не дожидаясь конца речи вестника, идти войной на болгар и самому встать во главе войска³³, однако телесный недуг не пускал его, болезнь склоняла к совсем другому решению, члены первого совета твердо противились его намерению, а родственники просили и вовсе не покидать города. Царь пребывал в отчаянии и рвался в бой с болгарями, ибо, как сам не раз говорил, не мог допустить и мысли, что не только не расширит Ромейского царства, но еще и потеряет имеющиеся земли. Он подозревал, что придется ему держать ответ перед людьми и богом, если в легкомыслии своем сам позволит болгарам отложиться от ромеев.

Поход царя на болгар

ХLIII. Такие мысли мучили царя больше, чем телесные недуги, но эта беда была совсем иного рода: болезнь раздувала тело, а скорбь о случившемся, оказывая обратное действие, его истощала, и этими двумя несовместными напастями он разрывался на части. Но еще прежде чем над варварами, одержал царь победу

над своими близкими и соорудил трофей над родственниками, друзьями и самим собой, ибо немощь тела он одолел рвением души, и, вручив себя богу, снарядился к войне. Он определил цель и все сделал для ее осуществления: не двинулся в поход сразу и беспорядочно, но — я не стану перечислять все подряд — прежде подготовил войско и не повел на врага все свое воинство, не понадеялся на его величину, а выбрал лучших воинов и самых искусных военачальников и с ними выступил против скифов, при этом продвигался, соблюдая порядок, выстроив войско согласно правилам боевого искусства.

XLIV. Приблизившись к болгарским пределам, он расположился лагерем в удобном месте³⁴ и сначала углубился в размышления, а потом принял решение вступить в сражение — дело почти невероятное, вызвавшее сомнения даже у тех, кто тогда был с ним. Ночью он страдал от болезни и едва мог дышать, а с наступлением утра сразу встал, как будто что-то придало ему новые силы, вскочил на коня, крепко уселся в седле и, уверенно управляя лошадью, поскакал, соединяя вместе отряды. Всем окружающим это показалось истинным чудом!

Бегство Алусиана к болгарам

XLV. Еще до начала войны произошло удивительное событие, которое можно сравнить разве что с подвигом императора. Дело в том, что самый приятный из сыновей Аарона, прежнего царя их племени, по имени Алусиан³⁵, человек доброго нрава, светлого ума и приметного состояния, стал главной причиной победы императора, при этом сам он того не желал и цель имел противоположную. Однако бог, направлявший его, повернул все иначе и обещал царю победу.

XLVI. Этот Алусиан не очень-то пришелся по душе императору, в совет доступа не имел и почестями был не избалован; ему было предписано оставаться в своем доме и являться в Византий не иначе, как по царскому повелению³⁶. Алусиан был очень раздосадован и недоволен своим положением, но до поры до времени ничего изменить не мог. Когда же он узнал, что его народ из-за отсутствия истинного отпрыска царского рода поставил на царство мнимого и вымышленного наследника, то решился на весьма дерзкое предприятие: позабыв о детях, пренебрегая любовью жены и никого из них не посвятив в свои планы, вместе с несколькими слугами, которых он знал как отчаянных смельчаков, храбро двинулся из дальних восточных краев на запад, а чтобы не быть узнаваемым и обнаруженным городскими жителями, переоделся с ног до головы, при этом сменил платье и никакой старой одежды на теле не оставил. Таким образом он приобрел вид наемного воина и ушел незамеченным.

XLVII. Мне рассказывал позже отец моего рассказа³⁷ (этот человек хорошо знал и очень любил меня): «Он два или три раза подходил ко мне в столице, но ни я и никто другой, к кому он приближался, его не узнали». Избегнул он и недремляющего ока Орфанотрофа и не попался даже ему, хотя его неожиданное исчезновение беспокоило власти, которые его искали и старались задержать. Затем, если можно так сказать, незаметно для людских глаз он прибыл в болгарскую землю, но не сразу объявился перед всеми, а по очереди приходил то к одному, то к другому, заводил речь об отце, будто о постороннем ему человеке, превозносил его род и мимоходом выяснял, предпочли бы мятежники истинного отпрыска мнимому, если бы вдруг обнаружился какой-нибудь из сыновей Аарона, или же не обратили на него внимания, поскольку всю власть получил самозванец.

XLVIII. Поняв же, что все отдают предпочтение бесспорному потомку перед сомнительным, он решился втайне назвать себя одному человеку, которого знал как горячего приверженца его рода, а тот припал к его коленям, поцеловал ноги, но затем, дабы не иметь уже никаких сомнений, попросил показать тайный знак — было это темное пятно на правом локте, покрытое густыми волосами. Увидев и его, он с еще большим пылом стал целовать его в шею и грудь, и они уже вдвоем принялись за дело: поочередно являлись то к одному, то к другому и еще шире распространили известие. В конце концов большинство склонилось в пользу родного семени, но единовластие как бы превратилось в многовластие, так как одни предпочитали этого, другие — того, но затем обе стороны заключили между собой союз³⁸, примирили предводителей, и те стали жить вместе и советоваться друг с другом, хотя каждый из них и держал соперника на подозрении³⁹.

XLIX. Но Алусиан предупредил злой замысел Долиана, неожиданно схватил его и отрубил ему нос и выколол глаза⁴⁰ (то и другое кухонным ножом), и все скифское племя вновь подпало под единую власть. После этого Алусиан не сразу подался к императору, но собрал войско, двинулся в поход, напал, потерпел поражение, спасся бегством и только тогда, поняв, что не так-то легко бороться с ромейским царем, и вспомнив о дорогих ему людях, тайно дал знать императору, что если сподобится царского благоволения и прочих милостей, то отдаст в его руки себя и все свое достояние. Император принял это предложение и вновь, согласно его желанию, вступил в тайные переговоры с болгаринном. В конце концов Алусиан приблизился к нашему войску вторично, якобы для сражения, но неожиданно оставил свой строй и перешел к императору⁴¹. Самодержец удостоил его высшей чести⁴² и отправил в Византий, а уже раздираемый враждой и еще не нашедший себе нового вождя народ обратил в бегство, победил и вновь надел на него ярмо, от которого тот только что избавился⁴³; после этого

Михаил в блеске и величии вернулся во дворец, ведя с собой многих пленных, в том числе людей весьма у них знатных и самого их мнимого князя с отрезанным носом и без глаз.

Л. И вот он торжественно въезжает в столицу, а весь народ высыпает ему навстречу. Видел тогда его и я: он трясся на коне, как покойник на катафалке, а его пальцы, державшие поводья, были, как у гиганта, — каждый толщиной и величиной с руку (до такой степени воспалилось его нутро), лицом же он и вовсе не походил на себя прежнего. Таким образом прибыл он во главе триумфальной процессии во дворец, а пленных заставил пройти через театр и показал ромеям, что воля может поднять и мертвых, а рвение к прекрасным делам — одолеть телесную немощь.

ЛІ. Но не смог он ни до конца победить природу, ни осилить болезнь: постепенно и незаметно подкравшись, она уже начала распускать узы его тела. Приближенные самодержца до поры до времени пытались скрыть его недуг и совещались между собой, как избежать бунта в государстве, но когда о царской болезни заговорили повсюду и слух о ней распространился по всему городу, эти мысли перестали их волновать и думали они уже лишь о том, как бы не упустить из своих рук государственной власти. О них хватит.

Постриг императора

ЛІІ. Прежде чем переселиться из этого мира, самодержец ищет духовного переселения, расстается с царской властью, с которой все равно вскоре должен был распрощаться, освобождается от всех земных пут и обращается к богу; а чтобы ему не мешали совершать это переселение и исповедоваться богу, он покидает дворец и переходит, вернее — его переносят носильщики, в монастырь, который сам основал⁴⁴. Оказавшись уже в стенах обители, он простирается на полу храма и молит бога, чтобы тот позволил ему предстать перед ним и принял его после кончины как чистую и угодную ему жертву. Вымолив таким образом милость и благосклонность божества, он отдал себя в руки жрецов и восприемников его добровольно принесенной и благосклонно принятой жертвы. А те, став от него по обе стороны, пропели всевышнему молитвы, предворяющие жертву, совлекли с Михаила царские пурпурные одеяния и надели священный плащ Христа, сняли покров с его головы и возложили венец спасителя, а затем, осенив крестом его грудь и спину и опоясав его мужеством против духов зла, удалились. И случилось это все по его воле и желанию.

ЛІІІ. Переселившись из этой жизни в лучшую, он радовался и ликовал, и легко и быстро вступил на стезю духа. Что же до его домашних, то всех их, а особенно старшего брата, окутало облако печали, и они не могли сдерживать слез сострадания. Да и импе-

ратрица не совладала с горем и, узнав от кого-то о случившемся, решила покинуть женскую половину и, пересилив свою природу, пешком отправилась к мужу. А он, то ли стыдясь всего доставленного ей зла, то ли памятуя о боге, а о жене забыв, даже не пустил ее к себе.

LIV. Она вернулась во дворец, а он, когда призвало его время молитвы и надо было идти к обычным песнопениям, тихо поднялся с ложа и хотел обуться, но кожаных монашеских сандалий ему не приготовили, а дали те, что остались от прежнего лицедейства; он огорчился такой оплошностью и босой отправился в храм, поддерживаемый с обеих сторон, задыхаясь и уже испуская дух. Таким же образом он и возвратился, снова опустился на ложе, недолгое время пролежал в молчании, так как голос у него уже пропал и дыхание было затруднено, и отдал богу душу. Во время своего царствования он многое замыслил и многое совершил и лишь в редких случаях терпел неудачи; исследуя и сопоставляя его деяния, я нахожу, что успехов у него было больше, чем промахов и, как мне кажется, этот муж не ошибся в надеждах на лучшую долю и сподобился высшей участи.

LV. И вот он окончил жизнь в великом подвиге после семи лет царствования, и в тот же день, в который сподобился переселения в лучшую жизнь, подошел и к естественному своему пределу, и не было при этом ни торжественного выноса, ни пышных похорон; а поконится он в том самом храме по левую руку от входа, перед алтарем⁴⁵.

МИХАИЛ V

I. Михаилу наследовал его племянник, о котором много говорилось выше¹. Произошло же это таким образом. Братья самодержца предвидели близкую его кончину и понимали, что надежды на выздоровление больше нет. Не желая упустить из своих рук государственные дела и уступить царскую власть другому роду, они еще до того, как император расстался с жизнью, послали племяннику якобы исходящий от царя приказ, предписывающий ему прибыть во дворец; и вот в тот самый момент, когда, как я рассказывал, самодержец покидал дворец, уходя, чтобы умереть, вме-

сто него входил туда его племянник.

II. Из трех братьев самодержца, лишь Орфанотроф Иоанн, которому принадлежала тогда вся власть и который больше других любил брата, не покинул его сразу после смерти, но провел с ним три дня, как с живым; оба же остальных последовали за своим племянником-кесарем во дворец, чтобы охранять и обхаживать его и одновременно заручиться еще большим его расположением; однако без старшего и самого из них разумного они были не в состоянии придумать ничего путного ни для царской власти, ни для государственных дел и только и делали, что находились около племянника и выказывали ему свою родственную преданность; что же до Иоанна, то он, вволю наплакавшись, а скорее — начав беспокоиться, как бы дальнейшее промедление с коронацией не развеяло все их надежды, вернулся во дворец.

III. Всему этому я сам был свидетелем, собственными глазами видел, как было дело, и, не изменив ничего, расскажу об этом в своем сочинении. Услышав, что Иоанн миновал дворцовые ворота, и вознамерившись встретить его, как самого господя, они

с нарочитой торжественностью поспешили навстречу, окружили и принялись целовать его, а племянник даже протянул ему руку, чтобы поддержать и словно сподобиться некоей благодати от самого прикосновения. Насытившись лестью, Иоанн без промедлений приступил к осуществлению хитроумного плана: велел им ничего не предпринимать без согласия царицы, положить в ней основание и власти, и жизни своей и постараться всеми средствами склонить ее на свою сторону.

IV. И вот тотчас же общими силами пустили они в ход стенобитные машины доводов и осадили легко уязвимую крепость ее души; братья напомнили ей об усыновлении, привели сына под покровительство матери и госпожи, бросили его к ее ногам, произнесли весь набор подходящих к этому случаю слов, доказывая, что племянник только по имени станет императором, а она к тому же будет иметь и царскую власть — отцовское достояние и, если захочет, возьмет все дела в свои руки, а если не захочет, станет только ему приказывать, отдавать повеления, и этот царь будет ей служить не хуже раба. Дав торжественные заверения и поклявшись на святых, они сразу уловили царицу в свои сети. А что оставалось ей еще делать? Помощников у нее никаких не было, она размякла от обольщений, а вернее — поддалась на их уловки и хитрости и пошла навстречу их желаниям.

Провозглашение Михаила

V. Она отдала им власть, а город, в волнении ожидавший ее решения, убаюкала увещаниями. И вот совершается таинство возведения на престол кесаря, и торжественная процессия, и вход в храм, и молитва патриарха, и увенчание, и все, что делается в этом случае². В первый день царь не забывал ни слов своих, ни дел, и на его устах постоянно было: «царица», «моя госпожа», «я раб ее», «как ей угодно».

VI. Не меньше заискивал он и перед Иоанном, именовал «своим господином», давал садиться на трон рядом с собой, ждал его знака, чтобы начать речь, и называл себя не иначе, как инструментом в руках мастера, говоря, что мелодия рождается не лирой, а музыкантом, ударяющим по ее струнам. Все были поражены его благоразумием и довольны тем, что Иоанн не ошибся в своих надеждах. Но если другие не замечали коварства его души, то дядя хорошо знал, что у него только язык гладок, а в глубине сердца он намерения питает колючие, и чем легче поддавался он на уловки Иоанна, тем подозрительнее тот становился и тем глубже постигал испорченность племянника. Но что ему делать и как лучше отстранить племянника от власти, он не знал, поскольку уже одна его попытка не удалась, хотя обстоятельства, каза-

лось, сулили тогда успех. Поэтому он до поры до времени держался тихо, но не оставил вовсе своих намерений, а старался заставить племянника первым решиться на какую-нибудь противозаконную выходку против него. А тот мало-помалу освобождался от переполнявшего его сначала почтения к дяде и то забывал спросить его мнения о государственных делах, то делал или говорил что-нибудь такое, чего Иоанн, как ему было известно, терпеть не мог.

VII. Свою лепту в клевету на дядю царя внес и его родной брат Константин, издавна завидовавший Иоанну за то, что тот — единственный из братьев — имеет доступ к управлению и держит себя с ними скорей как господин, нежели родич. Но раньше Константин не мог открыто проявить свою ненависть, потому что царственный брат очень любил и ценил Иоанна — и как самого из них старшего, и как наиболее разумного и опытного в попечении о государственных делах, а остальную родню, не знавшую ни в чем меры и не приносившую ему никакой пользы в управлении царством, ненавидел и презирал (поэтому-то и приходилось Иоанну смирять гнев негодующего на них самодержца и настраивать его благожелательно к братьям). Хотя братья, особенно Константин, и завидовали славе Иоанна, ни на что отважиться и ничего сделать они были тогда не в состоянии.

VIII. Когда же брат умер и царствовать выпало племяннику, Константину представился удобный случай начать схватку с Иоанном. Дело в том, что он ублажал нового самодержца и раньше, когда тот носил еще титул кесаря, и позволял ему черпать из своих богатств, сколько захочет, — его деньги служили Михаилу казной и сокровищницей; таким способом Константин подкупал племянника и по явному знаку судьбы сумел заручиться его расположением. Они поверяли друг другу свои тайны и оба ненавидели Иоанна, ибо он противодействовал их планам и добивался царской власти для другого родственника³. Вот почему кесарь немедленно после воцарения возвел Константина в сан новелисима, усадил за царский стол⁴ и щедро вознаграждал за прежнюю дружбу.

IX. Слегка прервав течение рассказа, остановлюсь сначала на характере и душе этого императора, чтобы, слушая о его поступках, вы не удивлялись и не думали, будто совершал он их случайно и ни с того ни с сего. В жизни этот человек был существом пестрым, с душой многообразной и непостоянной, его речь была не в ладах с сердцем, на уме он имел одно, а на устах другое и ко многим, ему ненавистным, обращался с дружелюбными речами и клялся торжественно, что сердечно любит их и наслаждается их обществом. Часто вечером сажал он за свой стол и пил из одного кубка с теми, кого уже наутро собирался подвергнуть жестоким наказаниям. Понятие родства, более того — сама кровная близость казались ему детскими игрушками, и его ничуть не тронуло бы,

если бы всех его родственников накрыло одной волной: ревновал он их не только к царской власти — это еще в пределах разумного, — но и к огню, воздуху и всему, что угодно, а о том, чтобы разделить с кем-нибудь власть, и думать не хотел. Я полагаю, что он ревновал и высшую природу, — до такой степени он ненавидел и подозревал всех и вся. Если ему не везло, он вел себя и разговаривал по-рабски малодушно и проявлял всю низменность натуры, но стоило удаче хоть на миг ему улыбнуться, как он немедленно прекращал лицедейство, сбрасывал притворную маску, переполнялся ненавистью и одни из своих злых замыслов приводил в исполнение тотчас, другие приберегал на будущее. Ведь человек этот был очень изменчив, находился во власти гнева, и любой пустяк вызывал в нем припадки раздражения и злобы. Поэтому-то и питал он вражду ко всем родичам⁵, правда, сразу их погубить не пытался, опасаясь дяди, которого, и он знал об этом, все слушались, как отца.

Х. Я оборвал вступление к рассказу и теперь должен перейти к самому изложению событий. Итак, получив сан новелсима, Константин избавился от гнетущего страха перед братом, перестал оказывать ему почтение, начал дерзить и смело противоречить его суждениям. К тому же он нередко порицал царя за его покорность Иоанну и смущал царскую душу. А Михаил, и без того склонный к этому, под влиянием Константина стал выказывать все большее небрежение к дяде. Иоанн же пуше всего боялся потерять высокое положение и главенство в роду, но свергнуть царя ему было не просто, и потому он принял иное решение, о котором я, сам наблюдая за происходящим, догадался, в то время как для многих оно осталось в тайне. По моему мнению, он собрался передать высшую власть в руки одного из своих племянников, Константину, по чину — магистру, при этом не имел намерения сам выступить против царя, а хотел только дать повод для заговора племяннику. Затем, опасаясь, что Константина уличат и обвинят в мятежных замыслах, а вместе с ним погибнет и весь остальной род, и заранее думая о конце, чтобы все шло гладко вначале, он настраивает царя доброжелательно к родичам и убеждает его одни милости оказать им немедленно, другие пообещать на будущее, в том числе и свободу от горестей, которыми чревата наша жизнь. Царь внял его просьбам и дал письменные обещания, чтобы Иоанн имел поруку на будущую свою жизнь. Когда же грамота была составлена, Иоанн незаметно вставил в нее роковые строчки, что-де если кого из племянников уличат в мятеже, то не понесет он наказания и судим не будет, но получает от дяди исключительное право не давать никакого отчета.

XI. Написав такое, он улучил удобный момент, когда император не слишком углублялся в чтение грамот, и подал ему этот документ, тот, бегло проглядев, скрепил его собственноручной

подписью, и Иоанн, усмотрев в нем великое для себя подспорье, успокоился, обрадовался и готов был уже приняться за дело. И стало это началом мук Иоанна. Но расскажу обо всем по порядку. Прежде чем Иоанн приступил к осуществлению замысла, царь уже предвидел ход событий. Кое о чем он догадывался сам, кое о чем узнавал от приближенных, которые изливали ему душу и говорили, что не потерпят его унижения, пойдут на все, и одно из двух: либо сохранят ему царское достоинство, либо с крушением всего погибнут сами.

XII. Поэтому царь не только лишил Иоанна подобающих почестей, но и начал с ним спорить о государственных делах; свидания их стали редкими, а если они и встречались, то с явной неохотой. Как-то во время совместной трапезы, заговорив о каком-то деле, Константин спросил мнения их обоих и слова царя похвалил, как весьма разумные и истинно царские, а суждение брата назвал вероломным и хитрым. Слово за слово, и он зашел далеко и, напомнив о прежнем его высокомерии, обвинил Иоанна в коварстве и злонамеренности. Тот, не в силах вынести этих нападок, сразу поднялся с места, но не удалился в свои покои, а ускакал далеко за город, надеясь, что царь будет упрасивать его возвратиться и быстро вернет во дворец. За ним последовала стража, ушло и немало синклитиков, но не из-за связывавших их уз дружбы, а потому, что в большинстве своем они рассчитывали на скорое его возвращение к прежней жизни и заручались, таким образом, благосклонностью Иоанна, для которого этот исход служил бы постоянным о них напоминанием⁶.

XIII. Царь, казалось, не так обрадовался устранению Иоанна, как обеспокоен был скоплением там людей из столицы и опасался, как бы не учинили они против него мятежа. Поэтому он лицемерно и зло выбранил Иоанна за столь великое высокомерие и позвал его вернуться и разделить с ним государственные заботы. Тот явился немедленно, вообразив по письмам, что царь выйдет ему навстречу, произнесет обычное приветствие и совершит все полагающееся в таких случаях, но в день его возвращения происходило театральное зрелище, и царь отправился туда рано утром, не дождав свидания с дядей и не оставив для него никакого известия. Узнав об этом, Иоанн оскорбился, обиделся еще больше и в великом гневе немедленно повернул назад; никаких сомнений в намерениях царя у него уже не оставалось — в его неприязни он убедился воочию. В результате узы дружбы были обрублены окончательно, и они принялись строить козни друг против друга, но если один, лицо частное, обдумывал, как ему досадить противнику втайне и скрытно, то другой, пользуясь царской властью, проявил свою ненависть открыто: приказал дяде взойти на корабль и, прибыв в столицу, представить объяснения, почему он пренебрегает царем и не хочет ему повиноваться.

XIV. И вот Иоанн плыл в столицу, а император с самого высокого места во дворце наблюдал за морем; когда же корабль с дядей на борту готовился уже причалить в Великой гавани⁷, он дал сверху морякам заранее условленный знак повернуть назад. Вслед за ними вышла в море снаряженная к плаванию триера, которая, нагнав корабль, приняла на борт Иоанна и повезла его в далекую ссылку. Человек, который благодаря Иоанну сначала стал кесарем, а потом и царем, не сохранил к нему почтения даже настолько, чтобы наказание ему определить умеренное и не постыдное. Он отправил Иоанна в землю, куда ссылали только разбойников; впрочем, потом его гнев немного поостыл и он сделал для дяди некоторое послабление. Так покинул родину Иоанн, которому предстояло до конца принять не только эту кару, но в горестях и несчастии вынести и многие другие, ибо уготованная ему провидением судьба (выразимся так поскромнее) навлекла на него напасти одну за другой и не успокоилась, пока не направила на его глазницы палаческую руку, а самого Иоанна не обрекла страшной, насильственной и внезапной смерти⁸.

XV. Взвалив на себя бремя единодержавной власти, этот странный муж никаких разумных мер для государства не придумал, но сразу стал своевольно все переставлять и перетасовывать; никого из людей вельможных не одаривал лаской взора или души, а только устрашал всех грозными речами. Подданных он хотел сделать беспрекословно послушными, большинство вельмож лишить принадлежащей им власти, а народу дать свободу, чтобы стражу его оставило не малое число избранных, а многочисленная толпа. Охрану своей персоны он передал купленным им раньше скифским юношам — все это были евнухи, знавшие, чего ему от них надо, и пригодные к службе, которую он от них требовал; он смело мог положиться на их преданность, особенно после того, как удостоил их высоких титулов. Одни из них его охраняли, другие исполняли иные приказы.

XVI. Таким образом Михаил осуществил свои намерения; в то же время он привлек к себе избранный городской люд, а также людей с рынка и ремесленников и завоевал их расположение милостями, чтобы в случае необходимости получить от них помощь для достижения поставленной цели. И они льнули к нему и выражали чувства всевозможными изъявлениями преданности; так, например, они не позволяли царю ступать по голый земле и считали для себя позором, когда шел он не по коврам, а конь его не был разукрашен шелковыми тканями⁹. И вот, вдохновленный всем этим, Михаил начал обнаруживать свои тайные намерения. Императрицу и — вопреки здравому смыслу — собственную мать он возненавидел еще раньше, когда получил царскую власть, а за то, что некогда назвал ее госпожой, готов был сейчас откусить себе язык и выплюнуть его изо рта.

Независть и зависть императора к августу

XVII. Царь был вне себя, слыша, как в совместных славословиях ее имя упоминают на первом месте. Сначала он отталкивал и отдалял от себя царицу, перестал делиться с нею своими планами, не позволял ей брать даже малой толики из царских сокровищ, всячески унижал и, можно сказать, выставлял ее на посмешище. Михаил держал ее в осаде, как врага, окружил позорной стражей, расположил к себе ее служанок, выведывал обо всем, что делается на женской половине, и не считался с договором, который с ней заключил. Но и этого ему показалось мало, и он обрек ее на худшее из зол: решил изгнать из дворца, причем воспользовавшись не каким-нибудь благопристойным поводом, а под позорным и выдуманым предлогом, будто лишь для одного зера дворца. Задумав такое, он пренебрег прочими царскими делами и весь свой ум и изворотливость направил на осуществление этого бесстыдного намерения.

XVIII. Сначала он посвятил в замысел только самых отважных из близких, но на этом не остановился, стал спрашивать мнения и других людей, известных ему умом и рассудительностью. Одни из них его поддерживали и советовали осуществить план, другие решительно отговаривали, третьи убеждали подвергнуть дело тщательному рассмотрению, иным же казалось нужным узнать предсказания астрологов и выяснить, насколько благоприятен момент для действий и не препятствует ли его началению расположение светил. Он всех внимательно выслушал, но, готовый добиться своей цели любыми средствами, и не подумал последовать полезным советам и, махнув рукой на всех прочих, осведомился о будущем у астрологов.

XIX. В то время было немало людей, посвященных в сию науку. Эти мужи — я был знаком с ними — не очень-то ломали голову над расположением и движением светил на небосводе; ведь они не умели заранее на основании законов геометрии указывать и предвидеть их местоположение, но попросту устанавливали центры, выясняли нисхождение и восхождение зодиака и все, что с ними связано, я имею в виду планеты — хозяева домов, а также места и границы фигур и какие из них благоприятны, какие неблагоприятны, и предсказывали будущее тем, кто к ним обращался с вопросами, причем некоторые из них даже отвечали впопад. Я рассказываю о таких вещах, поскольку сам знаком с этой наукой, издавна ею занимался и помог многим астрологам в определении фигур, но в то же время я не верю, что наша жизнь зависит от движения звезд. Впрочем, опровержение подобных учений отложу до другого раза, поскольку можно привести много противоречивых доводов за и против¹⁰.

XX. И вот царствовавший тогда император, не раскрывая сути дела и придав вопросу неопределенную форму, спросил только, не препятствует ли расположение светил тому, кто отважился на многое. Астрологи произвели наблюдение, исследовали, насколько благоприятен момент, и, ничего не увидев, помимо крови и скорби, стали отговаривать царя от решительных действий; впрочем, те, что похитрее, советовали только отложить их до другого времени. Но в ответ царь лишь громко расхохотался, с издевкой назвал их науку лживой и сказал: «Убирайтесь вон, своей отвагой я опрокину расчеты вашей науки».

XXI. Он немедленно приступил к делу и сразу проявил себя во всей красе. Выдумав всякие небылицы, этот жалкий сын объявил свою ни в чем неповинную мать отравительницей и изгнал ее, и не думавшую ни о каких посягательствах, из царских покоев; так поступил чужак с рожденной во дворце, безродный — с благородной. Представив лжесвидетелей, он стал допытываться о том, о чем она и понятия не имела, привлек ее к ответу и наказал, как тяжкую преступницу: немедленно посадил на корабль, дал ей сопровождающих, которым было велено всячески оскорблять царицу и, удалив ее таким образом из дворца, сослал на один из находящихся перед столицей островов по названию Принкип¹¹.

XXII. Позднее я беседовал с некоторыми из тех, кто отвозил ее, и они рассказывали мне, что, когда корабль вышел в море, Зоя подняла глаза к царским покоям и, обратившись ко дворцу, произнесла скорбную речь. В ней она упомянула отца и предков (уже пять поколений владел ее род царской властью), а заговорив о дяде своем и императоре (я имею в виду знаменитого Василия, затмившего сиянием всех прочих самодержцев, драгоценное благо Ромейской державы), вдруг залилась слезами и сказала: «О, мой дядя и царь, это ты завернул меня, только что родившуюся, в царские пеленки¹², любил и отличал меня среди сестер, потому что я походила на тебя лицом — об этом потом мне часто рассказывали очевидцы. Это ты говорил, целуя и обнимая меня: «Спасения тебе, дитя, жить тебе долгие годы, рода нашего побег и царской власти прекрасный образ». Это ты напитал и воспитал меня и во мне видел надежду для государства. Но ошибся ты в своих ожиданиях: я опозорена сама и опозорила весь род, постыдно осуждена и изгнана из дворца, и не знаю даже, в какую землю везут меня для наказания, и боюсь, как бы не отдали меня на съедение хищным зверям и не бросили в морские волны. Но взгляни с небес на меня, сделай все, что в силах твоих, и спаси свою племянницу». Прибыв, однако, на остров, определенный ей местом ссылки, она немного отвлеклась от дурных предчувствий, возблагодарила бога, сохранившего ей жизнь, принесла жертву и вознесла молитвы своему спасителю.

XXIII. Царица и не помышляла ни о чем, да и что она могла бы сделать, оказавшись в изгнании с одной единственной служанкой. Тем не менее этот страшный человек строил все новые козни и подвергал царицу одному испытанию за другим, и в конце концов отправил людей, чтобы постричь, а вернее сказать — убить ее и отдать на заклание, уж не знаю господа ли или гневу пославшего их государя. Осуществив и это намерение, он оставил ее в покое, будто с ней все было кончено, но разыграл комедию, устроил спектакль и объявил синклиту о мнимом заговоре против него императрицы — он-де давно подозревал ее, более того, много раз заставлял ее на месте преступления, но скрывал этот позор из стыда перед синклитиками. Сочинив такие небывлицы, он заполучил (вопреки сути дела) голоса синклитиков, а оправдавшись перед ними, принялся обрабатывать простолюдинов и некоторых сделал послушным орудием своих желаний. Царь выступал перед ними, выслушал и их речи, а когда понял, что они одобряют его поступок, распустил и это собрание и, как после великих подвигов, стал отдыхать от тяжелых трудов, предавался веселым развлечениям и разве что не пустился в пляс и не прыгал от радости. Но не в дальнем будущем, а уже совсем близко ждало его наказание за эту чудовищную спесь.

XXIV. Что же касается дальнейшего, то речь моя бессильна поведать о событиях, а ум постичь меру провидения. Я говорю сейчас о себе, но это относится и ко всем другим. Достоинно рассказать о событиях того времени не смог бы ни поэт с боговдохновенной душой и с речью, небом внушенной, ни оратор, отмеченный благородством души и красноречием, искусством слова украсивший природное дарование, ни философ, постигший смысл провидения, пусть даже в своей необыкновенной мудрости он и познал то, что выше нас; не достанет им силы для этого, пусть даже первый, как на сцене, разукрасит рассказ и придаст ему многообразие, другой подберет в соответствии с величием событий самые торжественные слова и гармонично их сочетает, а третий увидит в случившемся не самопроизвольное движение, но действительные разумных причин, по которым произошло великое и всенародное (так лучше его назвать) таинство. Поэтому я и обошел бы молчанием это великое потрясение и ураган, если бы не понимал, что таким образом опушу из своей «Хронографии» самое существенное, и я дерзаю на углу челне пуститься в плавание по открытому морю и, как могу, поведаю о том, как неожиданно распорядилась божественная справедливость обстоятельств и событиями после изгнания императрицы¹³.

XXV. Император предавался удовольствиям и был полон высокомерия, а весь город — я имею в виду людей всякого рода, состояния и возраста, — будто распалась гармония его тела, уже приходил по частям в брожение, волновался, и не осталось в нем

никого, кто бы не выражал недовольства сначала сквозь зубы, но, тая в душе замыслы куда более опасные, не дал бы в конце концов волю языку. Когда повсюду распространился слух о новых бедах императрицы, город явил собой зрелище всеобщей скорби; как в дни великих и всеобщих потрясений все пребывают в печали и, не в силах прийти в себя, вспоминают о пережитых бедах и ожидают новых, так и тогда страшное отчаяние и неутешное горе вселились во все души, и уже на другой день никто не сдерживал язык — ни люди вельможные, ни служители алтаря, ни даже родственники и домочадцы императора. Проникся великой отвагой мастеровой люд¹⁴, и даже союзники и иностранцы — я имею в виду тавроскифов и некоторых других, которых цари обычно держат при себе, — не могли тогда обуздать своего гнева; все готовы были пожертвовать жизнью за царицу¹⁵.

XXVI. Что же до рыночного народа, то и он распоясался и пришел в возбуждение, готовый отплатить насильнику насилем. А женское племя... но как я расскажу о нем тем, кто не наблюдал всего этого собственными глазами? Я сам видел, как многие из тех, кто до того никогда не покидал женских покоев, бежали по улицам, кричали, били себя в грудь и горестно оплакивали страдания царицы или носились, как менады, и, составив против преступного царя изрядное войско, кричали: «Где ты, наша единственная, душой благородная и лицом прекрасная? Где ты, одна из всех достойная всего племени госпожа, царства законная наследница, у которой и отец — царь, и дед, и деда родитель? Как мог безродный поднять руку на благородную и против нее замыслить такое, чего ни одна душа и представить себе не может?» Так они говорили и ринулись ко дворцу, чтобы спалить его, и ничто уже не могло их остановить, ибо весь народ поднялся против тирана. Сначала они по группам и поотрядно построились к битве, а потом вместе со всем городом целым войском двинулись на царя.

XXVII. Вооружены были все. Одни сжимали в руках секиры, другие потрясали тяжелыми железными топорами, третьи несли луки и копья, простой же народ бежал беспорядочной толпой с большими камнями за пазухой или в руках. В тот день я стоял перед входом во дворец (издавна служа царским секретарем, я незадолго до того посвящен был в таинство царского приема)¹⁶. Итак, я находился в тот момент в наружной галерее¹⁷ и диктовал секретные документы. Вдруг до нас донесся гул, будто от конского топота, вселивший страх во многие души, а затем явился человек с известием, что весь народ взбунтовался против царя и, как по мановению чьей-то руки, объединился в одном желании. Все происходящее казалось тогда многим чем-то неожиданным и невероятным, но благодаря виденному и слышанному мною ранее я понял, что искра разгорелась костром, гасить который нужно

цельми реками и потоками воды, и, сразу оседлав коня, поскакал через город и своими глазами видел то, во что теперь и сам верю с трудом.

XXVIII. Людей словно обуяла какая-то высшая сила, никто не остался в прежнем состоянии: все носились, как бешеные, их руки налились силой, глаза метали молнии и светились неистовством, мышцы тела окрепли, ни один человек не желал, да и не мог настроить себя на благочинный лад и отказаться от своих намерений.

XXIX. Решено было прежде всего двинуться к царским родичам и разрушить их красивые и роскошные дома. Немедля приступив к делу, толпа разом бросилась на приступ, и дома рухнули, частью открывшись, а частью и закрывшись. Закрыты были упавшие вниз кровли, а открылись торчащие из-под земли фундаменты; казалось, будто сама земля, не вынеся их бремени, выкинула из себя основания домов. Разрушили же большинство зданий не руки цветущих и зрелых мужчин, а девицы и всякая детвора обоего пола, утварь же получал тот, кто первый схватит. Разрушитель спокойно взваливал на себя то, что разрушил или сломал, выставлял этот скарб на рынке и не торговался о цене¹⁸.

XXX. Такое творилось в городе, так быстро переменялся его обычный облик. Царь в то время находился во дворце и сначала не проявлял никакого беспокойства по поводу происходящего: подать восстание граждан он намеревался без пролития крови. Но когда началось открытый бунт, народ построился по отрядам и составил значительное войско, он пришел в страшное волнение и, оказавшись как бы в засаде, не знал, что и делать: выйти опасался, но осады боялся еще больше, союзных отрядов во дворце у него не было, послать за ними тоже было нельзя; что же касается вскормленных во дворце наемников, то часть их колебалась и уже беспрекословно не слушалась его приказов, а часть взбунтовалась, покинула его и присоединилась к толпе.

XXXI. В это время к уже отчаявшемуся было царю явился на помощь новелисим. Когда начался бунт, его во дворец не было; узнав о случившемся и опасаясь беды, он сначала заперся в своем доме и не показывался из него, боясь, что у входа толпа не опустит его живым, если он выйдет, но потом новелисим вооружил всех слуг и домочадцев (сам при этом не одел и панциря), и они, незаметно покинув убежище, с быстротой молнии помчались по городу с кинжалами в руках, готовые уложить на месте каждого, кто встанет на их пути. Пробежав таким образом через город, они забарабанили в дворцовые ворота и явились, чтобы помочь императору. Тот принял их с радостью и только что не расцеловал дядю, решившегося умереть вместе с ним. И вот они решают немедленно вернуть из ссылки царицу, из-за которой взбунтовалась толпа и разразилась битва, а самим спешно превратить

дворцовых людей в копейщиков и пращников и выстроить их против тех, кто бесстыдно рвался на приступ. Устроившись в укрытиях, те принялись метать сверху камни и копья, многих убили и разорвали плотный строй нападающих, но восставшие, разобравшись в чем дело, снова обрели силу духа и встали теснее прежнего.

XXXII. Между тем во дворец доставили императрицу; она, однако, не столько радовалась тому, как с ней распорядился всевышний, сколько ждала еще худших бед от мерзкого царя. Поэтому-то она и не воспользовалась удобным случаем, не попрекнула тирана за свои страдания, обличия не изменила, но посочувствовала ему и пролила слезы о его судьбе. Михаил же, вместо того чтобы переменить ей одежды и облечь ее в пурпурное платье, потребовал ручательств, что не станет она жить по-другому, когда уляжется буря, и смирится с уготованной ей участью. Царица все обещала, и перед лицом грозящей беды заключили они между собой союз. И тогда они вывели ее на самую высокую площадку Великого театра¹⁹ и показали взбунтовавшемуся народу, ибо думали, что смирят бурю его гнева, если вернут ему его госпожу. Но одни так и не успели увидеть ту, которую им показывали, а другие, хотя и узнали ее, еще больше возненавидели тирана, который и в гуще бед не освободил своего сердца от злонаравия и свирепости.

XXXIII. После этого битва вспыхнула с новой силой, но затем многие из бунтовщиков, опасаясь, как бы тиран вместе с царицей не обратил их в бегство, поддались на ее уговоры и приняли иное решение, единственное, способное сорвать козни тирана.

XXXIV. Чтобы мое повествование развивалось по порядку, хочу предварить его несколькими словами. Мне нужно вспомнить для этого о предшествующих событиях и с ними связать свой рассказ. Как я уже говорил, у Константина была не одна дочь, а три; старшая из них умерла²⁰, а младшая какое-то время жила вместе с воцарившейся и в каком-то смысле царствовала совместно с ней, и хотя в славословиях имя ее не упоминалось, ей воздавались великие почести, и сиятельностью уступала она во дворце только сестре. Однако родство и материнское чрево, из которого обе они вышли, не стали надежной защитой против ревности — царица возревновала Феодору (так звали сестру) даже к меньшим почестям; и поскольку какие-то горлопаны распространяли в это время о ней дурные слухи, она убедила самодержца удалить сестру из дворца, постричь ее и определить местом почетного заключения один из самых роскошных императорских домов²¹. Так все сразу и было сделано, и ревность, разъединившая сестер, одной уготовила участь повыше, другой пониже, но в то же время и более святую.

XXXV. Феодора смирилась с этим решением и не огорчалась ни переменой одежд, ни удалением от сестры. Что же до самодержца, то он не совсем лишил ее прежнего расположения, но оказывал ей кое-какие из царских милостей. Но он умер, а взявший в свои руки скипетр Михаил по прошествии недолгого времени — об этом уже говорилось — отвернулся от императрицы, а сестрой пренебрег и вовсе. Когда же и он, прожив отведенный ему срок, скончался, к власти пришел его племянник, который уже совсем не имел никакого понятия, кто такая Феодора и происходит ли она от царского корня, и ему было совершенно безразлично, существует она или нет, жива или не жива. Так обстояли дела с Феодорой, вернее — так обращались с ней императоры, и она ничего не сделала вопреки их воле и вела себя так скорее по доброму желанию, чем по принуждению. Вот предисловие к моему рассказу.

Как толпа переметнулась на сторону августы Феодоры

XXXVI. Между тем восставший, как уже говорилось, народ опасался дурного оборота событий и боялся, что тиран возьмет над ним верх и все дело кончится только шумом; в то же время заполучить себе первую царицу он не мог — узурпатор уже успел привлечь ее на свою сторону и привести в свою гавань — и потому обратился к ее сестре — второму побегу царского корня; толпа не двинулась к ней без порядка и строя, но избрала предводителем одного из ее отцовских слуг, родом не элина, человека отменного нрава, по виду героя, из почтенного старинного и знатного рода, и полками во главе с полководцем отправилась к Феодоре.

XXXVII. Пораженная и не ожидавшая ничего подобного Феодора на первую попытку не поддавалась, укрылась в храме и оставалась глухой ко всем уговорам. Однако войско горожан, отчаявшись убедить ее, прибегло к силе, и несколько человек с обнаженными кинжалами ринулись вперед, будто готовые ее убить; они дерзнули вытащить ее из церкви, вывели на улицу, облачили в царские одеяния, усадили на коня и, окружив со всех сторон, доставили в великий храм божьей мудрости. После этого уже не только простой народ, но и все лучшие люди встали на сторону Феодоры, и все тогда отвернулись от тирана и в славословиях стали провозглашать Феодору царицей²².

Бегство царя и его дяди и их ослепление

XXXVIII. О случившемся донесли тирану, и он, опасаясь, как бы неожиданно нагрянувшая толпа не схватила его в самом дворце, сел на один из царских кораблей, приплыл вместе с дядей к святому Студийскому монастырю²³ и сменил там царское обличье на облик молящего и ищущего защиты. Об этом стало известно в городе, и сразу облегченно вздохнули все, чьи души до того были полны страха и робости. Одни стали приносить благодарение богу за избавление, другие славить царицу, а простой и рыночный народ принялся водить хороводы и распевать о событиях, на ходу сочиняя песни²⁴. Большинство же прямым ходом устремилось к узурпатору, чтобы растерзать, зарубить его.

XXXIX. Это о них. Тем временем люди Феодоры отправили к царю отряд стражников во главе с начальником, человеком из благородных; рядом с ним шел и я — его друг, которого он взял и для советов, и для содействия. Подойдя к воротам храма, мы увидели другую, уже самозванную стражу. Этот отряд простолоудинов со всех сторон окружил святой дом и разве что не готов был его разрушить. Поэтому нам не без труда удалось войти в церковь, а вместе с нами влилась туда и огромная толпа, осыпавшая преступника проклятиями и выкрикивавшая непристойности по его адресу.

XL. Я и сам вошел туда отнюдь не в мирном настроении, ибо не остался бесчувственным к страданиям царицы и горел гневом на Михаила. Но когда я приблизился к святому алтарю, где тот находился, и увидел их обоих, ищущих защиты, царя, ухватившегося за священный престол Слова, и справа от него новелисима, изменившихся и видом и духом, совершенно пристыженных, в душе моей не осталось и следа гнева, и, будто пораженный молнией, я застыл на месте, не в силах прийти в себя от неожиданного зрелища. Затем, собравшись с духом, я послал проклятия нашей земной жизни, в которой происходят столь нелепые и страшные вещи, и из глаз моих хлынул поток слез, будто забил во мне некий источник, и страдания мои вылились стенаниями.

XLI. Вошедшая в храм толпа со всех сторон окружила обоих мужей и, как стая диких зверей, готова была их растерзать. Я же остановился у правой алтарной преграды и зарыдал²⁵. Заметив, что я сочувствую им, не исхожу ненавистью и веду себя вроде бы благопристойно, они приблизились ко мне, и тогда я, держа себя уже немного иначе, сначала без раздражения укорил новелисима и попрекнул его за то, что он помогал царю мучить императрицу, а затем спросил и самого царя, какое такое зло претерпел он от своей матери и госпожи, что обрек ее неопишущим страданиям. Отвечали мне они оба: новелисим — что не был

в этом деле заодно с племянником и вообще ни к чему его не подстрекал. «Мне бы не сдобровать, — сказал он, — если бы я попытался его остановить, ведь этот человек (тут он обернулся к царю), когда чего-нибудь желал или добивался, не признавал никаких препятствий. Если бы только я мог его утихомирить, он не искалечил бы весь наш род и не предал его огню и железу».

XLII. Здесь я хочу немного прервать рассказ и сообщить о том, что имел в виду новелисим. Император изгнанием Орфанотрофа как бы потряс основание рода, а потом принялся искоренять его целиком, и всех родственников — а в большинстве случаев были это бородатые мужи во цвете лет и отцы семейств, занимавшие высшие должности, — лишил детородных членов и в таком виде, полумертвых, оставил доживать жизнь. Он совестью открыто предать этих людей смерти и хотел, подвергнув ополчению, погубить их более пристойным образом.

XLIII. Такими речами ответил мне новелисим. Тиран же, слегка покачав головой и с трудом выдавив из глаз слезу, сказал: «Бог справедлив, а справедливость карает меня теперь за содеянное», и с этими словами он снова ухватился за божественный престол и стал просить, чтобы ему дали, как положено, одеть монашеские одежды. Над ними обоими совершился обряд переоблачения, и они стояли рядом подавленные, оробевшие, страшась народной ярости. Я со своей стороны полагал, что беспорядки на этом кончатся, и с любопытством наблюдал за происходившим действием и поражался бурлению страстей, но это был лишь краткий пролог трагедий куда более тяжких. Расскажу обо всем по порядку.

XLIV. День уже клонился к вечеру, когда неожиданно явился некий человек из нововозведенных в должность²⁶, сказавший, что ему велено Феодорой перевести ищущих защиты в другое место, за ним следовала толпа горожан и воинов. Приблизившись к алтарю, где они укрывались, этот человек решительным тоном приказал им выйти. Видя, однако, кровожадные намерения толпы и главаря, подающего знак начинать (вопреки обычаю он начал держать себя дерзко), они отказались покинуть алтарь и еще крепче ухватились за колонки, на которых покоится священный престол. Тогда он, переменив тон, заговорил с ними помягче, поклялся на святынях и, призвав на помощь все свое красноречие, постарался убедить их, что ничего плохого им не сделают и что посланец царицы не обойдется с ними суровее, нежели само время. Но они, раз напуганные, уже во всем видели для себя угрозу, остались глухи к увещаниям и предпочли, чтобы их отдали на казнь в храме, чем подвергли мучениям под открытым небом.

XLV. Поэтому, не убедив их словами, он прибегнул к силе. По его приказу из толпы протянулись руки, и пошло твориться беззаконие. Будто дикие звери, погнались они их из святилища, а царь и новелисим, испуская горестные вопли, устремляли свои

взоры к святому сонму, умоляя не обмануть их надежд и не позволить безжалостно изгнать из алтаря тех, кто ищет защиты у бога. Большинство было потрясено их страданиями, но пойти против стихии ни у кого не хватало духа, и поэтому, войдя в соглашение с толпой, поверив клятвам ее главаря и как бы заключив с ним договор, они выдали ему этих людей, да и сами последовали за ними, чтобы быть им чем-либо полезными. Но ничто уже не могло помочь несчастным — обстоятельства были против них, и сердца всех горели к ним ненавистью.

XLVI. Люди Феодоры знали, что Зоя ревнует к ней и скорее согласится увидеть на царском престоле какого-нибудь конюха, чем разделит власть с сестрой, и потому, не без причины опасаясь, как бы императрица не пренебрегла сестрой и тайными кознями не вернула на трон прежнего царя, единодушно решили устранив безжаварного²⁷. Людям, наиболее из них умеренным, не хотелось приговаривать его к смерти, они судили и рядили, каким иным способом погасить в нем всякие надежды, и в конце концов отправили отважных и дерзких мужей с приказом немедленно железом выжечь глаза обоим, как только встретят их за пределами святого храма.

XLVII. И вот они выходили из храма, а их уже поджидала позорная процессия. Чернь, как ей и положено в этих случаях, потешалась над несчастными, и одни хохотали и осыпали их насмешками, другие, поддаваясь гневу, тащили их с намерением провести через город. Пройдя совсем немного, они повстречали людей, которым было приказано погасить глаза пленникам. Те сообщили о приговоре и, готовясь привести его в исполнение, принялись точить железо. Прослышав о беде, несчастные расстались с надеждами (все кругом или одобряли приказ, или, во всяком случае, не препятствовали исполнить назначенное), они сразу лишились голоса и, наверное, упали бы замертво, если бы некий муж из сената, подойдя к ним, не утешил бы их в горе и мало-помалу не вселил бодрость в их отчаявшиеся души.

XLVIII. Беды и горести сломили царя, он пребывал все время в душевном смятении и то принимался рыдать, то голос его прерывался, он просил о помощи каждого подходящего к нему, смиренно взывал к богу, вздымал в мольбах руки к небу, к храму, к чему угодно. Дядя же его сначала и сам вел себя так же, но когда потерял всякую надежду на спасение (а был он человеком более стойкого и крепкого нрава и умел обуздать свои чувства), взял себя в руки и, как бы вооружившись против урагана бедствий, приготовился мужественно встретить страдания, а когда увидел, что палачи уже готовы приступить к делу, сам первый пошел навстречу пытке и спокойно отдал себя в смертоносные руки. Поскольку строй горожан стоял не на расстоянии, а вплотную к нему, и каждый рвался вперед, стремясь увидеть зрелище казни, нове-

лисим спокойно оглянулся кругом в поисках того, кому была доверена эта трагическая роль, и сказал: «Прикажи расступиться этому строю, чтобы лучше могли увидеть, с каким мужеством буду переносить свои страдания».

XLIX. Палач принялся было его вязать, чтобы он не вырывался во время операции, но новелисим сказал: «Если я стану вырываться, пригвозди меня». С этими словами он распростерся на земле и лежал, не изменившись в лице, сохраняя полное молчание, не испуская ни единого стога и не обнаруживая никаких признаков жизни. И ему вырвали глаза, сначала один, потом другой. Царь же, по чужим страданиям наперед представляя свои собственные, переполнился его болью, размахивал руками, бил себя по лицу и жалобно мычал.

L. Лишившийся глаз новелисим, поднявшись с земли и опершись на руку одного из близких, заговаривал с теми, кто приближился к нему и, будто ему нипочем и сама смерть, был сильнее обрушившихся горестей. Что же до царя, то палач, видя, как тот боится и как без конца взывает к состраданию, связал его потуже и схватил покрепче, чтобы не разворотить ему лицо во время наказания²⁸. Когда вырвали глаза и у царя, всеобщее возбуждение и злоба улеглись, и толпа, оставив их в покое, снова устремилась к Феодоре. Из двух императриц одна в то время находилась в царском дворце, другая — в великом храме божьей мудрости²⁹.

LI. Члены первого совета не могли решиться, какую из сестер им предпочесть: ту, что была во дворце, они почитали за первородство, а укрывшуюся в храме — потому, что благодаря ей кончилось правление тирана и сами они обрели спасение. И пошли тут споры и пересуды, кому отдать власть. Старшая, однако, сама разрешила их сомнения, первой радостно обняла и поцеловала сестру и разделила царский жребий между собой и ею. Она договорилась с сестрой о царской власти, пригласила ее в сопровождении торжественной процессии к себе и сделала соправительницей. Феодора же, все еще трепеща перед сестрой, признала ее старшинство и уступила ей первенство, дабы и царствовать вместе с Зоей, и ей подчиняться³⁰.

ЗОЯ И ФЕОДОРА. КОНСТАНТИН IX

I. Итак, царская власть перешла к двум сестрам, и впервые наше время стало тогда свидетелем превращения женских покоев в царский совет. Гражданские и военные согласно признали над собой власть женщин и подчинились им с большей охотой, чем если бы ими стал сурово повелевать какой-нибудь степенный муж.

Я не знаю другого рода столь же любезного богу, и, думая об этом, удивляюсь, как могло случиться, что корень их древа утвердился и возрос не по закону, но кровью и убийствами, само же древо пышно расцвело и

дало прекрасные побеги, каждый с царским плодом, несравненным по красоте и величине¹. Но это только отступление от моего повествования.

II. Поначалу сестры решили царствовать сами, не стали назначать новых правителей и немедленно вводить новшества в установившиеся порядки. Они только сместили с постов родственников узурпатора, остальных же людей, им верных и с детства преданных, оставили на государственной службе. А те, опасаясь навлечь на себя в будущем обвинения в неоправданных нововведениях, неразумных решениях и незаконных действиях, усердно занимались военными и гражданскими делами и оказывали должные почести им обем.

III. Царские церемонии они обставляли для сестер так, как это было в обычае и при прежних самодержцах. Обе царицы восседали на царском троне как бы в одну линию, слегка отклонявшуюся в сторону Феодоры, рядом стояли равдухи², воины с мечами и племя тех, кто потрясает секирой на правом плече³, подалше — самые преданные царю люди и распорядители; их окружала другая стража, рангом ниже первой, самой верной, все с почтитель-

ным видом и потупленными взорами; за ними располагался совет и избранное сословие, затем чины второй и третьей степени⁴, выстроенные по рядам и на определенном расстоянии друг от друга. Тут все и происходило: разрешение тяжб, споры по казенным делам, назначение податей, прием послов, прения, соглашения и все прочее, что было предметом царских забот. Речи держали большей частью должностные лица, но при необходимости и сами царицы спокойным голосом отдавали приказания или отвечали на вопросы, иногда следуя наставлениям сведущих людей, иногда по собственному разумению.

IV. Тем, кто их не знал, хочу поведать и о характерах обеих цариц. Старшая, Зоя, была в мыслях скорой, а в речи медлительной. Феодора же — как раз наоборот: решения принимала медленно, но, начав говорить, разглагольствовала уверенно и живо. Зоя не отступала от своей воли, и рука ее была готова с одинаковой легкостью дарить и то, и другое, я говорю о жизни и смерти, и была она в этом деле, как волны морские, поднимающие корабль ввысь и вновь бросающие его в пучину. О Феодоре же такого сказать нельзя, — нрав у нее был спокойный и как бы немного вялый. Первая отличалась щедростью и была способна за один день вычерпать море золотых россыпей, а другая выдавала монеты по счету, ибо неоткуда было ей черпать в изобилии, да и душу в этом отношении она имела более воздержанную.

V. Поскольку цель моя ныне не славословить, а писать истинную историю, скажу прямо: ни одна из них по складу ума не годилась для царской власти, они не умели ни распоряжаться, ни принимать твердых решений, а к царским заботам большей частью примешивали женские пустяки. То, что старшая из сестер многие годы щедро многих одаривала (за это ее многие славят и поныне), дало повод хвалить ее людям, ею благодетельствованным, но именно из-за этого, а не из-за чего другого, устремилось все к гибели и ухудшилась донельзя участь Ромейской державы. Оказывать благоденствия — высшая добродетель царей. Если это делают с разбором, если учитывают обстоятельства, положение и особенности каждого человека, такой образ действия достоин подражания; если же все это во внимание не принимается, остается одно пустое расточительство.

VI. Сестры были непохожи по характеру, а по виду различались еще больше. Старшая от природы была полнее, роста не очень высокого, с широким разрезом глаз под грозными бровями и носом с еле заметной горбинкой, волосы у нее были русые, и все тело сверкало белизной. Прожитые годы не оставили на ней много следов. Тот, кто стал бы любоваться соразмерностью частей ее тела, не зная на кого смотрит, мог бы честь ее совсем юной: кожа ее не увяла, но везде была гладкой, натянутой и без единой морщины. Феодора же была выше ростом и более сухощавой, с маленькой

головой, не подходящей к ее фигуре; была она, как уже говорилось, разговорчивей и подвижней. Взгляд Феодоры был не суров и приятен, глядела она с улыбкой и пускалась в разговоры по любому поводу.

VII. Такими были они обе характером и внешностью. Царская же власть тогда, казалось, обрела величие и еще большее достоинство: многие люди неожиданно, как на сцене, вознеслись ввысь, и раздачи производились большие, чем когда-либо, особенно благодаря Зое, которая не только отверзла все источники в царской сокровищнице, но дала излиться каждому ручейку, который там таялся. Но эти богатства были не дарованы, а разграблены и расхищены, а все происходящее и высочайший взлет на самом деле оказались началом упадка и унижения государства. Но было это, как в гаданиях, доступно лишь людям проникательным.

VIII. Вознаграждения, предназначенные воинам, и средства для войска без надобности отдавались другим (я говорю о толпе льстецов и о свите цариц), будто именно ради них наполнял деньгами царскую казну самодержец Василий.

IX. Многим кажется, что окружающие нас народы только теперь впервые вдруг двинулись на нас и неожиданно вторглись в ромейские пределы, но, как мне представляется, дом рушится уже тогда, когда гниют крепящие его балки. Хотя большинство людей и не распознало начала зла, оно коренится в событиях того времени: из туч, которые тогда собрались, ныне хлынул проливной дождь. Однако довольно об этом.

Раздумья августы Зои о том, кого возвести на царский престол

X. О последующих событиях расскажу еще более правдиво и ясно. Для благородного и разумного правления и попечения о государстве нужно было немедля найти мужа доблестного и в делах испытанного, способного уразуметь не только настоящее, но и просчеты прошлого и во что они могут вылиться, умеющего предвидеть будущее и загодя подготовиться к любым ударам и нашествиям. Однако властолюбие без властителя, мнимая свобода, безотчетность и стремление урвать себе побольше превратили мужскую твердыню дворца в женское обиталище.

XI. Но не многие люди держались тогда такого мнения. Одна за другой возникали точки зрения, иногда совпадающие, иногда противоположные: одни полагали, что власть должна принадлежать Феодоре, поскольку она — спасительница народа и не познала мужа, иным более подходящим для царства казалась другая сестра, ибо она уже и так заняла первое место и щедростью отличалась необыкновенной; так как мнения разделились, старшая се-

Императрица Зоя

Мозаика южной галереи собора св. Софии
в Константинополе. Вторая четверть XI в.

стра, заручившись поддержкой большинства, вновь взяла в свои руки всю власть и затем уже стала думать и разбираться, кто из чинов в синклите или из воинского сословия наиболее знатен родом и счастливой судьбой отмечен.

XII. Среди прочих выделялся тогда некий муж по имени Константин, вида несравненного, происходящий из знаменитой местности Даласа, который, казалось, самой природой был создан для бремени власти. Ему не исполнилось еще и десяти лет, как молва уже сулила ему высшую долю; императоры опасались Константина и закрывали ему доступ во дворец, а Михаил Пафлагонец даже заключил его под стражу из страха не столько перед ним самим, сколько перед льнувшим к нему народом — ведь при одном виде этого человека город приходил в волнение и готов был ради него на что угодно. И вот Михаил держал его в тюрьме, а воца-

рившийся вслед за ним племянник, едва утвердившись на престоле, лишил Константина всякой надежды на престол: облачил в монашеские одежды и отправил к черноризцам; руководили им при этом не добрые побуждения, не желание приблизить Константина к богу, но злая воля, намерение преградить ему путь к желанной цели. Константин смирился, но тут обстоятельства снова посулили ему власть, а перед глазами встал недавний пример того, как меняют одежды: впервые царица сделала это по принуждению, а во второй раз уже сама. По какому-то случайному поводу его пригласили во дворец и представили Зое. В беседе с ней он был скуп на слова, с достоинством рассуждал о царской власти и ничем не хотел поступиться в своих благородных убеждениях. Поэтому многим он показался человеком неприятным, с тяжелым характером, вызвал к себе недоверие и не оправдал ожиданий⁵.

XIII. Кости бросили наново. Новый избранник был не очень приметного состояния, но имел достойную и внушающую доверие внешность. Исполняя секретарские обязанности у царя Романа⁶, он был не только полезен царю, но и весьма любезен царице, которую в конце концов обвинили в тайной с ним связи. Роман был не слишком ревнив и потому остался глух к слухам подобного рода, но Михаил удалил его из дворца и под предлогом более высокого назначения отправил из города. Теперь Зоя вспомнила об этом человеке, он был призван во дворец и беседовал с царицей, применяясь к ее вкусам и желаниям. Все уже склонялись в его пользу, но неожиданная болезнь унесла его из жизни и разрушила все надежды⁷.

XIV. Скипетр же был уготован сыну Феодосия Константину, последнему по порядку побегу от корня древних Мономахов⁸. Я посвящу этому самодержцу большой рассказ, когда пушусь в плавание по морю его царствования, ибо он находился у власти дольше всех прочих царей, правивших после Василия, и совершил больше других императоров, причем кое в чем он их превзошел, а кое в чем оказался много ниже их. Ибо что мешает мне говорить истину? Сразу после его воцарения я стал его ближайшим помощником, был возведен на высшие должности, посвящен в важнейшие дела, так что хорошо знал, что он делал открыто и что вершил втайне. Вот почему повествование о нем будет длиннее рассказов о других императорах.

Каким образом император Константин был возведен на престол авустой

XV. Но оставим пока это. Расскажу, как, какие причины и какие судьбы привели его к царской власти. Занимая благодаря родовитости высокое положение, обладая большими богатствами и отличаясь красотой, этот человек был для многих весьма почтен-

ных семей завидным женихом. Сначала он женился на дочери одного очень знатного мужа, а когда жена умерла от болезни, сразу был опутан узами второго брака. Дело было так. Самодержец Роман, в то время еще человек частный, но весьма чтимый благодаря положению и ожидавшей его высокой доле, полюбил этого мужа за цветущий возраст и блестящую родословную и привил его к древу своего рода, как прекрасный черенок к плодоносной оливе⁹. Речь идет о единственной дочери его сестры Пульхерии, состоявшей в браке с Василием Склиром (тем самым, которого позже судьба лишила глаз)¹⁰. Соединившись с ней, Константин благодаря такому родству вознесся над другими, но высших должностей не получил, так как приближенные самодержца Василия терпеть не могли Константина и перенесли свою ненависть на его сына. Его отец, уличенный в мятежных замыслах, как бы передал в наследство сыну ту ненависть, которую питали к нему цари, и по этой причине ни самодержец Василий, ни Константин не возводили его на гражданские должности, откристились от него и, хотя никакого зла ему не чинили, лучшей участи не удостоивали.

XVI. Воцарившийся затем Роман тоже милостями его не осыпал (обманывался царь в своих суждениях!), тем не менее держал его в царском дворце, и если уж ничем другим, то свойством с Романом Константин был весьма возвышен. Его лицо цвело красотой, сам он был для нашего времени, как весенний плод, его речь была полна очарования, и он вел беседу, как никто другой. Вот почему царица его полюбила и непрестанно хотела видеть его и слышать. А он ублажал ее разными способами, искусно делал то, что, по его мнению, доставляло ей удовольствие, покорил ее окончательно и снискал ее царские милости. В них со всех сторон полетели стрелы клеветы, и их тайные беседы порой уже не приносили им прежней радости.

XVII. Поэтому он казался вероятным претендентом на престол, и Михаил, воцарившийся после Романа, относился к нему с подозрением, хотя на первых порах никак не проявлял своей ревности, был благожелателен и лишь позднее, придумав какие-то обвинения и выискав лжесвидетелей, изгнал Константина из столицы и в наказание предназначил ему для обитания остров Митилену¹¹, где тот мыкал семилетнее горе и прожил весь срок царствования Михаила. Ненависть к Константину получил в наследство и другой Михаил.

XVIII. Когда власть перешла в руки благородной царицы, она, как я уже говорил, опасаясь невзгод судьбы, искала себе поддержку не вдалеке, а вблизи, но из людей, ее окружавших, одного сочла недостойным из-за низкого звания, другого отвергла из-за бесславного рода, третьего заподозрила в коварстве. Один за другим рождались тогда всякие толки, и царица, отвергнув всех прочих, мечтала об одном лишь Константине, открылась свите и домо-

чадцам, а когда увидела, что все они, как один, стоят за этого мужа, сообщила свою волю и высшему совету. Синклитики тоже сочли, что это решение от бога, и Константин был вызван из ссылки¹².

XIX. Оттуда он выехал без всякой торжественности, но когда приблизился к городу, его ждало роскошное пристанище — был разбит царский шатер, вокруг стояла царская стража, и еще до вступления во дворец Константину была уготована торжественная и великолепная встреча. Отовсюду стекались к нему толпы людей всех возрастов и состояний, они выкрикивали славословия, и казалось, будто справлялось тогда в столице всенародное празднество, а рядом с первым и царственным возник некий другой город; городская толпа высыпала до самых стен, повсюду ликование, сборища. . . Когда все, как положено, было готово к его приему, Константину велели войти, и он в сопровождении торжественной процессии вступил в священный царский дворец.

XX. Общепринятых законов о браке преступать было нельзя, и патриарх Алексей их не нарушил, но под давлением обстоятельств и, можно сказать, воли божьей уступил и, хотя сам не возложил руки на венчающихся, обнял их, уже сочетавшихся браком и обвенчанных. Не знаю уж, поступил он, как подобало священнослужителю или льстецу и применяясь к обстоятельствам¹³.

XXI. И стало это событие для цариц концом свободной жизни и самодержавного правления, а для Константина Мономаха — началом и первой ступенью царствования. Царицы после трех месяцев совместного правления лишились власти, а Константин. . . но о нем подожду, скажу прежде несколько слов для внимательных слушателей.

XXII. Взяться за это сочинение меня не раз побуждали не только вельможные мужи и первые члены синклита, но и служители Слова, люди души божественной и возвышенной, а поскольку с каждым годом все меньше становилось материала для истории и была опасность, что за давностью лет события будут преданы забвению и прошлое по этой причине как бы утратит свою реальность, они и просили меня прийти на помощь природе вещей и не допустить, чтобы в то время, как прежние события запечатлены в памяти потомства, дела нашего времени исчезли в пучине забвения. Такими соображениями и доводами побуждали они меня к труду, но я не имел большой охоты приниматься за историю и отказывался не по беспечности, а потому, что испытывал опасения двойного рода. Если, думал я, по причинам, о которых сейчас скажу, я умолчу о деяниях некоторых людей или изображу их неправильно, все скажут, что я не историю пишу, а для театра сочиняю; напротив, если я во что бы то ни стало буду стремиться к истине, то дам повод для насмешек злонамеренных людей и меня назовут не историком, а клеветником.

XXIII. Вот почему я не очень-то хотел браться за описание современности, хорошо понимая, что мне придется не раз касаться самодержца Константина, не воздать хвалу которому было бы для меня величайшим позором. Ведь я проявил бы неблагодарность и полное безрассудство, если бы своей признательностью на словах не отплатил ему хотя бы за ничтожную долю того, что сделал он для меня на деле и что дал мне в залог еще большего в будущем. Из-за него и отказывался я писать историю, ибо меньше всего хотел навлечь на Константина насмешки, рассказать вслух о не лучших из его дел, о которых лучше было бы умолчать, выставить на всеобщее обозрение его пороки, сделать предметом хулы того, кто давал мне столько поводов для похвальных слов, и обратиться против Константина свою речь, которую я очистил по его настояниям.

XXIV. Хотя философ презирает в этом мире все лишнее и суетное и в круг жизни включает лишь необходимое для нашей природы, а все остальное помещает за его пределы, для меня это не причина проявлять неблагодарность к царю, который оказал мне великие почести и возвысил над другими людьми. Я или помяну его добрым словом, или уж промолчу, коли что им и сделано не из высших побуждений. Если же, поставив себе целью прославить его жизнь, я опустил бы в рассказе все хорошее и собрал одно лишь дурное, то поступил бы злонамеренно, как сын Ликса, который изобразил в своей истории самые худшие из деяний эллинов¹⁴.

XXV. Поскольку, однако, я этого не делаю, а принял на себя труд историка, составляющего жизнеописание самодержцев, как могу я преступить законы исторического повествования и писать по правилам похвального слова, забыть о собственном замысле и пренебречь искусством, не проводя грани между разными предметами и сводя к единой цели то, чье назначение различно. Еще до этого своего сочинения я написал в честь Константина немало похвальных речей, и многих тогда удивила пышность моих энкомиев¹⁵, а я и в похвалах не поступался истиной, хотя то, как это мне удавалось, для многих осталось тайной. Дело же в том, что деяния царственных особ неоднозначны, добрые поступки переплетены с дурными, и поэтому многие не знают, то ли безоговорочно хвалить, то ли всецело порицать царей, — соседство противоположностей приводит в замешательство. Я же отказался от всяких порицаний (если не говорить о притворных) и, составляя похвальные речи, не вставляю туда все без разбора, но плохое опускаю, выбираю только хорошее, склеиваю его в собственном порядке и тку славословия из одного лишь лучшего материала.

XXVI. Вот так описывал я Константина в посвященных ему похвальных словах, однако, взявшись за историю, поступить так же не могу; я не стану извращать истину в историческом сочинении, высшая цель которого — правда, хотя и опасаясь поношений и

Константин IX Мономах

Мозаика южной галереи собора св. Софии
в Константинополе. Вторая четверть XI в.

боюсь, как бы клеветники не сказали в укор, что я осуждаю Константина, вместо того чтобы его славословить. Но сочинение мое также и не порицание, и не обвинительное заключение, а истинная история.

Если бы я видел, что остальные самодержцы всегда действовали из лучших побуждений и во всем снискали себе добрую славу и только правление Константина отмечено совсем иным, я бы опустил рассказ об этом царе. Но поскольку никто не безупречен, а характер каждого определяется тем, что в нем преобладает, зачем мне стесняться и скрывать, если и он поступал не всегда справедливо и должным образом.

XXVII. Многие пишущие историю царей удивляются, почему никто из императоров не пользовался до конца своих дней доброй славой, но у одних лучшими были первые годы, другие достойней вели себя к концу жизни, одни предпочитали проводить время

в удовольствиях, другие же сначала решали вести себя как философы, но затем постыдно отступались от своих намерений и предавались безобразной жизни. Меня же скорее удивило бы, если бы случилось обратное. Может быть, и можно встретить, да и то в редких случаях, частного человека, жизнь которого с первого и до последнего момента шла по одной прямой линии, однако муж, сподобившийся от всевышнего участи правителя, к тому же и живущий долгие годы, конечно, не смог бы распоряжаться властью всегда прекрасно и безупречно, и если человеку частному для добродетельной жизни достаточно природы его души и изначального жизненного состояния, ибо на его долю выпадает мало испытаний и обстоятельства не меняют его души, то как можно сказать это о царе, жизнь которого и на миг не оставляют тяжкие заботы? Она — как море, успокаивающееся и затихающее лишь на мгновение, а в остальное время волнующееся и вздымающееся волнами, и бурлящее то от боя, то от апарктня¹⁶, то от другого несущего бурю ветра, — я сам много раз видел это. Поэтому, если они недостаточно мягки, их укоряют, если уступают человеколюбию, приписывают им неведение, если беспокоятся о делах, упрекают в суетности, если они вынуждены защищать себя и вводить строгости, клеветуют, что-де все это — гнев и злоба. Если что они и совершат скрытно, то скорее люди не заметят гору Афон, нежели их тайных поступков. Поэтому ничего удивительного, что безупречной жизни не было ни у одного из императоров.

XXVIII. Только моему самодержцу, и никакому другому, пожелаю бы я такой доли, но не от нашей воли зависит ход событий, поэтому смилуйся надо мной, божественная душа, и если я не соблюду меры, а открыто и правдиво расскажу об этих временах, прости мне и это. Ни об одном из твоих добрых деяний я не умолчу, все их выставляю на обозрение, но если что было тобой сказано и иного, то и это предаю гласности в своем сочинении. Это — для него¹⁷.

XXIX. Взяв власть в свои руки, Константин стал вершить дела без надлежащей твердости и осмотрительности. Видимо, еще до воцарения он рисовал в своем воображении картины необыкновенного и невиданного в нашей жизни блаженства, а также представлял себе перемены и перетасовки без всякого смысла и порядка, и, едва получив царство, сразу начал осуществлять свои фантазии. В то время как у Римской державы есть два стража — чины и деньги, а кроме того, еще и третий — разумное о них попечение и раздачи со смыслом, он сразу же принялся опустошать казну и подчистил ее до последней монетки. Что же касается чинов, то их тут же, не имея оснований, получили особенно те, кто приставал с просьбами к Константину или же вызывал его смех уместно сказанным словом. Хотя гражданские чины расположены в определенном порядке и существуют неизменные правила возве-

дения в них¹⁸, первые он смешал, другие упразднил и чуть ли не весь рыночный сброд причислил к синклиту, причем даровал эти милости не каким-то отдельным лицам, но всех скопом одним указом возвел на самые почетные должности. По этому поводу устроены были тогда торжества и празднества, и весь город ликовал, радуясь тому, что к власти пришел самый щедрый царь, и настоящее казалось куда лучше прошлого. Дело в том, что у людей, ведущих изнеженную жизнь в столице, мало понятия об общем благе, да и те, у кого такое понятие есть, забывают о долге, когда получают то, что им любо.

XXX. Зло, однако, стало постепенно обнаруживаться, когда столь желанные раньше блага, раздаваемые теперь направо и налево, потеряли значение для тех, кто их приобретал; но в то время это еще не доходило до сознания людей, и поэтому все рачталось и тратилось без всякой надобности. Я хорошо знаю, что это даст повод многим будущим историкам хвалить Константина, но я привык каждое дело, имеет ли оно видимость доброго или кажется дурным, не только рассматривать само по себе, но и исследовать его причины и возможные результаты, особенно если к таким мыслям побуждает предмет моего рассказа. А то, что я рассудил лучше, чем они об этом напишут, показал сам опыт.

XXXI. Такое, можно сказать, мальчишество было первым проявлением характера императора; что же касается другой его черты, то я и прежде хвалил ее в Константине и не менее высоко ценю ныне: он ни перед кем не был кичливым и грозным, не разговаривал выпендрено и заносчиво, не мстил прежним своим недоброжелателям и тем, кто вел себя неразумно при его воцарении; он простил всем своим хулителям, и прежде всего примирился с теми, к кому, казалось, должен был питать больше всего зла.

XXXII. Константин был наделен истинным даром завоевывать сердца подданных, умел найти подход к каждому, всякий раз использовал средства, пригодные, по его мнению, именно для этого человека, и действовал с большим искусством, при этом не морочил людей, не разыгрывал перед ними комедий, но искренне старался доставить им приятное и таким образом привлечь их к себе.

XXXIII. Его речь была полна очарования, он охотно и часто улыбался и веселое выражение лица сохранял не только в забавах, когда это было уместно, но и во время серьезных занятий. Он сходилса с людьми характера простого и не надутыми от важности. Если же кто являлся к нему, выставляя напоказ душу озлобленную, делаа вид, будто понимает больше других и пришел дать совет и поразмыслить вместе с царем о пользе дела, то такого человека Константин считал дурным и полной своей противоположностью, поэтому в разговорах с царем люди приспосабливались

к особенностям его нрава, и если кто-нибудь приходил к нему с чем-нибудь серьезным, то дела сразу не выкладывал, но или предварял его какими-нибудь шутками, или же перемежал одно другим и как бы заставлял больного проглотить горькое лекарство, примешивая к нему сладости.

XXXIV. После многих бурь и волнений (я говорю о его страданиях в изгнании), причалив к царской гавани, Константин, казалось, очень нуждался в отдохновении и покое, и поэтому любезны ему были люди с лицом не хмурым, способные увеселить его душу своими рассказами и предвещать на будущее все самое приятное.

XXXV. Константин не слишком преуспел в науках, даром красноречия не обладал, но ревностно относился к тому и другому; со всех концов страны собрал он в царском дворце прославленных людей, в большинстве своем уже глубоких стариков.

XXXVI. Мне шел тогда двадцать пятый год, я занимался серьезными науками и преследовал две цели: усовершенствовать речь риторикой и очистить ум философией. Изучив незадолго до того риторику настолько, чтобы быть в состоянии выделить суть предмета и свести к ней главные и второстепенные положения речи, не трепетать перед искусством красноречия, как школьник, не следовать всем его предписаниям, а в отдельных случаях и добавлять кое-что от себя, я принялся за философию и, хорошо освоив методы умозаключений — от причины и непосредственно, от обратного и многими способами — взялся за естественные науки и с помощью срединного знания воспарил к высшей философии¹⁹.

XXXVII. Если меня не сочтут докучным и дадут мне слово, добавлю к рассказу о себе, что уже само по себе должно снискать мне похвалу со стороны серьезных людей. Читающие сегодня мое сочинение, будьте свидетелями! Философию, если говорить о тех, кто причастен к ней, я застал уже умирающей и сам своими руками ее оживил, к тому же не имел никаких достойных учителей и при всех поисках не обнаружил семени мудрости ни в Элладе ни у варваров. Прослышав многое об эллинской мудрости, я сначала изучил ее в простом изложении и основных положениях (были это, так сказать, столпы и контуры знания), но, ознакомившись с пустишными писаниями по этому предмету, постарался найти и нечто большее. Я принялся читать труды некоторых толкователей этой науки и от них получил представление о пути познания, при этом один отсылал меня к другому, худший к лучшему, этот к следующему, а тот к Аристотелю и Платону. Любой из ученых, даже живших до этих философов, с удовольствием занял бы место вслед за ними.

XXXVIII. После них я, как бы замыкая круг, подошел к Платину, Порфирию и Ямвлиху, а затем продолжил путь и, как в великой гавани, бросил якорь у неподобного Прокла²⁰, у которого

почерпнул всю мудрость и искусство точного мышления. Намереваясь затем подняться к первой философии и приобщиться к чистому знанию, я обратился к рассмотрению бестелесных понятий в так называемой математике, которая занимает среднее положение между с одной стороны наукой о телесной природе и независимым от нее мышлением и с другой — самыми сущностями, которыми занимается чистая мысль, дабы затем постигнуть и нечто еще более высокое: сверхсущее и сверхмыслимое²¹.

XXXIX. Освоив учение о числах и познакомившись с доводами геометрии, которые иногда называют доказательствами, я посвятил себя музыке и астрономии и другим близким им наукам, ни одну из них не обошел вниманием и прежде изучил каждую в отдельности, затем сочетал все вместе и, как того и требует Послезаконие²², все они привели меня к одной цели; таким образом, овладев ими, я принялся за более высокие материи.

XL. Я узнал от людей, достигших совершенства в философии, что существует некая мудрость, недоступная логическим доводам, познать которую может только целомудренный и вдохновенный ум, и я не обошел ее, но прочел несколько тайных книг и, как мог, насколько хватило моей натуры, усвоил их содержание. Однако доскональным знанием этой науки я сам, пожалуй, не стану хвастаться и не поверю никому, кто себе его приписывает²³. А вот сделать одну какую-нибудь науку чем-то вроде родного своего дома и как бы отправиться из него для исследования и размышления над другими предметами, а потом возвращаться на старое место — это уже не за пределами возможностей нашей природы.

XLI. Словесные науки, как мне известно, разделены на две части. Одну из них составляет риторика, другая принадлежит философии. Первая, не касаясь глубокомысленных предметов и лишь бурля водоворотом слов, занимается построением речи, предлагает правила раскрытия политических тем и их подразделения, украшает язык и полностью являет свою красоту в политических речах; философия же, напротив, меньше озабочена украшением речи, но исследует природу сущего и предлагает лицезрение сокровенного, и не только велеречиво воспаряет к самому небу, но и мир, какой там есть, воспевают на все лады. Но я не счел нужным следовать примеру большинства и, выбрав риторику, забыть о философии или же, напротив, занявшись философией и наслаждаясь богатством прекрасных мыслей, пренебречь цветником слов и правилами искусного деления и построения речей. Поэтому-то многие мне уже не раз и ставили в упрек, что я, сочиняя ораторскую речь, случается, не без изящества ввожу в нее какой-нибудь научный довод и, наоборот, излагая философское положение, расцвечиваю его риторическими прелестями, чтобы ум читающего не растерялся от величия мысли и не потерял нить философского рассуждения²⁴.

XLII. А поскольку выше нее есть и некая иная философия, которую составляет сокровенное содержание нашей науки (оно же двойственно, разделено по природе и времени, не говорю уже о другой двойственности, идущей от логических доказательств и от мысленного представления и боговдохновенного знания для избранных)²⁵, я радел о ней больше, чем о первой, частично следуя толкованию ее у великих отцов²⁶, а частично и сам пополняя сокровищницу божественного знания. Скажу просто и без затей: если меня и можно хвалить за мои сочинения, то вовсе не из-за того, что я прочел много книг (я не ослеплен самомнением и хорошо знаю свою меру и то, сколь я уступаю стоящим выше меня риторам и философам), но потому, что имеющуюся у меня долю мудрости я почерпнул не из струящихся вод, а открыл и расчистил заваленные источники и с великими трудами извлек таящуюся на дне влагу.

XLIII. Ныне ни Афины, ни Никомидия²⁷, ни Александрия в Египте, ни Финикия, ни оба Рима (первый — худший и второй — лучший)²⁸ и никакой другой город не могут похвастаться ни одной из наук, а золотые россыпи, рудоносные и сереброносные жилы, да и не такие дорогие залежи лежат, спрятанные от глаз. Поэтому-то я, не обнаружив живых источников, и обратился к их подобиям и постиг образы и отражения, а собрав их в своей душе, ни для кого не пожалел того, что добыл с такими трудами, но надеялся каждого и при этом не продавал своей науки за мзду, но еще и приплачивал от себя всякому желающему²⁹. Но об этом позже.

XLIV. Еще до того, как созреть плоду, цвет предвещал мне мое будущее. Царю я был незнаком, но вся его свита меня знала, и все наперебой перечисляли ему мои достоинства, не забывая при этом отметить и изящество моей речи. Скажу кое-что и по этому поводу. Природные добродетели или, наоборот, пороки даны нам от рождения — я не говорю здесь ни о добродетелях нравственных, ни о гражданских, ни о тех, что находятся над ними и приближаются к образцу и совершенству творца. Так же как одни тела появляются на свет красивыми, а другие с самого начала наделяются природой пятнами и морщинами, так и души — одни отличаются приятностью и веселостью, другие выглядят мрачными и сумрачными. Со временем первые начинают сиять прелестью, у вторых все идет кривь и вкось и не ладится с красноречием.

XLV. Мне говорили, что речь у меня цветет всеми цветами даже в простых разговорах и источает природную прелесть без всяких на то усилий. Я бы о том и не подозревал, если бы мне много раз не напоминали об этом собеседники и не таяли от удовольствия те, кто меня слушал. Именно это достоинство и привело меня к царю, и прелесть моего языка стала для него первым освящением и окроплением моего святилища³⁰.

XLVI. Впервые введенный к нему, я не произнес ничего изысканного или затейливого, но рассказал о своем роде и о своих упражнениях в науках; что же касается императора, то как боговдохновенные люди приходят в волнение без всякого видимого повода, так и он испытал беспричинный восторг и только что не расцеловал меня — такое удовольствие доставили ему мои речи. Для других доступ к нему был ограничен, но для меня ворота его души распахнулись настежь, и постепенно он посвятил меня во все свои тайны. Не обвиняйте меня, если я немного отошел от цели своего сочинения, и не считите такое отступление за хвастовство: если я и рассказываю о себе, то только в связи с нитью моего повествования. Невозможно ясно рассказать об этом событии, предварительно не назвав его причины, но, решившись назвать причину, надо упомянуть и о том, что касалось меня самого. Я и делаю столь длинное предисловие, чтобы мой рассказ развивался по правилам искусства: возвращаюсь к истокам, делаю предварительные замечания и перехожу к дальнейшему. Поскольку я в этой части своей истории с такими подробностями представил самого себя, не скажу здесь никакой неправды, если же о чем умолчу, пусть это так и останется скрытым, истинность же того, что я предал гласности, будет неоспорима.

XLVII. Этот самодержец не постиг природы царства, ни того, что оно род полезного служения подданным и нуждается в душе, постоянно бдящей о благом правлении, но счел свою власть отдыхом от трудов, исполнением желаемого, ослаблением напряжения, будто он приплыл в гавань, чтобы уже не браться больше за рулевое весло, но наслаждаться благами покоя; он передал другим попечение о казне, право суда и заботы о войске, лишь малую толику дел взял на себя, а своим законным жребием счел жизнь, полную удовольствий и радостей, — такие уж свойства получил он от природы и еще больше развил их в себе, ибо царская власть была для этого хорошей почвой.

XLVIII. Как первые приступы развивающейся болезни не меняют здоровый и полный сил организм, так и тогда небрежение императора едва только ощущалось, ибо царство при смерти еще не было и доставало ему и дыхания, и силы. И продолжалось это до тех пор, пока все увеличивающееся и дошедшее до предела зло не разрушило и не привело все в смешение. Но об этом еще рано³¹. Император, который редко думал о делах, но часто об удовольствиях и развлечениях, стал причиной многих болезней в то время еще здорового тела государства.

XLIX. В значительной мере способствовал такой его неумеренности и безмерно легкомысленный нрав императриц, удовольствия и развлечения которых пришлось Константину по душе. Участие в их забавах он именовал службой и не только ни в чем не хотел им противоречить, но и сам придумывал для них всевоз-

возможные увеселения. Впрочем, когда Константином стали руководить другие побуждения, он сразу нанес царицам обиду, хотя супруга Зоя ее не заметила, — не знаю, то ли она скрывала свою ревность, то ли из-за возраста уже не питала этого чувства.

Как и каким способом севаста Склирена была представлена царице

Л. Случилось же следующее. После смерти своей второй супруги, которую он взял из славного рода Склиров³², Константин, тогда еще не царь, постыдился вступать в третий брак, запрещенный ромейскими законами, но выбрал нечто еще худшее, впрочем, обычное для человека, желающего избежать огласки. Он склонил к незаконному сожителству племянницу покойной, красивую и вообще-то целомудренную девушку; не знаю, то ли он соблазнил ее подарками, то ли оболстнул любовными речами, то ли воспользовался какими-то иными средствами³³.

ЛІ. Любовь так их связала, что и в злосчастии не желали они жить друг без друга. И когда будущий царь, как уже говорилось, находился в изгнании, эта женщина оставалась при нем, заботливо за ним ухаживала, отдала ему все, чем владела, утешала всеми способами и очень облегчала его страдания. Дело в том, что ее тоже согревали надежды на трон, и по сравнению с царской властью, которую она хотела с ним разделить, все остальное казалось ей чем-то второстепенным. Она рассчитывала, что после воцарения Константина они смогут заключить брак и все устроится по их желанию, ибо закон пересилит царская воля. И когда из ее надежд исполнилась только одна (я имею в виду воцарение Константина), а второй так и не суждено было свершиться, ибо всю власть взяла в свои руки императрица Зоя, она совершенно отчаялась не только в лучших надеждах на будущее, но даже в спасении, поскольку боялась царицы и считала, что та ее ненавидит.

ЛІІ. Но самодержец не забыл о ней, уже когда его возводили на престол, телесными очами смотрел на царицу, но глазами души представлял и рисовал себе черты этой женщины, обнимал Зою, но в душе лелеял образ возлюбленной. Константин не думал ни о каких препятствиях, ни о ревности царицы, не слушал увещаний, собственную волю уважал больше любых советов, особенно исходящих от сестры Еврепии, разумнейшей из женщин нашего времени, которая противодействовала его намерениям и подавала брату благие советы. Константин, однако, не обратил на них никакого внимания и уже при первом свидании заговорил с царицей о Склирене, причем упоминал о ней не как о супруге или будущей сожительнице, а только как о женщине, вынесшей множество бед-

ствий, причиной которых было и ее происхождение, и она сама. Он просил вернуть Склирену в столицу и обойтись с ней подобающим образом.

LIII. Царица даже не возражала, ибо не осталось ревности в женщине, измученной многими бедами и вошедшей в возраст, которому чужды подобные чувства. И вот Склирена ждет самого страшного, а к ней вдруг являются люди, чтобы в окружении царской стражи доставить в Византий; посланцы вручили ей письма — одно от самодержца, другое от самой царицы, где ей обещали благосклонный прием и предлагали прибыть в столицу. Вот таким образом и явилась она в царицу городов³⁴.

LIV. Сначала ей предоставили скромное убежище и немногочисленную свиту. Чтобы иметь предлог ходить туда, царь превратил этот дом в свои палаты и, желая придать ему величие и сделать достойным царского жилища, велел к старому фундаменту пристроить новый побольше и собирався возвести на нем роскошное здание³⁵.

LV. Каждый раз Константин придумывал в качестве предлога что-нибудь, связанное со строительством, и отлучался по несколько раз в месяц якобы для наблюдения за работами, а на самом деле — чтобы проводить время у этой женщины. Поскольку царя обычно сопровождали люди и с другой половины³⁶, он, дабы сделать их менее любопытными, велел накрывать во дворе роскошный стол и приглашать их к трапезе, и что бы они тогда ни просили, все исполнялось. А они, понимая, для чего все это делается, не столько огорчались за госпожу, сколько радовались за себя, ибо получали все, чего хотели, и как только видели, что самодержец горит желанием отправиться туда, но стыдится и медлит, придумывали один предлог за другим, прокладывали царю дорогу к возлюбленной и таким образом завоевывали еще большее его расположение.

LVI. В первое время царь еще как-то скрывал чувства к этой женщине, и его любовь не была столь бесстыдна, но чем дальше, тем больше отбрасывал он всякий стыд, все явственней обнаруживал свои намерения и, перестав лицедействовать, когда хотел, в открытую приходил к возлюбленной и проводил с ней время. Забегая вперед и говоря об этой женщине, скажу: все это видевшим или слышавшим происходящее казалось чем-то невероятным — царь являлся к Склирене не как к наложнице, а как к истинной супруге!

LVII. Из царской казны Константин черпал для Склирены, сколько хотел. Как-то раз нашел он во дворце медный бочонок, украшенный снаружи разными фигурами и изображениями, наполнил его монетами и послал ей в подарок. И подобные вещи он делал не от случая к случаю, а постоянно и все время отправлял возлюбленной то одно, то другое.

Как севаста была введена во дворец

LVIII. До каких-то пор эта любовная связь оставалась полуоткрытой, но постепенно все тайное выходило наружу, Константин уже во всеуслышание объявил о любви и искусными доводами убедил царицу жить вместе со Склиреной. Заручившись ее согласием, он простер свои замыслы еще дальше — велел изготовить грамоту о дружбе и разбить по такому случаю царский шатер. Там они восседали и туда же ради этой неслыханной грамоты пришли и члены синклита. Лица синклитиков порозовели от стыда, они бурчали, но вслух расхваливали документ, будто это некая упавшая с неба скрижаль, называли его сосудом дружбы и другими сладкими названиями, которые обманывают и очаровывают пустые и легкомысленные души.

LIX. Когда был заключен договор и принесены клятвы, бывшую любовницу вводят во внутренние царские палаты и уже называют не прежним ее именем, а прямо-таки госпожой и царицей; и что самое удивительное, в то время как почти все были уязвлены в самую душу тем, как обманули и унизили царицу³⁷, сама она ни в чем не переменилась, всем улыбалась и была довольна случившимся. Она часто прижимала к сердцу и целовала советчицу, и они обе, беседуя с царем, рассуждали об одних и тех же предметах. Константин же равной мерой делил внимание между той и другой, но, случалось, чаще обращался с речами ко второй царице.

LX. В ее внешности не было ничего замечательного, но не давала она поводов и для осуждения или насмешек; что же касается ее нрава и ума, то первый мог смягчить и камень, а другой способен был постичь что угодно; несравненной была и ее речь: утонченная, украшенная цветами красноречия, ритмизированная, как у искусных ораторов; сладостные слова сами собой струились с ее уст и придавали говорящей несказанную прелесть. Нередко покоряла она и мое сердце вопросами об эллинских мифах и сама добавляла, если ей довелось что-нибудь услышать по этому поводу от знатоков. Слух у нее был чутким, как ни у какой другой женщины, и связано это, как я полагаю, не с ее природой, а с тем, что все кругом, и она знала это, судачили на ее счет; слово, процеженное сквозь зубы, было для нее уже молвой, а шопот давал основания для подозрений.

LXI. Как-то раз, когда все мы, секретари, собрались, был устроен торжественный выход царицы с ее свитой. Впереди шла сама Зоя с сестрой Феодорой, за которой следовала и севаста (таким новым титулом по желанию самодержца пожаловали ее императрицы)³⁸; и вот во время этого шествия, когда процессия направлялась в театр, народ впервые и увидел возлюбленную царя Константина бок о бок с царицами. Какой-то не в меру усердный

льстец тихонько произнес слова Поэта: «осуждать невозможно» — и тут же оборвал строку³⁹. В первый момент она не проявила никакого интереса к услышанному, но после завершения процессии разыскала произнесшего эти слова и осведомилась об их смысле, при этом повторила слова, чисто выговаривая строку и соблюдая правила произношения. Человек этот изложил всю историю целиком, и когда многие из присутствующих подтвердили его толкование, сердце севасты переполнилось гордостью, и она вознаградила льстеца не скупое и не бедное, а так, как привыкла сама получать и другим дарить. Чтобы люди, а в особенности царицы, полюбили Склирену, самодержец давал своей возлюбленной средства одаривать каждого и каждую по их вкусу.

LXII. У сестер были свои пристрастия. У старшей — к грудам золота, которое она не держала при себе и не копила в сокровищнице, а дождем изливала на других, и к индийским ароматическим растениям (особенно к деревьям, сохранявшим естественную влагу, карликовым маслинам и лавру с белоснежными плодами); младшая любила ежедневно получать тысячи золотых дариков⁴⁰, которыми она набивала медные ларцы; и вот, одаривая каждую по их вкусу, севаста умела угодить обеим. Дело в том, что первая царица в своем преклонном возрасте уже забыла о ревности и, подточенная временем, не испытывала никакой ненависти и не мучилась завистью к сопернице. Ну, а Феодора, получая все, что хотела, беспокоилась еще меньше сестры.

LXIII. В результате сокровища, которые с такими трудами и потом скопил во дворце Василий, расточались на радость и забавы женщин. Непрерывно тратились они на подарки и награды, а кое-что уплывало и к другим людям, и в короткое время все было расхищено и погублено. Но об этом речь еще впереди, прежде закончу свой рассказ. Они разделили между собой палаты: императору досталась средняя из трех, царицы поселились в крайней, а внутренние покои заняла севаста, и царица входила в комнату самодержца не иначе, как предварительно убедившись, что он у себя и вдали от возлюбленной. В противном случае она принималась за свои дела. Какие же именно?

LXIV. Зоя терпеть не могла женских занятий, не притрагивалась руками к веретену, не касалась ткацкого станка и ничего другого в этом роде. В то же время пренебрегала она и царскими украшениями, не знаю уж, как было дело в молодые годы, но в пожилом возрасте она потеряла к ним всякий интерес. Одно только увлекало ее и поглощало все внимание: изменять природу ароматических веществ, приготавливать благовонные мази, изобретать и составлять одни смеси, переделывать другие, и покои, отведенные под ее спальню, выглядели не лучше рыночных лавок, в которых хлопочут ремесленники и приставленные к ним слуги. Перед спальней горело обычно множество горнов, одни служанки расклады-

вали кучи ароматических веществ, другие их смешивали, третьи делали еще что-нибудь. Зимой от всего этого царице еще была какая-то польза: пылающий огонь подогревал ей холодный воздух, в жаркое же время года тяжело было даже приблизиться к этому месту, и лишь одна Зоя, казалось, оставалась бесчувственной к жару и, как стражей, окружала себя многочисленными огнями. Странной была природа обеих сестер: к свежему воздуху, к роскошным жилищам, к лугам и садам проявляли они полное равнодушие, но когда запирались в своих покоях и одна скрепляла печатью струящийся к ней поток золота, а другая открывала ему выход, то ощущали они ни с чем не сравнимое удовольствие.

LXV. Я не очень-то склонен хвалить первую царицу (расскажу о ней подробней, пока самодержец блаженствует со своей севастой), но одно ее свойство вызывает мое неизменное восхищение — я имею в виду ее любовь к богу, которой превосходила она и всех женщин, и весь мужской род. Как те, что сливаются с божеством посредством созерцания, и те, что, воспарив еще выше, достигают истинного обожения, живут лишь совершенным своим стремлением и им только возносятся, так и ее, можно сказать, насквозь пронизало первым и чистейшим светом пылкое благочестие, и на устах ее постоянно было имя божие.

*Антифонит*⁴¹

LXVI. Так, например, она изготовила для себя точнейшее, если можно так сказать, изображение Иисуса, украсила его всевозможными драгоценностями и только что не вдохнула в икону жизнь. Цветом своим образ подавал знак просящему и краской лица предвещал грядущее. С его помощью Зоя многое могла предсказать в будущем. Случалось ли что-нибудь приятное, постигала ее какая-нибудь беда, Зоя сразу приходила к иконе, чтобы благодарить или просить о помощи. Нередко видел и я, как в тяжелую годину она то обнимала образ, преданно смотрела на него и, обращаясь, как к живому, называла самыми ласковыми именами, то, распростершись на полу, орошала землю слезами и терзала ударами грудь, и если видела его лик побледневшим, уходила мрачная, а если пламенеющим и озаренным ярким сиянием, немедленно извещала об этом царя и предрекала будущее.

LXIII. Я вычитал из эллинских книг, что душистые благовоения, поднимаясь в воздух, изгоняют дурных духов и замещают их в соответствующих материях добрыми (точно так же в иных случаях камни, травы и тайные обряды вызывают явление божества)⁴²; уже впервые прочтя об этом, я не согласился с подобными утверждениями, позднее отказался поверить, опираясь на факты,

но камнями отогнал прочь от себя такие мысли. Зоя же воздавала почести божеству не по-эллински и не суетно, а выказывала страсть души и посвящала богу самое драгоценное из того, что нами признается за благо.

LXVIII. Доведя до этого места повествование о царице, снова вернемся к севасте и самодержцу и, если угодно, разбудим их, разъединим и Константина прибережем для дальнейшего рассказа, а жизнь Склирены завершим уже здесь.

Смерть севасты

LXIX. Вероятно, самодержец, — и об этом ходили многочисленные слухи — уготовлял ей царскую власть; не знаю уж, как он собирался осуществить свои планы, но мысли такие действительно вынашивал. Однако замыслам Константина и надеждам его возлюбленной не дано было исполниться, и причиной тому — болезнь севасты, не посчитавшаяся ни с какими стараниями и ухищрениями. Лечение не помогало, грудь у нее болела, дышать ей было очень больно, и возмечтавшая было о лучшей доле должна была преждевременно расстаться со всеми надеждами⁴³.

LXX. Как только самодержец ни оплакивал ее смерти! Но стенания, которые он испускал, поступки, которые совершал, слезы, которые, как ребенок, в горести проливал, — все это излишне вплетать в ткань моей истории. Ведь излагать дела и слова героя во всех подробностях и до самых мелочей — это задача не историка, но хулителя, когда эти мелочи постыдны, или панегириста, когда они служат основанием для похвалы. Если же я порой и сам пользуюсь тем, от чего предостерегаю других историков, то ничего тут удивительного нет, ибо историческое сочинение не заключено в узкие рамки и не строго со всех сторон ограничено, а напротив, допускает отступления и отвлечения. Тем не менее историку следует быстро возвращать назад отклонившийся в сторону рассказ, обращать все внимание на основной сюжет, а остальное привлекать лишь постольку поскольку.

LXXI. О всех страданиях Константина я умолчу — расскажу только о главном, какие дела он творил на могиле севасты, но сделаю это не сейчас, а в свое время, после того как изложу события, которые этому предшествовали. Дело в том, что, заговорив о севасте, я счел своим долгом поведать всю ее историю в целом и обошел молчанием многое другое, достойное внимания, иначе я должен был бы упоминать ее при каждом случае и всякий раз нарушать последовательность рассказа. Повествование о севасте оборвалось вместе с ее жизнью, так вернемся же вновь к самодержцу, которого и сделаем предметом этого раздела нашей истории.

LXXII. Как я уже не раз говорил, после многих бурь, причалив к безмятежному берегу и тихой гавани, Константин не желал более выходить в открытое море. Иными словами, он властью распорядился скорее как император мирный, нежели воинственный, так же, впрочем, поступало и большинство его предшественников. Однако, поскольку события развиваются не по нашей воле, но выше нас, существует некое могущественное начало, которое направляет нашу жизнь, куда захочет, порой по гладкой дороге, а порой к бурям и разладам, то и действия Константина не приводили к желанной цели, а волны бедствий накатывались на него одна за другой. То державу потрясали междоусобные войны, то обширные ее пространства опустошались набегами варваров, которые возвращались в свои пределы, унося добра и добычи, сколько хотели.

LXXIII. От подробного рассказа о дальнейших событиях я воздержусь; потребовалось бы слишком много времени и слишком много слов, чтобы исследовать, с чего каждое из них начиналось и во что вылилось, и чтобы перечислить боевые порядки, лагеря, стычки, рукопашные схватки и все прочее, о чем обычно повествуют обстоятельные историки. Ведь ты, самый мне дорогой из людей⁴⁴, не требовал от меня исторического сочинения по всем правилам, а только просил рассказывать о самом главном, поэтому я умолчал о многих значительных событиях, не распределил материал своей истории по олимпиадам⁴⁵, не разделил, подобно Историку⁴⁶, по временам года, но без затей сообщил о самом важном и о том, что всплыло в моей памяти, когда я писал. Как уже говорилось, я избегаю здесь всяких подробностей и избрал средний путь между теми, кто повествовал о владычестве и деяниях старшего Рима⁴⁷, и теми, кто составляет летописания в наши дни⁴⁸, — я не подражаю растянутому повествованию первых и не беру за образец краткость вторых, дабы сочинение мое не навевало скуку, но и не упускало ничего существенного.

LXXIV. Но хватит об этом. Придерживаясь последовательности событий, мой рассказ в первую очередь должен коснуться первой из навязанных самодержцу войн, однако я немного вспомню и о предыдущем и как бы приставлю голову к телу моего повествования. Труден путь добра, гласит пословица, а раз так, зависть подкрадывается и к людям избранным. Стоит где-нибудь распуститься цветку одаренной природы (я говорю о том, что случается во все времена), совершенного ума, благородства, твердой и мужественной души или какой иной добродетели, как наготове уж и нож, — цветущий побег обрезается, бесплодные же ветви разрастаются и идут в рост колючки. Не то странно, что люди, обделенные природными достоинствами, обычно начинают рано или поздно с завистью на них коситься. Но, как я вижу, страсть эта захватила и царей, не хватает им короны и пурпура, они места

себе не находят, если не оказываются мудрее самых мудрых, искуснее самых опытных, одним словом, вершиной всех добродетелей, и царствовать желают не иначе, как являясь нам в образе богов. Я и сам видел таких, которые скорее согласились бы умереть, чем принять чужую помощь и своей властью быть обязанным другим людям. И хотя следовало бы гордиться тем, что бог сотворил для них руку помогающую, они готовы ее отрубить только потому, что приняли ее помощь⁴⁹.

LXXV. Такое предисловие я сделал с мыслью о том, кто расцвел в наше время, кто показал силу полководческого искусства, более того, кто отвагой и опытностью обуздал натиск варваров и обеспечил ромеям неприкосновенную свободу⁵⁰.

LXXVI. Этот Георгий Маниак не вышел сразу из носильщиков в полководцы и не так, чтобы вчера еще трубить в трубу и служить глашатаем, а сегодня уже командовать целым войском, но, как по сигналу, начал он медленно продвигаться вперед и постепенно, поднимаясь со ступени на ступень, достиг высших воинских должностей⁵¹. Однако стоило ему добиться успеха, как он тут же, украшенный победным венком, попадал в оковы; он возвращался к царям победителем и угождал в тюрьму, его отправляли в поход и отдавали под начало ему все войско, но по обе стороны его уже становились молокососы-военачальники, толкавшие его на путь, идти которым было нельзя, где все должно было обернуться и против нас, и против него самого. Он взял Эдессу, но попал под следствие⁵², его послали завоевывать Сицилию, но, чтобы не дать овладеть островом, с позором отозвали назад⁵³.

LXXVII. Я видел этого человека и восхищался им. Природа собрала в нем все, что требовалось для полководца: рост его достигал чуть ли не десяти стоп⁵⁴, и окружающие смотрели на него снизу вверх, как на холм или горную вершину, видом он не был изнежен и красив, но как бы смерчу подобен, голосом обладал громовым, руками мог сотрясти стены и разнести медные ворота, в стремительности не уступал льву и брови имел грозные. Да и в остальном он был такой же, а молва еще и преувеличивала то, что было в действительности. И варвары опасались Маннака, одни — потому что своими глазами видели его и удивлялись этому мужу, другие — потому что слышали о нем страшных рассказов.

LXXVIII. Когда у нас отторгли Италию и мы лишились лучшей части империи, второй Михаил отправил его воевать с захватчиками и вернуть государству эту область (под Италией я сейчас имею в виду не весь полуостров, а лишь часть его, обращенную к нам и принявшую это общее наименование)⁵⁵. Явившись туда с войском, Маниак пустил в ход все свое военное искусство и, казалось, что скоро он уже прогонит завоевателей и меч его послужит лучшей защитой от их набегов.

LXXIX. Когда же Михаила свергли и власть перешла к самодержцу Константину, которого я ныне описываю, новый царь должен был бы оказать Маниаку честь всякого рода посланиями, увенчать тысячами венков, уважить его иными способами, но он ничего такого не сделал, дал ему повод для подозрений и, таким образом, с самого начала потряс основы царства. Когда же Маниак сам о себе напомнил, подпал под подозрение и был уличен в мятежных замыслах, то и тогда Константин не обошелся с ним, как следовало бы, не притворился, будто ничего о его планах не знает, а ополчился на Маниака, как на открытого мятежника⁵⁶.

LXXX. Царь послал людей к Маниаку с приказом не угодить полководцу, не смягчить и не наставить его на путь истинный, но, можно сказать, погубить его, или же, говоря мягче, избранить его за враждебность и разве только что не высечь, не заключить в оковы и не изгнать из города. Возглавляя же посольство не человек, опытный в таких поручениях и состоявший долгое время на военной или гражданской службе, но один из тех, что с уличных перекрестков сразу попадают во дворец⁵⁷.

LXXXI. Когда этот человек высадился в Италии, Маниак уже начал мятеж и стоял во главе войска, и потому он с тревогой ожидал царского посланника. Тот же никак не предупредил его о мирных своих намерениях, да и вообще не известил о своем приходе, а незаметно для людских глаз явился к Маниаку и неожиданно предстал перед ним верхом на коне; при этом он не произнес и слова умиротворяющего, не сделал никакого предисловия, чтобы облегчить беседу, а сразу осыпал полководца бранью и угрозил страшными карами. Воочию видя, как сбываются его подозрения, и опасаясь еще и тайных козней, Маниак воспылил гневом и замахнулся на посла, но не для того, чтобы ударить, а только испугать. Тот же, как бы на месте преступления уличив Маниака в мятеже, призвал всех в свидетели такой дерзости и прибавил, что виновному уже не уйти от наказания. Маниак и его воины решили, что дела плохи, поэтому они набросились на посла, убили его и, не ожидая уже ничего хорошего от императора, подняли мятеж.

LXXXII. К этому отважному и непревзойденному в воинской науке мужу стекались толпы народа, причем не только те, что по возрасту годились для военной службы, но стар и млад — все шло к Маниаку! Он, однако, понимал, что трофеи воздвигаются не числом, а искусством и опытом, и отобрал только самых испытанных в бою воинов, с которыми разорил многие города и захватил немало добычи и пленных; вместе с ними он незаметно для сторожевых постов переправился на противоположный берег, и никто не решился выйти ему навстречу. Все боялись Маниака и старались держаться от него подальше.

LXXXIII. Так обстояли дела с Маниаком. Самодержец же, узнав о смерти посла и безрассудстве мятежника, сколотил против

него многотысячное войско, но позднее стал опасаться, как бы будущий военачальник после победы не возгордился своим успехом, не обратил против государя оружия и не учинил мятежа еще более грозного (ведь армия под его началом соберется огромная и к тому же только что разгромившая противника), и потому поставил во главе воинов не какого-нибудь доблестного мужа, а одного верного себе евнуха, человека, который никакими особыми достоинствами похвастаться не мог⁵⁸. С многочисленным войском тот выступил против узурпатора. Когда Маниак узнал, что на него движется вся ромейская армия, он не испугался ее численности, не утратился натиска, но, ни о чем уже, кроме мятежа, не помышляя, попытался застигнуть врага врасплох и неожиданно напал на него во главе легко вооруженных отрядов⁵⁹.

LXXXIV. В конце концов нашим воинам все-таки удалось построиться в боевые порядки, но и тогда они оказались скорее в роли зрителей, нежели соперников Маниака, а многим он даже и взглянуть на себя не позволил: слепил их, как молния, оглушал громом боевых команд, врвался в наши ряды и сеял ужас везде, где только появлялся. Благодаря своей доблести он сразу одержал верх над нашим воинством, но сам отступил перед высшим решением, смысл которого нам неведом. Когда Маниак приводил одни за другим в замешательство наши отряды (стоило ему появиться, как сомкнутые ряды разрывались и строй воинов подавался назад) и весь строй уже распадался на части и приходил в смятение, в правый бок полководца вдруг вонзилось копьё, которое не только задело кожу, но проникло в глубь тела, и из раны тут же хлынул поток крови. Сначала Маниак вроде бы и не ощутил удара, но, увидев текущую кровь, приложил руку к месту, откуда она струилась, понял, что рана смертельна, и распрошлся со всеми надеждами; сначала он сделал попытку вернуться в свой лагерь и даже отъехал на некоторое расстояние от войска, но, почувствовав слабость во всем теле, не смог управлять конем. Перед его глазами поплыл туман, он тихо, сколько позволяли силы, застонал, сразу выпустил из рук поводья, вывалился из седла и — о, скорбное зрелище! — рухнул на землю.

LXXXV. Но, и лежа на земле, внушал он страх нашим воинам, и они попрдержали коней, опасаясь, как бы все это не оказалось уловкой. Но когда и почувствовавший свободу конь стал беспорядочно носиться по полю (коновода вблизи не оказалось), они все толпой кинулись к мертвому и, рассмотрев его, были поражены тем, сколько места занимало распростершееся на земле тело; отрубив Маниаку голову, они доставили ее начальнику войска. Многие потом приписывали себе убийство этого мужа и сочиняли по этому поводу разные истории, а поскольку доказать ничего нельзя было, утверждали даже, что на Маниака набросились какие-то неведомые всадники и обезглавили его. Немало со-

чинялось подобных историй, но доказательств ни для одной из них не было; так как у Маниака оказался рассечен бок, считают, что его поразило копьё, но кто нанес удар, остается неизвестным и ныне, когда я пишу это сочинение.

LXXXVI. Много зла претерпел этот муж, немало его и сам сотворил и такой смертью умер. Что же касается его армии, то отдельные отряды скрытно вернулись на родину, но большая часть перешла к нам. Еще до возвращения воинов самодержцу была послана голова мятежника, и он, будто схлынул окативший его морской вал, немного перевел дух, вознес благодарение богу, а голову Маниака велел укрепить высоко над Великим театром, чтобы всем можно было издалека видеть ее как бы парящей в воздухе.

LXXXVII. Когда войско вернулось (большинство воинов шли, украшенные победными венками) и раскинуло лагерь у стен города, самодержец решил устроить триумф в честь победы. Зная толк в зрелищах, умея торжественно обставить любое дело, он устроил эту процессию следующим образом: впереди, по его приказу, с оружием в руках, неся щиты, луки и копья, но без порядка и строя шли легковооруженные воины. За ними следовали отборные всадники — катафракты, наводящие ужас своим облачением и боевыми рядами, а затем уже мятежное войско — не в строю и не в пристойном виде, но все на ослах, задом наперед, с обритыми головами, с кучей срамной дряни вокруг шеи; дальше уже справлялся триумф над головой узурпатора, а за ней несли его облачение, потом шли воины с мечами, раудухи и потрясающие в своих десницах секирами⁶⁰ — вся эта огромная толпа двигалась перед полководцем, вслед ей ехал и он сам, приметный благодаря коню и платью, а за ним и вся свита.

LXXXVIII. В таком порядке совершалось шествие, а в это время самодержец, высокий и ослепительный, восседал перед так называемой Медной стражей у того самого божьего храма, который соорудил великий царь Иоанн, правивший после Никифора Фоки⁶¹; сидя по обе стороны от него, наблюдали за триумфом и царицы. После окончания столь величественного шествия царь, сопровождаемый торжественными славословиями, с венком на голове отправился во дворец и в соответствии с собственным нравом больше уже не купался в лучах славной победы, а вновь стал скромн, как и прежде.

LXXXIX. Прекрасной и достойной всяческих похвал была эта черта у царя: он никогда не чванился успехами, хвастливо не разглагольствовал и, порадовавшись, сколько положено, снова становился прежним. Таким уж обладал он характером. В то же время не проявлял он и достаточной осторожности; напротив, как человек, после многих испытаний нуждающийся в отдыхе, он вел себя легкомысленно, поэтому и беды накатывались на него, как волны, одна за другой.

Восстание росов (и мятеж Торника)

XC. Не успели подавить мятеж, как началась война с варварами. Неисчислимое, если можно так выразиться, количество русских кораблей прорвалось силой или ускользнуло от отражавших их на дальних подступах к столице судов и вошло в Пропонтиду. Туча, неожиданно поднявшаяся с моря, затянула мглой царственный город. Дойдя до этого места, хочу рассказать, почему они без всякого повода со стороны самодержца пустились в плаванье и двинулись на нас походом.

ХСІ. Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами⁶². Когда умер вселявший в них ужас самодержец Василий, а затем окончил отмеренный ему век и его брат Константин и завершилось благородное правление⁶³, они снова вспомнили о своей старой вражде к нам и стали мало-помалу готовиться к будущим войнам. Но и царствование Романа сочли они весьма блестящим и славным, да к тому же и не успели совершить приготовлений; когда же после недолгого правления он умер и власть перешла к неизвестному Михаилу, варвары снарядили против него войско; избрав морской путь, они нарубили где-то в глубине своей страны лес, вытесали челны, маленькие и покрупнее, и постепенно, проделав все в тайне, собрали большой флот и готовы были двинуться на Михаила. Пока все это происходило и война только грозила нам, не дождавшись появления росов, распрощался с жизнью и этот царь, за ним умер, не успев как следует утвердиться во дворце, следующий, власть же досталась Константину, и варвары, хотя и не могли ни в чем упрекнуть нового царя, пошли на него войной без всякого повода, чтобы только приготовления их не оказались напрасными. Такова была беспричинная причина их похода на самодержца⁶⁴.

ХСІІ. Скрытно проникнув в Пропонтиду, они прежде всего предложили нам мир, если мы согласимся заплатить за него большой выкуп, назвали при этом и цену: по тысяче статиров⁶⁵ на судно с условием, чтобы отсчитывались эти деньги не иначе, как на одном из их кораблей⁶⁶. Они придумали такое, то ли полагая, что у нас текут какие-то золотоносные источники, то ли потому, что в любом случае намеревались сражаться и специально выставляли неосуществимые условия, ища благовидный предлог для войны. Поэтому, когда послы не удостоили никакого ответа, варвары сплотились и снарядились к битве; они настолько уповали на свои силы, что рассчитывали захватить город со всеми его жителями.

ХСІІІ. Морские силы ромеев в то время были невелики, а огненосные суда⁶⁷, разбросанные по прибрежным водам, в раз-

ных местах стерегли наши пределы. Самодержец стянул в одно место остатки прежнего флота, соединил их вместе, собрал грузовые суда, снарядил несколько триер⁶⁸, посадил на них опытных воинов, в изобилии снабдил корабли жидким огнем, выстроил их в противоположащей гавани напротив варварских челнов и сам вместе с группой избранных синклитиков в начале ночи прибыл на корабле в ту же гавань; он торжественно возвестил варварам о морском сражении и с рассветом установил корабли в боевой порядок. Со своей стороны варвары, будто покинув стоянку и лагерь, вышли из противоположащей нам гавани, удалились на значительное расстояние от берега, выстроили все корабли в одну линию, перегородили море от одной гавани до другой и, таким образом, могли уже и на нас напасть, и наше нападение отразить. И не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильнейшего душевного беспокойства. Сам я, стоя около самодержца (он сидел на холме, покато спускавшемся к морю), издали наблюдал за событиями.

XCIV. Так построились противники, но ни те, ни другие боя не начинали, и обе стороны стояли без движения сомкнутым строем. Прошла уже большая часть дня, когда царь, подав сигнал, приказал двум нашим крупным судам потихоньку продвигаться к варварским челнам; те легко и стройно поплыли вперед, копейшики и камнеметы подняли на их палубах боевой крик, метатели огня заняли свои места и приготовились действовать. Но в это время множество варварских челнов, отделившись от остального флота, быстрым ходом устремилось к нашим судам. Затем варвары разделились, окружили со всех сторон каждую из триер и начали снизу пиками дырять ромейские корабли; наши в это время сверху забрасывали их камнями и копьями. Когда же во врага полетел и огонь, который жег глаза, одни варвары бросились в море, чтобы плыть к своим, другие совсем отчаялись и не могли придумать, как спастись⁶⁹.

XCV. В этот момент последовал второй сигнал, и в море вышел множество триер, а вместе с ними и другие суда, одни позади, другие рядом. Тут уже наши приободрились, а враги в ужасе застыли на месте. Когда триеры пересекли море и оказались у самых челнов, варварский строй рассыпался, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули остаться на месте, но большая часть их обратилась в бегство. Тут вдруг солнце притянуло к себе снизу туман и, когда горизонт очистился, переместило воздух, который возбудил сильный восточный ветер, взбороздил волнами море и погнал водяные валы на варваров. Одни корабли вздыбившиеся волны накрыли сразу, другие же долго еще волкли по морю и потом бросили на скалы и на крутой берег; за некоторыми из них пустились в погоню наши триеры, одни челны они пустили под воду вместе с командой, а другие воины с триер

продырявили и полузатопленными доставили к ближайшему берегу. И устроили тогда варварам истинное кровопускание, казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море⁷⁰.

ХСVI. Разгромив таким способом варваров, царь покинул берег и победителем вернулся во дворец. Все кругом говорили — я вник в эти разговоры и не обнаружил в них ничего серьезного и никаких оснований для пророчеств — итак, говорили, что царя ждут многие напасти, как внешние — от варваров, так и от своих, прежде покорных подданных, но что все они его минуют, ибо добрая судьба придет на помощь самодержцу и легко разрушит все козни. Да и сам царь с гордостью рассказывал о пророчествах и гаданиях, касавшихся его царствования, вспоминал о видениях и необычных снах, одни из которых видел сам, о других узнал с чужих слов и толкований, и говорил по этому поводу удивительные вещи. Поэтому и тогда, когда беда уже надвигалась и все остальные боялись и с ужасом ожидали будущего, он уповал на счастливый исход, умерял страхи окружающих и оставался беспечным, будто ничего дурного и не случилось.

ХСVII. Мне, однако, ничего не известно о пророческом даре Константина, и я отношу его поведение за счет легкомыслия и беспечности души. В самом деле, люди осторожные и знающие, что и незначительные причины могут привести к большим несчастьям, обычно беспокоятся по любому пустяковому поводу, а коли беда уже пришла, страшатся исхода событий, пугаются каждого неприятного известия и не могут прийти в себя, даже если все снова стало хорошо. С другой стороны, люди простоватые не умеют различить начало грядущих бед, не пытаются устранить причины несчастий, но, предаваясь удовольствиям, мечтают наслаждаться ими вечно, склоняют к тому же самому всех окружающих, и, чтобы этих беззаботных не тяготили никакие заботы, предрекают им скорое избавление от неприятностей. Есть и третий, лучший род душ, которых подкрадывающаяся беда не застаёт врасплох, не оглушает гремящим со всех сторон громом, не наполняет робостью и не превращает в рабов, напротив, даже среди всеобщего отчаяния они не склоняются перед несчастьями и черпают силы не в материальной опоре, а уповая на мужество ума и высший суд. Такого, однако, мне не пришлось видеть в людях моего поколения — для нас уже и то хорошо, когда человек умеет как-то предвидеть беду, старается устранить ее причины, а если уж она пришла, защищается. Что же до самодержца, то он нередко презирал опасность и этим внушал многим мысль, что знает об исходе событий из высших источников и потому ни о чем не волнуется и не беспокоится.

ХСVIII. Я должен был сделать такое предварение, чтобы читатели, узнавая из моего повествования о том, как царь гово-

рил о будущем, произойдут или не произойдут те или иные события, не приняли этого мужа за провидца, а отнесли бы эти речи за счет его характера, исход же событий связали с волей всевышнего. Намереваясь поведать о восстании против самодержца, еще более грозном, чем предыдущее, я возвращаю к началу свой рассказ и сообщаю прежде, как оно возникло и каковы его причины, поведаю о возмущении, ему предшествовавшем, каким оно было и почему, а также о человеке, решившемся на то и другое, и о том, что его вдохновило на мятеж.

XCIX. Продолжу свой рассказ с того места, где остановился. У этого самодержца был родственник по материнской линии, именем Лев, родом Торник, живший в Адрианополе и весь переполненный македонской спесью⁷¹. Он обладал недурной внешностью, но нрав имел коварный и постоянно носился с какими-то мятежными планами. Еще в юности многие предрекали ему блестящую участь (так неосторожно высказываются иногда о некоторых людях). Когда же он возмужал и успел обнаружить кое-какую твердость нрава, все македонцы сразу сплотились вокруг него. Не раз уже готовы были они дерзко начать бунт, но каждый раз неверно выбирали время, и то Торника с ними не было, то им недоставало благовидного предлога для возмущения. В душах же своих они таили мятежные замыслы. Затем, однако, случилось нечто, что толкнуло их к мятежу и восстанию.

C. У самодержца Константина было две сестры. Старшую звали Еленой, а другую Евпрепией. Елену царь не ставил ни во что, а Евпрепию, которая, и сподобившись славной участи, не кичилась окружающим ее блеском, обладала несомненным умом и отличалась самым твердым и неколебимым характером из всех виденных мною женщин, остерегался, как я уже говорил, к советам ее относился с сомнением и скорее побаивался, нежели уважал. Она же, расставшись с честолюбивыми надеждами, которые возлагала на брата, воздерживалась от каких бы то ни было выходов против самодержца, но приходила к нему только изредка, вела себя с ним не как с братом, а, вступив в разговор, держалась надменно и с прежней своей суровостью, при этом чаще всего ругала и порицала его, когда же видела, что он сердится, уходила с презрительным видом, шепча оскорбления в его адрес. Заметив, что брат не жалуется, а вернее — терпеть не может Торника, она приветила и приблизила к себе этого человека, часто с ним беседовала, хотя прежде и не питала к нему никаких пристрастий. Царь сердился, но свои мысли затаил поглубже, так как не было у него еще достаточных поводов для наказания. Чтобы их разредить, Константин, скрывая истинные намерения от сестры, удалил Торника из города под благовидным предлогом: поручил ему управление Ивирией и отправил в почетную ссылку⁷².

СІ. Однако слава и в изгнании сопутствовала этому мужу. Более того, многие сочли ее даже поводом для обвинения Торника, выдумывали, будто он готовит мятеж, и побуждали самодержца предупредить зло. Слушая такие речи, царь оставался в душе спокоен. Когда же увидел, что за Торника заступается сестра, и когда как-то раз услышал ее слова, что-де никакой беды с ее племянником не случится, так как его бережет всевышний, был в самое сердце поражен услышанным и не мог уже сдержать гнева; собираясь, однако, отнять у Торника не жизнь, а возможность бунтовать, царь поспешно отправил людей с приказом постричь его и облечь в черную рясу. Так разбились надежды Торника, и, облаченный еще недавно в блестящее платье, он предстал перед царем в монашеском одеянии. А Константин и теперь не взглянул на него милостиво, не посочувствовал в судьбе, вознесшей его в надеждах, а потом низринувшей вниз, и сколько Торник к нему ни приходил, каждый раз сурово отправлял его назад и высмеивал несчастного. И лишь одна Евпрепия, то ли из родственных чувств, то ли из каких иных побуждений, ласково принимала его, и родство доставляло ей безупречный предлог для дружелюбия.

СІІ. Неподалеку от столицы обитало тогда множество выходцев из Македонии, в большинстве своем бывших жителей Адрианополя, все люди коварные, на уме имевшие одно, а на языке другое, которые и задумать готовы были любую нелепость, и осуществить способны что угодно, искусные притворщики, а между собой верные сообщники. Самодержец считал, что лев уже укрощен и лишен когтей, и потому пребывал в беспечности, а македоняне, решив, что настал, наконец, удобный момент для восстания, которого они так долго ждали, поскольку давно были согласны в своих намерениях, коротко переговорили друг с другом, воспламенили несусветную отвагу в Торнике, утвердились в верности отважным своим планам и, выведя его ночью из города (в этом предприятии участвовало всего несколько человек, да и те — люди совершенно безвестные), отправились в Македонию⁷³. Для того чтобы преследователи не перерезали им дорогу и не настигли сзади, они каждый раз распрягали и убивали казенных лошадей⁷⁴. Продолав таким образом без передышки весь путь, прибыли они в глубь Македонии и, обосновавшись, будто в цитадели, в Адрианополе, сразу принялись за дело.

СІІІ. Им надо было собрать войско, но поскольку не было в запасе ни денег, ни чего-либо другого, что могло заставить военачальников стянуть в одно место отряды и подчиниться воле заговорщиков, они первым делом разослали во все стороны разносчиков слухов, и те, подходя к каждому воину, уверяли, что царь уже умер, а пришедшая к власти Феодора всем другим предпочла Льва из Македонии, человека разумнейшего, деятель-

ного и к тому же наследника славного рода. Благодаря этой уловке сочинителям выдумки удалось за несколько дней собрать войско со всего запада. Заставила же их объединиться не только эта выдумка, но и ненависть к самодержцу, который мало их ценил и уважал, относился к ним подозрительно из-за бунта, учиненного ранее, и собирался вскоре подвергнуть их наказанию. Вот почему они решили не ждать, пока на них нападут, и нанести удар первыми.

CIV. Объединившись вопреки всем ожиданиям и придя к единому мнению, они выбрали Льва царем, насколько позволила обстановка, представили церемонию провозглашения, облачили его в царские одежды и подняли на щите. Он же, получив знаки царского достоинства, вообразил, будто и на самом деле стал императором, а не просто, как на сцене, ломает комедию, и начал похвалиться выбравшими его, как истинный властитель и царь, да они и сами хотели, чтобы он правил ими, как полагается. Торник не мог привлечь к себе толпу раздачами и деньгами и потому обеспечил ее послушание, снизив подати, а также разрешив отправляться в набеги и забирать себе всю добычу. Что же касается вельможных людей и синклитиков, то он разом произвел все назначения, одним доверил командование войсками, другим определил место вблизи царского трона, третьих назначил на высшие должности. Обязанности при этом были распределены по их и его желанию и в соответствии со способностями каждого. После этого Лев немедленно двинулся на столицу. Таким образом, македонцы собирались предупредить намерения императора и напасть на него, прежде чем он успеет перебросить против них восточную армию. Рассчитывали они и на столичных жителей, надеясь, что те не станут помогать царю и не выступят против них; как было известно македонцам, те и сами обижались на самодержца за несправедливости, которые он начал им чинить, были недовольны его поведением, а на престоле желали бы видеть царя-воина, способного и жизнью ради них рискнуть, и варварские набеги отразить.

CV. И действительно, македонцы еще и не приблизились к стенам города, а уже примкнуло к ним по дороге множество добровольцев и явилась толпа воинов из горных областей; все жители вплоть до самой столицы сочувствовали и содействовали их намерениям. Так обстояли дела мятежников, у самодержца же все получалось не так, как надо: собрано не было ни наше войско, ни союзническое, если не считать небольшого отряда из иноземцев, который обычно шествует в царских процессиях; что же касается восточной армии, то ее и на местах не было, и потому не могла она собраться быстро по сигналу, чтобы прийти на помощь очутившемуся в опасности самодержцу. Стояла же она в глубине Ивирии, отражая натиск какого-то варварского пле-

мени⁷⁵. Поэтому и пребывал царь в отчаянии и надежды питал разве что на стены, под защитой которых находился; по этой причине он и занялся ими — велел восстанавливать запущенные участки и плотно уставлял стены камнеметными орудиями.

CVI. Как раз в этот момент у царя так развилась болезнь суставов, что руки совершенно расслабли, а ноги не могли ходить и разламывались от невыносимой боли. Вконец испортился и расстроился также его желудок, и все тело Константина медленно угасало и разлагалось. Царь не мог двигаться и выходить к народу, и городской люд, решив, что он уже умер, устраивал в разных местах сборища и рассуждал о том, что нужно бежать из города и податься к мятежнику. Вот почему Константин, превозмогая себя, должен был время от времени говорить с народом или же издали показываться ему и видом своим свидетельствовать, что он жив.

CVII. В таком состоянии находился император; мятежник же вместе с войском, вихрем примчавшись к столице, расположился на ночлег перед городом, и было все происходящее не войной и противоборством, а самой настоящей осадой и приступом⁷⁶. Как говорили мне воины и некоторые пожилые люди, никогда прежде ни один мятежник не доходил до такой наглости, чтобы установить орудия перед городской стеной и, войском своим опоясав столицу по всей окружности, нацелить луки на ее защитников. Ужас обуял всех жителей, и город, казалось, будет вот-вот сдан. Между тем мятежник, остановившийся невдалеке от стен города, разбил лагерь и торжественно там расположился, но провел в нем лишь небольшую часть ночи, а потом верхом выехал из лагеря, приказав то же самое своему войску, спешившись, прошел вперед, и наутро македонцы стояли уже перед стенами не вперемежку и не в куче, но построены к сражению и в боевом порядке. А чтобы еще и утратить нас, людей невоенных, были они все тяжело вооружены: те, что рангом повыше, облачились в поножи и панцири и коней своих покрыли доспехами, остальные же вооружились, кто чем мог.

CVIII. Что же до мятежника, то он на белом коне вместе с отборными всадниками и лучшей частью войска находился в самом центре строя. Окружали его легковооруженные воины — все меткоразящие, подвижные и стремительные, остальные же силы расположились по обе стороны под командой военачальников; лохи при этом сохраняли свое построение, но, чтобы строй растянулся, разделены они были на отряды не по шестнадцать человек, а меньше, и потому воины стояли не плотно и не щит ко щиту. Толпа за ними казалась наблюдателям со стены огромной и бесчисленной. Эти люди тоже были разделены на отряды; они маршировали, гарцевали на конях, но производили впечатление не воинской силы, а скорее беспорядочной толпы.

СIX. О них — так. В это время оказавшийся в осаде самодержец, желая показать врагу, что он еще жив, украсил себя царскими одеждами и расположился вместе с царицами на одном из выступающих ярусов царского дворца⁷⁷; Константин едва дышал, тихо стонал и мог видеть только часть войска, стоявшую неподалеку и прямо перед его глазами. Приблизившись вплотную к городской стене, враги построились в боевые ряды и прежде всего обратились с речами к находившимся на стене, по порядку перечислили все беды, которые принес им Константин, и те, которые их минуют, если царя схватят, но непременно постигнут, если его отпустят. Они просили горожан открыть ворота и впустить в столицу хорошего и достойного императора, который-де и с ними обойдется человеколюбиво, и Ромейскую державу возвысит победоносными войнами с варварами.

CX. Те, к кому обращались македонцы, в ответ не то что слова доброго не сказали, а осыпали их и их главаря самыми отборными ругательствами и оскорблениями; таким образом, расчеты мятежников на простой народ не оправдались, и они начали выкрикивать зловещие угрозы по адресу царя и то высмеивали его за его телесную немощь, то обзывали окаянными и любителем нечестивых забав, пагубой для города и гибелью для народа и добавляли еще другие несуразницы и оскорбления. Многие македонцы — а племя это самонадеянно и дерзко, приучено не столько к воинской простоте, сколько к площадному паясничанью — сошли с коней, на виду у всех устроили хоровод и стали разыгрывать сочиненные тут же комические сценки про императора, при этом притоптывали ногой в такт песне и пританцовывали. Царь видел их кривляния, слышал крики (стоя рядом с Константином, я то ужасался их речам, то находил слова утешения для царя) и, терпя поношения от их слов и от постыдного действия, не знал, что ему делать.

CXI. В это время некоторое число горожан вышло за стены и стало теснить вражескую конницу. Одни пускали камни из пращей, другие метали стрелы; те притворились бегущими, увлекли их за собой и, неожиданно повернув коней, перебили их мечами и копьями. Какой-то вражеский воин, владеющий искусством стрелять из лука на скаку, незаметно для нас подъехал к стенам города, прицелился прямо в царя и выстрелил. Стрела легко рассекла воздух, но, поскольку император успел чуть отклониться в сторону, оцарапала бок одного из царских слуг, юноши отнюдь не безвестного. Мы перепугались, а самодержец, переменив место, сел подальше от вражеских рядов. До самого полудня вели македонцы те лживые речи, о которых я уже говорил, не только сами ораторствовали, но и нас выслушивали, и то льстили, то угрожали. Потом, повернув коней, они отправились в свой лагерь, чтобы снарядить орудия и немедленно осадить город.

СХII. Придя в себя, царь решил во что бы то ни стало раздобыть воинов для отпора врагу, рвом преградить ему путь в город и стеной защититься от его натиска, а самому устроиться где-нибудь подальше, чтобы не слышать поношений и не подвергаться оскорблениям. Сперва дурно рассудив, затем поделившись своей мыслью с кое-какими людьми, в военном деле не смыслящими, и, наконец, получив одобрение большинства, царь первым делом разузнал, кто из воинского племени сидит по тюрьмам, освободил и вооружил этих людей, дал им луки и копья и подготовил к битве. Помимо этого, он присоединил к армии и множество городских жителей — все они добровольно влились в отряды, так как война для них была не хуже любой другой забавы. Всю ночь они окапывали рвом пространство перед городом и сооружали там укрепление, а наутро, прежде чем враг появился у стен столицы, царь выстроил лучших из наших воинов — конников и легковооруженных, поставил их прямо напротив неприятеля, снабдил каждого оружием для обороны и разбил всех по отрядам. Сам же снова уселся на высоком месте, чтобы издали наблюдать за происходящим.

СХIII. Враги ничего этого не видели, а когда подошли поближе и наткнулись на сплошную стену наших отрядов, попридержали коней и пожелали выяснить, откуда это вдруг у нас собралось такое войско (они боялись, как бы не подошли к нам на помощь силы с востока), а когда поняли, что войско наше — лишь жалкий сброд, когда увидели, что ров неглубок и легко преодолим, — только посмеялись над глупостью императора и, решив, что наступил долгожданный момент, сомкнули ряды, с боевым кличем устремились в бой, без труда преодолели ров, тут же обратили в бегство строй наших воинов, бросились за ними в погоню и многих убили — кого мечами, а кого копьями. Но большей частью наши сами в сумятице сталкивали друг друга с коней, падали на землю и были растоптаны и растерзаны. Бежали тогда не только оказавшиеся вне городских стен, но и находившиеся около императора, ибо решили, что мятежник вот-вот войдет в город и всех погубит.

СХIV. Если не говорить о провидении, то ничто уже не мешало мятежникам войти в город и без труда добиться желанной цели; защитники ворот покинули свои посты и сами искали себе защиту, а горожане или разбежались по домам, или готовились выйти навстречу узурпатору. Торник, однако, поостерегся вступить в город, а вернее — понадеялся, что мы сами пригласим его в столицу, введем во дворец в сопровождении царской процессии и еще понесем перед ним зажженный факел. Поэтому-то он и отложил до следующего дня вступление в город, а пока что сам верхом объезжал один за другим отряды своего войска и везде кричал, чтобы прекратили убийства и не пятнали себя кровью

собратьев, а если видел кого-нибудь, размахивающего пикой или готового метнуть копье, останавливал его руку и вызволял жертву.

СХV. Тут царь, (а его, будто обреченного на гибель, уже все покинули), услышав крики и увидя, как мятежник старается помешать убийствам, обратился ко мне и сказал: «Одно только очень меня тревожит: этот посягнувший на власть хитрец призывает к человеколюбию и кротости, как бы не снискал он себе этим божью помощь».

СХVI. Когда сестра (я имею в виду старшую⁷⁸, Евпрепия была приговорена к ссылке), рыдая, стала склонять его к бегству и советовала бежать в какой-нибудь из божьих храмов, Константин свирепо на нее посмотрел и сказал: «Если при мне кто остался, уведите ее, пусть оплакивает сама себя и не размягчает мне душу, удача (и тут он снова обратился ко мне) будет сопутствовать мятежнику только сегодня, а потом она ускользнет от него, как песок из-под ног, и дела примут совсем иной оборот».

СХVII. Затем, взяв немалое число пленных, узурпатор в боевом строю вернулся в свой лагерь. Самодержец же, не придумывая никаких новых хитростей против врага, привел в порядок крепостные ворота, заручился поддержкой городского люда (он похвалил его за проявленную преданность, а на будущее предложил за нее даже награду, будто победителем в состязании) и спокойно переносил осаду. Тем временем мятежник, проведя эту единственную ночь в лагере, с рассветом во главе войска устремился к царскому престолу, якобы его уже ожидавшему; вместе с собой он привел связанных пленников, которых поставил перед стенами и подучил, что кричать в нужный момент. Разойдясь по разным местам, пленники видом своим и криками старались вызвать жалость у защитников города, при этом они и слова не сказали царю, но просили народ не дать пролиться крови собратьев и соплеменников, не позволить глазам своим узреть скорбное зрелище, как рассекают их наподобие жертв, не навлечь на себя великой беды и не пренебречь таким самодержцем, какого никогда и в помине не было, в чем сами они могли хорошо убедиться. Ведь он, говорили они, мог обойтись с нами, как с врагами, и убить, тем не менее до сих пор откладывает казнь и отдал наши души на вашу милость. Сочиняли они к тому же и всякие ужасы про нашего царя, который-де сначала до небес вознес город в надеждах, а потом сбросил с облаков на скалы. Вот главное, о чем говорили пленные. Ну, а народ им на это отвечал тем же, что и раньше.

СХVIII. Дальше события развивались следующим образом. Во врагов с внутренней стены полетели тяжелые камни, но миновали цель и ни в кого не попали. Тогда наши воины еще сильнее

оттянули орудие и метнули огромный камень уже в самого Торника: попасть не попали, но испугали и обратили в бегство его и его окружение. После этого, поддавшись страху и смешавшись, враги нарушили строй и возвратились в свой лагерь.

СХІХ. С этого момента их дела приняли уже совсем иной оборот. Ненадолго вдохновившись надеждой и, можно сказать, нашей несчастливой долей, мятежник быстро сник и увял; к стенам города повстанцы больше не приближались, но, проведя несколько дней в своем лагере, отправились туда, откуда пришли, — большей частью без строя и как беглецы. Если бы десяток-другой всадников ударил им тогда в спину, то и жреца-огненосца не осталось бы в этом рассеянном и беспорядочном войске⁷⁹. Но самодержец, хотя и предвидел заранее их бегство, не стал их преследовать: он еще не пришел в себя от страха и упустил удобный момент.

СХХ. Нам же и уход их показался славной победой, и ворвавшийся в лагерь городской люд нашел там множество припасов, оставшихся от прежних его обитателей, которые не сумели погрузить все на вьючных животных, ибо скорее стремились уйти незаметно, а не отступать с удобствами и богатством. Покинув лагерь, македоняне сразу почувствовали ненависть к предводителю, и каждый из них, боясь за свою судьбу, готов был покинуть Торника, однако страх друг перед другом и безысходность держали их вместе. Те же, кому случай все же помог скрыться, не чуя под собой ног, устремились в город к императору, и среди них оказались не только простые воины, но люди вельможные и военачальники. Затем постигла мятежника вторая, третья и за ними новые и новые неудачи. Так, нападая в западных землях на крепости, которые легко можно было бы захватить из-за их расположения, отсутствия сплошных стен и потому, что давно уже там не ждали никаких врагов, ни одну из них, как кажется, он не взял осадой, поскольку те, кому было приказано штурмовать стены, помышляли не столько об осаде, сколько о возвращении домой, и давали понять осажденным, что собираются воевать с ними только для вида.

СХХІ. С позором ушел мятежник от великого города, но с еще большим позором был отогнан от других крепостей⁸⁰. Тем временем самодержец вызвал восточное войско и, когда оно вскоре явилось, отправил его против западных своих соплеменников и варваров⁸¹. А они, узнав о приходе восточного войска, даже и не подумали сопротивляться, но тут же, проклиная узурпатора, рассеялись, при этом некоторые из них вернулись домой, но большинство перешло к самодержцу. Если раньше они божились и клялись, что готовы разом и все вместе умереть на глазах у мятежника, то теперь были охвачены ужасом и меньше всего вспоминали о своих клятвах.

СХХII. И только один человек — давний соратник мятежника — по имени Иоанн, по прозвищу Ватац⁸², природой тела и силой рук ничем не уступавший прославленным древним героям, до конца остался с Торником. Вместе с ним бежал он от врага и вместе с ним искал прибежище в божьем храме. И делал это, несмотря на то, что мог бы Торника бросить и получить за это высшие почести. Однако Ватац ими пренебрег и клятв не нарушил. Оба они укрылись в алтаре одного из святых храмов⁸³ и, обнажив мечи, грозили убить себя, если их попытаются извлечь оттуда силой. В конце концов они получили клятвенные заверения, вышли из церкви и отдали себя в руки человека, давшего им ручательство безопасности; после этого мятежник сразу сник и то испускал жалобные крики, то обращался с мольбами, то как-нибудь по-иному выказывал свое малодушие. Ватац же, напротив, и в несчастьи не потерял достоинства, сохранял грозный вид и казался всем неколебимым и мужественным.

СХХIII. Самодержец не хотел помнить зла и причинять страдания никому из повстанцев; он обещал это богу и призвал на себя страшные кары, если не проявит сострадания и милости ко всем, поднявшим на него руку. Но как только те двое появились перед городскими стенами, в памяти Константина сразу всплыли все их бесчинства, и он без всяких колебаний дал волю чувствам и приговорил их к лишению глаз. Узурпатор тут же принялся испускать горестные крики и малодушно оплакивать судьбу, а Ватац только и сказал: «Какого доблестного бойца теряет Ромейская держава», немедленно распростерся на земле и мужественно перенес наказание. Затем самодержец, справив триумф, более пышный, чем все, некогда прославленные, обуздал гнев и благосклонно помирился с заговорщиками⁸⁴.

СХХIV. Среди других рассказов я забыл упомянуть о внешности воцарившегося монарха, каким цветущим и сильным он был до того, как вид его совершенно преобразился, и как не сберег до конца красоты, но, подобно укравшемуся за тучами солнцу, слал людям лишь тусклый свет своей природы; я сейчас расскажу об этом, но начну с совсем другого его состояния.

Внешность царя

СХХV. Природа изваяла его, как образ красоты, придала его телу такую слаженность, наделила такой соразмерностью, что нет в наше время ему равных, а чтобы прекрасное здание покоилось еще и на крепкой опоре, она придала этой гармонии и изобилие сил. Но не в длинных руках и не в могучих плечах заключалась его сила: спрятанная, как я полагаю, в глубинах сердца, она явно не обнаруживала себя в теле, отличавшемся скорее красо-

той и слаженностью, нежели необыкновенными размерами. При всем изяществе его руки, а особенно пальцы, отличались большой силой, и не было такого предмета, самого плотного и твердого, который бы он не мог с легкостью сломать, сдавив в ладони. Тот же, кому он сжимал руку, лечил ее потом много дней. Рассказывают также, что он был прекрасным наездником, отличным бегуном, ловким и легким, и вообще непревзойденным в пятиборье; таким он был сильным, подвижным и быстроногим.

СХХVI. Красив он был не менее, чем Ахилл или Нирей в поэтических описаниях. Но если слог поэта, в изобилии наделивший древних героев всеми видами красоты, так и не смог изобразить их достойно, то природа, создавая и ваяя живого Константина, искусно чеканя и украшая его облик, своим искусством превзошла вдохновенную поэзию. Каждый из его членов — голову и то, что ниже нее, руки и то, что ниже них, а также бедра и ноги — она сотворила в соразмерности со всем телом, при этом все окрасила в подходящий цвет: голову — в огненно-рыжий, а грудь, живот до ног, спину, соблюдая меру, наполнила чистойшей белизной. Тот, кому удавалось видеть его вблизи, когда он был во цвете лет и члены его еще не ослабли, сравнивал его сверкающую лучами волос голову с солнцем, а остальное тело — с чистойшим и прозрачным льдом. Столь же благообразен и соразмерен был и нрав Константина, голос его звучал благородно, речь была полна очарования, а сколько незамутненной прелести светилось в его улыбке!

Болезнь царя

СХХVII. Прекрасен был взошедший на престол царь, но не прошло и года, как украсившая его природа, не в силах вынести столь великого чуда и радости, ослабела и поддалась, отняла у него силы и испортила красоту; и сразу телесные начала — я имею в виду сочетание первоэлементов, — разлагаясь, соединяясь и стекая то в ноги и полости суставов, то в руки и, наконец, затопля сухожилия и спинной хребет⁸⁵, как водяной вал, сотрясли этот могучий прежде корабль.

СХХVIII. Беда пришла не сразу и не вдруг, но сначала напору жидкости подверглись ноги — император тотчас оказался прикованным к постели, а при необходимости передвигался только с чужой помощью. При этом можно было наблюдать некое чередование и круговращение: влага стекала в его ноги через определенное число дней, неподвижность тоже длилась определенное время, но спокойные периоды сокращались, промежутки между приступами укорачивались, а кроме того, влага постепенно начала проникать и в руки, затем как бы хлынула вверх к плечам и в конце

концов распространилась по всему телу. В результате все его члены, наводненные этой ужасной жидкостью, лишились силы, мышцы и сухожилия обмякли, члены потеряли гармонию, а вместе с этим пришли бессилие и безобразие. Я сам видел, как его некогда изящные пальцы потеряли прежнюю форму, пошли буграми и ямками и не могли удержать никакого предмета. Ноги у него искривились, колени выдались вперед, как локти, поэтому походка потеряла твердость, да и вообще он почти не вставал, но большей частью покоился на ложе, а если надо было устраивать приемы, то его специально для этой цели снаряжали и готовили.

СХХIX. Константин не хотел отказывать гражданам в праве видеть его в царских процессиях, но как раз эта обязанность была для него самой мучительной. Искусство наездника помогало ему держаться и сохранять достойный вид в седле, но, взобравшись на коня, он тяжело дышал, и поводыя оказывались ему бесполезны: с обеих сторон царя подпирала рослые и сильные коневоды, которые, удерживая его и поддерживая, словно некий груз, доставляли до того места, где он хотел остановиться. Переноса такие страдания, царь не изменял своим привычкам, но придавал своему лицу приятное выражение, а порой даже и передвигался сам, желая убедить окружающих, что не так уж он болен и слаб. Так держался Константин во время процессий, каменные же мостовые застилали коврами, чтобы его конь не поскользнулся на гладкой поверхности, а внутри дворца его переносили из палаты в палату и доставляли, куда надо. Если же влага обрушивалась на него, что за боли он испытывал!⁸⁶

СХХХ. Повествуя об этом муже, я не перестаю поражаться, как доставало ему сил выдерживать такие страдания. Следовавшие один за другим приступы изничтожали остатки его плоти и разлагали то, что еще сохранялось. Он не находил позы, в которой мог спокойно почивать на ложе, и любое положение было ему неудобным. Его несчастное тело спальники поворачивали так и сяк и с трудом находили наклон, приносящий облегчение больному, при этом они пристраивали его, как удобней, подпирали его тело и придумывали всякие приспособления и хитрости, чтобы удержать его в одном положении. Ему не только доставлял страдания всякий поворот, но и язык его болел во время речи и даже движение глаз уже перемещало влагу, и царь терял всякую способность двигаться и наклоняться.

СХХХI. Я с полной уверенностью утверждаю и призываю бога в свидетели, что, перенося такие страдания и испытывая страшные мучения, Константин никогда не позволял себе никаких богохульных речей, более того, если он только видел, как кто-то о нем сокрушается, то бранил и прогонял от себя этого человека; он сам объявлял, что несчастья посланы ему в наказание, и даже

называл их уздой для своей природы — ведь он сам боялся своих порывов и говорил так: «Страсти не подчиняются рассудку, но отступают перед телесными недугами; мое тело страдает, но нечестивые желания сердца обузданы». Так по-философски относился он к своей болезни, и если отвлечься от остального и рассматривать Константина только с этой стороны, то можно было бы назвать его истинно божественным мужем.

СХХХII. Обладал он и другим достоинством, с моей точки зрения, не во всех отношениях похвальным, но им самим необычайно ценным (пусть нас рассудит желающий): он совершенно не заботился о своей безопасности, во время сна его спальня не запиралась, и никакая стража не несла охраны у ее дверей; спальники часто вообще уходили, и любой мог легко зайти в его комнату и снова выйти, и никто не задержал бы его у входа. Когда его за это порицали, он не обижался, но упреки отводил, как несообразные с божьей волей. Он хотел этим сказать, что царство его от бога и им одним оберегается, а сподобившись высшей стражи, он пренебрегает человеческой и низшей.

СХХХIII. Я часто приводил ему в пример архитекторов, кормчих и, наконец, начальников отрядов и полководцев: «Никто из них, — говорил я, — делая свое дело, не отказывается от упований на бога, но первый возводит строения сообразно правилам, другой кормилом направляет судно, а из людей военных каждый носит щит, вооружен мечом, на голову надевает шлем, а остальное тело покрывает панцирем». Отсюда я делал вывод, что тем более следует поступать так царю. Но никакими доводами мне не удавалось убедить Константина. Такое поведение свидетельствовало о его благородном нраве, но предоставляло благоприятные возможности для злоумышлявших против него.

Заговор против императора

СХХХIV. Это и стало причиной несчастий, из которых я расскажу об одном или двух, а об остальных предоставлю догадаться самим читателям. Немного отвлекаясь от темы повествования скажу, что в хорошо управляемых городах имеются списки людей — как лучших и благородных, так и безродных. Это относится и к гражданскому сословию, и к войску. Таким было устройство Афин и тех городов, которые подражали их демократии⁸⁷. У нас же это благо находится в небрежении и обесценено, исстари благородство не играет никакой роли. Но по наследству издавна (первый Ромул положил начало этому беспорядку)⁸⁸ погублен синклит, и каждый желающий — гражданин. И действительно, у нас можно найти множество людей лишь недавно скинувших овчины, правят же нами часто те, кого мы купили у варваров, а командовать

огромными войсками доверяется не Периклам и Фемистоклам, а презренным Спартакам.

СXXXV. И вот нашелся в наше время некий подонок из варваров, спесью своей затмивший любого ромея, вознесшийся так высоко, что по свойственной дерзости силе даже колотил будущих императоров, а после прихода их к власти хвастался этим и, показывая свою правую руку, говорил: «Ею я нередко задавал трепку ромейским царям». Потрясенный такими речами, не в силах вынести оскорбительных слов, я как-то раз своими руками чуть было не задушил спесивого варвара.

СXXXVI. Незадолго до того отвратительная грязь этого человека замарала благородство нашего синклита. В прошлом слуга самодержца, он затем прокрался в число вельможных лиц и был причислен к высшему сословию; как уже говорилось, он был рода неизвестного, а иными словами — самого низкого и подлого. Однако, отведав сладкой влаги из ромейских ключей, этот купленный за деньги раб решил, что он будет не он, если не овладеет и самим источником и не сделается царем над благородными ромеями. Забрав себе такое в голову, негодяй увидел в незащищенности самодержца счастливую возможность для осуществления своих намерений; никому из благородных людей он ничего не сообщил о замысле, чем облегчил себе достижение цели. Как-то раз, когда самодержец шел в процессии из театра во дворец, он смешался с толпой замыкающих шествие стражников, проник внутрь дворцовых покоев и расположился в засаде где-то рядом с кухней; все, кто видел его, думали, что он находится там по царскому повелению и потому никто не прогонял его из дворца. Позже на допросе он открыл свой тайный план и сообщил, что собирался наброситься на спящего царя, убить его мечом, который прятал на груди, и присвоить себе власть.

СXXXVII. Таково было его намерение, и когда царь заснул и, как я уже говорил, лежал совершенно беззащитный, наглец приступил к делу. Но едва он сделал несколько шагов, как сознание его помутилось, голова пошла кругом, он начал метаться в разные стороны и был схвачен. Царь сразу же пробудился (стражи к тому времени уже собрались и с пристрастием допрашивали варвара), пришел в ужас от этой дерзости и, естественно, огорчился, что такой человек смог поднять руку на самого царя. Он тут же велел связать его, а на завтра сам стал пристрастнейшим образом выпрашивать у него обстоятельства преступления и выяснять, нет ли у него сообщников в заговоре, не подстрекал ли его кто-нибудь к этому делу, не подталкивал ли к столь великой дерзости. Ничего вразумительного на эти расспросы преступник ответить не мог и был подвергнут жестоким пыткам: голого его вздернули за левую ногу на дыбе и бичевали до полусмерти; не вынеся, как я полагаю, мучений, он назвал сообщниками некоторых вельмож

Храм св. Софии. Внутренний вид

ных лиц, и вот честные, преданные люди стали жертвой безумного замысла. Но время в дальнейшем причислило его к самым презренным, а пострадавшим восстановило их доброе имя⁸⁹.

СXXXVIII. Какое-то время самодержец еще беспокоился о своей охране, но вскоре опять отказался от стражи, поэтому и сам чуть было не погиб, и город оказался в еще большем несчастии и смятении. Мой рассказ поведает о том, откуда началось и до чего дошло это зло и как царь, попав в беду, вновь, вопреки ожиданиям, от нее избавился. Самодержец обладал душой, падкой до всяких забав, постоянно жаждал развлечений, но утехи ему не доставляли ни звуки музыкальных инструментов, ни мелодии флейты, ни певучие голоса, ни танцы, ни пляски, ни что-либо иное в этом роде. Если же какой-нибудь от природы косноязычный человек неправильно выговаривал слова, или если кто-нибудь просто болтал чепуху и нес все, что приходит в голову, это приводило его в восторг, и вообще неправильная речь была для него лучшей забавой.

СXXXIX. В то время во дворец заявила некая полунемая тварь, которая еле ворочала языком и запинаясь при потугах что-нибудь произнести. К тому же этот человек еще и сам усугублял недостаток своей природы и слова выговаривал почти беззвучно: в обоих случаях разобрать, что он хочет сказать, было невозможно.

СXL. Сначала самодержец относился к нему безразлично, и тот появлялся во дворце редко, обычно после омовения рук⁹⁰, но потом царь, таков уж был его нрав, так пристрастился к подобной болтовне, что уже не мог обходиться без общества этого человека. Для забавы не отводилось определенного времени: принимал ли царь послов, назначал ли на должности, исполнял ли какие-нибудь другие государственные обязанности, его любимец всегда при нем находился, выставлял на потеху свой природный недостаток и демонстрировал искусство лицедейства. И царь создал этого человека, вернее — сотворил его из настоящего праха и с уличного перекрестка сразу поместил на оси Ромейской державы, уготовил ему почетные должности, поставил среди первых людей, открыл ему доступ куда угодно и сделал своим главным телохранителем. А тот со свойственной ему бесцеремонностью приходил к самодержцу не в положенные часы, а когда только заблагорассудится; приблизившись к императору, он целовал его в грудь и в лицо, произносил беззвучно звуки, расплывался в улыбке, садился к нему на ложе и, сжимая его большие руки, доставлял царю одновременно и боль, и удовольствие.

СXLI. А я и не знал, чему мне прежде всего удивляться, то ли этому человеку, приноровившемуся к воле и желаниям императора, то ли самодержцу, настроившемуся на его лад; каждый из них был покорен и послушен другому, и что бы только ни пожелал само-

держец, делал лицедей, а что ни делал лицедей, было желанно императору. Самодержец большей частью понимал, что тот лицедействует, но охотно давал себя обманывать, а фигляр и рад был глумиться над неразумием царя, одну за другой придумывал забавы и убажал простодушного Константина.

CXLII. Царь и на мгновение не желал оставаться без своего любимца, а тому наскучили его обязанности и понравилось свободное времяпрепровождение. Как-то раз негодяй потерял свою лошадь, на которой ездил во время игры в мяч, и вот он поднялся неожиданно среди ночи (он спал рядом с царем) и в волнении не в силах был сдержать переполнявшей его радости. Император не выразил никакого неудовольствия тем, что его разбудили, спросил, что с ним случилось и что он так ликует. А тот обвил руками шею Константина, покрыл поцелуями его лицо и сказал: «О царь, потерянный конь нашелся, на нем развезжает какой-то внух, старик, весь в морщинах; если пожелаешь, я сейчас отправлюсь верхом и доставлю его тебе вместе с лошадыю». В ответ царь весело рассмеялся и сказал: «Я отпускаю тебя, только поскорей возвращайся, обрадованный находкой». Тот сразу ушел, чтобы, как он и собирался, предаться удовольствиям; явился он уже вечером после пирушки, тяжело дыша, еле переводя дух и таща за собой какого-то евнуха: «Вот человек, угнавший моего коня, но он не отдает его и клянется, что вообще не крал». Старик при этом делал вид, будто плачет и не знает, чем ответить на клевету, царь же едва мог удержаться от хохота.

CXLIII. Константин утешил любимца другой лошадыю, лучше прежней, а евнуху осушил притворные слезы такими подарками, которые тому и во сне не снились. А был внух из числа тех, кто особенно потворствовал лицедю, ну, а лицедей давно хотел сподобить его царских милостей, но не знал, как просить самодержца за безвестного человека, и придумал комедию со сном, сделав царя жертвой этого лжеца, мнимого сновидения и тупости души. И самое страшное, что все мы понимали его лицедейство, порицать же это притворство — куда там! Мы попались в ловушку обмана и царского неразумия и должны были смеяться тогда, когда следовало бы плакать. Если бы я пообещал писать не о серьезных вещах, а о пустяках и мелочах, я бы вставил в свое произведение немало других подобных историй, однако из всех них достаточно и одной, рассказ же мой пусть развивается по порядку.

CXLIV. Этот человек не только проник в мужские покои, но подчинил себе и женскую половину и завоевал расположение обеих цариц; к тому же он нес несусветную чепуху, утверждал, что он сам родился от старшей, клялся и божился, что принесла ребенка и младшая, и так вот случились роды; он якобы вспоминал, каким образом появился на свет, приплетал сюда родовые муки и предавался бесстыдным воспоминаниям о материнской груди. Но осо-

бенно забавно рассказывал он про роды Феодоры, о том, что она ему сказала, забеременев, и как разрешилась от бремени. И вот глупость обеих женщин, попавших на удочку лицедея, открыла ему все двери от тайных входов, и нельзя уже было сосчитать, сколько всего перепадало ему как с мужской, так и с женской половины дворца.

CXLV. Какое-то время его забавы тем и ограничивались. Когда же царица покинула наш мир (о чем я собираюсь сейчас рассказать), глупец принялся творить всякие мерзости, ставшие началом больших бед. Предваряя дальнейший рассказ, останавлиюсь на некоторых из этих событий. В то время самодержец находился в связи с некоей девицей, дочерью малочисленного⁹¹ народа, которая жила у нас на правах заложницы; особым ничем она не отличалась, но император очень ценил в ней царскую кровь и удостаивал высших почестей. К ней-то и воспыал страстью сей лицедей. Отвечала ли она на чувства влюбленного, сказать определенно не могу, но вроде бы и его любовь не оставалась без взаимности. Но если она вела себя в любви целомудренно, то он в одном только этом не умел лицедействовать, бесстыдно пялил глаза на девицу, часто навещал ее и весь пылал любовью. Не в силах ни обуздать страсти, ни сделать царицу своей возлюбленной, он забрал себе в голову нечто совершенно невероятное и чудовищное: то ли по советам дурных людей, то ли сам по себе решил овладеть-ромейским престолом. План казался ему легко осуществимым; он не только рассчитывал без труда убить самодержца (у него были ключи от самых потаенных дверей, и все открывалось и затворялось по его желанию), но еще и возомнил, будто того же желают и многие другие: ведь при нем кормилось немало льстецов, а один человек из его окружения, имевший на него огромное влияние, был начальником наемных отрядов.

CXLVI. Сначала он держал в тайне свои желания и ни перед кем планов не раскрывал, но любовное чувство переполняло его, не давало ему покоя, и, решившись действовать, он раскрыл в конце концов свои намерения перед многими людьми. Тут-то его и уличили, причем взяли даже не за час, а за какие-то мгновенья до совершения злодеяния. Дело было так. С наступлением вечера, когда царь, как обычно, заснул, он принялся точить смертоносный меч. В это время к императору явился с сообщением некий человек, с которым негодяй поделится своим замыслом; он пробрался за занавес и сказал, тяжело дыша и не переводя дыхания: «Царь, твой любезнейший друг (он назвал его по имени) собирается убить тебя, тебе грозит смерть, остерегайся!» Так он сказал; царь же, не зная что и подумать, не мог поверить услышанному. Тем временем злоумышленник, узнав о случившемся, бросил меч, вошел в расположенную поблизости церковь и припал к святому алтарю. Он рассказал о своем замысле и о всех хитростях, на ко-

торые пустился ради его осуществления, сообщил о своих планах и о том, что собирался вот-вот убить самодержца.

CXLVII. Царь же не бога, спасшего его, возблагодарил, а на доносчика, уличившего его друга, разгневался и обвинение предварил защитой. Поскольку скрыть обнаруженный заговор было уже нельзя, царь устроил на следующий день сцену разбирательства, велел ввести уличенного якобы для суда, но, увидев его со связанными руками разве что не возопил от этого необычайного и невероятного зрелища и с глазами, полными слез, сказал: «Развяжите этого человека, его вид смягчает мою душу». И когда те, кому было приказано, освободили его от оков, царь, осторожно побуждая обвиняемого к защите и сразу снимая с него всякую вину, сказал: «Нрав у тебя честнейший, твоя простота и честность мне известны. Но скажи, кто внушил тебе это несуразное намерение? Кто помутил твою бесхитростную душу, кто помрачил твой невинный ум? И еще скажи мне, какое из благ, у меня имеющих, ты хочешь? Какое из них тебя привлекает? Ты не встретишь отказа ни в чем, чего сильно пожелаешь».

CXLVIII. Так говорил самодержец, и слезы потоком текли из его вспухших глаз. На первый вопрос обвиняемый не обратил никакого внимания, будто вовсе его и не слышал, а после второго, где речь шла о его желаниях и любви, разыграл дивную сцену: расцеловал руки самодержца, положил голову ему на колени и сказал: «Усади меня на царский трон, увенчай жемчужной короной, пожалуй мне и ожерелье (он показал на украшение вокруг его шеи) и имя мое включи в царские славословия. Этого я и раньше хотел, и сейчас таково самое мое большое желание».

CXLIX. От подобных слов самодержец пришел в восторг и просто засиял от радости, ибо как раз и желал освободить своего любимца от ответственности за нелепое покушение под тем предлогом, что столь простодушный человек не может не быть свободен от наказаний и подозрений. «Я надену на твою голову корону, — сказал он, — облачу тебя в пурпурное платье, только верни мне свою душу, уйми бурю, рассеяй тьму своих глаз, взгляни на меня обычным взглядом и дай насладиться сладостным светом твоих очей». Тут уж развеселились даже люди серьезные, и судьи, не задав ни единого вопроса, рассмеялись и разошлись в середине комедии. А царь, будто он сам был уличен, но выиграл процесс в суде, принес богу благодарственные жертвы, восславил его за спасение и устроил по такому случаю пиршество роскошной обстановкой; хозяином и распорядителем был на нем сам самодержец, а почетным гостем — комедиант и злоумышленник.

CL. Так как царица Феодора и его сестра Евпрепия, подобно богиням у Поэта, «возмущенно роптали»⁹², выражали недовольство и бранили царя за простодушие, Константин, стыдясь их, все-таки приговорил преступника к изгнанию, но не выслал его

в какое-нибудь отдаленное место, а определил для проживания один из островов перед самым городом, причем велел ему там мыться в банях⁹³ и вкушать все радости. Не прошло, однако, и десяти дней, как царь торжественно вызвал его назад и даровал ему еще бóльшую свободу⁹⁴ и милость⁹⁵. Это повествование умолчало о многих еще бóльших нелепостях, о которых автору было бы стыдно писать, а читателю тягостно узнавать. Поскольку мой рассказ до конца не доведен и для своего завершения нуждается в добавлениях, я приведу здесь другую историю, по смыслу необходимую для повествования, а затем вернусь назад и доскажу то, чего не успел.

СLI. Царица Зоя была слишком стара для общения с мужем, а в царе бушевали страсти, и, так как его севаста⁹⁶ уже умерла, он, разглагольствуя о любви, парил среди фантазий и странных видений. От природы помешанный на любовных делах, он не умел удовлетворять страсть простым общением, но постоянно приходил в волнение при первых утехах ложа и потому полюбил некую девицу, которая, как я уже говорил раньше, жила у нас как заложница из Алании. Царство это — не очень-то важное и значительное и постоянно предоставляет Ромейской державе залогов верности⁹⁷. Девица, дочь тамошнего царя, красотой не отличалась, заботами о себе не была избалована и украшена только двумя прелестями: белоснежной кожей и прекрасными лучистыми глазами. Тем не менее царь сразу пленился ею, забыл думать о других своих пристрастиях, у нее одной проводил время и пылал к ней любовью.

СLII. Пока царица Зоя была жива, он не очень-то проявлял свои чувства, предпочитал таиться и скрывать их, но когда Зоя умерла⁹⁸, он раздул пламя любви, распалил страсть и разве что не соорудил брачный чертог и не ввел туда возлюбленную, как жену. Преображение этой женщины было мгновенным и удивительным: ее голову увенчало невиданное украшение, шея засверкала золотом, руки обвили змейки золотых браслетов, на ушах повисли тяжелые жемчужины и золотая цепь с жемчугами украсила и расцветила ее пояс. И была она настоящим Протеем, меняющим свой облик.

СLIII. Хотел Константин и увенчать ее царской короной, но опасался двух вещей: закона, ограничивающего число браков, и царицы Феодоры, которая не стала бы терпеть такого бремени и не согласилась бы одновременно быть и царицей, и подданной. Поэтому-то он и не сподобил возлюбленную царских отличий, однако достоинл звания, нарек севастой, определил ей царскую стражу, распахнул настежь двери ее желаний и излил на нее текущие золотом реки, потоки изобилия и целые моря роскоши. И снова все расточалось и проматывалось: часть растрачивалась в стенах города, часть отправлялась к варварам, и впервые тогда

аланская земля наводнилась богатствами из нашего Рима, ибо одни за другим непрерывно приходили и уходили груженные суда, увозя ценности, коими издавна вызывало к себе зависть Ромейское царство.

CLIV. Ромейский патриот и сын отечества, я и тогда лил слезы, видя, как пускаются на ветер все наши богатства; не меньше терзаюсь и теперь и все еще стыжусь за своего господина и царя. Ведь дважды, а то и трижды в год, когда к юной севасте приезжали из Алании слуги ее отца, самодержец публично показывая им ее, провозглашал ее своей супругой, именовал царицей, при этом и сам преподносил им подарки и своей прекрасной жене велел их одаривать.

CLV. Так вот тот самый лицедей, рассказ о котором я оборвал немного выше, и прежде был влюблен, когда не пользовался успехом (потому и учинил этот заговор) и когда им пользовался, а вернувшись из ссылки, возгорелся к ней еще большей любовью⁹⁹. Я хорошо это знал, но полагал, что самодержец ни о чем не догадывается; я пребывал в сомнениях, но сам царь все поставил на свои места. Как-то раз я сопровождал самодержца, когда его несли к аланке, а в свите шел и этот влюбленный. Что касается девушки, то она тогда находилась во внутренних дворцовых покоях и стояла у решетчатой перегородки. Не успел царь обнять возлюбленную, как ему в голову пришла какая-то мысль, он был занят ею, а влюбленный бросал взгляды на девушку; глядя на нее, он слегка улыбался и всячески проявлял свою страсть. Самодержец, слегка подтолкнув меня в бок, сказал: «Смотри, негодяй все еще влюблен, случившееся не послужило ему уроком». При этих словах мое лицо сразу покрылось краской, царь же прошел вперед, а тот с еще большим бесстыдством уставился на девушку. Но все его потуги оказались тщетными: самодержец, как я расскажу дальше, умер, севаста снова перешла на положение заложницы, а его страсть так и кончилась пустыми мечтаниями.

CLVI. Как и обычно в этом сочинении, я многое в своем рассказе опустил и потому снова должен вернуться к Константину. Но прежде я обращусь к Зое и, завершив повествование сообщением о смерти царицы, примусь за новый рассказ. Я толком не знаю, какой была она в юности, о том же, что мне известно с чужих слов, уже поведал выше.

Природные свойства императрицы Зои

CLVII. К старости стала Зоя уже нетверда рассудком, но не то чтобы лишилась разума или сошла с ума, а просто потеряла всякое представление о делах и была совершенно испорчена царским безвкусием. Если ее и украшали какие-то душевные добродетели,

то ее нрав не сохранил их в чистоте, но, выказывая их больше, чем следует, придал им более безвкусыя, нежели достоинства. Не стану говорить о ее благочестии, не хочу здесь обвинять царицу за его избыток, этой добродетелью ее никто не мог превзойти, она жила одним богом, и все происходящее возводила к его воле, за что я уже выше воздал ей должную похвалу¹⁰⁰. В остальном же была она то мягкой и расслабленной, то жесткой и строгой, причем оба состояния сочетались в одном человеке и сменяли друг друга в мгновение ока и без всякой причины. Если кто-нибудь при ее неожиданном появлении бросался на землю, притворяясь будто, как ударом молнии, поражен ее видом (такую комедию перед ней разыгрывали многие), то она сразу одаривала его золотой повязкой, но если он при этом начинал пространно выражать свою благодарность, тут же приказывала заковать его в железные цепи. Зная, что ее отец не скупился на наказания, лишая осужденных глаз, она подвергала такой каре за малейший проступок, и если бы не вмешивался самодержец, многим людям вырвали бы глаза без всякого повода.

CLVIII. Она была щедрейшей из всех женщин, но меры в сей добродетели не знала и потому все сразу и погубила; одной рукой она еще отсчитывала деньги, а другую уже простирала к Всевышнему, чтобы снискать милость к одариваемому. Царица приходила в восторг и от сердца радовалась, если кто-нибудь подробно описывал ей доблести ее рода, а особенно дяди Василия. Достигнув семидесяти лет, она сохранила лицо без единой морщинки и цвела юной красотой, однако не могла унять дрожжи в руках, и ее спина согнулась. Царица пренебрегала всякого рода украшениями, не носила ни золотошитых платьев, ни ожерелий, но не одевала и грубых одежд, а прикрывала тело легким одеянием.

CLIX. Царских забот с самодержцем она не разделяла и желала оставаться вдали от подобных занятий; да и из того, что обычно привлекает женщин — я имею в виду ткацкий станок, веретено, шерсть и пряжу, — ничто ее не трогало, и владела царицей только одна страсть, которой она отдавала себя всю: принести жертвы богу — я говорю сейчас не о словесных мольбах, приношениях и покаяниях, а об ароматических растениях и всем том, что доставляют в наши земли из Индии и Египта.

CLX. Когда подошел к концу отмеренный ей век, и настало время умирать, ее телесная природа начала обнаруживать коекакие признаки приближающейся смерти: аппетит угасал, все увеличивающаяся слабость возбуждала смертельную лихорадку и иссохшее и зачухшее тело предвещало близкую кончину. Царица обратила свои мысли к тюрьмам, освободила должников от платежей, избавила виновных от наказаний, отворила двери царской казны, и оттуда рекой хлынуло золото. Деньги тратились без счета и без удержу, а царица после недолгой агонии, едва изме-

нившей ее черты, ушла из этой жизни, прожив на свете семьдесят два года.

CLXI. Закончив рассказ о царице, я вновь возвращаюсь к императору и при этом обязан сказать следующее: моим желанием было не писать историю и не стараться прослыть другом истины, а сочинить хвалу этому самодержцу, и, чтобы прославить его, у меня нашлось бы немало прекрасных слов, вполне им заслуженных. Дело в том, что славословящий обычно опускает все дурное в своем герое и плетет хвалу только из его достоинств, а если плохое преобладает, то оратору довольно и одного случая, когда этот человек вел себя хорошо и достохвално; порой же он сочиняет с таким софистическим искусством, что и дурное превращает в предмет славословий. Напротив, пишущий историю — судья нелицеприятный и беспристрастный, который не склоняется ни в ту, ни в другую сторону и все меряет равной мерой, он не изощряется в описаниях дурного или хорошего, но просто и без затей повествует о событиях. Если же какой-то из героев его рассказа, будучи сам по себе человеком достойным, чем-то обидел автора, а другой, хотя и полная противоположность первому, сделал ему что-то хорошее, то историк должен описать в своем сочинении их самих и их деяния, не принимая в расчет ни зла, ни добра. А если бы историку дано было по благомыслию или из душевного благородства воздавать благодарность людям, к нему благорасположенным, и ради этого извращать истину, кому, как не мне, следовало бы украсить славословиями этого самодержца, который до восшествия на престол даже не видел меня ни разу, но с первой встречи так пленился моим красноречием, что, казалось, приник ушами к моим устам.

CLXII. Но я не знаю, как мне в своей истории и истину соблюсти, и Константину должное почтение оказать. Ни в чем не желая отступаться от исторической истины, я в то же время не отрекаюсь совсем от своего доброго расположения к царю, и, хотя правдиво и без утайки рассказываю о пороках Константина, не меркнет его сияющая добродетель, и, как на весах, под грузом его благих деяний клонится книзу чаша добра. Да и как не быть ему выше всех самодержцев, похвальные речи которым вызывают подозрение и кажутся скорее убеждающими, нежели достоверными. Какой человек (я говорю это в оправдание его слабостей), особенно из числа сподобившихся царской участи, мог бы быть укашен венком похвал за все без исключения свои деяния?

CLXIII. Если уж у самодержцев, прославленных за их нрав, речи и деяния (Александра Македонского, обоих Цезарей, Пирра Эпирского, Эпаминонда Фиванского, Агесилая Лакедемонского¹⁰¹, не говоря уже о прочих, на чью долю не досталось столько похвал от панегиристов), как мы знаем из их жизнеописаний, добродетели и пороки не находились в равновесии, но дурные свойства

явно преобладали, то что можно сказать об их подражателях, пусть и уступающих им совсем немного, — я имею в виду не все виды добродетели, а лишь те, в которых они более всего отличались.

CLXIV. Сравнивая с ними этого великого самодержца, я вижу, что мужеством он им уступал. Но недостаток этой доблести с лихвой возмещался превосходством в других добродетелях. Одаренный от природы, он обладал острым умом и прекрасной памятью и так умел обуздывать порывы гнева, что, казалось, не было в мире человека более кроткого. От меня, однако, не укрылось, что поступал он в этом случае, как возница, осаживающий норовистого коня: кровь прилиwała к щекам, он начинал весь дрожать, но немедленно овладевал собой и подчинялся рассудку. Если же, исполняя царские обязанности, он с кем-нибудь разговаривал сердитым тоном или угрожал побоями, то сразу же краснел, как бы стыдясь необычной для себя резкости.

CLXV. Когда Константин вершил суд, трудно было понять, кто выиграл, а кто проиграл дело: получивший белый камешек¹⁰² уходил, сияя от радости, но и его противник, который, не успев выслушать приговор, уже приготовился к поражению, вопреки ожиданиям покидал суд с победой и прибылью.

CLXVI. Немало людей злоумышляло против Константина, кое-кто даже уже заносил над его головой меч, но царь неизменно предпочитал замять дело и вести себя с заговорщиками, как ни в чем не бывало, будто он ни о чем не имеет никакого понятия, а иногда тут же забывал об их бесстыдстве. Когда же приближенные к престолу, которым было не отказано в праве свободного суждения¹⁰³, старались возбудить в царе гнев и утверждали, что он погубит себя, если не защитится от заговорщиков, то он выказывал больше интереса к собственному триумфу, чем к наказанию виновных. Он назначал судей, как красноречивый оратор растекался потоком слов и громогласно обличал дерзость заговорщиков, но стоило ему заметить на их лицах страх, как он завершал речь коротким оправданием, которое к тому же перемежал шутками, и сразу же освобождал подсудимых от всякого наказания.

CLXVII. Рассказать о том, что Константин совершал у всех на глазах, я предоставляю сонму жаждущих описать его деяния, сам же приоткрою немного завесу над вещами более сокровенными, теми, что привлекали к себе большое внимание и вызвали разноречивые толки у его почитателей и хулителей; при этом я буду выбирать главным образом свидетельства в его пользу. Какие же именно? Царь сознавал, что душа у него мягкая и чело-веколюбивая, не помнящая зла к тем, кто его ненавидел; и вот к виноватым в меру (я говорю о людях, которые не причинили большого вреда другим) он был до конца великодушен, а осмеливавшихся поносить самого Всевышнего приговаривал к ссылке,

назначал им для жительства определенное место или бросал в тюрьмы и при этом сам себе давал клятвы никогда не оказывать им никакого снисхождения.

CLXVIII. Когда я как-то заметил, что нелегко будет ему соблюсти такую клятву, он принялся меня убеждать, что иначе никак нельзя обуздать негодяев. И действительно, несколько дней в нем еще горело пламя справедливого гнева и царь оставался при своем решении, но вскоре негодование прошло (случилось это после того, как кто-то при нем стал восхвалять милосердие и превозносить за него прежних самодержцев), и Константин, сразу вспомнив о заточенных в тюрьмы, расплакался и стал мучительно думать, как ему найти выход из трудного положения. В конце концов он попросил меня помочь ему разобраться в своих сомнениях и отдал предпочтение человеколюбию, а бога умилостивил иным способом.

CLXIX. Я никогда не знал раньше, да и не вижу сейчас в нашем поколении человека более сострадательного, более щедрого и царственного, нежели Константин. Будто власть была ему только для того и дана; он даже царем себя не считал в тот день, когда не выказывал человеколюбия или не проявлял щедрости своей души; при этом он бросал, если можно так сказать, семена благодетельных в благородную душу отнюдь не для того, чтобы тут же взрастить на ней колосья благодарности, да и давала она ему не больше плодов признательности, чем сеял он в «жирную землю»¹⁰⁴.

CLXX. Для любопытствующих коротко расскажу об этой его добродетели. Некого человека, уличенного в присвоении воинских денег, присудили к уплате крупной суммы, намного превосходившей все, чем тот владел. Человек этот был состоятелен и богат, и фискал оставался неумолим, поскольку речь шла о царской и государственной казне. Осужденный попросил Константина выслушать его дело, чтобы подчиниться царскому приговору и не нести всего наказания, которое ему определил государственный суд¹⁰⁵. Обеим сторонам разрешили предстать перед императором, при словопрениях присутствовало много людей, и один из первых я, исполнявший секретарские обязанности и записывавший речения Фемиды¹⁰⁶. И вот они вдвоем явились к царю, и укравший, или, вернее, подозреваемый в краже, горячо и искренне стал просить, чтобы в пользу казны у него забрали только его собственное имущество, но не принуждали оставлять долговых обязательств в наследство детям, при этом он сразу же совлек с себя одежды, показывая готовность отдать все до последней рубашки.

CLXXI. В ответ на это царь с полными слез глазами сказал: «Дорогой мой, не стыдно ли тебе лишать свой род всего состояния и себя самого доводить до крайней бедности, так что ты должен будешь искать человека, который бы накормил и одел

тебя?» «О царь, — ответил обвиняемый, — при всем старании не уплатить мне такой суммы». Что же сказал на это царь? «Остался бы ты доволен и счел бы справедливым, если бы кто-нибудь разделил с тобой твой долг?» — спросил он. «Такой человек, — ответил он, — явился бы мне, как бог из машины¹⁰⁷; но не вижу я, чтобы слетел с неба какой-нибудь ангел или божественная душа, надзирающая над людским благозаконием и пекущаяся о городах». «Так вот, я сам, — сказал самодержец, — сделаю это и освобожу тебя от части долга».

CLXXII. Услышав такое, осужденный, не в силах сдержать своих чувств, бросился на колени и разве что не испустил дух от избытка радости. Тронутый его видом самодержец сказал: «Я прощаю тебе две трети долга» — и, прежде чем эти слова достигли его ушей, добавил вслед: «А заодно и первую». Человек этот, который и предстать себе не мог, что самодержец способен на подобное великодушие, сбросил с души гнетущую тяжесть, подобно победителю облачился в роскошные одежды, надел на голову венки и принес богу благодарственные жертвы.

CLXXIII. Много еще такого рода историй можно было бы при желании рассказать о самодержце, а искусный оратор, решив составить похвалу, не преминул бы, как должно, прославить его даже за те деяния, которые осудил бы историк. Чтобы упомянуть также и о противоположных его свойствах, скажу, что царь немало времени уделял развлечениям, и если для других людей забавы забавами и были, то он относился к ним, как к настоящему делу, и предавался им со всей торжественностью. И если царю вдруг хотелось насадить рощу, обнести стеною сад или расширить ристалище, то делал он не только то, что ему с самого начала приходило в голову, но и многое другое: одни луга засыпались, другие огораживались, старые виноградники и деревья с корнем вырывались, а на их месте возникали новые, сразу с плодами.

CLXXIV. Что я имею в виду? Задумал как-то царь превратить голую равнину в цветущий луг, и его желание сразу было исполнено. Откуда-то привезли и посадили деревья с плодами, покрыли равнину пластами земли, которые с травой взяли где-то в рощах и горах, а Константин еще огорчился, что на деревьях, появившихся как по мановению руки, не стрекочут цикады и рощу не оглашают соловьи. Он приложил все старания и вскоре уже мог наслаждаться разноголосым пением.

CLXXV. Эти свойства царя и все, что из них происходило, по моему мнению, были недостойны, согласно гомеровской Каллиопе, «мужа совета, коему вверено столько народа и столько заботы»¹⁰⁸. Кто-нибудь, восхищаясь внешней красотой, может быть, выразит восхищение и величием дел Константина и для пущей убедительности станет утверждать, что избыток ума позволяя ему делить время между серьезными занятиями и заба-

вами и одно-де не мешало другому. Но, как полагал и Константин, к серьезным занятиям добавить ему было нечего, так как они и сами по себе сияют красотой, а вот забавы он расцвечивал всеми прелестями, приукрашивал, более того, придавал им торжественное обличье, и ума его хватало на то, чтобы громоздить одно на другое, разумом брать верх над трудолюбием, поля делать неистощимыми без возделывания, подобно первому зиждителя творить и создавать сущее и свойства его из не-сущего, одолевая силой преобразования времена года, не нуждаться благодаря хитроумию выдумок в руках землепашцев и по своей воле творить чудеса. Так что люди и поверить не могли, будто уже на третий день видят перед собой ту самую землю, на которой еще вчера была равнина, а позавчера — холм.

CLXXVI. Я рассказываю об этом, почти не пользуясь правилами искусства красноречия и убеждения, и пусть кто-нибудь другой, придав совершенство речи, покоряет слух и души слушателей. Я же занятий такого рода не одобряю, и мне ненавистно красноречие, похищающее истину.

CLXXVII. Итак, я сторонник истинной истории и считаю, что в круг его добродетелей такие деяния не входят, точно так же и то, как по-мальчишески обошелся он с одним простецким и глупым мальчишкой, за год до того и в руки не бравшим стила и чернильницы, которого он из трущоб и уличных перекрестков вознес к оси Ромейской державы. Константин так привязался к этому негодю, что разве только не вручил ему царскую власть, он называл его сладким чадом своим и сделал одним из первых в сенате. И хотя это чадо было ни к чему не годно, Константин считал божественным каждое его слово, а поступки боговдохновенными¹⁰⁹. Причина такого взлета и внезапной страсти царя заключались в том, что... но вернусь немного назад, ко времени, предшествующему его возвышению.

CLXXVIII. Завладев ромейским скипетром и, будто после странствий по открытому морю, причалив в царской гавани, Константин решил, что настало время вздохнуть свободно, и передал управление государством другому человеку. Его избранником был благородный и отменной учености муж, искушенный во всех видах красноречия, знаток гражданских дел. Риторика, которой этот человек владел в совершенстве и которой придавал еще большую убедительность, он соединил с юриспруденцией и сочленил их крепкими связями, иными словами, украшал толкование законов искусством красноречия. Наделенный свыше деловым умом, он со своей природной сообразительностью и способностями глубоко проник в государственные дела и, чувствуя пристрастие ко всем видам красноречия, приспособил свою речь к практическим темам. Его слог отличался красотой и аттическим изяществом в ораторских сочинениях и был безыскусен и чист в выступле-

ниях по вопросам политическим и гражданским. Этот муж был также замечателен своим видом, ростом и голосом, звучавшим красиво и сильно, особенно когда он, стоя на возвышении, оглашал царские слова ¹¹⁰.

CLXXIX. Такому достойному человеку доверил самодержец власть и, спасшись от бури и еще сплевывая соль горестей, смог, наконец, спокойно перевести дух. Дела или шли уже хорошо, или были на пути к исправлению, и этот муж, постепенно поднимаясь все выше и выше, дошел до вершины власти. Что же дальше? Самодержец возревновал к нему и, уязвленный мыслью, что царская власть перешла в другие руки, пожелал царствовать самодержавно, причем целью имел не столько улучшить состояние государственных дел, сколько осуществлять свою волю, ведь до этого он, казалось, был скорее соправителем, чем царем, и каждый раз как собирался идти царской дорогой, его оттеснял этот могущественный человек.

CLXXX. Догадавшись по некоторым признакам о происхождении, я сам сообщил ему о сокровенных намерениях самодержца, но этот благородный человек ничуть не умерил своего усердия, не вернул императору бразды правления и только философски заметил, что по своей воле губить царя не станет, а когда сойдет с государственной колесницы и власть снова окажется в царских руках, зла из-за своего падения помнить не будет.

CLXXXI. Как-то раз после очередной вспышки гнева самодержец отстранил его от государственных дел и, не желая слушать ничьих возражений, остался глух ко всем доводам разума. Может быть, какой-нибудь ритор и прославит Константина за такое решение, что-де мудрый царь сам был способен исполнять все обязанности и не нуждался в чужой помощи. Как бы то ни было, царь лишил его власти, а бог уготовил ему лучшую долю и поставил посвящающим и посвященным в тайнства своей божественной мудрости, но об этом подробнее дальше ¹¹¹.

CLXXXII. Подобные поступки самодержца вызывали противоречивые толки, и люди судили о них по-разному в зависимости от своих убеждений. Что же касается других его действий, о которых я собираюсь рассказать, то ни в одном из них царь не проявил чувства меры, но во все свои начинания привносил напряжение, резкость и крайности. Если он пылал страстью, то страсть эта не знала границ, если на кого-нибудь гневался, то трагическим тоном и с жаром живописал пороки предмета своей ненависти, при этом многие из них выдумывал, а если уж любил, то сильнее его привязанности ничего нельзя было и вообразить.

CLXXXIII. Когда в глубокой старости ушла из жизни Зоя, сердце Константина наполнилось такой скорбью, что он не только оплакивал умершую, орошал слезами ее могилу и молил небо смилостивиться над покойной царицей, но захотел воздать ей и

божественные почести. Когда одна из окружавших гробницу и обитых серебром колонн притянула влагу к тому месту, где благородный металл разошелся, и по законам природы произвела на свет маленький гриб, Константин пришел в восторг и громогласно возвестил по всему дворцу, что всевышний на могиле царицы явил чудо, дабы все узнали, что душа ее сопричислена к ангелам; никто не сомневался в том, что произошло в действительности, но все еще больше подогревали его пыл, одни из страха, другие — чтобы извлечь из этой выдумки выгоду для себя.

CLXXXIV. Так он относился к царице. Что же касается сестры Елены, то царь почти и не заметил ее смерти, и его не трогало, когда кто-нибудь упоминал об ее уходе из этого мира. Да если бы и другой его сестре, о которой я уже упоминал, случилось умереть до него, Константин бы и глазом не повел.

CLXXXV. Рассказывая о собственных царю крайностях, я подошел к главному пункту обвинения — я имею в виду сооружение храма великомученику Георгию, храма, который он полностью разрушил и уничтожил, и в конце концов, уже нынешний, возвел на обломках прежнего. Не из лучших побуждений начато было строительство, но говорить об этом нет нужды¹¹². Предполагаемые размеры первого здания не удовлетворяли Константина: фундамент заложили небольшой, соответствующей величины было и все остальное, да и особой высотой оно не отличалось. Прошло немного времени, и царя стало мучить желание соорудить храм, который бы не только не уступал, но и намного превосходил все когда-либо существовавшие здания, и вот уже большая ограда окружила церковь, одни из опор выросли и поднялись вверх, другие еще глубже вросли в землю, а возле — колонны, больше и красивее прежних, и все выполненные самым искусным образом. Крыша золоченая, камешки зеленеющие, одни в пол, другие в стены вделанные, один подле другого сверкающие, по подобию или чередованию цветов подобранные. Золото же, как из неиссякаемого источника, бурным потоком потекло из казны.

CLXXXVI. Храм еще не был закончен, как снова принялись все менять и переиначивать: разрушили совершенную гармонию камней, сломали стены и сравняли с землей всю постройку. Причиной же послужило то, что в соперничестве с другими зданиями этот храм не одержал полной победы, но уступил первенство одной церкви. И вот опять возвели новые стены, и проведенный, как из центра, идеальный круг еще искусней, если можно так сказать, описал третью по счету церковь, высокую и величественную. Подобно небу, весь храм был украшен золотыми звездами, но если парящий свод только местами покрыт золотистыми крапинками, то здесь хлынувший из центра обильный золотой поток сплошь затопил собой все видимое пространство. А вокруг — здания с галереями, с двух или со всех сторон опоясывающими, все

широкие, как ристалища, для взора неохватные и вдали едва различимые, одни других больше. А рядом луга, цветами покрытые, одни по кругу, а другие посредине разбитые. И струи вод, и бассейны, ими наполняемые, роши дерев, высоких и к долу клонящихся, и купания прелесть невыразимая. Всякий, кто бранит храм за размеры, замолкает, ослепленный его красотой, а ее-то уж хватает на все части этой громады, так что хочется соорудить его еще обширнее, чтобы придать очарование и остальному. А луга в ограде не объять ни взором, ни мыслью.

CLXXXVII. Глаз нельзя оторвать не только от несказанной красоты целого, из прекрасных частей сплетенного, но и от каждой части в отдельности, и хотя прелестями храма можно наслаждаться сколько угодно, ни одной из них не удастся налюбоваться вдоволь, ибо взоры к себе приковывает каждая, и что замечательно: если даже любуешься ты в храме самым красивым, то взор твой начинают манить своей новизной другие вещи, пусть и не столь прекрасные, и тут уже нельзя разобрать, что по красоте первое, что второе, что третье. Раз все части храма столь прекрасны, то даже наименее красивая способна доставить высшее наслаждение. Все в храме вызывало восторг и восхищение: величина, красота пропорций, соответствие частей, сочетание и смешение прелестей, струящиеся воды, ограда, цветущие луга, влажные, постоянно орошаемые травы, тени дерев, прелесть купания — и каждому казалось, что движение остановилось и в мире нет ничего, кроме представшего перед его глазами зрелища.

CLXXXVIII. Однако самодержец считал это только началом, парил душой в облаках и готов был выдумывать все новые чудеса. Все завершенное и уже заблеставшее красотой сразу теряло для него всякий интерес, но волновали и наполняли страстью к неизведанному новые замыслы.

CLXXXIX. Переменчивый душой, порой сам на себя не похожий, Константин хотел прославить свое царствование, и нельзя сказать, что вовсе не достиг цели. Он расширил пределы империи на востоке, присоединил к ней большую часть Армении, изгнал оттуда князей и ввел их в круг своих подвластных¹¹³. Вместе с тем, отправляя посольства к другим властителям, он, вместо того чтобы разговаривать с ними как господин, искал их дружбы и слал им чересчур смиренные письма.

СХС. Так, например, он не без умысла оказывал слишком много чести правителю Египта¹¹⁴, а тот только глумился над его слабостью и, подобно борцу, которого освистывают, не повторял прежнюю схватку, а старался выказать свою силу в других¹¹⁵. Константин часто делился со мной своими тайными планами относительно египтянина и поручал мне составлять к нему письма, но, зная мою любовь к родине и ромеям, предлагал при этом, чтобы я как мог царя принижал, а египтянина возвеличивал.

Я, однако, незаметно все выворачивал наизнанку и царю представлял одно, а египтянину устраивал ловушки и исподволь унижал его своими рассуждениями. Поэтому если стиль мой бывал темен, царь сам диктовал мне письма к египтянину. Рассуждая о свойствах тел, Гиппократ из Коса говорит, что они не могут оставаться в покое, и, развшись до предела, падают вниз из-за непрерывности движения. Сам Константин на себе этого не испытывал, но друзей пережить заставил: возвышал он их постепенно, а низвергал сразу и тогда уже все делал наоборот; впрочем, иногда, словно в кости играя, он возвращал людей на прежние их должности.

Постри Пселла

СХСІ. Это соображение и станет причиной и основанием моего обращения к лучшей жизни. Многие поражались, как это я, избавившись уже от людской зависти¹¹⁶, отказался от блестящего положения¹¹⁷, которого к тому времени мало-помалу достиг, и внезапно перешел к божественной жизни. Принудили же меня к этому две вещи: врожденная, с младенчества укоренившаяся в моей душе страсть и неожиданная перемена обстоятельств; я видел непостоянство царя, который, подобно воину в бою, кидался то на одного, то на другого, и я боялся... но, чтобы последовательно изложить всю свою историю, начну с самой сути.

СХСІІ. У меня было немало дружеских связей с разными людьми, но только два человека (тот и другой переселились в священный Рим из иных мест) заключили меня в объятия своей души; основой нашего союза стали основы науки, мои друзья были старше меня, я — много их моложе, и — да не обвинят меня в отступлении от истины — оба они были только любителями философии, а я истинным философом. Сблизившись со мной, они распознали во мне родственную душу, точно так же в душах каждого из них жило и мое я, и мы стали неразлучными. Однако разумом я был постарше, да и душа тоже, так сказать, имела преимущества, и во дворце я оказался прежде, чем они. Но жить вдали от друзей казалось мне невыносимым, и вот одного из них я приблизил к царю сразу, а другого позднее, ибо он сам не пожелал немедленно появиться у императора¹¹⁸.

СХСІІІ. Войдя в круг царских приближенных, мы досыта вкусили так называемого блаженства и, познакомившись со всем, как положено, не почувствовали никакого влечения к этой мишуре. Высказать вслух свои мысли мы не решались и, тая их в душе, ждали удобного случая. Главной же причиной, побудившей нас к этому, был самодержец, который направил колесо власти против тех, кто поднялся на ее вершину, и многих низринул в пропасть; оказавшись в этом колесе, мы и сами очень боялись,

как бы, еще больше его раскрутив, он не сбросил бы и нас, не слишком крепко державшихся за обод¹¹⁹.

СХСIV. Такова была причина нашего общего преобразования. Эта страсть привела нас к лучшей жизни. И вот, собравшись как-то раз все вместе, как по данному нам знаку, мы открыли друг другу тайные желания, сошлись во мнениях и заключили незыблемый договор; при этом по необходимости мы решили менять образ жизни не сразу и не все вместе, но в то же время торжественными клятвами обязались последовать примеру того, кто делает это первым.

СХСV. Первым же вступил на путь к богу тот, кого судьба вознесла выше всех. Со свойственной ему твердостью духа он укрепил свою волю, мысли и желания обратил к богу, и выставил вымышленный телесный недуг как предлог для своего преобразования. Тяжелым дыханием он постепенно привлек внимание царя к своей болезни и попросил Константина дозволить преобразование. Очень недовольный, тот все же дал соизволение, но терзался душой от того, что вскоре должен будет лишиться такого мужа.

СХСVI. Случившееся не давало мне ни спать, ни свободно вздохнуть, ни спокойно ожидать своего часа; находясь с другом, я проливал потоки слез и говорил с надеждой, что и сам за ним вскоре последую. А он, сочинив новый предлог, будто, как только наденет монашеское одеяние, сразу сподобится и божьего врачевания, без промедления отправился на божественную гору Олимп¹²⁰.

СХСVII. Следуя его примеру, я ссылаюсь на болезнь печени и сердечный недуг, притворяюсь безумным и делаю вид, будто рассуждаю про себя о предстоящем деле и при этом, не произнося ни звука, пальцами изображаю пострижение. До слуха царя немедленно доходит весть о том, что я переселяюсь из этого мира, что нахожусь при смерти, что погружен душой в пучину бедствий и, приходя в себя, лишь мечтаю о лучшей и возвышенной жизни. Царя удручали известия о моей болезни много больше, чем постриг, он рыдал и глубоко вздыхал, считая, что жизнь моя висит на волоске, и был напуган мыслью лишиться человека, которого так горячо любил за красноречие (какой мне смысл скрывать правду?).

СХСVII (bis)¹²¹. Если мне будет дозволено немного похвастаться своим искусством, скажу, что я являлся царю в разных обличьях и, продолжая любомудрую жизнь, умел ловко к нему приспособиться. Он быстро насыщался тем, чего добивался, жаждал перемен, из одной крайности бросался в другую или обе их объединял вместе, поэтому и я философствовал и рассуждал с Константином о первопричине, о всяческом благе, о добродетели и о душе; я разъяснял ему, какая часть души тяготеет к телу, а какая, будто пробка, плавающая на поверхности, только слегка касается своих оков и подобна змею, который на легком крыле парит

сам по себе и не удерживается веревкой. Заметив же, что он этими рассуждениями утомлен и с удовольствием послушал бы что-нибудь более занятное, я брал в руки лиру риторики, ее ритмом и гармонией слов зачаровывал царя и наставлял его в ином виде добродетели с помощью сочетания слов и фигур, в которых заключается сила красноречия. Риторика украшена не только ложной убедительностью и способностью один и тот же предмет трактовать в разных смыслах — знакома она и с истинной музой, умеет рассуждать по-философски и цветет красотой слов, покоряя слушателей как тем, так и другим. Она расчленяет суждения, не смешивает их в переплетениях, но распределяет и постепенно их обосновывает, ее искусство не сумбурно, не туманно, приспособлено к предметам и обстоятельствам (если говорить просто, не пользуясь ни периодами, ни градациями). Я все это объяснял царю и вселял в него любовь к красноречию. Видя же, что и эти темы уже тяготят Константина, я снова начинал о другом, утверждая, будто забыл все, что знал, и якобы случилось со мною то же, что и с Гермогеном: огонь угас из-за чрезмерного жара¹²².

СХСVIII. Обо всем этом царь хорошо помнил и никак не хотел позволить мне предаться любомудрию и переменить образ жизни: сначала он искал меня письмами, подсылал ко мне знатных мужей и, чтобы заставить переменить решение, обещал исцелить меня от болезни и удостоить еще больших почестей. И ныне не могу без слез читать его письма, в которых он называл меня очами своими, лекарством души, сердцем, светом и жизнью и просил не погружаться во мрак, но я оставался глух ко всем увещаниям, ибо меня непреодолимо влекло к тому, кто уже успел избрать уделом лучшую жизнь¹²³. Когда царь ничего не добился ласковыми увещаниями, он сменил лисью шкуру на львиную, занес надо мной палицу и поклялся немедленно испепелить меня вместе с моими советчиками и обрушить лавину бедствий не только на меня одного, но и на всю мою родню.

СХСIX. Но я слушал его угрозы, как благое предвестие и, бросив якорь в гавани церкви и сняв покров с головы, удалился от мирской жизни. Услышав о моем постриге, царь не стал мстить, но сразу переменял тон писем, радовался моему радостному вступлению на стезю духовной жизни и вселял в меня силы для преобразования, он бранил дорогие и красивые одежды, хвалил темный плащ и увенчивал меня победным венцом за то, что я не поддался ни на какие уговоры.

СС. Но хватил о себе. Не о себе решил я писать в своей истории, хотя меня насильно побуждают к этому вставные рассказы. Что касается этого отступления, то поводом для него была изменчивость нрава императора, которой мы опасались и из-за которой сменили худшую жизнь на лучшую, бурную и беспокойную — на безмятежную.

ССI. Лишенный радостей общения со мной, оставшись без улады моей словесной лиры, Константин снова предался грубым удовольствиям. Посреди изобилующего всякими плодами луга он велел вырыть глубокий пруд с плоским, вровень с водой, берегом и прорыть каналы для подвода воды. Люди, не знавшие о пруде посреди луга, хотели, ни о чем не подозревая, сорвать яблоко или грушу и... проваливались в воду: сначала они шли ко дну, затем выныривали и к вящей радости самодержца начинали барахтаться на поверхности. А чтобы пруд доставлял не одни только забавы, Константин соорудил рядом внутри высокой ограды домик для удовольствий. В один из дней, когда царь несколько раз купался в теплом бассейне и все время то входил, то выходил из воды, в его бок незаметно впилась стрела из воздуха. Сначала она ударила несильно, но затем влила яд в его нутро и поразила плевру¹²⁴.

ССII. Потеряв всякую надежду на жизнь, как только что принесенная жертва, Константин лежал в предсмертных муках; в думах о власти он обошел Феодору и, скрывая от нее свои намерения, в тайне подыскивал себе другого преемника. Однако утаить эти замыслы было нельзя, Феодоре доложили о его планах, и она без промедления вместе с первыми людьми из свиты села на царский корабль и, словно бежав от бури, приплыла в царский дворец¹²⁵. Там она заручилась поддержкой всей царской стражи, ибо пурпурные пеленки¹²⁶, кротость души и пережитые муки служили для людей неотразимыми доводами в ее пользу. Известие о ее прибытии огорчило царя и еще больше увеличило его страдания. Не в силах ни справиться с болезнью, ни придумать что-нибудь разумное, он тут же погрузился в полузабытье, закрыл глаза, и мысли его где-то блуждали, а язык заплетался. Затем он ненадолго пришел в себя, осознал, в каком тяжелом состоянии находится, и в горести испустил дух.

ССIII. Так окончил жизнь император Константин Мономах. Процарствовав двенадцать лет, он заслужил добрую славу прежде всего управлением гражданскими делами, в то же время и нравом своим он подал пример тем, кто стремится к достойной жизни. Если закрыть глаза на невоздержанность Константина, его можно было бы назвать самым человеколюбивым из всех людей; поэтому и рассказ о нем, изменяясь и преобразуясь вместе с героем, кажется таким противоречивым. Тем не менее составлен он по законам правды, а не риторики и как бы уподобляется и сопереживает царю¹²⁷.

Самодержавное правление царицы Феодоры

I. После смерти Мономаха царство перешло к дочери Константина Феодоре, при этом все ожидали, что она вручит власть какому-нибудь благородному и способному повелевать мужу, од-

нако вопреки всем мнениям и предположениям Феодора взяла самодержавное правление над ромеями в свои руки. Она была убеждена, что нет существа забывчивей человека, воцарившегося с чужой помощью, что самую черную неблагодарность проявляют обычно к своим благодетелям, и, зная об этом на собственном опыте, опыте прежнего императора и на примере сестры, она никого не хотела возводить на царский престол, а всем распоряжалась сама и взяла на себя безраздельную полноту власти. Укрепляли же ее в этом решении слуги и домашние, все люди опытные в царских делах, знатоки государственного управления¹.

II. Поэтому царица открыто правила государством, держала себя с мужской независимостью и не видела нужды ни в каких за-весах. Она сама назначала чиновников, с высоты трона произносила твердым голосом повеления, высказывала мнения и рассуждала тяжбы, выносила приговоры, иногда по наитию, иногда заготовленные письменно, иногда пространные, иногда краткие.

III. Она пренебрегла ромейским обычаем при смене властителей жаловать новые титулы гражданским лицам и воинскому сословию и при этом убедила народ в том, что никакого закона не нарушает, внушив всем, что не впервые сейчас берет власть над ромеями и наследует державу, что получила ее от отца много раньше, но по причинам, от нее не зависящим, была отстранена от правления и ныне лишь возвращает себе свое достоинство². Ее объяснения показались убедительными, и поднявшийся было ропот сразу же утих.

IV. Всем казалось негоже, что власть над Ромейской державой ушла из крепких мужских рук, а если такого и не думали, то, по крайней мере, казалось, что думают. Если же на это не обращать внимания, то можно сказать, что царствование Феодоры было славным и величественным, никто не посмел в то время ни поку-ситься на власть, ни презреть исходящие от царицы повеления и приказы; времена года несли людям изобилие, урожай были бо-гаты, ни один народ не грабил наших земель исподтишка, и ни один не объявлял ромеям войны открыто, ни одна часть общества не выказывала недовольства, и во всем соблюдалось равновесие.

V. Народ судил ей многие лета и необыкновенно долгую жизнь; она же при высоком своем росте почти вовсе не сгорбилась, и, если надо было заниматься делами или вести продолжительные разговоры, никаких затруднений не испытывала; иногда она гото-вилась к этому загодя, иногда говорила по наитию, и ее красноре-чие помогало ей толково разобрать дело.

VI. Тем не менее нельзя было обойтись без какого-нибудь дель-ного мужа, опытного в государственных делах, искушенного в со-ставлении царских грамот. Никому из своего окружения такой роли Феодора не доверяла, ибо знала, как быстро меняется харак-тер человека, когда он становится предметом зависти своих това-

рищей; выискивая же самого достойного из совета, она ошиблась в расчетах и поручила управление не тому, кого издавна отличали бы ученость и красноречие, но человеку, снискавшему великое уважение разве что способностью молчать и потуплять взор, негодному ни для переговоров, ни для других обязанностей государственного мужа. Такому человеку доверила она важнейшие дела. Обычно цари предпочитают скорее людей торжественно-важных, пусть и менее ловких, нежели нрава гражданского, пусть весьма речистых и образованных. Впрочем, слог этого человека был не так уж плох и рука владела им лучше языка, и хотя ни там, ни здесь особой ловкостью он не отличался, рукой действовал лучше и благодаря ей только и был мудр. Если же он и устно принимался изъяснять какую-нибудь науку, то говорил противоположно тому, что хотел выразить, — такой неясной и некрасивой была его речь³.

VII. Этот муж, одним махом водрузивший на свои плечи бремя государственного управления, производил на многих тягостное впечатление: лишенный, как уже говорилось, всяких мирских добродетелей, он вид имел неласковый, не умел как следует вести беседу, всегда и перед всеми обнаруживал грубость нрава, терпеть не мог никакого общения с людьми, приходил в негодование и зверем смотрел на каждого, кто сразу не начинал с сути дела, а предварял свою речь предисловиями, потому-то никто и не хотел к нему обращаться без крайней необходимости. Прямотой такого характера я восхищаюсь, но считаю его скорее подходящим для вечности, а не для нашего времени, для жизни будущей, а не для настоящей. Невозмутимость и полное бесстрашие расположены, как я полагаю, выше всех сфер и вне вселенной, а что касается бытия в телесной оболочке, то оно более общественное и потому более приспособлено к нашему времени, особенно же соответствующая телесной оболочке чувствующая часть души.

VIII. По размышлении я могу различить три состояния душ. Первое — когда душа живет сама по себе, отделенная от тела, твердая, негнибаемая и не подверженная никаким слабостям. В остальных же двух я определяю душу по способу, каким она существует с телом. Если, предпочитая жизнь в середине, обураваемая великими и многими страстями, она располагается в самом центре круга, то создает человека мирского, сама же по себе она в этом случае не является в полном смысле слова божественной и духовной, но вместе с тем и не телолюбивой, и не подверженной многим страстям. Если же она от середины отклоняется и живет жизнью, тяготеющей к страстям, то порождает любителя наслаждений и радостей⁴. Если же кому-нибудь удастся сбросить с себя телесную оболочку и дойти до вершин жизни духовной, что общего у него с земными делами? Ибо, говорит Писание, «я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его»⁵. Так пусть поднимется

он на высокую гору, отвернется от людей, откажется от них и пребудет там с ангелами, чтобы озарил его высший свет. Но раз никто не может похвастаться таким совершенством своей природы, то пусть тот, кому доверены государственные дела, и занимается ими, как подобает государственному мужу, а не изображает из себя непреклонности — ведь не все живут точно в соответствии с прямолинейными правилами, поэтому, если уже осуждать отклонение, надо отвергнуть и все, что ему сопутствует⁶.

IX. Поэтому-то он, проявляя любомудрие в делах отнюдь не любомудрых, скорее изображал из себя философа, чем был им на самом деле. Однако, чтобы всесторонне его оценить, следует сказать, что в частной жизни он был совсем другим: жил богато и на широкую ногу, обладал благородным и неподкупным характером. Если же кто из его сотрапезников бывал весел и, говоря словами поэта, «руки свои поднимал к приготовленной пище»⁷, то и он начинал жадно есть, оживленно разговаривать, становился общительным и приятным и ни в чем не отставал от гостя, но потом он вновь менялся и возвращался к обычному своему состоянию. Своей властью он ни с кем делиться не желал. Тут, однако, мне снова придется поговорить о себе.

X. Мое обращение к лучшей жизни произошло незадолго до воцарения Феодоры; из-за того, что я облачился в божественные одежды перед самой кончиной Мономаха, многие гадали о моих намерениях и утверждали, будто я наперед знал, что произойдет, и потому поспешил переменить образ жизни. Однако люди оказывают мне больше чести, чем я заслуживаю: они думают, что если я изучил геометрию, то могу измерить небо, если кое-что смыслом в небесной сфере, то должен знать и о восходах, наклоне Зодиака, затмениях, полнолуниях, циклах, эпициклах⁸, и полагают, что я умею предсказывать будущее, хотя и отвернулся от этих книг.

XI. Желая познакомиться с гороскопами, я действительно занимался этим вздором (способ моего учительства и разнообразные вопросы слушателей заставляли меня обращаться ко всяким наукам⁹) и потому не могу избавиться от расспросов и докучных приставаний. Ведь я, должен признаться, причастен ко всем областям знания, однако ни одной из отвергнутых богословами наук я не злоупотребил, и хотя знаю об игре случая и злом роке, тем не менее не верю, будто ход дел в подлунном мире определяется местоположением и сочетанием светил. Пусть сгинут те, кто кладет в основание духовную жизнь и приписывает это управление неким новым богам, ведь они разделяют всю земную жизнь и исходящее свыше возводят к зиждителю¹⁰, а жизни, лишённые разума, считают порождением звезд, помещают их впереди всех частей тела, а уже потом прививают к ним разумную жизнь¹¹.

XII. Никто из людей благомысленных не станет порицать человека, знакомого с астрологией, но не верящего ее утверждениям,

в то время как достоин сожаления тот, кто занялся этой суетной наукой и, обратившись к ней, забыл о нашем учении. Что же касается меня, то, чтобы сказать правду, отвращение к ней привило мне не научное знание — меня удержала от нее некая божественная сила; не прислушиваюсь я ни к силлогизмам, ни к каким другим видам доказательств, но то, что лучшие и просвещенные души привело к усвоению эллинской науки, меня утвердило и укрепило в вере в наше учение. Матерь Слова, непорочно зачатый сын ее, страсти его, тернии вокруг головы, трость, исоп¹² и крест, на котором он распластал свои руки, — гордость и похвальба моя, если даже дела мои не согласны со словами¹³.

XIII. Вернемся, однако, назад и снова будем излагать все по порядку. Я удалился от этой презренной жизни незадолго до кончины императора, но, когда к власти пришла Феодора, я сразу же был призван царицей¹⁴, которая горестно поведала мне обо всем, что вытерпела от зятя¹⁵, поделилась со мной своими сокровенными мыслями и велела постоянно к ней приходить и ничего не утаивать из того, о чем мне доведется узнать. Не в первый раз являлся я тогда к Феодоре — еще при жизни царя, если хотелось ей написать секретное письмо или что-нибудь сделать в тайне, посвящала она меня в свои мысли и намерения.

XIV. Когда я, согласно приказу, прибыл, мое появление во дворце возбудило зависть, и поскольку опередившие меня не могли выдумать ничего порочащего, они принялись бранить меня за мое монашеское обличье и нелюдимый образ жизни¹⁶. Царица внимала их речам, хотя и не позволяла себе вступать с ними в такие же беседы и разговоры, как со мной. Узнав об этом, я стал реже посещать дворец, и тогда царица переменялась вновь и стала порицать меня за нерадение и бранить за небрежение ее приказами.

XV. Как видно, царица решений своих держалась неколебимо, но и внезапным порывам следовала весьма решительно. Не очень-то полагаясь на собственное разумение, опасаясь, как бы в конце концов не понесли ущерба государственные дела, она начала доверять другим людям больше, чем себе. К самодержцу, своему предшественнику, она продолжала с почтением относиться даже после его кончины, помнила о его добрых делах и не хотела пренебречь ни одним из принятых им решений; тем не менее своей цели она не достигла, и почти все, чего он добился, пошло прахом. Причина же заключалась в том, что человек, которому было доверено управление государством (я только недавно о нем рассказывал), никаких высоких должностей от предшественника Феодоры не удостоился, к трону им приближен не был (а именно к этому привык он при прежних царях) и потому бранил императора при его жизни и после смерти не мог простить ему своего унижения. Во всем этом можно оправдать царицу, если даже относиться к нему плохо.

Но как освободить Феодору от обвинений в крайнем и позорном недомыслии за то, что не задумалась она о себе как о гостье на этой земле и не позаботилась о благоустройстве дел, и как не укорить приближенных царицы, которые такой мысли ей не внушили и вообразили, будто она пребудет в этом возрасте век, а если со временем и увянет, то, подобно молодому побегу, расцветет вновь; они радели только о собственном благе, никого не пожелали облечь властью и не подготовили лучшего исхода.

XVI. Видя, каких людей возводит она на священные троны и к тому же еще, если так можно сказать, разглагольствует по поводу подобных назначений, я не мог себя сдержатъ, за ее спиной выражал недовольство и осуждал царицу наедине с теми, кому можно было довериться. Зная благочестие царицы, я удивлялся ее поступкам. Однако ее заставляла нарушать законы любовь к единой державной власти, она же принудила ее изменить благочестию и даже не сохранила сострадательности в ее душе. Не знаю, то ли Феодора вернулась к прежним своим обычаям и ее прошлая жизнь оказалась притворством, то ли вела себя так специально, чтобы оставаться недоступной и не поддаваться людским слезам.

XVII. Вселенского патриарха (так по закону зовется владыка Константинополя, а был это Михаил, занявший священный престол после божественного Алексея)¹⁷ она до воцарения чтит и отличала, а как стала истинной царицей, начала ненавидеть и презирать. Причиной же такого превращения было недовольство патриарха женским правлением в Ромейской державе. Он был им возмущен и откровенно выкладывал всю правду. Возможно, царица и сместила бы патриарха с престола, если бы ее земной жизни были дарованы долгие годы.

XVIII. А всему виной эти гнуснейшие, всякую меру дающая превзошедшие, не ангелы, доставляющие ей повеления всевышнего, но только видом им подражающие, а в сердце притворщики; я имею в виду наших назиреев¹⁸, уподобляющих себя божеству, вернее — притворствующих из послушания закону, которые, прежде чем распрощаться с человеческой природой, живут среди нас, как некие полубоги; небрегут они и другими божественными установлениями, души в возвышенном не настаивают, человеческие страсти не смиряют, на одни из них узды не набрасывают, а на другие словом, как стрекалом, не действуют, но презирают все это, как ничтожное; одни из них пророчествуют и возвещают божью волю, а другие преступают даже установленные границы, кого обрекают смерти, кому добавляют лет жизни, они даруют бессмертие делимой природе¹⁹ и останавливают для нас естественное движение; в подтверждение своих слов они ссылаются на то, что, подобно древним акарнанцам²⁰, постоянно носят доспехи, подолгу плавают по воздуху и сразу спускаются, как только чуют чад сжигаемых жертв. Я нередко видел и имел возможность

узнать этих людей — они-то и морочили царицу, будто она будет жить вечно, из-за этого она и сама чуть не погибла, и дела все едва не сгубила.

XIX. Они сулили ей долгую бесконечную жизнь, а царица подходила уже к роковому пределу — я говорю так, ибо, завершив отмеренный срок жизни, Феодора уже приближалась к концу. Страшная болезнь постигла царицу: выделительные способности ее нарушились, в результате исчез аппетит и опорожнение происходило через ротовую полость; затем болезнь, неожиданно распространившись, чуть не вывернула все ее нутро и оставила царицу при последнем издыхании. Все (я говорю об окружении Феодоры), потеряв надежды на ее выздоровление, задумались над судьбой государства и над своей собственной тоже и принялись строить всякие планы. Я пишу об этом не понаслышке, ибо сам присутствовал при их совещаниях, своими глазами видел и своими ушами слышал, как они, словно в кости, разыгрывали судьбу царства.

XX. Полуденное солнце еще не дошло до зенита, когда царица, тихо вздохнув, казалось, приготовилась умереть, а приближенные к трону, собравшись вместе и окружив своего предводителя, обсуждали, кого поставить им во главе государства, чтобы это был человек и надежный, и им преданный, и благополучие их сохранить способный. Того, кого они предпочли всем остальным, я здесь не хочу описывать, должен только сказать, что они не ошиблись в своем выборе, разве только, что этот муж умел скорее подчиняться и повиноваться, нежели повелевать. Жизнь его уже клонилась к осени, время его уже истекало, и волосы на голове были уже совсем посеребренные.

XXI. Итак, они принялись уговаривать Феодору возвести на престол этого человека, и царица без колебания с ними согласилась, увенчала и объявила его императором²¹. После этого она совсем недолго оставалась у власти и, не дожив до конца года одного часа²², умерла, а царство на короткое время перешло к Михаилу, о котором я собираюсь сейчас рассказать и с этой целью должен сделать небольшое вступление.

МИХАИЛ VI. ИСААК I КОМНИН

Начало царствования Михаила Старика, правившего один год

I. Обычно императоры, вступив на престол, полагают, что для упрочения власти вполне достаточно, если их провозгласило гражданское сословие. Они живут с ним бок о бок и потому думают, что его доброе расположение обеспечивает незыблемость трона. Вот почему, завладев скипетром, цари прежде всего являют себя взорам и слуху городских жителей, и если те прыгают от восторга, кричат, как шуты, и выступают с болтливыми речами, считают, что сподобились божьего заступничества и уже ни в какой другой силе не нуждаются. И хотя царская власть держит-

ся на трех опорах: народе, синклите и войске, они мало уделяют внимания последнему, но зато, не успев взять власть, осыпают милостями первые два.

II. Что же касается Михаила Старика, то он раздавал чины с еще большей щедростью, чем принято. Царь поднимал каждого не на следующую ступень, но через одну, а то и еще выше. Если же кто, нашептывая царю на ухо, просил о четвертой, то и его он благосклонно выслушивал. А какой-нибудь другой проситель, тербя царя с другого бока, не получал отказа и в пятой. Короче говоря, щедрости Михаила привели к самой настоящей неразберихе¹.

Посещение царя Михаила воинскими начальниками

III. О происходящем стало известно воинам, и самые из них отборные и главные прибыли в Византий в надежде сподобиться таких же, а то и больших милостей². Им назначили прием у царя.

В тот день рядом с самодержцем находился и я. И вот эти доблестные мужи, истинные герои, вошли к царю, склонили головы, произнесли поочередно положенные приветствия и по его приказу остались стоять. Михаилу надо было бы тогда поговорить с каждым в отдельности и обратиться к ним для начала с речами царскими и щедрыми, а он прежде грубо выругал их всем скопом, а затем вывел на середину их предводителя (главенствовал над ними Исаак Комнин)³ и следующего за ним (это был Кекавмен из Колонии)⁴, осыпал его бранью за то, что тот чуть было не потерял Антиохию и не погубил войско, не выказал ни военного искусства, ни отваги, собрал деньги с народа и власть употребил не ради славы, а для корысти. От такой неожиданности тот застыл на месте, ибо ждал милостей, а получил оскорбления. Товарищи попытались было вступить за него, но царь зажал рот и им. Если еще можно было пренебречь остальными, то уж Исаака следовало бы удостоить высших почестей и похвал, но царь и ему отказал в своем благоволении⁵.

Восстание Комнина

IV. Это был первый удар, нанесенный воинам, он и послужил причиной их заговора — происшедшая сцена взбудоражила их души и внушила первые мятежные помыслы. Сначала у них даже мысли не было посягать на царскую власть, и они сделали вторую попытку расположить к себе самодержца. Но они просили сена, а он давал солому, а если они возражали, отказывал и в ней и в конце концов прогнал и отослал от себя военачальников⁶. Они готовы были тут же схватить царя и лишить его престола, но их удержал Исаак, сказавший, что все дело нужно тщательно сперва обдумать. После этого они замыслили заговор и стали искать человека, который смог бы и войско возглавить, и государством управлять.

V. Исаак всем уступал корону, утверждая, что любой из них достоин власти, тем не менее предпочтение отдали ему — ведь Комнин выделялся среди них не только родом, но и царской внешностью, благородством нрава, твердостью души и одним видом своим умел внушать уважение окружающим. Его описание, однако, еще подождет своего места. Тем временем военачальники согласились между собой⁷, еще раз коротко переговорили с царем и все вернулись по домам. Жили они на востоке, в стороне восходящего солнца, на небольшом расстоянии друг от друга и по этой причине уже через несколько дней смогли собраться в одном месте и приступить к осуществлению своих планов⁸. Не успели они устроить заговора, как уже собралось у них большое войско, и к тому же стеклось множество знатных людей, готовых оказать им поддержку. Когда же разнесся слух, что у них утвердился доблестный военачальник, что поддержан он самыми могущественными

родами и что имена заговорщиков известны, никто уже и мгновенья не медлил, но все устремились к мятежникам и, подобно хо-рошим бегунам, старались обойти один другого.

VI. Военское сословие и прежде хотело забрать власть над Ро-мейской державой и служить царю-воину, но желания свои воен-ные держали в тайне и только лелеяли эти мечты в сердцах, ибо не было у них на примете никого, достойного престола. Видя, од-нако, что Исаак, которого они и во сне не надеялись узреть в цар-ском облачении, встал во главе мятежа (а дело это было устроено безукоризненно) и подал уже голос за дальнейшие планы, они ос-настили себя мужеством, снарядились к войне и, отбросив всякие сомнения, явились к Комнину.

VII. Что же касается самого Исаака, то хотя он тогда и впер-вые встал во главе такого заговора, тем не менее за дело принялся скорее разумно, нежели дерзко. Хорошо понимая, что для войска прежде всего потребуются много денег, он для начала перекрыл все дороги, ведущие в столицу, установил на каждой усиленную охрану и никому без его ведома и разрешения не позволял двигаться по ним ни туда, ни обратно. Отдав такие распоряже-ния, он приступил к взысканию государственных податей, причем делал это не беспорядочно и наобум, но учредил специальные ве-домства, назначил строгих сборщиков и все по отдельности зано-сил в списки, чтобы, утвердившись окончательно на престоле, иметь точные расчеты налоговых поступлений. Вот потому-то, мо-жно сказать, он вел себя скорее разумно, чем дерзко. Нельзя не восхищаться и другим поступком Исаака: всю стекшуюся к нему толпу людей он разбил на части: самых доблестных и тех, кого ценил за расчетливую отвагу и стойкое мужество, отделил от прочих, зачислил в полки и отряды и предназначил для войны. Отобранных воинов собралось огромное множество. Но и остав-шихся было ничуть не меньше.

VIII. Он прежде всего приказал им разобратся по-отрядно, не смешиваться с другими воинами, не нарушать построения, а затем, соблюдая строй, в тишине продвигаться вперед и разбить лагерь. Потом он каждому назначил определенное жалованье, снабдил не-обходимым для военного похода снаряжением и повысил в зва-ниях: тому, кто был повыше рангом, дал чин побольше, тому, кто пониже, — дал меньший. Поручив охрану своей персоны кровной родне и окружив себя ее кольцом, Исаак без страха двинулся впе-ред, а затем снова разбил лагерь. Мятежник проводил бессонные ночи в государственных заботах, еще блистательней распоряжался делами днем и прямой дорогой шел к цели. Хотя в войске обычно много всякого случается и воины — люди скорее отважные, нежели разумные, ни на кого из них Исаак не поднял меча, ни одного про-винившегося не наказал на месте, но всеял страх одним своим взгля-дом, и его нахмуренные брови действовали сильнее любого удара.

IX. Таким вот образом во главе построенного по всем правилам войска Исаак и подошел к столице. Царь, сохранивший власть над одним только Византием, и те, кто имел на него влияние, вели себя так, будто ничего не случилось: не противодействовали мятежникам, не двинули против наступающих оставшиеся у них отряды и не делали никаких попыток разгромить войско узурпатора. Кое-кто из преданных царю людей непрерывно тербил и убеждал Михаила в том, что не обойтись ему без советчиков, крупной суммы денег и войска. И вот он наряду с многими другими благородными духом мужами, жившими тогда в опале, призвал к себе и меня, объявил своим приемным сыном и изобразил, будто раскаивается в том, что раньше вел себя неразумно и не любил меня всей душой.

Советы царю в связи с восстанием

X. Я не стал ему поминать прошлого и сразу дал три совета. Зная, что Михаил находится в разладе с великим иерархом⁹ и тот гневается на него, я прежде всего внушил царю мысль забыть о всех спорах и достичь с ним согласия, ибо в столь тяжких обстоятельствах сила патриарха возрастала и он мог бы оказать поддержку мятежникам, если бы царю не удалось безоговорочно привлечь его на свою сторону. Во-вторых, я посоветовал отправить к узурпатору послов, чтобы убедить его распустить свою армию: они должны были обещать ему все, что можно было отдать без опасений, посулить остальное на будущее и в то же время попытаться как-нибудь воздействовать на мятежное войско и рассеять его строй. Третий, последний совет был самым важным и существенным: стянуть полки с запада, собрать оставшиеся силы, пригласить на помощь союзников из соседних варварских стран, укрепить находившееся на нашей службе чужеземное войско, поставить во главе его доблестного военачальника, образовать побольше отрядов и со всех сторон защитить себя от наступающих полчищ. Царь одобрил мои советы.

Посылка войска против Исаака

XI. Затем, однако, он отверг первый из них (уже это обрекало царя на неудачу) и приготовился исполнить второй и третий. Второй, однако, так и не был осуществлен; западное же войско, оснащенное к войне, пополненное свежими силами союзников, разделенное на отряды и сведенное в боевые порядки, в полном снаряжении выступило против восточных полков. Противники разбили свои лагеря на небольшом расстоянии один от другого, пространство их разделяло небольшое, но ни одна сторона не делала попыток наступать, и поле посредине оставалось пустым¹⁰. Численно-

стью царские войска явно превосходили врагов, но уступали им в силе и построении, и — что самое важное и поразительное — строй мятежников оставался нерушим, их верность своему предводителю неколебимой, в то время как наше войско уменьшалось и распалось и множество наших воинов ежедневно перебежало к оставшим. Что же касается командующего — мне незачем называть его по имени, — то он разрывался между теми и другими но, как мне представляется, на самом деле склонялся только в одну сторону.

XII. Поэтому нас разбили с фронта и тыла, и поражение было предрешено настроением военачальников еще до начала битвы. Однако отряды¹¹ и оставшиеся у нас собственные воины ничего не знали о колебаниях командующего, и вот эти, как говорит поэт, «мужи Ареевы, гневом горящие»¹², превосходно снаряженные, с самым лучшим оружием на поясе или в руках, выстроились перед вражеским войском, а потом, испустив боевой клич и бросив поводья, в неудержимом натиске устремились в бой. Наш правый фланг опрокинул их левый и далеко преследовал неприятеля.

XIII. Когда их правый фланг узнал о случившемся, стоявшие там воины не стали дожидаться боевых криков и наступления врага, но сразу отошли и рассеялись из страха, как бы победители не обратились теперь против них и, вдохнув мужество в бегущих, не навалились на них всеми своими силами. Итак, правый фланг неприятеля тоже обратился в бегство, и полная победа осталась за нами¹³. В самой гуще толпы, возвышаясь над бегущими и преследующими, как вкопанный стоял узурпатор. Несколько наших воинов (это были тавроскифы, числом не более четырех), заметили его и с двух сторон направили на Комнина свои копыя. Удары, однако, пришлись на доспехи Исаака, и железо не коснулось его тела. Тавроскифы не смогли даже с места сдвинуть этого мужа, ибо с противоположных сторон его с такой же силой подпирали копыями и все время возвращали его тело в прежнее положение, не позволяя ему потерять равновесие и отклониться от центра. Исаак принял случившееся за добрый знак, что-де останется он недвижим, сколько бы ударов ни сыпалось на него с обеих сторон, и тут же приказал своему войску с удвоенной силой напасть на нас, завязать бой, обратить противника в бегство и преследовать его как можно дальше¹⁴.

XIV. Известия о тяжком исходе битвы, одно другого печальнее, дошли до нашего слуха и привели царя в смятение и полное отчаяние. Быстро вызвать потерпевшее такое поражение западное войско было нельзя, достать свежее пополнение и новобранцев он тоже не смог, а командующий воинскими силами евнух Феодор, тот самый, которого царица Феодора сначала сделала проэдром, а потом назначила начальствовать над восточной армией, решительно отказался от командования не столько из страха перед вторым сражением, сколько потому, что переметнулся на другую сторону и тайне сговорился с Комнином.

Посольство к Комнину

XV. По прошествии нескольких дней царь попросил меня заключить мир с Комнином, сообщить мятежникам о сокровенных его желаниях, красноречием и софистическим искусством смягчить душу врага и расположить ее к императору. Впервые выслушав эту просьбу, я попросту был поражен, как громом, начал отказываться и говорил, что добровольно не возьмусь за столь опасное поручение, исход которого очевиден и не подлежит сомнению; после недавней победы гордый успехом Исаак, разумеется, не сложит с себя царской власти и не променяет ее ни на что меньшее.

XVI. В ответ на мои слова Михаил покачал головой и, взывая к нашей дружбе и близости, сказал: «Чтобы ответить мне победительней, ты постарался, а вот о том, чтобы защитить в беде своего друга и, как богу угодно, господина, не подумал! А я, как пришел к власти, сохраняю к тебе неизменное благоволение, разговаривая с тобой, как обычно, по привычке целую и обнимаю тебя и ежечасно, как и должно, вкушаю мед твоих уст. Надеялся я и от тебя получить то же самое, ты же мне даже того не дал, в чем достойный человек и врагу своему в беде не откажет. Ну, что ж, я совершу предназначенный мне путь, но тебе не уйти от обвинений, что предал ты дружбу своего господина и друга».

XVII. Выслушав все это, я только что не застыл в оцепенении и уже не знал, как мне остаться при прежнем своем решении. И вот, сразу же переменяв тон, я сказал: «Царь! Мешкая с поручением, я не бегу твоей службы, но медлю исполнить приказ, ибо остерегаюсь последствий и боюсь вызвать зависть многих людей». «Чего же ты опасешься, — спросил царь, — почему не согласен быть послом?» «Муж, к которому ты отсылаешь меня, — ответил я, — одержал верх и с уверенностью смотрит в будущее, вряд ли поэтому я могу рассчитывать на благосклонный прием, и мои речи едва ли произведут на него впечатление; скорее всего, мятежник обойдется со мною грубо, посмеется над моим посольством и отправит назад ни с чем. Все же вокруг станут клеветать на меня, будто я не хранил тебе верности, а в него вселил уверенность, убедил не верить ни одному царскому слову и не принимать никаких посольств, ибо, дескать, он вскоре сам вступит на престол¹⁵⁻¹⁶. Но если ты хочешь, чтобы я выполнил твой приказ, пошли со мной еще кого-нибудь из членов первого совета, чтобы дошло до всеобщего сведения, что будем говорить мы и что будут говорить нам, чтобы стали известны наши слова и его ответы».

XVIII. Царь со мной согласился и сказал: «Выбирай, кого хочешь, из высшего совета». И вот я назвал самого достойного и самого разумного, который к тому же, по моему мнению, не должен был испугаться этого путешествия¹⁷. Сей человек действительно

с первого слова согласился участвовать в этом деле и отправиться в посольство; мы с ним встретились, поделились своими соображениями и выбрали себе еще одного сотоварища, первого мужа в Ромейской державе, главу синклита, ум которого мог соперничать с красноречием, а красноречие с умом; сначала он обхаживал, как льва, самодержца Мономаха, а позднее украшал собой патриаршее служение и, став священным приношением Слову, сам принес его в жертву Отцу¹⁸.

XIX. Человек, воистину преданный делу ромеев, он не мешкал с ответом, но присоединился к посольству и стал лучшим его участником. Мы взяли у царя послания (вернее — сами их обдумали и по форме составили), где говорилось, что Исаак получит кесарский венец и будет находиться под властью царя, и отправились к Комнину. Уже после первого перехода мы дали ему знать о нашем приближении и заявили, что не станем вступать с ним ни в какие переговоры, если заранее не получим от него торжественных клятв в том, что он не задержит нас по завершении посольства, не причинит нам никакой другой обиды, но, воздав подобающие почести, отпустит назад.

XX. Когда Исаак согласился на наши требования и дал от себя еще и дополнительные обещания, мы сели на триеру и без промедления приплыли к тому месту, где он стоял лагерем¹⁹. Встретили нас объятьями и приветствиями, и не успели мы увидеть Исаака, как к нам уже потянулась цепочка из первых людей войска, которые называли нас ласковыми именами, целовали наши лица и руки и со слезами на глазах уверяли, что по горло сыты братоубийственной резней и водружают венки на головы²⁰. Окружив со всех сторон, они привели нас к шатру своего правителя. Двор его был разбит под открытым небом. Они спешили, велели нам сойти с коней и ждать, а спустя некоторое время позволили нам войти в шатер без сопровождающих, ибо солнце уже зашло и Исаак не хотел, чтобы в царской палатке собиралось много народа.

XXI. Мы вошли, и Исаак нас приветствовал. Сидел он на высоком кресле (вокруг располагалась немногочисленная стража) и одет был скорее, как военачальник, нежели царь. Привстав с кресла, он предложил нам сесть и, даже не спросив о цели нашего прибытия, коротко изъяснил причины, заставившие его взяться за оружие. Потом он отпил из одного с нами кубка и отправил по палаткам, установленным невдалеке от его шатра. Мы вышли в недоумении, почему этот муж был столь скуп на слова и спросил у нас только, как прошло плавание и было ли спокойным море. Попрощавшись, мы разошлись по палаткам, но после короткого сна под утро снова сошлись и принялись обсуждать, как лучше вести переговоры с Исааком. Мы решили не предоставлять слова кому-нибудь одному, но сообща задавать вопросы и сообща выслушивать его ответы.

XXII. Пока мы беседовали, занялся день, и вынырнувший из-за горизонта сверкающий круг солнца поднялся в небо. Едва успело оно пройти полпути до зенита, как явились с приглашением первые люди совета, которые, будто стража, нас окружили и повели к своему предводителю. На этот раз нас доставили к шатру гораздо большему, которого хватило бы и для ромейского войска, и для союзников. Вокруг шатра стояло множество воинов, не праздных и беспорядочно толпящихся, но одни были подпоясаны мечами, другие потрясали железными секирами, третьи держали в руках копья; расположились они кругами, один за другим, на небольшом расстоянии друг от друга. Никто не произносил ни звука, но, сдвинув ноги, в оцепенении страха все напряженно смотрели на того, кто охранял вход в шатер. А был это начальник отряда телохранителей дука²¹ Иоанн, муж не только храбрый, но деятельный и решительный, умевший красно говорить, а еще лучше молчать и думать про себя, от предков своих унаследовавший доблесть и мужество.

XXIII. Едва мы приблизились к входу, как Иоанн, велел нам остановиться, скрылся в царской палатке; вскоре он оттуда вышел и, не сказав нам ни слова, разом распахнул двери, чтобы поразить нас необычным и неожиданным зрелищем. Все, что мы там увидели, было по-царски величественно и внушало трепет. Прежде всего, мы чуть не оглохли от ликующих возгласов толпы. Кричали же воины не все вместе, а по рядам: закончив славословие, первый ряд давал знак начинать второму, тот следующему, и в результате в целом все получалось нестройно и неблагозвучно. Когда последний круг произнес свои славословия, воины закричали уже все разом и чуть не оглушили нас громом своих голосов.

XXIV. Шум постепенно умолк, и мы смогли рассмотреть, что происходило внутри шатра (когда распахнулась дверь, мы не вошли сразу, а встали поодаль, ожидая специального приглашения). Нам предстала следующая картина. Сам царь сидел на двуглавом кресле²², высоком и отделанном золотом, опирал ноги на скамейку, и роскошные одежды сверкали на нем. Он гордо поднял голову, выпятил грудь, багрянец битвы румянил его щеки, глаза были сосредоточены и неподвижны и свидетельствовали о напряженной работе мысли; потом он поднял взор и, как бы уйдя от пучины, причалил в спокойной гавани. Воины несколькими кругами опоясывали Исаака. Внутренний и самый малочисленный из них был составлен из первых людей, доблестных отпрысков знатнейших родов, осанкой не уступавших древним героям. Эти отборные воины служили живым примером всем, стоявшим за ними. Их опоясывал второй круг, оруженосцы первых, бойцы передовой линии (некоторые заполняли следующие отряды), также лучшие из начальников полотрядов, они стояли на левом фланге²³. Окаймляло их кольцо простых воинов и свободных²⁴. А дальше уже распо-

дагались союзные силы, прибывшие к мятежникам из других земель, италийцы²⁵ и тавроскифы, сам вид и образ которых внушали ужас. Глаза тех и других ярко сверкали. Если первые подкрашивают глаза и выщипывают ресницы, то вторые сохраняют их естественный цвет. Если первые порывисты, быстры и неустойчивы, то вторые бешены и свирепы. Первый натиск италийцев не отразим, но они быстро переполняются гневом; тавроскифы же не столь горячи, но не жалеют своей крови и не обращают никакого внимания на раны. Они заполняли круг щита²⁶ и были вооружены длинными копьями и обоюдоострыми секирами; секиры они положили на плечи, а древки копий выставили в обе стороны и как бы образовали навес между рядами.

XXV. Так они стояли. Между тем царь рукой и легким кивком головы дал нам знак подойти к нему слева. Мы пробрались между первым и вторым кругом воинов и, приблизившись к Исааку, услышали от него вопрос, который он уже задавал нам накануне. Удовлетворенный ответом, он, возвысив голос, сказал: «Пусть один из вас, повернувшись и заняв место между ними (тут он указал на стоявших по обе стороны от него), вручит мне письмо от посланного вас и сообщит то, что он велел передать на словах».

XXVI. Тут каждый из нас стал уступать слово товарищу, мы поспорили об этом немного, но в конце концов мои спутники заставили выступить меня, утверждая, что я способен в отличие от них философствовать и что мне пристала свободная речь, к тому же они обещали прийти мне на помощь, если моя речь собьется с правильного пути. И вот, уняв биение сердца, я вышел на середину и, собравшись с силами, передал письмо, а получив знак начать, принялся говорить. Если бы не шум, приводивший меня в замешательство, не раз заставлявший меня замолкать и не позволивший запомнить длинную речь, я, наверное, сумел бы воспроизвести свои слова, собрав и соединив между собой мысли, выраженные в периодах или продолженные нарастанием. Мои слушатели не заметили, что говорил я обычным языком и в то же время мудро и, подражая непритязательности Лисия²⁷, простую и безыскусную речь украшал изощренными мыслями. Постараюсь, однако, припомнить главное, что еще не истерлось из моей памяти.

XXVII. Прежде всего, я постарался как можно лучше произнести вступление, при этом говорил ясно и в то же время искусно. Ни в чем их не обвиняя, я начал с титула кесаря, общего славословия и перечислил прочие милости и высшие почести, которыми их удостоил император. Стоявшие около нас слушали молча и благосклонно отнеслись к моему вступлению, но задние ряды подняли крик, что они не желают видеть своего предводителя иначе, как в царском обличи. Вряд ли большинство их на самом деле этого хотело — так говорили они применительно к случаю и из лести, а видя, что какая-то часть воинов сохраняет молчание, понуждали

их кричать вместе с собой. Чтобы не показалось, будто он думает иначе, те же слова произносил и царь.

XXVIII. Но я не позволил сбить себя с толку (ибо нашел основательные доводы, уже почувствовал силу, и не таков я, чтобы сробеть, если уж вступил в словопрения), прервал речь и молча стоял, ожидая, пока толпа успокоится. Когда же они, накричавшись, умолкли, я повторил свою речь, а потом спокойно обнажил перед ними самые действенные из моих доводов и при этом опять-таки ни словом их не попрекнул. Я вспомнил о лестнице и о восхождении, осудил, когда перемахивают через ступени, похвалил разумное продвижение к царской власти и сказал: «Таков порядок — сначала дело, потом созерцание, сначала человек дела, потом созерцательный²⁸, лучшие из царей восходили на трон из кесарского достоинства»²⁹.

XXIX. Кое-кто мне тут возразил, что таков путь для частного человека, а Исаак — уже царь. На это я немедленно ответил: «Царской власти он еще не получил, и если бы вы не были столь грубы и так не возражали мне, я приложил бы к Вашему предприятю (я побоялся произнести слово «узурпация») слово отнюдь не похвальное». «Откажись ныне от царского звания, — сказал я, — и в будущем ты обретешь его более достойным способом». Когда же я сообщил об обещанном императором усыновлении, они спросили, как можно будет лишить власти царского сына. «А разве не так, — возразил я, — поступали лучшие из царей даже со своими родными детьми?» — и я тут же привел в пример божественного Константина и кое-кого из других самодержцев, которые возводили своих сыновей сначала в сан кесаря и только потом уже в царское достоинство³⁰. Приведя таким образом свои рассуждения к единой цели, я сделал сопоставление, предполагающее определенный вывод: «Так обходились цари со своими единокровными отпрысками, а Исаак — усыновленный. . .», и, опустив слово, оставил период незаконченным.

XXX. Они поняли, что имелось в виду, и принялись излагать многочисленные причины своего «выступления» (они воздержались от более грубого слова). Я возражать не стал, сделал даже вид, будто с ними согласен, и, еще приумножая их беды, сказал: «Мне все известно, я сам нередко терзался в сердце своим, справедливы и гнев ваш, и отчаяние от того, что претерпели». Таким образом я умиротворил их души, а потом нанес им удар из-за угла, заявив, что все их беды — не причина для мятежа, который и вовсе не может иметь никаких оправданий. Затем, обратившись к императору, я добавил: «Представим себе, что ты царь и отличаешься суровым нравом. Между тем объявляется некий человек, первый из синклита или воинского сословия, набирает себе сообщников и помощников-злоумышленников, составляет заговор против твоей власти и выставляет предлогом для этого те страдания, ко-

одно, другие — другое, одни — неодолимое красноречие, другие — словесное искусство, третьи — силу умозаключений. Я не стал отвечать на эти слова, а царь, сделав им рукой знак замолчать, сказал: «Этот муж не произнес никаких магических заклинаний и не пытался нас околдовать, напротив, он простыми словами изложил суть дела, поэтому не нужно будоражить наше собрание и мешать разговору». Так говорил Исаак, но какие-то люди из его окружения, желая смутить мою душу, сказали: «Царь, не дай погибнуть оратору, многие уже обнажили мечи и растерзают его, как только он отсюда выйдет». На это я только заметил с улыбкой: «Я принес вам благую весть о царстве и власти, которые вы сами себе присвоили, а вы взамен собственными руками меня растерзаете? Не станет ли это лучшим доказательством вашего мятежа, и не сами ли себя вы этим обличите? Ты сказал это, чтобы зажать мне рот и заставить отречься от собственных слов, но я не буду иначе ни говорить, ни думать».

XXXII. После этого царь поднялся с кресла и, осыпав меня множеством похвал, распустил собрание, воинам он велел удалиться, а нас задержал около себя и сказал: «Неужели вы думаете, что я по собственной воле облачился в эти одежды и не бежал бы, если бы было можно? Они первые побудили меня к этому, да и теперь, окружив плотным кольцом, крепко держат в руках. Если вы торжественно пообещаете сообщить царю о моих сокровенных намерениях, я открою перед вами тайники своей души. Когда же мы поклялись не предавать гласности негласные его мысли, он сказал следующее: «Не ищущу я сейчас царской власти, хватит с меня и кесарского облачения. Но пусть напишет мне царь другое послание и пообещает, что никому другому не оставит он державы после смерти и не лишит моих соратников милостей, которых я их удостоил. Пусть он и мне уделит толику царской власти, чтобы я смог по собственной воле одних удостоить скромных гражданских титулов, других возвести в воинские должности. Я прошу об этом не ради себя, а ради своих людей. Если мне будет дано такое обещание, я немедленно явлюсь к царю и отцу своему и воздам ему должные почести. Но поскольку моим воинам не по нраву придется это соглашение, я вручу вам сейчас два разных письма: одно я составил им в угоду и позволю огласить, другое, тайное, пусть хранится в глубине ваших душ. Ублажите толпу еще одним: отстраните от власти низкорослого³¹, который и прежде был нашим врагом, да и сейчас ведет себя подозрительно. Сегодня отобедайте у меня, а завтра отправляйтесь и передайте царю доверенное вам втайне».

XXXIII. Мы разделили с ним трапезу (при этом были восхищены благородством его нрава, Исаак спустился с царственной высоты и держал себя с нами просто), а на рассвете попрощались с ним и, незаметно получив от него второе письмо, в сопровожде-

нии того же отряда стражников спустились к берегу. Море было спокойно, мы отчалили и направились к Византию. Уже днем мы были в царской гавани, сообщили царю обо всех событиях и о тайных намерениях Исаака и отдали ему оба письма. Михаил читал и перечитывал эти письма, а переданное Исааком на словах велел нам повторить несколько раз. Затем он сказал: «Следует согласиться на все его требования и ни одно из его желаний не оставить без исполнения. Торжественно увенчаем его голову — и не венцом, как подобало бы кесарю, а короной³². Пусть он совместно со мной правит государством и назначает чиновников, ему будет предоставлен особый царский шатер и дана пышная свита, а его сообщники станут свободно распоряжаться всем, что он даровал им: деньгами, имуществом, высокими титулами, будто получили их из царских рук. Свои обещания я подкреплю рукой, устами и делом: составлю грамоты, собственноручно дам им подтверждение³³ и торжественно поклянусь, что никогда не нарушу данных ему обещаний. Как он доверил вам передать для меня тайное известие, так и я поручаю вам сообщить ему в еще большей тайне следующее: клятвенно заверьте Исаака, что пройдет совсем немного времени, и я разделю с ним царскую власть, мне только нужно найти подходящий повод, чтобы возвести его на престол. Если я теперь и медлю, то пусть он поймет меня правильно: я опасаясь народной толпы и сословия синклитиков и не очень-то надеюсь, что они посочувствуют моему намерению. Я откладываю дело, чтобы не вызвать против себя возмущения, и все устрою лучшим образом. Об остальном напишите в письме к нему, а эти мои слова храните только в сердцах своих. Не медлите ни мгновенья и поскорей к нему возвращайтесь».

XXXIV. Через день мы снова все вместе морем отправились к кесарю и вручили ему царское послание. На этот раз мы застали восседающего на троне Исаака в обличии не столь торжественном, а гораздо более скромном и простом. Взяв послание, он велел прочесть его во всеулышанье и, казалось, вызвал всеобщее одобрение, поскольку более, чем о себе, позаботился о своих сообщниках. Исаак и все остальные решили прекратить мятеж, а когда мы, оставшись с ним наедине, передали еще и тайное сообщение, он и вовсе пришел в восторг и тут же приказал всем отрядам разойтись по домам и вернуться к нему, когда все будет по-доброму устроено. Узнав же об отстранении от власти человека, на котором прежде лежали все государственные заботы³⁴, он еще больше уверовал в искренность наших слов и отдал должное простоте и чистоте императорской души. Желая как можно быстрее завершить переговоры, он велел нам уже на завтра отправляться назад и сообщить царю, что сам с открытой душой явится к Михаилу, а сам приготовился на третий день в окружении немногочисленной стражи выйти из лагеря и спуститься к побережью на-

против императорского дворца. Он проникся таким доверием к царю, что даже не пожелал торжественного въезда в Византий, а только велел нам выйти ему навстречу из города и, став по бокам вместо стражи, препроводить к императору. Так удалось нам счастливо завершить свое второе посольство³⁵, мы были несказанно рады, что своим умом и красноречием сумели принести пользу отечеству, и приготовились на следующий день отправиться домой.

XXXV. Однако еще до наступления вечера объявились какие-то скороходы из лагеря, которые окружили шатер, передали кесарю, по их мнению, добрую весть о свержении царя и утверждали, что часть синклитиков устроила против Михаила заговор, принудила его переменить одежды и искать спасение в храме Божьей мудрости. Этот слух не произвел большого впечатления на кесаря, да и нас нимало не взволновал. Приняв все это за выдумки, мы снова занялись своими делами.

XXXVI. Не успели еще удалиться первые вестники, как пришли другие, а потом уже подряд стали подходить все новые люди, подтверждавшие это сообщение. Тут уже и мы обеспокоились и, сойдясь вместе, спрашивали друг друга, сколько правды в этих известиях. Занимавший первую палатку подтвердил справедливость слухов и сказал, что только что к нему из города прибыл один слуга, надежный и внушающий доверие человек, точно ему доложивший обо всем. Оказывается, смутьяны и бунтовщики, которые — нам было это известно — втерлись в состав синклита, привели город в замешательство, учинили беспорядки, пригрозили пожарами и другими бедами тем, кто предпочел остаться в стороне, ворвались в святую ограду храма Божественной мудрости, дерзнули проникнуть в алтарь, без труда склонили на свою сторону патриарха, сделали его своим предводителем и, подняв громкий крик, обрушили проклятия и всевозможные поношения на голову царя, а Исаака славили как единственного достойного власти. «Вот что видел мой слуга, — сказал он, — если же случилось что-нибудь еще, мы услышим об этом незамедлительно».

XXXVII. При этом известии мы решили отправиться в шатер к кесарю, чтобы узнать новости. Мы зашли туда все вместе и застали его диктующим письмо царю. К нам он обратился с прежними речами: слухи не произвели на него никакого впечатления. Когда же мы вместе с ним вышли из палатки — солнце в это время еще не зашло, — явился откуда-то издалека какой-то человек; он тяжело дышал, а приблизившись к нам, как мне кажется, нарочно рухнул на землю и якобы лишился дара речи. Затем, сделав вид, будто собрался с духом, он рассказал о переоблачении властителя, о приготовлениях в городе и о том, что уже и царский корабль для Исаака оснащен, и факелonosцы стоят наготове. Он уверял, что был очевидцем этих событий и сам видел, как тот, кто еще на заре был царем, вскоре превратился в обыкновенного чело-

века, одел темный плащ и сменил все свое облачение. Он еще не кончил говорить, как появился новый вестник, за ним другой — и все они повторяли одно и то же. После них прибыл еще один, весьма ученый и разумный человек, который до конца поведал нам эту печальную повесть. Ему одному только и поверил самодержец — он велел нам спокойно оставаться в палатках, а сам начал царствовать³⁶.

XXXVIII. Как провели эту ночь мои товарищи, я не знаю, но мне казалось, что жизнь моя кончена, и я, как жертва, готовился отдать себя на закланье. Я знал, как все меня ненавидят, и ждал самых худших казней. Особенно же боялся я самого властителя, опасаясь, как бы император не припомнил мне мои речи и того, как уже почти убедил я его не домогаться царской власти, и что подвергнет он меня всякого рода пыткам и наказаниям. И вот все кругом спали, и только я один поджидал своих палачей и при малейшем шуме или шорохе возле палатки вскакивал в страхе, воображая, будто уже идет мой палач. Когда таким образом незаметно для меня пролетела большая часть ночи и начало светать, я немного приободрился, полагая, что принять смерть при свете дня — меньшее зло, чем ночью. Выглянув из палатки, я увидел зажженные костры, а вокруг царского шатра горящие светильники. Кругом все шумело и двигалось, ибо был уже отдан приказ всем снаряжаться и двигаться к столице. Светило еще не взошло на небе, как император неожиданно выехал из лагеря; двинулись и мы, но ехали не рядом с ним, а позади, на некотором удалении.

XXXIX. Я полагал, что, проехав какое-то расстояние, Исаак позовет меня к себе и убедительно потребует объяснить мое убеждающее красноречие; как я и ждал, он позвал меня, но даже не вспомнил ни о риторических приемах, посылках, противоположениях, разрешениях, рассуждениях, ни о ложных и убедительных доводах, а заговорил о своих тайных планах, поделился царскими заботами и спросил моего совета, как ему лучше царствовать и каким образом сравняться с великими самодержцами. После таких слов я вдохновился, воспрял духом и пространными объяснениями снискал уважение Исаака. Восхищенный моими речами, царь засыпал меня вопросами, все время переспрашивал и не успокаивался, пока не получал ясного ответа на поставленный вопрос. Потом он позвал к себе и моих спутников и разговаривал с ними так, как если бы они были его сообщниками или людьми, с самого начала посвященными в его замыслы. Пока мы таким образом беседовали, солнце взошло и залило ярким светом всю округу.

XL. Весь городской люд высыпал ему навстречу; одни, как богу, несли Исааку зажженные светильники, другие курили благовониями, каждый, как мог, улажал его, все ликовали и прыгали от радости, будто вступление его в столицу было каким-то новым явлением всевышнего. Но как мне коротко описать вам это чудо?

Я участвовал во многих царских процессиях, присутствовал на божественных празднествах, но никогда не приходилось мне видеть подобного блеска. В торжестве участвовали не только простой народ, не только синкритики, не только живущие земледелием и торговлей, покинули свои обиталища и те, кто приобщился к высшей философии и кто поднялся на вершины гор, кто поселился в пещерах или проводил жизнь среди воздуха³⁷, — все они спустились со скал или покинули свои воздушные жилища, оставили горные высоты ради равнины и сделали царское вступление в город подобным чуду.

XLІ. Тем не менее Исаак, человек ума несравненного, не вознесся и не позволил себе увлечься этой суетой, но сразу заподозрил ловушку судьбы и, еще не успев даже собраться с мыслями, неожиданно обратился ко мне и сказал: «Думается мне, философ, обманчиво это необыкновенное счастье, и не знаю, добром ли кончится». Мысль эта философская, ответил я, но не всегда хорошее начало предвещает дурной исход, и не надо думать, что если уж что предначертано судьбой, то ничего и изменить нельзя. Как мне известно из мудрых книг, человек, отрешившийся от худой жизни, умиловительными молитвами сразу освобождает себя от предначертаний судьбы. Я имею в виду сейчас эллинские учения, ибо, согласно нашему, ничего не существует предписанного и предопределенного, но исход соответствует прежним деяниям. Если же ты перестанешь рассуждать, как философ, и твоя душа возгордится от этого блеска, возмездие не заставит себя долго ждать. А если нет, будь спокоен — божество никогда не завидует тому что само нам дарует, и часто многих людей ведет по прямой стезе славы³⁸. Свой путь добродетели начни с меня и не мсти мне за дерзкие речи, которые я произносил перед тобой как посол, — я выполнял волю царя, не нарушил ему верности и говорил так не из неприязни к тебе, но из преданности ему.

XLІІ. На эти мои слова Исаак с глазами, полными слез, ответил: «Твой дерзкий язык я любил прежде больше, чем сейчас, когда он славословит и льстит. Но начну, как ты мне посоветовал, с тебя: сделаю тебя ближайшим моим другом, возведу в должность и нареку званием проэдра синклита³⁹». Пока мы разговаривали таким образом, солнце достигло зенита и впереди показалась бухта, к которой мы ехали. Появился и царский корабль, и Исаак, осыпанный цветами и сопровождаемый славословиями взшел на борт и проделал по морю торжественный путь через Пропонтиду к царскому дворцу⁴⁰; даже во время самого предуготовления он находился рядом со мной. Таким вот образом безраздельная власть перешла в руки Исаака.

XLІІІ. Император Михаил Старик, проведя на троне один год, был свергнут; совсем недолго прожил он частным человеком и вскоре расстался с жизнью.

Царствование Комнина

XLIV. Завладев царской властью, Комнин, человек дела, сразу прибрал к рукам все управление и немедленно принялся за государственные дела; во дворец он вошел вечером, не успев еще отряхнуть с себя пыль сражений, сменить платье, назначить на следующий день омовения и, подобно моряку, нашедшему спасение в спокойной гавани от пучины и бури, оттереть с губ соль и перевести дух, как тут же занялся военными и гражданскими делами и провел в заботах остаток дня и всю ночь.

XLV. В городе собралась тогда огромная толпа воинов. Это были люди, делившие с Исааком все опасности, вместе с ним делавшие ставкой в игре жизнь, и царь боялся, как бы не устроили они в городе какого-нибудь бесчинства и, рассчитывая на его снисходительность, не причинили беспокойства обывателям; потому-то и счел он первой своей заботой одарить их, как полагается, и отправить по домам, чтобы дать им немного передохнуть, а потом собрать вновь и идти вместе в поход на варваров. Для такого дела, казалось, и месяца было мало, а Исаак в мгновение ока распустил и вывел из города войско. При этом еще, прощаясь, напомнил каждому о его подвигах: одних похвалил за храбрость, других за полководческое искусство, третьих отличил еще за что-нибудь, всех ублажил и каждому воздал в соответствии с его заслугами. И похоже это было на то, как солнце, неожиданно воссияв в туманный день, сразу рассеивает мглу.

XLVI. Когда город освободился от их присутствия, все принялись льстить царю и пророчить ему великое будущее. Оказавшись свидетелями событий, в которые раньше и поверить не смели, люди начали предсказывать то, на что вроде бы и надежд быть не могло. Добрые надежды внушал также и характер императора. Тот, кто лишь время от времени видел Исаака восседавшим на троне, распоряжавшимся делами, принимавшим послов или метавшим громаы против варваров, принимал его за человека сурового и жесткого. Казалось невероятным, чтобы нрав Исаака мог смягчиться. Тот же, кто имел случай видеть его еще и в собственных покоях или во время назначения чиновников, должен был уверовать в вещи неожиданные и несовместимые: одна и та же струна издавала звуки то резкие, то мелодичные. Наблюдая за ним в обоих состояниях — напряженном и расслабленном, — я считал его человеком двойственным: размягченный, он, казалось, никогда более не отвердеет, а натянутый как струна — не расслабитися и не отрешится от высокомерия. Порой бывал он добрым и доступным, порой же лицо его преображалось, глаза начинали сверкать и брови, если можно так выразиться, тучами наплывали на светильники его души.

XLVII. Когда же устанавливали трон, императора с обеих сторон окружали синклитики, и он, сохраняя на лице точное Ксенократово выражение⁴¹, в полном молчании предавался размышлениям, то внушал великий страх собравшимся. Одни из синклитиков замирали на месте, как пораженные молнией, застывали в той позе, в которой их заставлял удар, и стояли высохшие, обескровленные, словно лишенные души. Другие тихонько, каждый по своему шевелились. Кто-то незаметно сдвигал ноги, кто-то еще крепче сжимал руками грудь, кто-то склонялся вниз и тому подобное; все были объаты ужасом и, стараясь не подать вида и сохраняя молчание, напряжением души смиряли свои тела. Когда император кивал первым рядам, раздавался короткий вздох, и изменения можно было определить в численном выражении⁴².

XLVIII. Исаак был очень немногословен, не любил пускаться в пространные рассуждения, но и не оставлял мысль неясной. О Лисии (я имею в виду оратора, сына Кефала) рассказывают, что, помимо прочих достоинств, он обладал умением, когда нужно, обуздывать красноречие и что ему с его искусством слова достаточно было упомянуть только о самом главном, а слушатели уже сами домысливали остальное. Так и речь Исаака — не струилась ливнем, а проливалась дождем, поила жаждущую природу и, проникая вглубь, побуждала к постижению невысказанного. Он никому не хотел уступать в красноречии, но, как царь и властитель, не желал делать из него повод для неуместного тщеславия.

XLIX. Поэтому витийствовать он предоставил нам, людям простым, чей удел — частная жизнь, а для выражения своих желаний считал достаточным взгляда, движения руки или кивка. Не очень-то сведущий в законах, он изобрел для себя способ судопроизводства: заранее не принимал решения по делу, но предоставлял такую возможность судьям, выбирал лучшее, делал вид, будто предвидел его заранее, и, приписывая решение себе, выносил окончательный приговор. А чтобы его язык не заплетался при оглашении судебных документов, он поручал читать их другим, причем всегда что-нибудь добавлял от себя, как недостающее, или изымал, как излишнее.

L. Принимая послов, он не со всеми держал себя одинаково, но всегда разговаривал свысока и растекался речами обильней, нежели вздымающийся Нил в Египте или клокочущий Евфрат в Ассирии. Он даровал мир тем, кто просил о нем, и грозил войной дерзнувшему нарушить договоры. Так разговаривал он с парфянами и египтянами, но когда другие народы предложили уступить ему города, воинские отряды и саму родину и предпочли переселиться в другие места, он этого не допустил и велел им жить по-прежнему, и сделал это не из зависти к Ромейской державе, расширяющей пределы, а потому, что знал, сколько для этих новых приобретений потребуется и денег, и доблестных воинов, и

необходимых запасов, и что если всего этого нет, прибыль может обернуться убытком. Я сам слышал, как он упрекал в трусости многих варварских властителей, как порицал их за то, что не заботятся они о своих владениях, и как ободрял их, если они падали духом. И все это делал, чтобы иметь заслон от натиска сильнейших народов⁴³.

LI. Однако достаточно похвал Исааку! Если в них заключена наука на будущее, труды писателя не пропали даром. Если бы так же медленно и постепенно исправлял он положение в государстве и очистил от порчи гражданские дела и пресек разросшееся зло, а потом уже применил лекарства, то увенчал бы себя высшими похвалами и не потряс бы до основания тела государства! Но царь хотел переделать все сразу и одним махом отсечь от Ромейской державы большую плоть, разраставшуюся долгие годы, пожелал разом отрубить от чудовищно обезображенного тела негодные члены, с головами, торчащими на уродливых шеях, с огромным множеством рук и не меньшим числом ног, и вырезать воспаленные и больные внутренности, распухшие или омертвелые, набухшие влагой или растекшиеся от губительного недуга⁴⁴. Он начал было удалять лишнюю плоть и придавать телу благообразие, что надо изничтожал, что надо пускал в рост, хотел исцелить его нутро и вдохнуть в тело живительный дух, однако не завершил дела и не сумел остаться самим собой до конца. Чтобы мое повествование не показалось сбивчивым, изложу по порядку: сперва — как разрасталось тело государства, затем — как принялся Исаак отсекал его больные члены, и наконец — как не удалось ему добиться полного успеха. Я добавлю еще рассказ о том, как царь лишился престола, и на этом закончу свое повествование⁴⁵.

LII. После смерти Василия Великого (я говорю сейчас о сыне Романа — он нес бремя царства в течение трех поколений)⁴⁶ его младшему брату, другому сыну Романа, досталась казна, до краев полная деньгами. Дело в том, что Василий, царствовавший долгие годы и проживший на свете едва ли не дольше всех прочих самодержцев, покорил многие народы и забрал их сокровища в свою казну, расходовал же он много меньше, чем получал доходов, и потому, умирая, оставил брату огромные богатства. Константин же, лишь в глубокой старости получив долгожданный престол, не только не ходил походами и не приумножал добытых братом богатств, но даже не подумал сберечь того, что у него уже было. Напротив, он предался наслаждениям, решил все истратить и разориться, и, если бы вскоре не был похищен смертью, один умудрился бы погубить всю державу.

LIII. Он-то и начал впервые безобразить и вздувать тело государства. Одних подданных он раскормил деньгами, других по горло набил чинами и сделал их жизнь нездоровой и пагубной. Когда Константин умер, на престол взшел его зять Роман. Счи-

тая, что он царствовать будет первым, поскольку у порфирородной семьи больше не было отпрысков, он надеялся заложить крепкую основу для нового рода. А чтобы гражданское сословие и воины радостно и с готовностью приняли его единокровных наследников, поспешил заранее щедро одарить тех и других — этим он помог развитию недуга и способствовал разбуханию большого тела, которое раскормил до непомерной тучности. Однако как в том, так и в другом Роман промахнулся: он не основал рода и не оставил после себя порядка в государстве.

LIV. После его кончины власть перешла к Михаилу, который уничтожил немало источников болезни, но так и не отважился во все перестать пичкать едой тело, приученное поглощать пагубные соки и раздаваться от нездоровой пищи; хоть и немного, но он тоже способствовал его ожирению. Да и не смог бы Михаил остаться в живых, если бы совсем отступил от обычая прежних самодержцев. Но если бы он оставался у власти дольше, может быть, его подданные и обучились бы любомудрой жизни, хотя их донельзя разжиревшие тела в конце концов все равно лопнули бы от благополучия.

LV. Вскоре ушел из жизни и этот император, и — я умолчу о несчастном царствовании и еще более несчастной кончине его племянника — на вершину власти взошел Константин Благодетель (так многие называют Мономаха). Он застал государство, напоминавшее груженный до последней полосы корабль, едва поднимающийся над волнами. Мономах нагрузил его до самых краев и потопил, или, говоря яснее и возвращаясь к моему первому сравнению, добавил к давно уже больному телу множество новых частей и членов, влил в его нутро еще более пагубные соки, лишил его естественного состояния, отвратил от благообразной и гражданской жизни, ожесточил и чуть не превратил в дикого зверя, а большинство подданных обратил в сторуких и многоглавых чудищ. Воцарившаяся после него Феодора имела больше прав на престол и вроде бы не очень ожесточила этого новоявленного зверя, но и она незаметно добавила ему рук и ног.

LVI. Наступила развязка и для Феодоры, и бразды правления взял в свои руки Михаил Старик, но не справился он со стремительным бегом царской колесницы, сразу увлекли его за собой кони, и император, обезумевший от криков, испортил все зрелище, — покинул строй конников и встал в ряды пеших. Ему надо было бы покрепче держать поводья и не отпускать их из рук, а он вроде бы отрекался от власти и возвращался к прежней своей жизни.

LVII. Таково было это первое время, превратившее большинство людей в животных, столь разжиревших, что нельзя уже было обойтись без всякого рода очищающих средств. Оно требовало другого лечения — я имею в виду вмешательство ножом, прижига-

ние и очистительные напитки, и такое время действительно наступило, когда на императорскую колесницу взошел в царском венце Исаак. Рассказывая о нем, я тоже прибегну к прозрачному иносказанию, а для этого и представляю его возницей, и сопричислю к сынам Асклепия⁴⁷.

LVIII. Исаак предпочитал любомудрую жизнь и чувствовал отвращение к жизни нездоровой и пагубной, встретиться же ему пришлось с совсем иным: повальной болезнью и гниением. Царские кони, не чувствуя узды и не повинаясь вожжам, с места рванули вскачь, и Исааку надо было бы повременить с вырезанием и прижиганием и не прикладывать сразу раскаленное железо к больным органам, но, пользуясь уздой, постепенно замеднить бег колесницы, как это делают опытные возничьи, поменять коней, похлопать их по бокам, причмокнуть языком, а потом вскочить на колесницу, отпустить поводья и действовать при этом с таким же искусством, с каким в свое время укрощал Буцефала сын Филиппа⁴⁸. Но Исаак желал сразу направить царскую колесницу на прямой путь и обратить к естественной жизни тело, естество которого извращено, поэтому тут же пустил в ход каленое железо и нож, натянутыми поводьями стал сдерживать беспорядочный бег коней, но, прежде чем привел все в порядок, незаметно для себя сам подвергся порче. Я не осуждаю этого мужа за его старания, я ставлю ему в упрек только время, которое он выбрал для своих бесплодных попыток. Подождем, однако, рассказывать о третьем периоде времени, подробней остановимся на втором.

LIX. Как я уже не раз говорил, прежние императоры расточали царские сокровища на свои прихоти, а поступления в казну употребляли не на нужды войска, а на благодеяния лицам гражданским и на торжества. Мало того, желая, чтобы им после смерти устраивали роскошные и торжественные похороны, они сооружали из фригийского и италийского камня и приконисских плит^{48a} гробницы, вокруг которых строили дома, воздвигали для большей торжественности церкви, сажали рощи и окружали всю территорию кольцом садов и лугов⁴⁹. А поскольку нужно было снабжать обители аскетов — аскитирии (такое название придумали они для этих сооружений)⁵⁰ — деньгами и имуществом, они опустошали царскую сокровищницу и истощали средства, поступающие в казну. Эти цари не только делали изрядные вклады в аскитирии (так и будем их называть), но расточали царские богатства, во-первых, на удовольствия, во-вторых, на украшения новых зданий, и в-третьих, на потребу людей ленивых и долга государству платить не должных, позволяя им жить в неге и праздности и марасть имя и существо добродетели. Войско же в это время уменьшалось и приходило в упадок. Но этот царь — первый человек в воинских списках — по многим признакам догадывался, почему пришла в упадок Ромейская держава, почему мощь сосед-

них народов растет, а наша уменьшается и почему никто не может положить конец варварским набегам и грабежам. Поэтому, когда царская власть оказалась в его руках, он немедленно стал искоренять источники зла. Само по себе это, конечно, достойно царской души, но вот его стараний сделать все сразу я не могу одобрить. Расскажу, однако, о его делах.

LX. Не успел Исаак овладеть властью, одеть на голову царский венец и из мятежника превратиться в императора, как принялся отменять все распоряжения Михаила Старика, отобрал назад дарения и уничтожил все его благодеяния. Постепенно заходя все дальше и дальше, он перемахнул и через это время и немало всего поломал и порушил, а многое и вовсе уничтожил. Этим он возбудил к себе ненависть народа и большей части военных людей, которых он лишил состояния. Однако и совершив такое, он ни в чем не отступился от своих замыслов, но как те, кто от сложного движутся к простому, пошел дальше, сопряг пределы царства⁵¹, непрерывно на все нападал и все попортил. Идя по этому пути, он добавил к числу своих жертв жрецов, отнял у храмов почти всю их собственность, передал ее в казну, а им самим определил только самое необходимое и, таким образом, оправдал название аскитирий. Делал он это так, будто выгребал песок с морского побережья, приступил к делу и кончил его без всякого шума, и мне, признаться, никогда не случалось видеть человека, который делал бы все с таким умом и умел так спокойно осуществлять подобные замыслы.

LXI. Сначала действия Исаака многих взволновали, но потом их души успокоились, ибо общественное благо было достаточным оправданием в глазах хулителей царя. Все это было бы удивительно, даже если бы царь, подобно вернувшемуся из плавания моряку, позволил бы себе небольшой отдых, но Исаак, и не подумав зайти в гавань или хоть ненадолго укрыться в бухте, сразу же отправился в новое плавание, затем в третье, а потом уже и в четвертое, самое опасное и длительное, будто он не государственные дела вздымал волнами, а Авгиевы конюшни чистил.

LXII. Как я уже говорил несколько раз, если бы этот царь для своих деяний определил подходящее время, одно разрушил, другое до поры сохранил и уничтожил попозже, что-то отсек, потом сделал бы передышку и принялся за другое и, таким образом, постепенно и незаметно истреблял зло, то, подобно зиждигелю у Платона⁵², застав хаос, водворил бы в мире порядок, остановил беспорядочное и нестройное круговращение государственных дел и придал бы державе истинное благообразие. Бог, согласно вождю народа Моисею, создал мир за шесть дней⁵³. Исааку же была невыносима сама мысль не завершить всего в тот же день. Он неудержимо стремился к своей цели, и остановить его не могли ни ни благие советы, ни страх перед будущим, ни ненависть толпы,

и ничто другое, что обычно смиряет воспарившие души и обузывает вознесшиеся умы. Если бы какая-нибудь узда могла укротить его, он постепенно завоевал бы всю вселенную, увенчал бы себя всеми победами, и ни один из прежних самодержцев не смог бы с ним сравниться. Но неумеренность, нежелание подчиняться велениям разума сгубили его благородный дух.

LXIII. Таким образом Исаак сеял смуту и волнения в государственных делах. Пожелал он также свести вместе восточных и западных варваров. Они трепетали перед Исааком и, познакомившись с его нравом, стали (тогда впервые!) вести себя совсем по-другому: вовсе прекратили набеги и искали только места, где бы им самим укрыться. Парфянский султан⁵⁴, готовый прежде на любую выходку, теперь разве что только не ударился в бегство, нигде не закреплялся, нигде не задерживался и, самым удивительным образом превратившись в невидимку, не показывался ни одному человеку. А властитель Египта⁵⁵ и поныне со страхом вспоминает Исаака, превозносит его в похвалах и оплакивает перемену его судьбы. Взгляд и слово Исаака обладали силой не меньшей, нежели его руки, разорившие множество городов и разрушившие мощнейшие стены.

LXIV. Исаак желал знать обо всем без исключения, но, понимая, что это невозможно, нашел другой выход: приглашал к себе сведущих людей, задавал им вопросы о вещах, ему неизвестных, и, как бы обволакивая словами, заставлял их о незнакомом рассказывать как о чем-то само собой понятном. Нередко таким же образом пользовался он и мной, а когда я как-то раз осмелился раскрыть его хитрость, он устыдился и покраснел, будто его схватили за руку: человек гордый, он не мог вынести упреков не только прямых, но и искусно завуалированных.

LXV. Так и патриарха Михаила, который однажды позволил себе свободно и дерзко с ним разговаривать, он в тот раз, подавив гнев, отпустил, но в душе затаил злобу, а позже неожиданно дал ей выход и, будто ничего не совершая особенного, изгнал патриарха из города, назначив ему для жительства определенное место, где тот и окончил свою жизнь. Однако это длинная история, и я не стану сейчас рассказывать, как он это сделал⁵⁶. Тот же, кто захочет рассудить их ссору, должен будет одного осудить за начало, другого упрекнуть за конец... когда он, как давящий груз, свалил его со своих плеч. Едва, однако, не забыл сообщить вот о чем. Посланный царем человек принес ему доброе известие о смерти патриарха и таким образом, как бы освободил на будущее царя от забот, но Исаак, услышав эту новость, был поражен в самую душу, разразился рыданиями (а такое случалось с ним не часто), горестно оплакивал патриарха, раскаивался в своих поступках и все время умолял его душу; как бы в искупление, а вернее, заручаясь его благосклонностью, царь сразу даровал

родне патриарха право свободно говорить в своем присутствии и включил ее в число приближенных⁵⁷. Преемником же священного служения он нарек, облачил и представил богу человека, в прежней жизни безупречного и несравненного, а по учености не уступавшего первым мудрецам.

Избрание патриархом Константина

LXVI. Это был знаменитый Константин⁵⁸, который еще раньше спас державу от многих бурь и был горячо любим многими императорами. Все расступились перед ним, все предоставили ему первенство, и в конце концов он был облечен патриаршей властью, которую украсил в меру своих сил, примешав к священнической жизни благородный и гражданский дух. Иные полагают, что добродетель заключается в том, чтобы не применяться к обстоятельствам, не умерять свободу речи и не пытаться усмирить строптивых нравом. Поэтому они в любую бурю выходят в море, вступают в противоборство с любимыми ветрами, и одни из них тонут в пучине волн, другие же в ужасе возвращаются назад. Но смешение в Константине жизненных начал давало ему и строгость, и гибкость. Занимаясь делами, он не уподоблялся ни риторам, ни философам, не разглагольствовал, как первые, и не лицедействовал, как вторые, но вел себя всегда одинаково и потому был пригоден как для той, так и для другой жизни. Если рассматривать его как человека гражданского, бросаются в глаза его добродетели священнослужителя, подходя же к нему, пусть со страхом и трепетом, как к патриарху, нельзя не заметить, помимо его непреклонного нрава, улыбчивой серьезности, блеска гражданских достоинств. Он преуспел в обоих видах жизни: там он — воин и гражданин, здесь — само величие и приветливость. Я и прежде наблюдал за его жизнью и, предсказывая будущее, предрекал ему патриаршество, и ныне, после утверждения его на святом троне, вижу в нем человека отменного нрава⁵⁹.

LXVII. Почтив память усопшего назначением достойного мужа, царь сначала утихомирил восточных варваров (это дело не доставило ему больших хлопот), а потом со всем войском выступил против западных, которые в старые времена звались мисами, а нынешнее наименование получили позже⁶⁰. Они обитали в землях, которые от Ромейской державы отделяются Истром⁶¹, но неожиданно снялись со своих мест и перешли на наш берег. Причиной же для этого был народ гетов⁶², которые с ними граничили, разоряли и грабили их страну и вынудили к переселению. Поэтому они, как по суше, перешли по замерзшему Истру на наш берег, всем народом навалились на наши границы и с тех пор не могли заставить себя жить в мире и оставить в покое соседей⁶³.

LXVIII. Хотя мисы телом не сильны и духом не отважны,

сражаться и воевать с ними трудней, чем с каким-либо другим народом. Они не носят панцирей, не одевают поножей, не защищают головы шлемом, в руках не держат щита, ни продолговатого, какие, по рассказам, были у аргиев⁶⁴, ни круглого, и не вооружены даже мечами, имеют при себе только копьё, и это единственное их оружие. Они не разделяют войско на отряды, в сражениях не следуют никакой военной науке, не признают ни фронта, ни левого, ни правого флангов, не разбивают лагерей, не окружают их рвами, а, сбившись в кучу, сильные своим презрением к смерти, с громким боевым кличем бросаются на неприятеля. Если враг отступает, они обрушиваются на него, как башни, преследуют и безжалостно истребляют, но если неприятельский строй выдерживает напор и не рассыпается под варварским натиском, сразу же поворачивают назад и спасаются бегством. При этом они отступают в беспорядке и рассеиваются кто куда: одни бросаются в реку, выплывают или тонут в водоворотах, другие скрываются от преследователей и исчезают в гуще леса, третьи придумывают еще что-нибудь. Разом рассеявшись, они потом снова отовсюду незаметно сходятся в одно место, кто с гор, кто из ущелий, кто из реки. Если они испытывают жажду и находят реку или родник, то набрасываются на воду и жадно пьют ее большими глотками, если же воды нет, то сходят с коней, мечами отворяют им жилы, выпускают из животных кровь, пьют ее вместо воды и таким образом утоляют жажду. Потом они разрубая на куски тело самого упитанного коня, собрав какое-нибудь топливо, разжигают костер, слегка подогревают на нем куски конины, сжирают их вместе с кровью и грязью и, подкрепившись таким образом, устремляются в первое попавшееся убежище и сидят там, как змеи в норах, а вместо стен служат им обрывистые кручи и глубокие пропасти.

LXIX. Все люди этого племени опасны и вероломны. Договоры о дружбе для них ничего не значат, и, даже поклявшись над жертвами, они не держат своего слова, ибо никакого божества, я не говорю уже о боге, они не почитают: все, по их мнению, происходит само по себе, и смерть для них конец всякому существованию. Поэтому они с легкостью заключают мир, но, когда хотят воевать, сразу отказываются от договоров. Если ты берешь верх, они снова домогаются твоей дружбы, если же в сражении берут верх сами, то одних пленных убивают, других выводят на торжественную распродажу, за богатых запрашивают высокую цену, а если им ее не дают, предают смерти и их.

LXX. Такой вот народ поставил себе целью изгнать из ромейских пределов царь Исаак и двинулся на врага с большими силами. У мисов возникли внутренние разногласия, и настроение их менялось, но царь, не слишком им доверяя, повел свое войско против самого сильного их племени, непобедимого и неодолимого, и, приблизившись, вселил ужас в противника. Враги страшились

самого Исаака и его армии, на царя, как на громовержца, не дерзали даже поднять глаз, а завидев плотно сомкнутые ряды его войска, разбежались. Только отдельными группами нападали они на нас и с громким воем устремлялись на неколебимых наших воинов. Но не смогли они ни одолеть нас с помощью засад, ни встретить в открытом бою и потому назначили сражение на третий день, а сами еще до вечера, бросив свои палатки и неспособных к бегству стариков и детей, рассеялись по труднодоступным местам. Согласно договоренности, царь выступил во главе построенного в боевые порядки войска, но ни одного варвара нигде не было видно, а от преследования царь отказался, во-первых, из страха перед скрытыми засадами, а во-вторых, потому что враги ушли уже за три дня до этого. Исаак разрушил их палатки, взял всю добычу, которую там нашел, и как победитель двинулся назад⁶⁵. Но не сопутствовала ему удача на обратном пути, страшная буря обрушилась на его войско, и многих своих воинов недосчитался тогда Исаак⁶⁶; тем не менее в столицу он вошел, украшенный победными венками.

LXXI. Насколько могу судить (а я хорошо знаю его душу), именно по этой причине врожденный нрав Исаака приобрел новые свойства: царь сделался более суров и начал на всех смотреть свысока. Свою родню он ничем больше не отличал от прочих людей, и даже брат его⁶⁷ должен был спешиваться уже у дальнего входа во дворец и являться к царственному брату, как было ему приказано, в виде, отнюдь не более торжественном, чем остальные. Обладая отменным нравом, какого я не встречал больше ни у одного человека, брат спокойно перенес перемену, не роптал на эти новшества, но с почтительным видом являлся к императору, когда тот звал его, большей же частью держался в тени и другим подавал пример, как следует менять свое поведение.

LXXII. Так перестроился характер царя, и кончился второй период времени. С этого момента начался третий. Царь страстно увлекался охотой, любил связанные с нею опасности и был прекрасным ловцом. Исаак легко скакал на коне, криками и улюлюканьем заставлял собаку нестись, как на крыльях, настигал зайца на бегу, случалось, хватал его прямо руками, но и копы не метал мимо цели. Еще больше увлекался он журавлиной охотой, не упускал в небе пернатого племени и доставал птиц даже из поднебесья. И удовольствие тогда воистину сливалось с чудом. Чудо оттого, что такую большую птицу, орудующую ногами, как копыями, и уже скрывшуюся в облаках, настигала много меньшая. Удовольствие же доставляло падение журавля: он падал в предсмертном танце, переворачиваясь то вниз головой, то вверх брюхом.

LXXIII. Наслаждаясь обоими видами охоты и не желая истощать своих огороженных угодий, царь иногда отправлялся поохотиться на просторе, где уже ничто не препятствовало ни бегу, ни

полету. Пристанищем ему служила царская усадьба перед городом⁶⁸ на берегу моря, которой остался бы доволен любой охотник, только не этот царь. Встав рано утром, он охотился до позднего вечера. Не раз метал он копье в медведей и кабанов, постоянно держал руку поднятой, а потому и ударила его в бок струя холодного ветра. В тот момент он почти не ощутил удара, но на следующий день уже бросила его в озноб горячка⁶⁹.

Болезнь царя

LXXIV. Когда я, ни о чем не подозревая, отправился навестить царя и оказать ему должное уважение, Исаак встретил меня уже на ложе. Его окружала многочисленная стража, присутствовал там и лучший из служителей Асклепия. Царь меня приветствовал, ласково взглянул и, протянув руку для измерения пульса, сказал: «Ты пришел как раз вовремя» (Исаак знал о моем знакомстве с искусством врачевания). Я понял, что это за болезнь, но сразу не высказал своего суждения, а, обратившись к врачу, спросил: «А ты как думаешь, что это за лихорадка?» На это он громким голосом, чтобы мог услышать и царь, ответил: «Одnodневка, но ничего не будет удивительного, если она не пройдет в тот же день, — есть такая разновидность, хоть это и противоречит названию». «Не могу согласиться с твоим мнением, — возразил я, — биение артерии говорит мне о трехдневном периоде, но пусть твоя додонская чаша окажется правой, а мой треножник солжет, может быть, он и впрямь солжет, ибо не достает мне искусства для предсказаний»⁷⁰.

LXXV. Наступил третий день, болезнь непрерывно длилась уже больше положенного ей срока и свидетельствовала об искусстве врача и моей ошибке. Царю готовили легкую пищу, но не успевал он к ней прикоснуться, как лихорадка пламенем охватывала его нутро. Про Катона рассказывают, что он во время лихорадки или другого недуга оставался недвижно лежать в одной позе, пока не кончался приступ и не проходила болезнь. Исаак, напротив, все время ворочался и менял положение тела, он тяжело дышал, и природа не давала ему никакой передышки. Но как только он немного пришел в себя, то сразу же вспомнил о возвращении во дворец.

LXXVI. И тогда Исаак немедленно поднялся на борт царской триеры и отправился во Влахерны⁷¹, а прибыв во дворец, почувствовал себя лучше и, радуясь выздоровлению, начал оживленно разговаривать и шутил больше обычного. Нас он задержал до вечера, рассказывая о старых временах и об остроумных изречениях покойного императора Василия, сына Романа.

LXXVII. После захода солнца он отпустил нас и сам отправился спать. Я вышел из дворца в радостном настроении, полный сладостных надежд на выздоровление императора. Рано утром я снова отправился во дворец, но уже перед входом меня напугал

какой-то человек, сообщивший, что у царя боли в боку, что он тяжело дышит и с трудом вбирает в себя воздух. Взволнованный этим известием, я бесшумно вошел в покой, где он лежал, и остановился в смущении. Исаак тут же протянул мне руку и как бы спрашивал меня глазами, не очень ли он плох и не близок ли его конец. Не успел я пальцами дотронуться до его кисти, как первый из врачей (нет необходимости называть его по имени) сказал: «Можешь не исследовать артерию, ее биение мне понятно, оно прерывисто и неровно. Один раз ударяет по пальцу сильно, другой раз слабо, первый удар соответствует третьему, второй четвертому и так далее — они чередуются, как зубья у железной пилы».

LXXVIII. Не обращая внимания на его слова, я исследовал движение артерии при каждом ударе и не нашел, чтобы пульс походил на пилу. Был он, однако, вялым и напоминал шаг человека не слабого, но скорее закованного в цепи, которые стесняют его движение. Болезнь была тогда в самом разгаре, и это почти всех ввело в заблуждение, многие даже уже начали сомневаться, сумеет ли царь выжить.

LXXIX. Во дворце поднялась суматоха, и вокруг ложа самодержца собрались царица (истинное чудо среди женщин, непревзойденная по знатности рода, несравненная по высшей добродетели), их дочь, как и ее царственные родители, красивая, хотя до времени постригшаяся, но сохранившая красоту и после пострижения, с волосами янтарными и огненными, своим новым обликом обоих родителей вознесшая, а помимо женщин, брат и племянник самодержца⁷². Они произносили слова прощания, проливали слезы расставания и уговаривали Исаака немедленно отправиться в Большой дворец и отдать там необходимые распоряжения, чтобы не лишиться родню свою, разделявшую с ним его страдания, блага царской жизни. Он уже приготовился туда идти, как весьма кстати явился иерарх храма Божьей мудрости⁷³, чтобы дать Исааку добрые советы и укрепить его дух своими речами.

LXXX. Решившись перебраться в Большой дворец, царь не потерял присущего ему мужества, вышел из покоев, ни на кого не опираясь, но был он подобен высоковололосу⁷⁴ кипарису, раскачиваемому порывами ветра: при ходьбе сгибался и все-таки шел, не держась ни за что, и передвигался без чужой помощи. Так и взобрался он на коня, но как проделал это путешествие, я не знаю, так как торопился другой дорогой прибыть во дворец до него. Это мне, однако, не удалось, и царя застал я в великом волнении и полном отчаянии; его окружили родичи, рыдавшие и готовые, если возможно, расстаться с жизнью вместе с ним. Началась плач царица, матери вторила дочь, испускавшая в ответ еще более горестные вопли.

LXXXI. Так они горевали. Царь же, задумавшись о предстоящем переселении в лучший мир, пожелал постричься. Царица,

не зная, что это желание возникло у самого Исаака, гораздо больше винила за такое решение всех нас, а когда увидела меня, молвила: «Нечего сказать, помог же ты нам своим советом, философ, неплохо ты нас отблагодарил, задумав обратить самодержца к монашеской жизни».

LXXXII. Я поклялся, что у меня и в мыслях не было ничего подобного, а потом спросил и лежащего, откуда возникло у него такое желание. На это он ответил (передаю его слова): «Она по женскому обычаю не дает мне выполнить мое благое намерение, а винит в нем кого угодно, только не меня». — «Верь мне, — сказала царица, — если только ты выздоровеешь (а это мое заветное и страстное желание) я звалаю на свои плечи все твои прегрешения, а если нет... я сама буду заступницей за все твои грехи перед судьей и господом. Твои деяния останутся без возмездия. а меня пусть пожрут черви. покроет черная тьма и сожжет палящее пламя. И тебе не жаль бросить нас, одиноких? С какой душой покидаешь ты дворец, обрекая меня на несчастное вдовство. а дочь на горькое сиротство? Но не только это, нас ждет участь еще более страшная. Не ведающие милосердия руки отправят нас в далекое изгнание, а может быть, уготовят судьбу куда более тяжкую, и не знающий сострадания муж крови будет взирать на самых дорогих тебе. Будешь ты жить в новом своем обличье или почиешь во благе, наша жизнь станет горше смерти».

LXXXIII. Так говорила царица, но не сумела убедить Исаака. В конце концов, отчаявшись заставить его переменить решение, она сказала: «Назначь хотя бы преемником своей власти человека благомысленного и преданного, чтобы он и к тебе при твоей жизни сохранил уважение, и мне был вместо сына». Эти слова взбудрили царя, и он тут же велел привести к себе Дуку Константина, славного отпрыска древнего рода, который тот сам возводил к знаменитым Дукам — я имею в виду Андроника и Константина, чье мужество и ум не раз описаны в исторических сочинениях, да и преемниками их Константин мог гордиться ничуть не меньше⁷⁵.

LXXXIV. Одного этого было достаточно для его славы. Однако взявшийся писать о Константине не погрешил бы против истины, назвав его еще и Ахиллом. Как древний герой, имевший великих предков, деда Эака, по мифу — сына Зевса, отца Пелея, которого превозносящие его эллинские сочинения называют мужем морской богини Фетиды, затмил своими деяниями славу отцов, так что не предки составили честь Ахиллу, а скорее сами были прославлены сыном, так и Константин Дука, которого мое повествование готово уже возвести на царский престол, был знаменит древним родом, но еще больше своей природой и собственным выбором.

LXXXV. Но повременим пока с описанием его правления. Царственным нравом и славным родом он еще в частной жизни

мог поспорить с лучшими из императоров, но более всего заботился Константин о том, чтобы жить благопристойно, не докучать соседям, ни перед кем не заноситься и смиренно подчиняться царям; Константин не хотел, чтобы люди судили о нем по его сиянию, и потому, подобно солнцу, прятался в облаках.

LXXXVI. Я говорю об этом не с чужих слов, а убедившись во всем своим умом и своими чувствами. Пусть сам он гордится многими и прекрасными подвигами, с меня же достаточно и того, что такой муж, каким казался и каким был Константин, то ли потому, что ума во мне нашел больше, чем в остальных, то ли нравом моим был пленен, во всяком случае, на других почти и не смотрел, а меня отличал и любил так нежно, что жить не мог без моих речей и моей души, и доверял мне все самое заветное.

LXXXVII. Он хотел замкнуться в себе, решительно презирал высокие чины и титулы и потому одевался небрежно и жил по-деревенски просто. Непритязательный наряд лишь ярче заставляет блистать красоту женщин, которая из-за облаков сияет еще ослепительнее, и простое платье — лучшее их украшение. Так и невзрачный покров Константина не скрывал, а заставлял еще ярче сверкать его достоинства. Имя его тогда было у всех на устах, все сулили ему престол, при этом одни изрекали пророчества будто прорицатели, другие же подбирали и произносили слова, его достойные. И вот он стал бояться не столько своих ненавистников, сколько сторонников и всячески преграждал им доступ к себе, а были это все люди воинственные, дерзкие и ни перед чем не останавливающиеся.

LXXXVIII. Константин был настолько осторожен и умен, что, когда воины избрали царя и отдали предпочтение Комнину, а тот, владеть властью избранный, стал уступать престол ему, Константин ни в мыслях, ни на деле не принял сделанного при таких обстоятельствах предложения. Сбравшиеся и вовсе не сумели бы тогда между собой договориться, если бы он сам не вмешался и не водворил согласия благодаря своему влиянию. Все войско тогда как бы стояло на двух якорях: большем и меньшем, или, вернее, меньшем и большем: ведь если царем избирался Исаак, Константину обещался следующий после царского титул кесаря. Тем не менее знатный род и добрая душа Константина привлекали к нему всеобщее расположение⁷⁶. Чтобы вызвать еще большее восхищение этим мужем, скажу, что, когда Исаак из мятежника стал царем и воссел на троне, Константин отказался и от второго по значению титула, хотя вполне мог претендовать и на первый; таков был несравненный нрав этого мужа. Ко всему сказанному добавлю только одно: то, что тогда этого не случилось, а случилось только сейчас, было божественной волей — не с задворок мятежа, а из парадной залы законной власти поднялся Константин на престол.

Приход Дуки к Комнину, его избрание и суждения родни [Исаака]

LXXXIX. Комнин, казалось, готов был уже испустить дух, когда к нему пригласили Константина, который вошел к царю со стыдливым румянцем на щеках и смущенным взором и остановился, спрятав по обыкновению руки под одеждами. Собравшись с мыслями, царь сказал ему: «Тут стоят (он указал рукой на родню) мои близкие: брат, племянник, любимейшая жена и царица и, так сказать, единорожденная дочь, но сердце мое больше лежит к тебе, твой нрав покорило мою природу, и тебе доверяю и свое царство, и самых своих близких, и делаю это не против их воли, а по самому горячему их желанию. Это необычное решение зародилось у меня не сегодня, меня не вынуждает к нему болезнь, но еще в то время, как избирался императором, видел я, что ты лучше меня и больше подходишь для трона, да и потом сравнивал я тебя с другими и тогда уж вовсе уверился, что более всех достоин царской власти ты. Со мной все кончено, жизнь во мне еле теплится, отныне ты будешь властвовать и мудро распоряжаться государственными делами, издавна предназначен ты к власти и теперь берешь ее в свои руки.⁷⁷ Как бесценное сокровище, вручаю я тебе свою жену и дочь и приказываю непрестанно печься о брате и племяннике».

XC. При этих словах поднялись крики, вперемешку с рыданиями, окружающие славословили, а тот, кому отдана была царская власть, будто его вводили в таинства или посвящали в диковинные божественные обряды, с благочестием и смирением стоял около самодержца. Таково было вступление к его царствованию, но то, что за ним последовало, нельзя описать однозначно: что-то сложилось удачно, а что-то пошло вкривь и вкось.

XCI. Если я ему в чем и помог, об этом умолчу, не мне хвататься такими вещами; царю же и так хорошо известно, как воспрепятствовал я всем препятствиям и как споспешествовал благополучному течению дел. Я так любил Константина и так был ему предан, что, когда настигла его буря, сам взялся за кормило, что нужно ослабил, что нужно натянул и прямо привел корабль в царскую гавань.

XCII. Дальше я расскажу о том, какова была его власть, какой характер имели его деяния, какой дух внес он в свое правление, от какого начала и к какому итогу пришел, какова была цель его владычества, в чем он добился несомненного успеха, что впервые изобрел сам, что в нем достойно восхищения и что не достойно, как он ведал гражданскими делами, как обращался с войском и так далее.

КОНСТАНТИН X ДУКА

*Ромейский император Константин Дука
владел престолом семь лет*

I. Сокращая здесь, как и положено, повествование и заботясь о его соразмерности, я более подробно опишу этого самодержца позже и поведаю о его роде, домашней жизни, а также о том, что он любил и что презирал до своего воцарения и после. О каком же еще царе рассказывать мне столь подробно, как не о том, которому воздавал я хвалу в частной жизни и дивился в царском обличии, от которого я не отступал ни на шаг, ибо, когда Константин восседал на троне, занимал возле него самое почетное место, был собеседником царя, разделял с ним тра-

пезу и пользовался от него несказанными милостями.

II. Вступив на престол, этот божественный император почел своим первым долгом установить справедливость и благозаконие, искоренить корыстолюбие и ввести умеренность и правосудие. Щедро одаренный природой, он был годен к исполнению царских обязанностей и тяжбы разбирал не как новичок в гражданских делах, а как опытный судья. С философией и риторикой он не был хорошо знаком, но, произнося речи, витийствуя или сочиняя письма, ничем не уступал философам и риторам. Заботами же о воинском сословии он превзошел всех.

III. Видя, в каком бедственном положении находится держава и как опустошена ее казна, он начал умеренно распорядиться государственными средствами, не тратил денег с грубой расточительностью, не жал, если можно так сказать, того, что не сеял, не собирал урожая, который не возвращивал, но сам, прежде бросая в землю семена, пользовался лишь плодами трудов своих и в результате, если не до краев, то наполовину наполнил царскую сокровищницу. Благодетельный, как никто другой, превзошедший в этом

отношении всех прочих императоров, он не раз успешно завершал нехлопотные войны и увенчивал голову победными венками.

IV. Он находился на престоле немногим более семи лет и, истощенный болезнью, умер, дав желающим повод соревноваться в описании его великих доблестей. Он умел подавлять свой гнев, ничего не делал впопыхах, но всегда поступал, повинувшись рассудку, ни одной души не загубил даже за самые тяжкие преступления, никому не обрубил ни рук, ни ног, а ограничивался одними угрозами, да и о тех вскоре забывал, потому что над провинившимся скорее проливал слезы, нежели учинял расправу.

V. Описав Константина в общих чертах, я расскажу теперь о нем подробно и в деталях, как и обещал этому удивительному и великому самодержцу.

VI. Род прадедов его был знатен, богат и из тех, что воспеваются историками. До сих пор у всех на устах имена знаменитых Андроника, Константина и Панфирия, его родственников по мужской и женской линиям, не менее знамениты и более близкие его предки. Но как потомок Эака и Пелея Ахилл воссиял ярче того и другого, так и этот самодержец, имея в роду столь великие образцы, не только подражал, но и как бы вступил с ними в состязание, намного превзошел своих прадедов и заблестал всеми добродетелями. С ранней юности он, достойный престола, столь мудро вел себя, что не заслужил ни одной насмешки. Он держался вдали от рыночной суеты и мишуры и большую часть времени проводил в деревне, где занимался своим отцовским поместьем. Женившись на женщине славного рода и необыкновенной красоты (она была дочерью того самого Константина, которого произвела на свет местность Даласа¹, а во всей вселенной прославил Рим²), он украсил свою жизнь целомудрием. А когда смерть унесла его супругу, не пожелал дать пищу кривотолкам и злокозненной клевете и ввел в свой дом другую женщину (и она была знатного рода, благородного духа и красива)³, от которой у него и до, и после воцарения рождались дети мужского и женского пола. Первым был рожден Михаил, унаследовавший от отца царскую власть и разделивший ее с братьями. Он первенствовал среди всех, и о нем после рассказа о царствовании Константина пойдет речь в моем сочинении⁴.

VII. Доведя до этого места свое повествование, я хотел бы включить в него рассказ о самом себе и приобщиться к добродетели императора. В те времена я блистал красноречием и был больше известен искусством слова, нежели родовитостью, Константин же был страстным любителем красноречия, и это стало первой причиной моей с ним дружбы и близости. Как-то раз, вступив с ним в словопрения, мы испытали друг друга, я был восхищен им, он — мною, и мы так сроднились, что начали навещать друг друга и наслаждались прелестями дружбы. Но нашей дружбе способствовало и другое. Когда мне было двадцать пять

лет и моя ученость открыла мне двери дворца, сделав секретарем при царе (а был это Константин, истинно глава рода Мономахов), потребовались мне и обличие подостойнее, и дом побогаче. Царь и тут не обошел меня и взамен моего отдал мне, дорого заплатив, дом Константина, и этим сдружил нас еще теснее. Во все времена я без страха находился рядом с ним, растекаясь в славословиях, живописал царю этого мужа и кое в чем даже оказался ему полезен. Что же дальше? Этот царь умирает, и (я не стану вновь перечислять всех событий) царская власть в конце концов переходит к Михаилу Старику, при котором дела пришли в расстройство, воины же были возмущены тем, что они рискуют своими жизнями и с оружием в руках защищают государство, а при дележе чинов и должностей преимущество имеют синклитики, которые вообще не подвергаются никакой опасности. Подал повод для их безрассудства и царь, который распалил гнев воинов. И вот, еще в стенах города договорившись поднять восстание, они немедленно покинули Византий, как об этом подробно говорилось в рассказе о Комнине⁵.

VIII. Все войско склонилось тогда на сторону этого царя и требовало, чтобы он взял в свои руки царскую власть, однако Константин этому воспротивился, достойно отступил и предоставил место Исааку Комнину: так загодя распорядился с ним господь, чтобы потом возвести его на трон законным путем. Затем (я не буду дважды подробно рассказывать об одном и том же) престолом овладел Комнин, который не выполнил большинства обещаний, данных Константину Дуке, но тот и на сей раз повел себя как истинный философ и не озлоблял царя. Однако, заболев и оказавшись на пороге смерти, Исаак вспомнил о своих договорах с Константином, спросил и моего совета (ни один из живших в мое время императоров так не любил и не отличал меня, как он), не посчитался с собственной родней и всем сердцем склонился к Дуке.

IX. Коротко расскажу, как и отчего это случилось. Был полдень, недуг усилился, царь страдал от тяжелейшего приступа болезни и, чувствуя приближение смерти, позвал к себе Константина, передал ему на словах царскую власть и торжественно поручил его заботам самых своих близких: жену, дочь, брата и остальную родню, однако царских отличий он ему не дал и ограничился пока одними обещаниями.

X. Что же дальше? Почувствовав себя немного лучше, царь решил, что здоровье возвращается к нему, и начал было сомневаться, правильно ли он поступил. Тот же, кого возвели на трон, пребывал в это время в смятении и не знал, что делать. Он боялся не только крушения своих планов — его страшили беды и подозрения, которые могли за этим последовать. Как же он поступает? Никого больше не слушая, Константин пользуется только моими

советами и, вспомнив о нашей старинной дружбе, без колебаний действует так, как посоветовал или поступил бы я сам. И я не обманул твоей дружбы, о чистая и божественная душа (я говорю сейчас так, будто он слышит меня), ты и сам знаешь, как я сроднился с тобой, как ободрял, вдохновлял, утешал в отчаянии, как обещал, если нужно, разделить с тобой опасности. Известно тебе и другое — как склонил я на твою сторону патриарха и делал все, чего требовало время и смысл дружбы.

XI. Доведу до конца свой рассказ. Болезнь императора усилилась, ни у кого уже не оставалось надежд на его жизнь, но ни один человек не решался украсить Константина царскими отличиями. И только я один заговорил свободно и, когда все согласилось с моими благими советами, усадил Константина на царский трон и обул его в пурпурные сандалии. За этим последовало и остальное: собрание знати, представление самодержцу, подобающие царю почести, преклонение и все, что бывает при провозглашении императоров.

XII. Увидев, что я первым открываю церемонию, Константин сразу поднялся с трона, с полными слез глазами торжественно обнял меня и, не зная, как ему и благодарить, обещал мне такие милости, на какие едва ли и сам был способен; впрочем, большинство обещаний он потом сдержал.

XIII. Все это происходило вечером, а еще через некоторое время Исаак, отчаявшись в своих надеждах на престол и на жизнь, постригся и облачился в монашеские одежды; среди ночи его болезнь успокоилась, он немного пришел в себя и, поняв, в каком положении находится, отрекся от всего, а когда увидел перед собой нового царя, подтвердил, что все совершилось по его воле, немедленно покинул дворец и на корабле отправился в Студийский монастырь.

XIV. Там, как я уже сказал, Исаак боролся со смертью, а новый властитель воссел на царском троне и при задернутом еще занавесе — я один находился при императоре и стоял от него справа — воздел руки над головой и, проливая слезы, произносил благодарственные молитвы — свой первый святой дар господу. Затем он раздвинул занавес⁶, пригласил сенат и тех, кто оказался на месте из воинского племени, собрал чиновников из приказов и судов и произнес речь, в которой, как и подобало перед таким собранием, говорил о справедливости, милосердии и процветании государства, посвятив часть речи справедливости, а часть — милосердию и царскому нраву⁷. Он и меня заставил сказать несколько подходящих к случаю слов и после этого распустил собрание.

XV. Константин и на деле принялся осуществлять то, о чем говорил на словах, и при этом поставил себе две цели: благодетельствовать и воздавать справедливость. Никого не отпускал он от себя с пустыми руками, ни вельможных людей, ни тех, кто

сразу за ними, ни тех, кто еще ниже, ни даже ремесленников⁸. Для них открыл он чиновную лестницу, и если раньше гражданское сословие и синклитики были разъединены, то он разрушил разделявшую их стену, сочетал расщепленное, обратил раскол в единение.

XVI. Видя, как свыклось большинство людей с несправедливостью, как одни присвоили себе почти все права, а другие терпят от них насилие, Константин с кротким взором (по словам царя и пророка) принялся за дела правосудия и был суров с обидчиками, мягок и добр с обиженными. Обе стороны, истец и ответчик, представляли перед судом, каждый имел прав не больше и не меньше другого, и меряли их равной мерой, поэтому все тайное тотчас выходило наружу, образ действий каждого расследовался и даже изобличался. Прежде всего получили тогда доступ во дворец и были торжественно провозглашены законы, расторгнуты несправедливые договоры, а все установленное или писанное императором становилось законом или чем-то еще более справедливым, нежели закон⁹. А сельские жители, которые раньше и не видели никогда императора, не отводили от него глаз и получали свою долю от его милосердных речей и еще более милосердных деяний.

XVII. Так вел себя Константин. Заботился он и о казенных податях. Поскольку, однако, я пишу не похвальное слово, а правдивую историю, то должен его и упрекнуть в том, что о будущих своих действиях советовался он только с самим собой и потому, случалось, полного успеха не достигал. Его желанием было улаживать дела с народами не войнами, а дарами и иными милостями, и делал он это с двумя целями: чтобы не тратить много денег на войско¹⁰ и самому наслаждаться безмятежной жизнью.

XVIII. Не ведал он в своем неведении и о том, что с ослаблением нашего войска сила врагов росла и они все больше теснили нас. Хотя такая нелепая привычка, как желание решать все самому и не слушать советов, не должна быть свойственна ни одному императору, тем не менее себялюбие некоторых самодержцев и льстивые уверения, что-де и сами все могут, ловят на крючок и сбивают царей с верного пути: они с подозрением смотрят на всякого, кто смело говорит во имя блага, но нежно любят и делают своими доверенными льстецов. Именно это нанесло удар Ромейской державе, привело в упадок ее дела, хотя сам я не раз пытался излечить царя от этого недуга. Он, однако, оставался непреклонен и неумолим. Но оставим это, рассмотрим лучше его милосердие и ум, поскольку уже отдали должное его справедливости. Сейчас я припомню и расскажу о том, что упустил раньше.

XIX. Когда он одел на голову царский венец, то пообещал богу никого телесным наказанием не обрезать и с лихвой выполнил свое обещание, ибо воздерживался не только от пыток, но и грубых слов и только иногда, напуская на себя суровый вид, грозил на-

казаниями, подвергать которым никого не собирался. Он разбирал дела в точном соответствии с обстоятельствами, соблюдал для каждого надлежащую меру и даже в неравенстве заботился о равенстве.

XX. Каким был Константин дома? Он ласково обходился с детьми, с удовольствием с ними играл, улыбался, слушая их лепет, часто состязался с ними и таким образом давал им хорошее воспитание и закалку. До вступления на престол у него родились три сына и две дочери; средний из мальчиков, непревзойденное создание красоты, умер вскоре после воцарения Константина, младшую дочь, прекрасную лицом и добрую душой, обручили с женихом, а старшую, которая носит имя Добродетели, отдали в невесты богу — она жива еще и сейчас и пусть живет долгие лета¹¹.

XXI. После воцарения Константина солнце еще не успело сделать своего годового круга, как у императора родился сын, который тут же был возведен в царское достоинство. Два других сына, рожденных до воцарения, бесподобный Михаил и следующий за ним Андроник¹², оставались пока частными людьми. Но прошло совсем немного времени, и Константин украсил царским венцом также и старшего, самого из них достойного, я имею в виду божественного Михаила. Собираясь возвести его на престол, Константин благородным образом испытал сына, пригоден ли он к царской власти, и спросил, из чего складываются основы государственного порядка. Михаил разобрался в вопросе и дал ответ в полном соответствии с законом. Царь воспринял это как знак души, предназначенной для блистательного царствования, и тотчас устроил ему царственное торжество.

XXII. Что же дальше? Кое-кто составил против царя заговор: заговорщики намеревались лишить Константина власти и сделать правителем другого человека. В деле участвовали не одни лишь безвестные и безродные, но и весьма знатные и заметные люди. По уговору одни заговорщики учинили беззаконие на море, другие негодяи действовали на суше, но в момент наивысшей опасности бог раскрыл действо и обнаружил злоумышление. Может быть, царь велел их обезглавить? Или отрубить руки? Или как-нибудь иначе изуродовать их тела? Ничуть не бывало! Некоторых он приказал постричь, остальных приговорил к ссылке и едва перевел дух, избавившись от грозившей беды, как пригласил меня к своему очагу и велел разделить с ним трапезу; потом он прекратил есть и сказал мне с полными слез глазами: «Как бы хотелось мне, о философ, чтобы и изгнанные смогли насладиться этой пищей, не буду вкушать ее, пока другие в несчастии»¹³.

XXIII. Когда западные мисы и трибалы, вступив в сговор, заключили союз и волна бедствий обрушилась на Ромейскую державу, царь первым делом выступил против них и возвратился во дворец лишь потому, что я разве что не вцепился в него обеими

руками. Все же он собрал небольшое войско и послал его против варваров, и бог явил тогда чудо, не менее удивительное, чем Моисею: варвары, будто увидев перед собой огромное войско, затрепетали душой, пустились бежать и рассеялись кто куда, и очень многие из них пали жертвой мечей преследователей. Мертвые доставили пищу птицам, а беглецы рассеялись по всей стране¹⁴. Если бы решил я писать похвалу, а не составлять обозрение истории, одного этого хватало бы мне для пышных восхвалений, но пусть поток моей речи устремится в другое русло.

XXIV. Если в чем ином Константина и можно было сравнить с другими царями, то это не касается веры в бога и особенно великого таинства спасительного воплощения бога-Слова, которое выше всякого слова, духовного и изреченного, простого и искусного. Каждый раз, когда я истолковывал ему смысл совершенного ради нас таинства¹⁵, он ликовал душой, от радости сотрясался всем телом и испускал потоки слез. Проникая в Священное писание до самых глубин, он постигал не только открытое взору, но и все сокровенное и божественное, и, если имел досуг от государственных забот, проводил время за книгами.

XXV. Ни на кого он так не полагался, как на меня, и бывал расстроен и огорчен, если я по несколько раз на день к нему не являлся. Он ставил меня выше всех и хотел вбирать меня, как нектар. Как-то раз, сообщив царю о смерти одного горожанина, я заметил на его лице радость и, удивленный, спросил о ее причине. «Дело в том, — ответил царь, — что его многие обвиняли. Я возмущал обвинителям, ибо боялся, что они вопреки воле моей возбудят во мне гнев к этому человеку. Ну, а раз он умер, пусть умрут и обвинения его хулителей, ведь вместе с жизнью уходит и ненависть»¹⁶.

XXVI. Своего брата Иоанна возвел он в кесарское достоинство и продолжал горячо любить его после этого, делил с ним царские заботы, ибо украшен был сей муж умом, величием духа и сметливостью в делах¹⁷. Потому-то и, заболев тяжелой болезнью, еще задолго до кончины Константин вручил своих детей его отеческим заботам и дал ему в помощь того, кого сам удостоил патриаршеского престола, мужа и добродетелью совершенного и священного трона достойного¹⁸.

XXVII. В тот раз он выздоровел, но вскоре недуг снова начал подтачивать его тело, и царь близился к кончине. Он поручил все дела жене Евдокии, ибо не было тогда в его глазах женщины и самой по себе разумней и для детей лучшей воспитательницы, чем она (подробней я расскажу о ней дальше). Ей поручил он детей и, распорядившись делами, как уже было сказано, прожил еще недолгое время и умер, едва перейдя шестидесятилетний возраст¹⁹.

XXVIII. И я не знаю, какой другой император прожил такую славную жизнь и обрел столь счастливый конец. Единожды только

встретился он с заговором и был захвачен бурей, а все остальное время царствовал спокойно и благостно и оставил миру царственных сыновей, точное подобие отца, в телах и душах своих несущих его образ.

XXIX. Я много рассказывал о его делах, упомяну и о том, что он говорил, находясь у власти. О тех, кто против него злоумышляя, царь говорил обычно, что не лишит их ни чинов, ни состояния, но обращаться с ними станет не как со свободными, а как с рабами. «Свободу же отнял у них не я, а законы, лишившие их гражданства». Беспредельно преданный наукам, он утверждал, что хотел бы прославиться больше благодаря им, а не царской власти. Человек доблестный духом, он как-то сказал тому, кто утверждал, что с радостью прикрыл бы его в бою своим телом: «Молчи, если хочешь, нанеси мне удар, когда я буду падать». Человеку, изучавшему законы с намерением творить несправедливость, он сказал: «Погубили нас эти законы». Но хватит об этом императоре.

ЕВДОКИЯ. РОМАН IV

Царица Евдокия с сыновьями Михаилом и Константином

I. Придя к власти по велению царственного мужа, царица Евдокия никому другому не вверила царства, не избрала своим уделом домашнюю жизнь и не поручила дел какому-нибудь вельможе, а стала всем заправлять сама и взяла власть в свои руки, при этом в начале держала себя скромно, не допуская лишней роскоши ни в одеждах, ни в выходах. Женщина искушенная и опытная, она способна была заниматься любыми делами: назначениями на должности, гражданскими разбирательствами и взиманием казенных податей, а когда представлялся случай, умела и гово-

рить по-царски — такой великий ум таился в царице. Она восседала между сыновьями, а они разве что не цепенели от страха и почтения перед матерью.

II. Не стану восхищаться тем, как благоговел перед ней Константин. Он был еще ребенком, ничего не смыслил в делах, и хватить его за это благоговение нечего, но тому, что ей подчинился и препоручил все дела Михаил, давно миновавший детский возраст и вступивший в зрелую пору, обладавший несравненным умом, который не раз уже успел обнаружить, — вот этому мне не найти других примеров и не восславить его, как подобает. И видел я много раз, как Михаил и мог бы говорить при матери, да молчал, будто не мог, и способен был к чему угодно, но от царских дел отстранялся.

III. Мать же, как пришла к власти, не только не отвернулась от сына, но сама же его и обучала, а позже стала доверять ему назначения на должности и поручать судебные разбирательства. Нередко подходила она к сыну, целовала, осыпала его похвалами и молилась о том, чтобы жил он ей на радость. Евдокия совер-

шенствовала его нрав и постепенно приобщала к подобающим царю занятиям; отдавала она Михаила и под мое попечение и при этом велела наставлять и увещевать сына, как должно. На царском же троне он восседал вместе с Константином и, как человек великодушный необыкновенного, не сам всем распоряжался, но нередко разделял царские обязанности с братом. Так обстояли их дела, и такой порядок сохранился бы до конца, если бы некий демон не нарушил течения событий.

IV. Дойдя до этого места, хочу сказать следующее: мне не известно, чтобы какая другая женщина явила образец такого же целомудрия, какое выказала в прежней своей жизни царица Евдокия. Я не говорю, что позже она утратила целомудрие, но чистотой его она поступилась и до конца нетронутым свой нрав не соблюла. В ее оправдание можно было бы сказать, что, если она в чем и изменилась, то не потому, что предалась удовольствиям и увлеклась плотскими радостями, но ее мучили непрерывные страхи за сыновей, как бы они, не имея ни защитника, ни покровителя, не лишились царства. И не в радость стала ей царская жизнь. Приведу тому убедительное свидетельство. Пишущий эти строки был по духовному родству братом ее отцу, поэтому она как бога почитала и предпочитала меня всем другим. Как-то случилось мне быть с ней в одно время в божьем храме; видя ее воистину пригвожденной к богу и прикованной к Всевышнему, я был тронут и стал горячо просить господина сохранить ей царство до конца дней. Но, обратившись ко мне, она осудила мои речи и молитву мою сочла поношением. «Не нужно мне такого долгого царствования, — сказала она, — я не хочу умереть на троне». Ее слова внушили мне такой трепет, что с тех пор смотрел я на нее, как на высшее существо.

V. Но изменчива природа людей, особенно если для изменений есть и серьезные внешние причины. Пусть и тверд был нрав этой царицы, и душа благородна, но стремительные потоки наклонили башню ее целомудрия и склонили к ложу второго мужа. Многие знали и уже судачили о происходящем, но мне царица и словом не обмолвилась о своих намерениях, умолчав из стыдливости, чтобы не слышать возражений против этого человека, хотя и хотела посвятить меня в свой замысел. Вот почему и явился ко мне один из тех, кто наставлял ее во зле, и стал побуждать меня свободно высказать перед царицей свое мнение и посоветовать ей поставить во главе царства какого-нибудь доблестного царя. Этому человеку я ответил в том смысле, что ничего ей говорить не стану, а если бы и сказал, то не убедил бы и ничего хорошего из этого бы не вышло.

VI. Пока об этом судили и рядили, царице определен был будущий муж и царь, и по договору сегодня он должен был вступить в город, а завтра ему уже предназначался и царский

трон. Вечером царица позвала меня к себе и, оставшись со мной наедине, заливаясь слезами, сказала: «Тебе и невдомек, в каком упадке и расстройстве государственные дела, войны вспыхивают одна за другой, весь восток опустошают варварские орды¹, как тут не быть беде!» Ни о чем не подозревая и не зная, что будущий царь стоит уже на пороге дворца, я ответил: «Дело не из легких и требует совета и размышления, но, как говорится, утро вечера мудренее». На это она сказала с усмешкой: «Ни о чем больше не надо думать, все уже решено и обдуманно, царского венца достоин и всем другим предпочтен Роман, сын Диогена»².

VII. Ее слова меня поразили, и в полной растерянности я сказал: «Завтра и я стану тебе помощником». «Не завтра помоги мне, а немедленно», — возразила царица. Но тут я спросил ее: «Поставлен ли в известность твой сын и царь, предназначенный для единовластия?» На это она: «Не то чтобы он ни о чем не знал, но точно ему ничего не известно. Но хорошо, что ты мне напомнил о сыне, давай поднимемся к нему вместе и обо всем расскажем. Он спит наверху в одной из царских опочивален».

VIII. Мы поднялись. Не знаю уж, что было на душе у царицы, но сам я пребывал в замешательстве, и какое-то волнение сотрясло вдруг все мое тело. Присев на ложе сына, мать сказала ему: «Вставай, царь и прекраснейший из моих детей, прими вместо отца отчима, который будет для тебя не властителем, а подвластным, ибо к этому обязала его в грамоте твоя мать». Михаил тотчас же поднялся, взглянул на меня (не знаю уж, о чем он при этом подумал) и вместе с матерью вышел из палаты, в которой спал, а увидев царя, не смутился душой, не переменялся в лице, но обнял Романа и даровал ему и царство, и свое благоволение.

IX. Потом позвали и кесаря³, который и тут выказал свой великий ум. Он проявил должную заботу о царственном племяннике, обмолвился о нем несколькими словами, а затем присоединился к восхвалениям царской четы и только что не распевал брачные песни и допьяна не напился из свадебных чаш. Таким образом перешло к Роману Ромейское царство⁴.

Правление Романа Диогена

X. Этот царь — я говорю о Романе, сыне Диогена, — происходил из древнего и богатого рода (речь сейчас не об отце, который при императоре Романе Аргире был уличен в мятеже, бросился с кручи и погиб)⁵. Роману случалось выказывать и прямой характер, но чаще лукавый и кичливый, он и сам не чуждался мятежных замыслов и если в другие времена умел их скрывать, то при царице Евдокии, которую я уже живописал, обнаружил свои сокровенные намерения. Романа немедленно уличили, и его

Роман (предположительно — Роман IV) и Евдокия
Слоновая кость. Ок. 950 г. Париж
Кабинет Медалой

дерзость не осталась бы без возмездия, если бы не человеколюбие Евдокии, избавившее его от осуждения и приведшее к неправильным суждениям саму царицу⁶. Она полагала, что, возведя на престол того, кого не погубила, а спасла, она сохранит за собой всю власть и Роман ни о чем против ее воли и помышлять не станет. Но, верно все рассчитав, цели своей она не достигла. Со всем недолго изображал он покорность, а потом сразу показал свой норов: чем больше она стремилась управлять им и держать властителя, как льва в клетке, тем сильнее ненавидел он узду и зло косился на удерживающую его руку. Сначала он только раздраженно бормотал сквозь зубы, а затем стал открыто проявлять неудовольствие.

XI. На меня он смотрел снизу вверх; будучи еще частным человеком, был предан мне, как раб, и воспользовался от меня кое-какой помощью, а взойдя на престол, этого не забыл, так отти и любил меня, что даже вставал при моем приближении и отличал меня больше всех из своих близких. Но это просто пришлось к слову. Роман желал царствовать самодержавно и один распоряжаться всеми делами, но, никаким доблестным деянием еще не ознаменовав своего правления, ждал подходящего момента. С этой целью, а также ради спасения государства и провозгласил он поход против персов⁷.

XII. Следуя своему обыкновению подавать царям благие советы, я старался удержать Романа, говоря, что прежде надо подумать о войске, составить списки, призвать союзников и, только когда все будет готово, начинать войну. Но те, кто обычно мне перечили (за исключением некоторых), и в тот раз все испортили. Зло восторжествовало, и царь, облачившись с ног до головы в доспехи, из дворца со щитом в левой руке, с копьем, «крепко в составах сколоченным, двадцать два локтя длиною»⁸ — в правой вознамерился отразить натиск неприятеля и поразить его прямо в грудь. Все кругом кричали, ликовали и били в ладоши, и лишь я один хмурил брови, догадываясь, насколько было возможно, о том, что ожидает нас в будущем⁹.

XIII. И вот во главе всего войска царь выступил против варваров, не зная, ни куда ему идти, ни что делать. Он блуждал, выступал в одно место, а прибывал в другое, бродил по Сирии и Персии, и если что и удалось ему, так это завести подальше в горы и расположить на высоких холмах свое войско, вновь его спустить, увести по узким дорогам и таким ловким маневром погубить множество своих людей. Тем не менее он возвратился с победным видом, но трофея ни мидийского, ни персидского с собой не принес и возвеличил себя разве лишь тем, что ходил походом на врага¹⁰.

XIV. И стало это первым поводом для его кичливости. С тех пор он отвернулся от царицы, презрел людей вельможных, пре-

небрег советниками и (неизлечимая болезнь царей!) сам себе служил и советником, и наставником. Клянусь богом, которого чтит философия, я, проникнув в его губительные замыслы, тревожился за царицу и боялся, что придут в расстройство и волнение государственные дела, поэтому отвращал я Романа от его намерений, напоминал ему о договорах и при случае внушал ему страх, говоря, что развязка может оказаться противоположной ожиданиям. А поскольку и царица, терпя постоянные обиды, исходила гневом и таила на него зло в своем сердце, я делил себя между ними двумя и с Евдокией вел речь о Романи, с Романом о Евдокии.

XV. Прошло немного времени и уже ранней весной царя стали тревожить мысли о неприятеле, а достигнутая победа перестала казаться столь несомненной. Начались новые приготовления к другой войне, и — опущу подробности — принял в этом походе участие и я. Роман так принуждал меня сопровождать его, что я не мог отказаться; сокращая свою историю не стану теперь называть причину, по которой он окончательно меня подчинил себе (расскажу о ней, когда буду описывать эти события), но от необходимости идти с ним я не уклонился, чтоб не вызвать обвинений в злом умысле против царя и чтобы вообще все у него не пошло прахом¹¹.

XVI. Признавая мое полное над ним превосходство (я говорю о науках), Роман полагал, что больше меня смыслит в военном деле, но, увидев, что я хорошо разбираюсь в тактике, в том, как строить отряды и боевые порядки, как сооружать машины и брать города, и вообще владею военным искусством, хотя и был восхищен, тем не менее начал мне завидовать и, как мог, противодействовал и противился мне. Я говорю это для тех, кто участвовал тогда в этом походе и может подтвердить, что в моих словах нет преувеличения.

XVII. И вот началась новая война, не лучше предыдущей; одна стоила другой и успех имела одинаковый, хотя своих воинов мы потеряли тысячи, вражеских же захватили не то двух, не то трех, но все-таки поражения не потерпели и шум против варваров подняли отчаянный¹². Хвастовства и бахвальства от этого еще прибавилось, поскольку дважды водил он в поход свое войско и ни у кого совета не спрашивал. На деле же именно из-за злонравных советчиков и свернул он с прямого пути.

XVIII. С царицей Роман обращался, как с пленницей, и его хватало бы даже на то, чтобы выгнать ее из дворца; кесаря же он держал на подозрении и неоднократно собирался схватить и убить, но всякий раз передумывал и не осуществлял замысла, а пока взял с него и его сыновей клятву верности. А так как не было у него благовидного предлога исполнить свое намерение, он снова, в третий и уже последний раз двинулся в поход против

варваров, ибо с приходом весны они не переставая грабили ромейские земли и огромными толпами совершали набеги¹³. Снова выступил из столицы Роман, ведя за собой гораздо больше сил, чем прежде, союзнических и своих.

ХІХ. Роман сделал так, как обычно поступал в гражданских или военных делах: ничьим мнением не поинтересовался, но сразу вышел из города и вместе с войском направился в Кесарию¹⁴. Там он, однако, замешкался и, откладывая дальнейший поход, дал повод себе и другим думать о возвращении¹⁵. Но не мог он принять позора на свою голову и потому, вместо того чтобы заключить мирный договор с врагами и заставить их прекратить ежегодные набеги, то ли отчаявшись, то ли осмелев больше нужного, очертя голову двинулся на неприятеля. А те, узнав о его приближении, решили завлечь его подальше и затянуть в западню; с этой целью они выезжали из строя на конях нам навстречу, а потом, будто пускаясь в бегство, возвращались назад; несколько раз они повторяли этот маневр и таким образом сумели захватить и пленить некоторых наших военачальников.

ХХ. Забыл упомянуть: от Романа укрылось, что царь персов или курдов¹⁶ находится с войском и ему оно было обязано основными успехами. Роман же не верил людям, которые своими глазами видели царя, мира заключать не хотел и считал, что одним ударом разделается с противником. Этот неуч в военном деле распылил силы, часть оставил при себе, часть отправил в другое место и вместо того, чтобы выставить всю армию, выстроил против врага меньше половины¹⁷.

ХХІ. Того, что случилось дальше, я и хвалить не в состоянии, и порицать не могу. Царь сам принял на себя всю опасность. В этом и состоит противоречие. Ведь если расценивать Романа как бесстрашного человека и отважного бойца, то его поведение дает повод для похвал. Если же учесть, что по правилам военной науки лучше бы Роману, как первому военачальнику, стоять поодаль, отдавать воинам необходимые распоряжения и не рисковать безрассудно своей жизнью, этот царь достоин жестокого осмеяния. Что же до меня, то я скорее с теми, кто его хвалит, а не обвиняет.

ХХІІ. Итак, вооружившись с головы до ног, Роман обнажил меч против неприятеля. Я слышал от многих, что он убил в тот день множество вражеских воинов, а остальных обратил в бегство. Но потом нападающие, признав в нем императора, стеной окружили его со всех сторон, и когда Роман, раненый, упал с коня, царя ромеев схватили и пленником привели во вражеский лагерь; его войско рассеялось, небольшая часть спаслась бегством, а большинство были взяты в плен или стали жертвой меча¹⁸.

ХХІІІ. Пусть, однако, подождет рассказ о царском пленении и о том, как обошелся с Романом его победитель. Прошло немного времени, и один из беглецов первый явился в столицу,

распространяя весть о случившейся беде; за ним прибыл второй, за вторым — третий. Ничего определенного они не сообщали, но все толковали о несчастье. Одни говорили, что царь скончался, другие утверждали, что он только взят в плен, третьи — что видели его раненым и упавшим на землю, четвертые — будто его связанным (они сами свидетели) вели во вражеский лагерь. Эти события были обсуждены на совете в столице, царица спросила, что ей делать, и все решили, что на Романа, то ли он в плену, то ли мертв, внимания сейчас не обращать, а власть взять в свои руки ей самой и ее сыновьям.

XXIV. При этом одни отдавали царство ее сыну и чаду, оставляя не у дел мать, другие снова вручали всю власть ей. Что же до меня, то я не одобрял ни того, ни другого и (не стану лгать) полагал, что им следует править совместно: ему выказывать сыновье послушание родительнице, а ей распоряжаться государственными делами совместно с чадом своим. Такое решение было по душе и царю Михаилу, который добивался того же самого. Но те, кто желал прибрать к своим рукам царство и стремился использовать власть ради собственной выгоды, подстрекали ее к единодержавному правлению, а его заставляли не слушаться мать.

XXV. Не знаю, как мне тут выразить восхищение Михаилом. Со мной одним советуюсь о государственных делах, хотел он, если только это угодно матери, отстраниться от власти и не желал перед нею ни заноситься, ни себя унижать. Я нередко сводил их вместе, и он до такой степени опасался перечить матери, что даже краснел и смущался, когда должен был взглянуть ей в лицо. Между тем еще до того, как было принято решение, в столицу по приказу царицы прибыл кесарь¹⁹, который согласился с моим мнением и высказался за совместное правление царской семьи.

XXVI. Не успела улечься эта волна, как в тот же день с ревом вздыбилась на нас другая. Предводитель вражеского войска, увидев плененного ромейского царя, не возгордился успехом, но был смущен своим счастьем и отнесся к победе с таким благоразумием, которого от него никто и ждать не мог. Он утешил пленного, разделил с ним трапезу, удостоил почестей, снабдил стражей, освободил от оков тех, кого тот назвал, отпустил всех пленных, о которых тот просил, а в конце концов и его самого освободил из плена, заключил брачное соглашение и, взяв клятвенные заверения, с блестящей свитой отправил на родину²⁰. Это и стало началом зла и основной причиной многих несчастий. Сподобившись того, на что он никак не рассчитывал, Роман решил, что без труда вернет себе Ромейское царство, и сам стал вестником счастья, последовавшего за несчастьем: собственноручно написал царице письмо, где извещал обо всем с ним случившемся,

XXVII. Во дворце тотчас же начались шум и суета — одни удивлялись, другие и поверить не могли такому обороту событий. Царица тоже пребывала в замешательстве и не знала, что ей делать. Среди этих недоумевающих и отчаявшихся людей находился и я, и когда все стали спрашивать моего совета — особенно настаивал и требовал его от меня мой драгоценный царь²¹, — я ответил, что от Романа надо избавиться, в пределы царства его не пускать, а также повсюду разослать указ об отстранении его от власти. Людям основательным мой совет показался полезным, но другие рассудили иначе.

XXVIII. Так обстояло дело, и царь Михаил, опасаясь за свою судьбу и остерегаясь свирепого нрава Диогена, принял решение, сулящее ему безопасность и, надо полагать, весьма разумное. Он удалился от матери, стал действовать самостоятельно и, воспользовавшись советами двоюродных братьев — я имею в виду сыновей кесаря²², — заручился поддержкой дворцовых стражников (племя это — все из щитоносцев, потрясающих в руках тяжелыми железными и обоюдоострыми секирами). И вот разом ударили эти воины по щитам, закричали во всю силу своих глоток, лязгая секирами и завывая, явились к царю, чтобы защитить его от опасности: они окружили его кольцом и, не прикоснувшись к нему и пальцем, отвели в верхние этажи дворца²³.

XXIX. Так поступили эти люди. Те же, кто находился с царицей (среди них оказался и я), не могли понять, что происходит, и чуть не остолбенели от ужаса в ожидании приближающейся беды. Удержать царицу было нельзя — закутав покрывалом голову, она бросилась бежать к потаенной пещере и укрылась в этой норе²⁴, а я остался стоять у входа, не зная, ни что со мной будет, ни куда мне деться. Однако царь, оказавшись в безопасности, в первую очередь позаботился обо мне и разослал по всему дворцу людей с приказом искать и найти меня. Они меня обнаружили, приняли в руки свои и, как счастливую находку и бесценный дар, с ликованием доставили самодержцу. Увидев меня, он, будто спасшись от бури, вздохнул с облегчением и велел мне распорядиться наилучшим образом.

XXX. Я принялся за государственные дела: чем-то распоряжался, что-то приводил в порядок, чтобы оградить столицу от натиска волн, а другие в это время раздумывали о том, как поступить с матерью государя. Опуская подробности, скажу, что решено было удалить ее из города и поселить на берегу моря, там, где сама она воздвигла храм богородицы. Так сразу все и свершилось, хотя царь, чадо ее (я хорошо это знаю и, бог — свидетель, могу достоверно и во всеуслышание утверждать), не хотел изгнания матери и лишь уступил давлению обстоятельств, противных его воле²⁵.

XXXI. Затем, как это обычно делается и говорится в таких

случаях, все стали судить и рядить о царице, обвинения полетели в нее тучей стрел, и было принято второе решение: облачить ее в монашеские одежды, что тоже было исполнено. Вот вкратце все о царице.

XXXII. Диоген же, не удовлетворившись освобождением из плена, готов был на все, чтобы только овладеть престолом, и уже стеклась к нему со всех сторон огромная толпа воинов. Переходя с места на место и не встречая никакого сопротивления, он чувствовал себя в полной безопасности, присваивал казенные деньги и в конце концов со всем войском прибыл в прославленный на всех наречиях город — я говорю об Амасии.

XXXIII. Царь сразу же доверил войско младшему из сыновей кесаря²⁶ (муж этот на руку скор, умом непревзойден и остер и как никто другой умеет постичь и объяснить суть каждого дела). И вот, подойдя к городу, в котором обосновался Диоген, он сначала остановил свое войско, а потом начал завязывать непрерывные стычки с врагом, вводил его в заблуждение и всеми средствами старался или схватить Романа, или изгнать его из города. А тому ничего не оставалось, как только решиться выйти из стен города и со всем воинством двинуться в боевом строю на противника. Отряды встретились, и множество воинов пало с обеих сторон. Затем наш полководец, будто крылатый всадник, погнался на противника, как башня, обрушился на неприятельский строй, потеснил и рассек его на множество частей. И одни враги в этом бою были убиты, другие захвачены в плен, и лишь совсем немногие спаслись бегством — среди них Диоген²⁷, пустивший вскачь своего коня. Это событие вселило в нас первые надежды²⁸.

XXXIV. Для Диогена же стало оно началом конца. Вместе с несколькими воинами заперся он в небольшой крепости²⁹, где и был бы наверняка немедленно схвачен, если бы не одно непредвиденное обстоятельство. Дело в том, что к Роману явился некий муж, родом из Армении, человек глубокого ума и убежденный наш противник. Когда Роман был еще царем, он получил от него какую-то высокую должность³⁰ и теперь, решив отблагодарить его в несчастье, привел с собой множество воинов, вступил в Диогена мужество, много всего ему наобещал, воевать с нашим войском не позволял, а увел в Киликию, защитил от нашего натиска киликийскими долинами, снарядил для Романа воинов, дал денег и облачил его в царские одежды. Сначала этот опасный человек вооружил Романа, а потом стал ждать удобного случая, чтобы сразиться с нашим войском.

XXXV. И снова стали мы раздумывать и решать, что делать. Одним любо было заключить мир с Диогеном, уступить ему долю власти и на этом успокоиться, другие предпочитали воевать и хотели пресечь его дерзкие расчеты на будущее. Сначала испытали мирные средства и отправили ему от царя письма, сострадательные

и милостивые. Роман, однако, оскорбился милосердием, которое проявляется к человеку, ни в чем не повинному, и выставил свои требования, причем от притязаний на трон не отказался, какой-нибудь скромной долей власти не удовлетворился, но в ответах выказал строптивости еще больше, чем в мыслях.

XXXVI. Царь оставил эти попытки и, подчиняясь необходимости, отдал войско в распоряжение старшего из сыновей кесаря — Андроника [это муж роста необыкновенного, нрава благородного и души приветливой и доброй], доверил ему распоряжаться всеми восточными землями и послал против Диогена³¹. Андроник сначала сплотил в единое целое и воодушевил одной мыслью все войско — при этом он со всеми обращался дружелюбно и обходился с каждым по-особому, а второй целью поставил скрытно от Диогена приблизиться к стенам Киликии, извилистыми ущельями и труднопроходимыми тропами перевалить через ее горы и неожиданно предстать перед врагом. Так они поступили и в соответствии с замыслом двинулись по узкой и обрывистой тропе. Царь же мучился от мысли, что наше войско настигнет Романа, который или в бою будет убит, или в плену изувечен.

XXXVII. Я сам свидетель, как часто проливал царь слезы о Диогене и готов был избавить его от страданий ценой собственной безопасности, ибо, как он говорил, его связывают с этим человеком узы дружбы и договор, преступить который он страшится. И вот людям священным и души миротворной он доверяет передать Роману слова дружбы и вручает им для своего врага письмо, содержащее любые обещания, способные склонить к покорности даже железную душу³².

XXXVIII. Но еще прежде, чем прибыли эти письма, Роман начал войну, при этом он сам остался в стенах крепости, которую до того занял вместе с немногими своими воинами³³, а армянину Хачатуру — о нем я уже рассказывал — отдал под командование почти все войско и, как тогда казалось, в добрый час отправил его на битву. Ведя за собой пеших и конных, Хачатур успел занять удобную позицию и выстроил в боевом порядке своих воинов (почти все они были душой отважны, и телом крепки).

XXXIX. В строю против Хачатура стоял и сам Андроник. Но прежде, чем сомкнулись ряды и началась рукопашная схватка, Франк Криспин³⁴ (я пишу это в день его смерти), так вот этот самый Криспин, который сначала был врагом ромеев, а потом переменился и уже, казалось, любил нас не меньше, чем раньше ненавидел, — и он стоял рядом с Андроником, вселяя мужество в полководца и набираясь мужества от него, — увидев построившееся вражеское войско, возбудил в себе мужество и, предупредив Андроника, что ударит по коннице, помчался во весь опор, увлекая за собой своих людей, врзался в гущу врагов, рассек их строй, а когда после короткого сопротивления неприятель повернул на-

зад, с несколькими воинами бросился за бегущими, многих убил, а многих взял в плен живыми.

XL. Войско Диогена было разбито и рассеяно, а Андроник как победитель вместе с Криспином вернулся в приготовленный для него шатер. Вскоре к полководцу явился один из конников, ведя за собой какого-то пленного. Им оказался армянин Хачатур. Хачатур рассказал, что во время бегства упал с коня в какую-то канаву и спрятался в кустарнике. Его заметил один из преследователей, бросился, чтобы убить, но, увидев его слезы, только снял одежды и оставил его голого под кустом; потом его, голого, увидел другой воин и тоже бросился, чтобы убить, но Хачатур сказал: «Если ты пощадишь меня и отведешь к полководцу (он назвал его по имени), то в дар получишь полную пригоршню монет». Узнав говорящего, Андроник счел это второй своей удачей, украсил и облачил его достойно столь доблестного полководца и заключил под стражу без оков.

XLI. Не питая надежд на горстку оставшихся при нем воинов, Диоген рассчитывал на союзников, которые должны были к нему вскоре подойти из Персии³⁵. Он ободрял своих людей и вселял в них надежды, но пал жертвой как раз тех, кому поверил и кому вручил ключи от крепости. Договорившись с нашим полководцем и получив от него заверения в безопасности, они открыли ворота, впустили наших воинов и даже привели к дому, в котором расположился Диоген. И, о жалкое и печальное зрелище, в полном отчаянии, со связанными, как у раба руками стоял Роман, позволяя делать с собой все что угодно. [Они велели ему немедленно надеть монашеское платье]. Роман облачился в черное и, сняв покров с головы, дал первому желающему обрезать себе волосы. Находившиеся там наскоро совершили над ним обряд преображения, вывели из крепости и, ликуя, привели к Андронику. А тот, не выказывая к нему никакой надменности, поскорбел о судьбе Романа, подал ему руку, ввел в свою палату и разделил с ним роскошную трапезу.

XLII. До сих пор мое повествование легко шло по гладкой и царственной дороге (говоря богословским языком)³⁶. Но с этого места оно замедляет ход и отказывается рассказывать о событиях, которые не должны были произойти, но которые (я позволю себе употребить те же слова) обязательно должны были произойти. Не должны — по благочестию и отвращению ко всякому злу, должны — по состоянию дел и обстоятельствам. Преданные царю приближенные, боясь, как бы Диоген не выкинул еще чего-нибудь неожиданного и не доставил новых хлопот императору, втайне от него самого отправили письмо облеченному тогда властью с приказом вырвать глаза Роману.

XLIII. О случившемся царь ничего не знал, и, свидетель — бог, — ведь я пишу не льстивую, а самую что ни на есть истин-

ную историю, позже пролил слез больше, чем сам Роман выплакал перед наказанием. Да и тогда, когда сообщили царю о пленении Диогена, он ведь не запрыгал от восторга и никак иначе не проявил перед окружающими своей радости, и, если бы не опасения людской хулы, горе его не знало бы границ. Лишившийся глаз Диоген был заключен в монастырь, который сам основал на острове Проти³⁷, где прожил совсем недолго и скончался, не проведя на царском престоле и четырех лет³⁸. Власть полностью взял в свои руки Михаил.

МИХАИЛ VII

I. Приступая к рассказу о самодержце Михаиле Дуке или, вернее, собираясь, как подобает в сокращенном изложении, описать его в общих чертах, я прежде всего молю своих слушателей, да не вообразят они, будто речи мои превосходят его нрав и деяния, напротив — они его недостойны. Глядя на Михаила, я всегда восхищаюсь (слушая его речи — поражаюсь и восхищаюсь еще больше), те же чувства испытываю я, и когда пишу о нем. Я не могу заставить себя не восторгаться Михаилом, и пусть не вызовут мои слова недоверия и подозрения, что они лживы, только

потому, что пишутся при живом царе. Ведь с той целью и составляю я эту историю, дабы узнали люди, что есть на свете нрав истинно божественного склада, превосходящий известную нам человеческую природу.

II. Не знаю, о какой из его добродетелей мне рассказать прежде всего. Начну с того, что ни один из его подданных, будь то человек низкий, или, напротив, из порядочных и добрых, не остался без его внимания, не слышал от него дурного слова, никого он на людях не оскорбил, ни от кого, даже уличенного в дурных делах, не отвернулся. Когда кто-нибудь бесстыдно вел себя с ним, царь предпочитал смириться с его бесстыдством и не порицать при всех этого человека. Более того, Михаил, застав на месте преступления тех, кто шел к нему со злым умыслом, особенно из числа телохранителей, которым он себя вверил, этих людей не бранил и не устрашал. Часто он даже ловил с поличным ворующих из царских ларцов, а потом без возмущения и укоров их отпускал. Обладая непревзойденным умом и приобретя опыт в государственных делах, которыми занимается непрерывно, он прекрасно изучил все

налоговое обложение, платы и выдачи¹, куда сколько из казенных денег направляется и откуда они вновь поступают в казну. Он знает, как изготавливаются стиреры, какой их вес по норме, какой избыточный, какой недостаточный, как обращаться с пробирным камнем и сколько благородного металла содержится в золоте каждой пробы². И чтобы не перечислять всего подробно, скажу: всем Михаил овладел в совершенстве, в разговорах он с любыми сведущими людьми выказывал превосходство во всех областях и похищал славу у знатоков.

III. Когда у него только начала пробиваться борода и щеки стали покрываться первым пухом, своим умом он уже ничем не отличался от зрелых мужей. Он не предавался удовольствиям, не сделался рабом желудка, отказывался бесстыдно бражничать, а от любовных радостей был далек настолько, что о большинстве их и особенно тех, которые не освящены законом, не имел никакого понятия. Михаил столь целомудрен, что если у кого в его присутствии слетает с уст дурное слово или просто любовь называется своим именем, то на лице его сразу выступает румянец.

IV. Может быть, кому угодно узнать, что [у ребенка царственного, а] у царя ребячливого и что доставляет ему радость? Книги по всем наукам, разные мудрые речи, краткие высказывания, сборники изречений, красота сочетания, разнообразное убранство речей, чередование стилей, новоречие, поэтический строй речи, а еще больше страсть к философии, постижение принципов, аллегорические толкования [и всякая другая наука]. Не знаю, был ли какой-нибудь царь глубокомысленней Михаила и умел ли кто так схватывать суть каждого дела. Обычно полагается перечислять отдельно: одни речи и дела — царские, другие подобают философу, третьи — ритору, четвертые подходят для музыканта, небесный свод интересуется астрологов, начертание фигур — геометров, силлогизмы — область философов, тайны природы — естествоиспытателей, одно для одного, другое для другого, и разделяются люди по своим занятиям. Но в Михаиле все сочетается вместе: он сопричислен к философам, сказал свое слово о зевгме и эмфазе³ — как ритор, об отклонении и рассеянии лучей — как оптик, а когда пускается в иносказания⁴, подчас превосходит и самого писателя, которого выбрал себе в наставники и чье имя не устает произносить на людях⁵. Ямбами он не увлекается, но стихи сочиняет и выражает в них здравые мысли, хотя ритм ему и не очень дается⁶. Говоря коротко, стал он для нашей жизни созданием многоликим и великой любви достойным.

V. Видом своим он напоминает человека пожилого и похож на учителя или наставника: взор у него всегда сосредоточен, брови не надменные, не нависающие над глазами и не выдающие человека подозрительного, но растущие свободно и надлежащей формы. Его походка — не торжественная и важная, но и не ленивая и распушен-

ная, но такая, которую бы похвалил музыкант, знающий толк в том, как поднимать и ставить ноги, голос — стройный и благозвучный, не kloкочущий в потоке речи, но и не глухой, и не едва слышный.

VI. Есть немало слов и дел, которые заставляют замкнуться в себе или, напротив, растрavляют человеческую душу, но ни одно из них не ожесточило характера царя и не сделало его нрав замкнутым; он радостно смеется, жалобно плачет, гневается редко, а на доброе дело готов нередко, изучению законов много времени он не уделяет, но во время суда перечислит сразу все, извлекая их не из книг, а из глубины сердца. Он легко краснеет и не допускает никакого бесстыдства. Он ловко бросает мяч по кругу, но чтит лишь один небесный круг, ибо знает, что круговращение дел подобно игре в кубики, то бишь тому геометрическому кубу, который Платон отдает земле⁷. Охота приносит ему радость, но доволен он, только когда птица уходит невредимой, если же преследователь ее настигает, царь терзается душой и отводит глаза.

VII. Царский блеск не заботит Михаила, и он хочет, чтобы его голову красил не венец, а образы добродетели. Не все слова, что нашептывают ему в уши, доходят до его сердца, но огорчительные известия так и не проникают вовнутрь, а в душе запечатлеваются только приятные. Примером ему служит отец, которого он много превосходит, хотя и утверждает, что во всем ему уступает. Скажу, однако, о главном, чему я даже и восхищаться не в силах: тяжело пришлось Михаилу и на востоке, и на западе (начало всем несчастьям положили его предшественники)⁸, и любой другой, даже самый стойкий, на его месте поддался бы напору бедствий и смирился бы со злом. А потом что? Лопнули бы скрепы державы, рухнула бы ее кровля, треснуло основание. Но твердость его души, неколебимость нрава выдержали напор, и если мы не причалили в гавани, то все-таки качаемся на плаву и еще не унесены в открытое море.

VIII. Таков он со всеми; что же до отношения к писателю, то его ни с чем нельзя ни сопоставить, ни сравнить. Ни к одному из братьев, ни к людям высокородным, ни к мужам священным и божественным не испытывал он такого доверия, как ко мне. В том, как он одаривал меня, прибавляя к одному подарку другой, становясь щедрее и щедрее, присовокупляя к каждому благодеянию следующее и все увеличивая свои милости, Михаил еще выдерживает сравнение с другими, но что касается врожденных свойств его характера, природы души, того, как он расцветает и переполняется весельем и радостью при моем появлении, как возносит меня выше всех мудрецов, не только ему знакомых, но и тех, о ком знает понаслышке, — в этом его и рядом ни с кем поставить нельзя. Да не поразит меня стрела укора и зависти!

IX. Я сокращаю свое повествование и потому не смог рассказать о многом: о его любви к жене, о том, какое дитя она ему ро-

дила, о его любви к обоим братьям, превосходным мужам, которых, однако, он сам много превосходил. Не стану воздавать царице хвалу за ее род, богатством и древностью превосходящий любой царский, хватит с нее нрава ее несравненного и красоты неподражаемой. А если, как говорится в трагедии, молчание красит женщину⁹, то оно — лучшее из ее украшений, ибо никто, кроме мужа, не слышал звука ее голоса, и без украшений она прекрасней, чем когда по необходимости их надевает¹⁰.

X. А каков этот самодержец с братьями! Он и в мыслях не имеет обращаться с ними, как с подданными, и непрестанно их одергивать, но с каждым из них делит царские обязанности и предоставил им самовластное правление. Расскажу и о дяде его, кесаре. Царь привязан к нему, восхищается его разумными советами и искусностью в любом деле. Сам он занимается гражданским управлением, а на него возложил все военные заботы.

XI. К уже сказанному добавлю вот что. Узнав, что я собираюсь рассказать о нем в своей истории, этот царь не велел мне писать, пока он сам не изложит главные свойства своего характера, и вскоре секретарь огласил мне его записи. До того, как их выслушать, я представлял себе, что его сочинение содержит нечто неизреченное и величественное. Но он в нем так себя принизил, таким дурным себя изобразил, так оговорил свою душу, что и железная природа не может не восхититься высотой его смирения. Уже одно это, о божественный царь, заменит все прочие твои добродетели и свойства.

Константин, сын царя Михаила Дуки¹¹

XII. Сына царя Михаила Дуки — младенца Константина — я видел принимающим пищу на руках у кормилицы и с царским венцом вокруг головы. Я не описываю ни речей его, ни поступков (ибо не успел он еще ничего ни сказать, ни сделать), но только его внешность и нрав, а по ним, насколько возможно, и врожденную душу. Я не знаю подобной земной красоты! Его лицо выточено в форме совершенного круга, глаза огромные, лазоревые и полные спокойствия, брови вытянуты в прямую линию, прерывающуюся у переносицы и слегка загнутую у висков, нос с большими ноздрями, наверху слегка выдается вперед, а внизу напоминает орлиный; золотистые, как солнце, волосы пышно растут на голове. Губы у него тонкие [и одна к другой как бы прилаженные, сам ребенок живой] со взором сладким, слаще ангельского, и душа в нем светится не приниженная и не вознесенная, но кроткая, пробужденная божьим прикосновением.

XIII. Про Геракла рассказывают, что, увидев грудного младенца Аякса Теламонида, он завернул его в львиную шкуру¹². Не раз прижимая к груди Константина, я молился о том, чтобы

пошли ему на пользу мои речи. Снова и снова заключал я его в объятия, и да будет мне радость от него, когда, возмужав, примет он власть из рук своего отца. После взятия Трои Нестор из Пилоса наставлял Неоптолема, Ахиллова сына, что ему делать, дабы вырасти достойным мужем¹³, и я дал бы Константину такое наставление (может быть, превратившись в юношу, этот царь и прочтет мое сочинение): бери пример с отца своего и по нему меряй себя. Уподобься, дитя, родителю и плох не будешь¹⁴. А если еще продлится моя жизнь, посвящу я тебе и другое слово, когда уже сам дашь ты мне повод для сочинения. А если нет, хватит с тебя и уже сказанного, ибо другим людям даст оно материал, чтобы написать о тебе.

Андроник, брат царя Михаила Дуки

XIV. Этот царь, только вышедший из юношеского возраста, отличается необыкновенной приятностью, он увлекается красноречием, но не чурается и более глубоких предметов. Он дает мне пищу для размышлений, рассуждая об антиподах и отрицая их существование, поскольку, дескать, не могут они висеть вниз головой. Руки у него сильные, тем не менее человек он тонкий, искусный и умелый рисовальщик¹⁵, нрав имеет не скрытный и не лукавый, а для всех доступный. У него благородные привычки, он ловкий наездник и до того страстный охотник, что не может упустить зайца и готов вместе с журавлем взлететь в небо. Оратор он не очень ловкий, но и оплошностям в речи умеет придать прелесть.

Его брат Константин¹⁶

XV. Этот царь умом не быстр, но углублен в самого себя и видом напоминает настоящего наставника. Всегда он бодр и бывает весьма боек на язык, если ему приходится говорить. Он не легко уступает в споре, возражения встречает возражениями и старается убедить противника, но в конце концов все обращает в шутку и испытывает тихую радость от своих слов. Разум у него седовласого старца, душа твердая, и он не легко отказывается от поставленной цели. Щедр он умеренно, ладонь его широко не открыта, но и в кулак не сжата, он ловко умеет вскакивать на коня и искусно охотиться. Этот человек — драгоценный дар для матери и братьев.

Кесарь Иоанн Дука

XVI. Что мне сказать об этом муже, чтобы слова мои сравнялись с прелестями его нрава и добродетелями души? Многолик муж этот, прекраснейшее украшение нашей жизни, и составлен из

двух противоположностей: умом превосходит всех, кого я когда-либо знал или видел, и в то же время выказывает столь великую кротость души, что подобен струе неслышно текущего масла. Что же до его военной науки, то на память приходят древние и прославленные кесари и то, что свершили и какие победы одержали Адриан, Траян и им подобные. Он не ниже их в этой науке, которой овладел не сам по себе и не случайно, но почерпнул из руководств по тактике, полководческому искусству и осаде городов, написанных Элианом, Аполлодором и другими¹⁷. Может быть, кесарь — прекрасный полководец, но уступает в том, что касается гражданских дел, правосудия и казны? Ни в коем случае! Как бритва к оселку (это пословица), стремится он ко всему хорошему. Может быть, легко поддается гневу? Тоже нет, разве только для вида. Может быть, он злопамятен? Но как раз в этом отношении кесарь человек удивительный и единственный. Может быть, бойкий на язык, он позволял себе дерзко и свободно разговаривать сначала с братом, а потом и с племянником? Ничуть не бывало! Для многих из нас он пример осмотрительности, всегда блюдет меру и перемежает серьезное шуткой, и только в одном этом он безудержен и неумерен.

XVII. Охотится он на разную дичь; его волнует полет птиц и бег хищников, он травит собаками и преследует пятнистого оленя, без ума любит медвежью охоту, и, хотя я не раз бранил его за это, охота составляет его неизменное развлечение. Так и делит он свою жизнь между книгами и охотой, вернее — это любимые его занятия на досуге, а когда он занят делами, то заботят его обязанности военачальника и все, чего требуют обстоятельства. Он понимает, заключать ему мир или биться с врагами, знает толк в отрядах, боевых порядках и расчленении строя, ему известно, где выстроить войско, как сделать плотней тыл и тоньше каре, какими бывают полый клин, [развертывание строя], смыкание, осада, конное сражение и пеший отряд в зависимости от обстоятельств, места [и сил неприятеля]. Но какой смысл перечислять! Кесарь во всех отношениях был выше всех людей, [кроме брата своего и племянника, двух непревзойденных императоров].

Письмо царя к Фоке¹⁸

XVIII. В письме царь сначала упомянул о тяжком изгнании, о том времени, которое вдали от своих и отчаянной бедности провел Фока, о его грязном плаще и рваных одеждах; потом написал о том, как по его приказу Фока вернулся, с какими великими почестями его приняли во дворце, с каким неописуемым радушием встретили, какими, как говорится, сатраповскими благодеяниями осыпали, как без промедления предоставил он ему все самое вы-

сокое и чтимое, что только есть в Ромейской державе, как наградил его титулами и воинскими чинами, вознес выше всех и одарил богатствами, достойными его сана¹⁹. «Кто, — продолжал он, — получил от меня ранг выше твоего? Кто еще наречен был другом царя, его ушами и оком? Кто еще мог при желании уговорить меня в чем угодно? С кем еще делил я важнейшие заботы? Ибо тебе одному открывал я то, что таил от брата и матери²⁰. Кто ныне возводит на высшие должности и кто их отбирает? Не ими ли снискал ты себе известность, не этим ли возросло твое могущество? Не говорю уж о том, что ради тебя сделал я для твоего отца, брата и другой родни, скольких тебе в угоду из смирения частной жизни вознес к высшим чинам, сколько богатств приобрели эти вскормленные в бедности, а ныне облеченные высокой властью, гражданской и военной! Я даже на преступления их, тайные и явные, смотрел сквозь пальцы. А ведь знал, какое множество их совершается, но все сносил ради тебя, ибо надеялся, что ты один, помимо божьего благоволения, станешь моим утешением в бедах. Потому и выбрал, потому и приблизил я тебя, чтобы ты твердой рукой распоряжался моими владениями, полагая, что в одном тебе среди всех людей приобрел я союзника и соратника; с твоей помощью мечтал я унять разгулявшуюся бурю. А теперь? О тщетные надежды и напрасные ожидания! Какова неблагодарность! Я искал сокровищ, а нашел уголья. Надежды не напрасны только тогда, когда в них еще не разочаровались. Но мы только себе делаем хуже, полагая, что пожар можно загасить маслом²¹.

XIX. Молва, если она справедлива, ясно уличает тебя, что стал ты мне горем вместо утешения, врагом вместо союзника, губителем вместо помощника. Утверждают, что ты взялся за оружие, дабы наказать меня, от которого будто претерпел ты тягчайшую обиду и зло, что ты прилагаешь все силы, чтобы прогнать меня от прекрасного царского очага, и хочешь присвоить его себе. Только не это! Нет, магистр, нет — и в мыслях не держи такого! Да сгинут выдумщики и разносчики слухов — эти негодяи сеют плевелы²² и из одной зависти рассказывают всякие небылицы, на их несурезицы и нелепицы нельзя обращать внимания. Этим чужакам, как я полагаю, нужно только одно: расколоть наше единомыслие, нарушить наше добровольное согласие. И да не восторжествует враг над нами, снова говорит он, если вспомнишь ты об этом богопротивном и несравненном по мерзости деянии. Не выкажи столь великой неблагодарности и несправедливости — ведь тебе не в чем упрекнуть твоих благодетелей; не сделай имя свое проклятием для людей и не послужи им позорным примером!»

XX. Отметив, что Фока призвал бога свидетелем страшных своих клятв, царь напомнил, что недремлющий промысел божий непрестанно обходит вселенную и неусыпным оком взирает на зем-

ные дела и всегда воздаст за них людям после смерти: промысел каждому воздаст той же мерой, в его сети попадают идущие кривым путем, он обращает в свою противоположность игру случая. «Если трепещешь ты перед божьим судом, если ждешь его приговора своим поступкам, поразмысли о непостоянстве земных дел. Пусть добрый совет предшествует делу, рассуждение замыслу, а мысль идет перед умыслом, ибо дело прежде всего принесло вред тому, кто рассудил дурно».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОРИОГРАФ МИХАИЛ ПСЕЛЛ

Историография — лучшее и прекраснейшее создание греков.

Никита Хончиг

Михаил Пселл родился в 1018 г. в конце 50-летнего царствования Василия II Болгаробойцы, которое во всех руководствах по византийской истории обычно расценивается как период расцвета Восточноримской империи. Действительно, при этом императоре были подавлены мятежи феодальных магнатов, разгромлена внутренняя оппозиция и хорошо налаженный центральный аппарат бесперебойно обеспечивал казну налоговыми поступлениями. Пределы империи включали тогда в себя весь Балканский полуостров и Малую Азию; они простирались до Кавказского хребта и Месопотамии на востоке и Южной Италии на западе и юге.

Умер Пселл, скорее всего, в 90-х годах XI в.¹, уже в начале царствования Алексея I Комнина, когда из некогда обширных территорий под византийским господством остались только балканские земли, да и те подвергались постоянным набегам кочевых племен, когда военные станы сельджукских отрядов появлялись чуть ли не под самыми стенами Константинополя, мятежи следовали один за другим (сам Алексей Комнин был удачливым мятежником), казна пустовала, войска и флота фактически не существовало. Пройдут годы, и Алексей Комнин вернет Византии большую часть утраченных земель, реформирует и укрепит государственный аппарат и почти на столетие возвратит Византии былую славу. Но Пселл этого уже не увидит: 40 лет его жизни почти целиком совпадают с временем упадка и оскудения Византии.

XI век в истории Византии исследователи обычно именуют «переходной эпохой». Такое определение справедливо не только потому, что это — период между правлением двух «сильных» династий: «Македонской» и «Комниновской», но и потому, что к тому времени традиционная византийская централизованная система управления уже исчерпала свои возможности, а феодальный строй укрепиться не успел, государственное войско — стратиотское

¹ Время смерти Пселла не поддается точному определению. Ученые, считающие датой его кончины 1078 г., исходят, по нашему мнению, из ошибочных предположений.

ополчение — теряло свое значение, а дружины феодального типа и наемные отряды не заняли его места. Империи фактически нечем было защищаться — отсюда и внешнеполитические неудачи. Политика императорского двора утрачивала перспективу и целенаправленность. Отдельные императоры пытались прочно утвердиться на престоле, сплотить вокруг себя преданных людей, большей частью родственников, и основать «династию». Удалось это, однако, в конце концов только Алексею Комнину. Другие самодержцы собирали остатки войска, приглашали наемников и пытались отвоевать захваченные «варварами» земли; они даже добивались некоторых ограниченных успехов, но срок их правления не превышал нескольких лет, и новый государь уже не хотел или не мог продолжать дела предшественника. Остальные цари (во всяком случае, в изображении их летописцев) даже и не помышляли ни о каких решительных действиях, предавались беззаботной дворцовой жизни или неуместным в такой ситуации «ученым занятиям».

Все эти обстоятельства были отнюдь не «внешними» для Михаила Пселла, проведшего жизнь не в уединенной монастырской келье, а при дворе, в самой гуще событий, в большинстве которых он сам участвовал. Пселл являлся не только участником исторических событий своей эпохи, но и ее летописцем. В конечном счете — и, разумеется, в самых общих чертах — именно неустойчивая, не принявшая законченной формы историческая реальность XI в. определила мировоззренческие основы и в определенной степени даже художественную форму его историографического творчества. Однако для того, чтобы столь абстрактные утверждения приобрели мало-мальскую конкретность, необходимо ближе рассмотреть личность самого историографа и попытаться определить его жизненную и общественно-политическую позицию.

Сведения, которыми мы располагаем о жизни Пселла, почти все заимствованы из его собственных сочинений, и образ писателя, предстающий из них, — не более, чем своеобразный автопортрет. Такого рода самоизображение интересно не только для уяснения реальных черт, но и как взгляд писателя на себя самого, как выражение его идеалов и представлений². Константин (такое имя носил писатель «в миру») был третьим ребенком чиновника средней руки константинопольца Пселла (имя отца неизвестно) и его жены Феодоты. Пяти лет ребенка, как и положено, отправили в школу, где он получил начальное образование. Учение было для мальчика «не только легко, но и сладостно», и занятия он предпочитал всем играм. Родня будущего писателя считала, что к восьми годам

² Характеризуя жизненный путь Пселла, мы опираемся главным образом на два его произведения: «Похвальное слово матери» — для детских и юношеских лет и на «Хронографию» — для зрелых годов.

обучение мальчика могло бы и закончиться, но Феодота настояла на продолжении образования, при этом ссылаясь на вещий сон, в котором ей явился не кто-нибудь, а знаменитый ритор Иоанн Златоуст, обещавший быть мальчику наставником и руководителем. Таким образом, уже в младенчестве Пселла как бы благословил к карьере ритора и ученого прославленный древний оратор.

Во второй период обучения интерес Пселла к наукам все возрастал, а главным предметом его занятий стала риторика. В 16 лет будущий писатель, сопровождая какого-то чиновника, впервые ненадолго покинул Константинополь. Знаменательно, как сам Пселл сообщает об этом событии: «Мне было тогда шестнадцать лет, и я только что закончил слушать поэмы (Гомера. — Я. Л.) и с наслаждением погрузился в искусство слова». Прогресс в изучении наук оказывается для Пселла мерилom для отсчета времени.

Вернувшись, Пселл продолжил обучение (теперь уже преимущественно философии) в школе известного ритора, поэта, а в дальнейшем и ближайшего друга писателя Иоанна Мавропода. От этого Иоанна до наших дней дошло большое число речей, стихотворений и писем. Как и его ученик, он был автором исторического сочинения, которое, однако, уничтожил, опасаясь вызвать неудовольствие императора. Вряд ли методы обучения в школе Мавропода значительно отличались от традиционных византийских — ее назначением было воспитание будущих чиновников для центрального государственного аппарата и провинций, и из ее стен вышло немало высокопоставленных государственных деятелей.

В школе Мавропода завязывались дружеские отношения, образовывались кружки учителей и учащихся, и эти связи не прерывались десятилетиями. Такой обстановке, возможно, способствовала сама система преподавания, строившаяся по принципу вопросов и ответов, предполагавшая дискуссии, выступления учеников и их обсуждения.

В течение всей жизни Пселл поддерживает связи со своими школьными друзьями, протезирует им и с удовольствием вспоминает проведенные вместе годы. Впрочем, Пселл выделяет себя из среды соучеников и в эпитафии на смерть одного из них, Никиты, считает нужным заметить, что другие ученики ходили «наспуленными и лохматыми», их заботой было «не быть, а казаться мудрыми», в то время как сам он и Никита отличались отменным нравом и успехами в образовании, ревностно занимались искусством красноречия и не пренебрегали «радостями светской науки».

Школу Мавропода Пселл должен был покинуть в 1037—1038 гг. О следующих трех годах его жизни сведений сохранилось очень мало, и они противоречивы. Какое-то время будущий писатель служил писцом-асикритом в императорской канцелярии, в эти же годы он успел побывать судьей в двух фемах (фемный судья в XI в. — фактический правитель области). В 1041 г. Пселл вновь

в Константинополе — на сей раз в должности одного из императорских секретарей.

Крутой взлет карьеры Пселла относится к началу царствования Константина IX Мономаха (1042—1055). Царю рекомендовали молодого чиновника как необычайно красноречивого человека, и Константин Мономах, который любил забавляться всяческой «ученостью», приблизил к себе искусного ратора и вскоре уже не мог обойтись без его «усладительных речей». Как позже заметит в «Хронографии» Пселл, «ворота дворца ему открыла его ученость». Естественно, что старания красноречивого придворного не пропали даром: вскоре он получил должность ипата философов, т. е. главы философской школы, или, как нередко пишут новые исследователи, философского факультета вновь открытого константинопольского «университета». Пселл в это время — первый оратор на всех торжественных дворцовых церемониях и произносит похвальные речи в честь царствующего императора, поражающие современного читателя, не искусленного в византийской словесности, своей цветистостью и выпренностью. Красноречие приносит не только славу, но и доход, и многочисленные царские пожалования делают Пселла состоятельным человеком.

Весьма важной для этого периода представляется и другая сторона деятельности Пселла. Уже в первые годы царствования Константина IX вокруг «первого царского министра» Константина Лихуда, человека весьма просвещенного и образованного, формируется кружок интеллектуалов, в который помимо Пселла входил уже знакомый нам Иоанн Мавропод и соученик Пселла, будущий константинопольский патриарх Иоанн Ксифилин. Кружок этот, по уверениям Пселла, играл значительную политическую роль, но главным занятием его членов была всевозможная «ученость». Всех четверых, по словам писателя, объединяла страсть к наукам, «залог их согласия». Преданность наукам и своеобразная ученая дружба возвышали этих сравнительно молодых людей над окружающим их «морем невежества», составляли предмет их гордости и создавали ощущение избранничества. Всякие нападки (а их было немало) на одного из членов кружка воспринимались как личная обида, и противники немедленно объявлялись людьми темными, невежественными и тупыми.

Эти «блаженные» (по выражению Иоанна Мавропода) времена длились недолго. Около 1050 г. положение Константина Лихуда при дворе пошатнулось, его друзья, зная переменчивый нрав монарха, больше не чувствовали себя в безопасности и один за другим отдалялись от двора и покидали Константинополь. Еще раньше между членами кружка был достигнут договор, согласно которому в случае неблагоприятных перемен судьбы они должны будут принять монашество. Однако первые серьезные испытания вызвали разногласия и даже ссоры прежних единомышленников

Единственным, кто безоговорочно и даже с видимой радостью выполнил условия договора, был Иоанн Ксифилин, удалившийся в монастырь на горе Олимп в Малой Азии. Иоанн Мавропод не хотя отправился в почетное изгнание на митрополичью кафедру в далекую Евхаитскую епархию, откуда слал письма с жалобами на свою судьбу; в них он горько упрекал Пселла за «предательство» — последний, видимо, уговаривал его принять назначение и недостаточно энергично хлопотал потом о возвращении своего бывшего учителя в Константинополь. Пселл же и вовсе не торопится оставить столицу, хотя его настойчиво и даже раздраженно побуждал к этому Иоанн Ксифилин. Причины промедления были для писателя достаточно серьезны: сколь ни удручала его придворная суэта, как ни манили «прелести тихой и святой жизни» в монастыре, тем не менее он не считал себя внутренне готовым «вступить на путь спасения», по которому уже так уверенно шел Иоанн Ксифилин. Перспектива отказаться от политической и преподавательской деятельности и жить в монастырском затворничестве вызывала душевное смятение и колебания.

Все-таки в начале 1055 г. Пселл вынужден отправиться вслед за Ксифилином на гору Олимп, но его пребывание там было коротким и, по всей видимости, безрадостным. С предавшимся всерьез благочестивой жизни Иоанном он уже больше не находит общего языка, необходимость выполнения строгого монастырского устава его раздражает. Монахи не способны оценить достоинства образованного столичного ритора — для них он человек светский и суетный. Писателя не спасает даже торжественный панегирик в честь основателя монастыря св. Авксентия, который он сочинил в угоду монахам, и когда через несколько месяцев царица Феодора, сменившая на престоле умершего Константина Мономаха, пригласила Пселла вернуться в столицу, он не заставил себя долго ждать.

Вновь Пселл мечтает о политической деятельности и вновь вызывает на себя нападки. Если для олимпийских монахов он был человеком слишком светским, то новые хулители из придворных кругов выражали недовольство тем, что за государственные дела хочет приняться монах и философ. Обвинения вызывают раздраженную отповедь Пселла. Его возражения носят не только личный, но и принципиальный характер: истинный философ не только может, но и должен заниматься политикой, именно философам нужно поручать государственные дела, и сам он, как истинный ученый, тяготеет к обоим родам деятельности — ученой и государственной.

Политические амбиции Пселла в ту пору полностью удовлетворены не были, тем не менее он играл определенную роль при дворе и продолжал преподавание в «университете».

Только один эпизод из его деятельности, относящийся к этому периоду, освещен весьма подробно в «Хронографии» — его участие в посольстве к мятежному Исааку Комнину. Когда в 1057 г. взбун-

товались начальники ромейского войска, император Михаил VI, немощный старик, правивший всего несколько месяцев после Феодоры, оказался в отчаянном положении; он понадеялся на красноречие и софистическое искусство Пселла и отправил его с посольством к взбунтовавшимся военачальникам. Подробно, с упоением рассказывает историк, как товарищи по посольству признали его самым мудрым и красноречивым и поручили ему выступить на собрании воинов и как благодаря искусству слова удалось ему убедить мятежного Исаака принять предложенные императором условия. Однако, пока велись переговоры, константинопольцы свергли Михаила и предложили престол уже провозгласившему себя царем Исааку. Новый император, вопреки ожиданиям историка, доверяет ему еще более прежних и с самого начала советуется с ним, как лучше управлять государством, а вскоре назначает его на весьма высокую должность проэдра синклита. Именно Пселлу поручает Исаак роль «прокурора» на процессе, который должен был состояться над опальным константинопольским патриархом Михаилом Кируларием — главным инициатором «схизмы», т. е. делящегося и поныне раскола западной и восточной церквей.

Исаак Комнин вскоре тяжело заболевает, и его «преданный друг» Пселл прилагает максимум усилий, чтобы передать власть выходцу из другой семьи — Константину X Дуке (1059—1067). При новом императоре историк активной политической роли уже не играет (он сам жалуется на то, что Константин пренебрегает советами мудрых людей), но назначается воспитателем наследника престола Михаила и, видимо, продолжает оставаться ипатом философов. К императорскому дому Пселл, по его собственным неоднократным заверениям, испытывает необыкновенную привязанность, интересы его защищает, как свои собственные, а когда в 1068 г. престол переходит к воинственному Роману IV Диогену, женившемуся на вдове Константина Евдокии, становится в оппозицию к новому царю. Роман весьма ценит ученого придворного (все цари, по уверениям историка, души в нем не чают!), но по-настоящему ему не доверяет и даже берет его с собой в военную экспедицию, дабы не оставлять в столице столь опасного человека. При явном участии Пселла потерпевший поражение от сельджуков в 1071 г. Роман был смещен с трона, а вскоре и ослеплен. Когда, наконец, трон перешел к «законному» наследнику Константина — ученику Пселла Михаилу VII, историк, казалось, достиг предела своих мечтаний. Царь предпочитает его всем мудрецам, Пселл продолжает ученые и поэтические занятия со своим воспитанником, составляет для него речи, ученые трактаты и дипломатические документы. Сколько времени продолжалась эта идиллия, сказать трудно. Судьба Пселла в последние годы правления Михаила неизвестна. Скорее всего, Пселл по каким-то причинам отдался от двора и провел последние годы в каком-нибудь монастыре.

*

Еще раз подчеркнем, что биография Пселла изложена нами почти исключительно на основании его собственных произведений, образ писателя, предстающий перед нами, — скорее приукрашенный автопортрет, нежели реальное изображение. Пселл видит в себе прежде всего философа, оратора и государственного мужа, радетеля за общее благо и неперменного советника царей, для которого ученая и государственная деятельность представляет собой нечто единое и взаимообусловленное. Ничего, даже отдаленно напоминающего подобный писательский автопортрет, византийская литература до Пселла не знала. Византийские авторы вообще очень редко самораскрывались в произведениях. Они или как бы устранялись из повествования, или же скрывались за маской ничтожного и невежественного монаха, держащего лишь на бесхитрое изложение событий. Только отдельные интеллектуалы, продолжавшие античную традицию, решались говорить о своей образованности и ученых занятиях, но и они, как правило, противопоставляли спокойное — в эпикурейском стиле — существование в кругу полуучеников-полудрузей бурной и изменчивой придворной жизни. За возможности тихой жизни благодарит судьбу Лев Философ, которого современники упрекали (как позже Пселла) в пристрастии к эллинской культуре³. Предпочитает безмятежную жизнь и ученые занятия в окружении близких людей хлопотным обязанностям патриарха и Фотий⁴. Те же мысли неоднократно высказывает учитель и друг Пселла Иоанн Мавропод. На этом фоне позиция Пселла своеобразна и неожиданна. Писатель не только с отменным бахвальством представляет себя великим ученым, эрудитом и красноречивейшим оратором, но и всячески подчеркивает свою роль как государственного деятеля и практического философа. Насколько, однако, этот образ соответствует действительности?

«Автопортрет» Пселла — не искажение, а идеализация, и как всякое самоизображение он нуждается в корректировке и уточнениях. На роль первого ученого и риторика империи Пселл претендует с полным правом и основанием. Если бы все ученые и философские трактаты писателя были собраны и изданы вместе, они составили бы несколько объемистых томов. Пселл — ученый и философ средневекового типа, который считал себя вправе вторгаться в самые различные области человеческого и «божественного» знания. Среди его произведений — трактаты по философии и демонологии, медицине и военному делу, богословию и грамматике, ми-

³ Стихи Льва Философа сохранились в Палатинской антологии (Anth. Palat., XV, 12).

⁴ В письме папе Николаю I (см.: Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Paris, 1971, p. 197 sq.).

фологии и физике. Взятые вместе, они представляют собой настоящую энциклопедию византийской учености. Пселл — философ средневекового типа и по характеру своего научного метода. Он свято убежден в примате теоретического книжного знания над опытом и ответ на любой вопрос готов искать и находить в рукописях древних мудрецов и «отцов церкви». Эта святая вера в непререкаемость философских истин (в средневековом, конечно, смысле слова) не раз давала современному ученому возможность иронизировать над поразительным самомнением писателя. Вот два примера подобного отсутствия скромности в «Хронографии». У постели умирающего Исаака Комнина Пселл вступает в спор с медиком царя о характере болезни и нисколько не сомневается в своем праве ставить диагнозы и предсказывать ход болезни. С не меньшей легкостью Пселл, который наверняка не участвовал ни в одном сражении и, по собственному признанию, с трудом взбирался на коня, восхищается испытанного полководца Романа IV Диогена своими познаниями в тактике.

Как истинный средневековый философ Пселл без разбора «берет свое добро» в трудах античных мыслителей и христианских теологов, и ряд его сочинений превращается в удручающие современного читателя компиляции. Вряд ли, однако, справедливо столь уничижительно характеризовать все ученые произведения писателя. Они заслуживают подробного и внимательного анализа. По мнению П. Иоанну, например, Пселл — создатель оригинальной метафизической системы⁵, а Бенакис видит в писателе вдумчивого и оригинального комментатора и критика «Физики» Аристотеля⁶. Пселл неоднократно заверяет всех, а в первую очередь себя самого, в приверженности к христианской науке, но на деле обращается к языческой античной образованности гораздо чаще, чем к богословию, и создает своеобразный синтез, сплав того и другого, который давал основание современникам обвинять писателя в чрезмерной и предосудительной приверженности к античности и пренебрежении христианскими догмами, а ученым XX в. считать Пселла то интеллектуальным язычником, то благочестивым христианским философом⁷.

Около 80 дошедших до нас ораторских произведений Пселла по объему превосходят собой всю риторическую продукцию Византии X—XI вв. Среди его речей цветистые и абсолютно бессодержательные панегирики, построенные по всем правилам античного красноречия, и ораторские сочинения, отличающиеся искренностью

⁵ *Joannou P. Christliche Metaphysik in Byzanz. Ettal, 1950, S. 41.*

⁶ *Benakis L. Michael Psellos' Kritik an Aristoteles und seine eigene Lehre zur «Physis» und «Materie-Form» Problematik. — BZ, 56, 1963.*

⁷ О противоречивых оценках Пселла в современной науке см. *Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М., 1977, с. 3 и сл.*

чувств и содержащие интересный (еще очень мало использованный учеными!) исторический материал. Если бы Пселл вообще ничего не писал, кроме речей, его риторика обеспечила бы ему заметное место в византийской литературе.

Ученая и ораторская деятельность писателя не только в представлении Пселла, но и на деле теснейшим образом связана с его политической карьерой. Большинство ученых и философских трактатов писателя — своеобразные «императорские университеты», сочинения, написанные по заказу и предназначенные для обучения и воспитания царей, главным образом Михаила VII; почти все речи были составлены к торжественным случаям и произнесены во время дворцовых церемоний. Таким образом, идеал ученого, оратора и государственного мужа находит воплощение в образе самого писателя.

Если роль Пселла — ученого и философа вызывает весьма разноречивые оценки современных исследователей, то его политическая карьера подвергается обычно безусловному и строгому осуждению. Даже самые благорасположенные к Пселлу ученые считают своим долгом выразить сожаление, что столь выдающийся эрудит и ритор занялся деятельностью, для него не подходящей, и посвящал себя политике, от которой ему следовало бы держаться подальше и которая ему ничего, кроме дурной славы у потомков, не принесла. Мнение это так утвердилось в специальных и общих трудах по византийской истории, что уже давно принимается за аксиому и не подвергается никакому обсуждению. Попробуем разобраться в причинах и истоках его прочно утвердившейся дурной репутации.

Под понятием «дурной политик» обычно имеется в виду политик аморальный, не брезгующий для достижения своих, подчас корыстных целей никакими средствами, не имеющий твердых нравственных устоев. Примеров, подтверждающих нелестные оценки Пселла, сколько угодно. Не кто иной как Михаил Пселл должен был в 1058 г. выступить на процессе, который организовал против уже низложенного патриарха Михаила Кирулария император Исаак Комнин. Сохранилась запись этой так и не произнесенной речи, составленной с четкостью юридического документа, но по сути дела представляющей собой набор чудовищных измышлений и содержащей угрозы и даже шантаж в отношении возможных защитников патриарха. Михаил Кируларий умер, не дождавшись суда, а Пселл, видимо, не устоял перед искушением издать речь, которой заслужил себе славу одного из самых вероломных (ведь писатель — бывший друг патриарха) и не брезгующего никакими средствами царедворца. Такая слава подкреплялась еще и тем фактом, что при новом императоре, состоявшем в родстве с покойным патриархом, Пселл почтил память Михаила Кирулария торжественной эпитафией.

Другой пример не менее ярк. В 1071 г. потерпевший поражение от сельджуков император Роман IV Диоген был свергнут с трона, а потом вероломно схвачен и ослеплен. Одним из инициаторов этой зверской (правда, вполне обычной в византийской практике) экзекуции был Михаил Пселл, стремившийся обеспечить престол за Михаилом Дукой. Через несколько недель после расправы Пселл направил Роману «утешительное» послание, которое русский ученый П. Безобразов с полным основанием назвал «нахальным издевательством над умирающим императором». На самом деле все обстояло сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Предполагавшееся выступление Пселла на суде над Михаилом Кируларием не было простым актом предательства, а являлось закономерным результатом скрытой ненависти писателя к патриарху — человеку, политически, нравственно и интеллектуально ему противоположному. Да и в случае с Романом IV Пселл действовал из преданности дому Дук, будучи искренне убежден в том, что политика воинственного императора Диогена губительна для государства. Не станем, однако, подыскивать доводы в защиту Пселла. Политика в Византии вообще никогда не делалась «чистыми руками». Достаточно прочитать хотя бы «Хронографию», чтобы убедиться, какую цепь интриг, предательств, убийств представляет собой дворцовая история пселловского времени. В этом смысле наш писатель был не хуже любого другого деятеля Византии XI в. Правда (и тут мы касаемся одного из главных пунктов «обвинения»), Пселлу, как никому другому из его современников, удавалось в течение более 30 лет почти бесценно находиться при дворе и, несмотря на короткие периоды опалы, пользоваться непрерывными милостями восьми последовательно сменявшихся на престоле императоров.

Такая способность в условиях деспотии столь долгое время удержаться на поверхности вызывает закономерное и вполне оправданное подозрение у историков. Но и тут надо внести поправку в обычные представления о писателе. Современные ученые склонны слишком доверять декларациям самого Пселла, который весьма преувеличивал свое значение при дворе. Фактически же он никогда не играл первых ролей в византийской политике. Он выполнял обязанности первого императорского секретаря, ученого советника, главы философов, наставника наследника престола, т. е. преимущественно «ученые», а не политические функции. Пожалуй, наивысший политический взлет пережил Пселл при Исааке Комнине, когда был назначен проэдром синклита, но и тогда, по собственному его признанию, мог чего-нибудь добиться от царя только при посредстве Константина Лихуда. Нелишне напомнить, что в период деятельности Пселла императоры приближали к себе немало фаворитов, так называемых «первых министров», которые действительно обладали всей полнотой власти, — назовем Иоанна

Орфанотрофа, Константина Лихуда, евнуха логофета Иоанна, Льва Параспондила, Никифорицу, Иоанна Сидского. Эти люди (почти обо всех них рассказывается в «Хронографии»), попав на политическую арену, довольно скоро покидали ее, а Пселл, хотя и переживал «падения и взлеты», тем не менее оставался при дворе с небольшими перерывами в течение более трех десятилетий. И не только потому, что он оказывался самым «изворотливым», но и потому, что никогда не играл первых ролей в государственном управлении.

*

Осуждая беспринципные и безнравственные политические методы Пселла, современные ученые-историки никогда не отказывали писателю в определенной политической программе и мировоззрении. Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения. Внутриполитическую историю Византии XI в. обычно сводят к противоборству и борьбе за власть двух группировок знати: столичной чиновной бюрократии и провинциальных магнатов, или военной аристократии⁸. Место Пселла в такой политической ситуации, казалось бы, нетрудно определить и без детального анализа его взглядов: писатель по своему происхождению и положению в обществе — выразитель интересов столичной бюрократии. В иных трудах по византийской истории эту бюрократию без обиняков именуют даже «партией Пселла». И действительно, не раз Пселл высказывает мнения, которые вполне уместно было ожидать от высокопоставленного столичного чиновника и синклитика. Он весьма отрицательно, скажем, относится к активной внешней политике, резко осуждает походы против сельджуков Романа Диогена (последнего, напротив, очень хвалит Атталиат), считает слишком поспешными почти все мероприятия Исаака Комнина и т. д. Даже современники видели в Пселле представителя «гражданской партии» и возмущались тем, что в момент наивысшей военной опасности для империи писатель отвлекал Михаила VII от государственных забот всевозможными учеными занятиями и стихоплетством⁹.

К сожалению, однако, столь четкая и удобная для исследователя концепция политической истории XI в. перестает себя оправдывать, как только от общих оценок ученые начинают переходить к объяснению конкретных фактов и особенно мотивов действий исторических героев. Приведем только два примера. Исаак Комнин, пришедший к власти в результате бунта 1067 г., воцарившись на

⁸ Наиболее последовательно эта мысль проведена в двух авторитетных трудах по истории Византии: *Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963*; «История Византии», т. 2. М., 1967.

⁹ Такие упреки содержатся у Продолжателя Скилицы, их повторяет и заостряет Иоанн Зонара.

троне, стал проводить политику, отвечающую интересам столичной бюрократии, т. е. тех самых кругов, против которых был направлен мятеж полководцев¹⁰. Император Константин X Дука, крупный малоазийский феодал, бывший соратник Исаака Комнина, на престоле оказался типичным «гражданским» императором, вызвавшим многочисленные упреки за малоинициативную внешнюю политику. Еще более «гражданским» императором был его сын Михаил VII.

Если логику поведения царственных особ невозможно свести к защите интересов выдвинувшей их партии, то тем более нельзя этого сделать в отношении столь сложной и противоречивой натуры, как Михаил Пселл. Писатель и политик, которого современные исследователи провозгласили чуть ли не главой «партии» столичной бюрократии, на протяжении всей своей карьеры (если даже судить по одной только «Хронографии») выступает против всякого пренебрежения военными нуждами империи и против всякого ущемления интересов воинского сословия. Например, Романа III Пселл упрекает в том, что тот тратил деньги не на военные нужды, а на строительство роскошного храма. Напротив, Михаил IV заслуживает похвалы за то, что не только обеспечивал благоденствие городов внутри границ, но и отражал натиск соседних народов — иногда благодаря посольствам, иногда с помощью даров, а то и ежегодными военными экспедициями. Этот император сколачивал войско — опору Ромейской державы. То, что вознаграждение, предназначенное для воинов, и средства для войска передавались в правление Зои и Феодоры «льстецам», Пселл решительно осуждает. Основной заслугой Константина Мономаха он считает (хотя это и не очень справедливо) заботу о воинском сословии; когда же вместо опытного и доблестного воина Константин поставил во главе военной экспедиции приближенного евнуха, то это вызывает раздражение историка. Вообще всякое пренебрежение воинским сословием, предпочтение ему синклитиков и чиновной столичной бюрократии рассматривается Пселлом как серьезный политический промах, приводящий в конце концов к упадку и гибели государства. Все это — не отдельные, случайно оброненные замечания, а выражение твердой позиции, последовательно отстаиваемой в целом историческом произведении. Оценить эту позицию можно, лишь исходя из общей системы политических взглядов и представлений Михаила Пселла.

*

По мнению писателя, на время его жизни приходится глубокий упадок и «болезнь» византийского государства. Впервые недуг постиг империю при Константине Мономахе, однако тогда началь-

¹⁰ См. «История Византии», т. 2, с. 278.

ные приступы болезни еще не изменили «здорового и полного сил организма». Употребленная Пселлом метафора (сравнение государства с человеческим телом), хорошо известная еще с античных времен, получает развитие дальше, в повествовании об Исааке I Комнине. Там начало болезни «тела» государства относится, однако, не ко времени Константина Мономаха, а на 15 лет ранее, к трехлетнему периоду царствования Константина VIII (1025—1028). Именно этот царь начал «безобразить и вздувать тело государства. Одних подданных он раскормил деньгами, других — по горло набил чинами и сделал их жизнь нездоровой и пагубной» (Михаил VI, Исаак I Комнин, LIII). Пришедший в 1034 г. к власти Михаил IV Пафлагонец, хотя и уничтожил немало источников болезни, тем не менее «не отважился вовсе перестать пичкать едой тело, приученное поглощать пагубные соки и раздаваться от нездоровой пищи» (там же, LIV). Константин Мономах, таким образом, застал государство уже тяжело больным и сам «добавил к давно уже больному телу множество новых частей и членов, влил в его нутро еще более пагубные соки, лишил его естественного состояния, отвратил от благообразной и гражданской жизни, ожесточил и чуть не превратил в дикого зверя, а большинство подданных обратил в сторуких и многоглавых чудищ» (там же, LV). Болезнь государства превратила его подданных в «животных, столь разжиревших, что нельзя было уже обойтись без всякого рода очищающих средств» (там же, LVII). Эти средства пытался применить император Исаак Комнин, но делал это столь успешно и не вовремя, что цели никакой не добился.

Пселл в данном случае — скорее образно мыслящий художник, нежели логически рассуждающий историк или философ. Контуры его метафоры нечетки и размыты: начав говорить о жиреющем теле государства, Пселл незаметно переходит к болезненно разбухающим и тучнеющим подданным. Тем не менее основной смысл образного сравнения очевиден: Ромейское государство после смерти Василия II в 1025 г. теряет свою соразмерность, гармонию, порядок, уродуется губительной болезнью и становится «безобразным». Понятия «соразмерности», «гармонии», «порядка», общие и нерасчлененные, заимствованные из сферы эстетики и этики, переносятся здесь в область политики. В государстве, как и в человеческом теле, по Пселлу, все члены должны занимать положенное место и пребывать в отведенных им границах. Любопытно, что в поисках образца для идеального государственного устройства Пселл обращается даже к примеру... афинской демократии, где имелись гражданские списки как людей «лучших и благородных, так и безродных». На смену этому благоустроенному порядку приходит во времена Пселла неразбериха, когда благородство не играет никакой роли, синклит (т. е. высшее, занесенное в специальные списки чиновничество) погублен, гражданином становится

каждый желающий, а правителями — люди самого низкого происхождения. Гражданские чины в государстве расположены в определенном порядке и существуют строгие правила возведения в них, всякая попытка пренебречь этими правилами неминуемо ведет к хаосу и разложению. Так, резкое осуждение писателя вызывает Михаил V, не соблюдавший в государственном управлении никакой умеренности, «по своей прихоти все переставлявший и перетасовывавший» (Михаил V, XV), Михаил VI, безмерная щедрость которого привела к «самой настоящей неразберихе», и, наконец, Константин IX Мономах, который еще до прихода к власти представлял себе «будущие перемены и перетасовки без всякого смысла и порядка, а как только получил царство, сразу стал на деле осуществлять свои фантазии».

С презрением говорит Пселл — сам не бог весть какой аристократ — о людях, попавших во дворец, «прямо с уличных переулков», и, напротив, с чрезвычайной похвалой отзываясь о мятежнике Георгии Маниаке за то, что тот постепенно поднимался со ступени на ступень. Очень хорошо, по Пселлу, поступил и провозгласивший себя императором Исаак Комнин, который ввел сразу строгий порядок во все дела и раздавал чины с разбором: «тому, кто повыше, он давал чин побольше, тому, кто пониже, давал меньший». Особое достоинство Михаила IV Пселл видит в том, что тот не стал сразу менять установленных порядков и очень постепенно перемещал чиновников по ступеням иерархической лестницы.

Попечение о благоденствии государства, с точки зрения писателя, — первейшая забота царствующего императора. Сама царская власть — «род полезного служения подданным» и нуждается в душе, «постоянно бдящей о благом правлении». Непонимание этого царями приводит к трагическим последствиям. Злоупотребление властью, страсть к самодержавному правлению ведут к нарушению законов (любопытное противопоставление самодержавной власти и законов в условиях авторитарной монархической Византии!) и мешают «благому» правлению.

Однако самый большой порок византийских императоров, по Пселлу, — нежелание слушаться благомысленных советников и стремление решать все самим. Пренебрежение советниками писатель именуется «неизлечимой болезнью», «нелепой привычкой» царей.

Примечателен и образ «идеального царского советчика», которого фрагментарно, несколькими штрихами в разных частях «Хронографии» рисует Пселл. Такой советчик представляется писателю в образе не монаха-аскета, не сурового учителя добродетели, а политика-прагматика. Люди, мнящие, будто они сравнялись с ангелами, воображающие себя стоящими выше всех земных дел, не умеющие применяться к обстоятельствам и людям, не могут принести пользы царю и государству. Напротив, философ, не чураю-

щийся государственных дел (а таковым Пселл прежде всего видит самого себя!), — идеальная фигура на роль императорского советника.

В самих императорах, естественно, кроме тех, в царствование которых писалась «Хронография», Пселл усматривает больше недостатков, чем достоинств. Ничего необычного для византийской историографии в этом нет: культ и обожествление царской власти в целом сочетаются в произведениях историков с самой уничтожающей критикой по адресу отдельных представителей царствующего дома¹¹. Однако склонный к обобщениям и проведший всю свою сознательную жизнь в непосредственной близости от царей, Пселл идет значительно дальше своих предшественников. По его мнению, изъяны характера и пороки — неотъемлемое свойство чуть ли не любой царственной персоны. Даже древние «образцовые», прославленные многочисленными панегиристами императоры имели пороков много больше, чем добродетелей. Что же можно сказать о новых царях, из которых никто до конца своих дней не сумел сохранить добрых душевных свойств? Причина заключается в тех ударах судьбы и неблагоприятных обстоятельствах, которые преследуют императора на всем его жизненном пути и изменяют к худшему его нрав.

Тем не менее — и тут Пселл опять-таки остается в рамках традиционных византийских политических представлений — никакой бунт, даже против самого дурного самодержца, не имеет оправданий, ибо он нарушает божественный порядок и столь необходимое для существования государства «равновесие».

Такова в самых общих чертах «политическая доктрина» Пселла, которую он с удивительной последовательностью для столь неподобающего писателя проводит в «Хронографии». В этой доктрине очень мало оригинального, почти любое ее положение мы можем встретить в сочинениях современников писателя: Михаила Атталиата, Иоанна Скилицы, Продолжателя Скилицы, Кекавмена. Названные историки расценивают свою эпоху как период упадка, все они признают необходимость «гармонии» государства, что подразумевает также равновесие между гражданским и военным словом, говорят о «добродетельном» государе, радеющем о благе подданных, как о главном залоге благополучия империи и единодушно осуждают мятеж, если его даже поднимают против «дурного» царя. Конечно, на общем фоне византийских политических представлений XI в. при специальном исследовании обнаруживаются многочисленные различия и нюансы, в которых, собственно, и проявляется своеобразие позиции отдельных авторов¹². Немало

¹¹ См. об этом: *Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Nicetas Coniates*, München, 1971.

¹² Политические позиции историков XI в. сравнил Г. Г. Литаврин. См. *Советы и рассказы Кекавмена*. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 61 сл.

таких специфических черт и во взглядах Пселла. Но сейчас речь о другом. Вряд ли к этому писателю и историку вообще можно применять мерки, годные для его современников.

Прежде всего, политическая доктрина Пселла отличается определенностью, продуманностью и законченностью. Если взгляды других историков выражаются чаще всего косвенно, в связи с конкретными суждениями и оценками описываемых исторических событий, то у Пселла они часто сформулированы четко, в общей форме, до конца и с той последовательностью, которая может быть доступна только высоко развитому интеллекту. Во-вторых, политическая доктрина Пселла в несравненно меньшей степени, нежели у его современников, «сословно ограничена». Если позиции Атталиата, Кекавмена, Скилицы и его Продолжателя в ряде случаев совершенно очевидно определяются их происхождением, общественным положением, карьерой и т. п., то зависимость от этих факторов взглядов Пселла гораздо более сложная и опосредованная. Как ни один из современников, Пселл обладает тем развитым интеллектом, который говоря словами А. Блока, позволяет человеку выходить за рамки непосредственной групповой принадлежности и заставляет его чувствовать не только свою собственную, но и чужую боль. Иными словами, взгляд Пселла обусловлен не столько его положением синклитика и высокопоставленного столичного чиновника, сколько высоким интеллектом, позволяющим видеть мир не с ограниченной позиции, а под разными углами зрения. Если говорить о «сословной ограниченности» Пселла, то это, можно сказать, «сословная ограниченность» интеллектуала, свято убежденного в том, что мудрый философский ум способен направить на правильную стезю даже самого непутевого императора. Политический идеал Пселла — своеобразное «ограниченное самодержавие», при котором власть византийского автократора-самодержца умеряется и направляется на благо подданных его непременным советчиком-философом. Таким образом, традиционная византийская «императорская идея» (*Kaiseridee*), т. е. представление о божественности и изначальной справедливости царской власти, у интеллектуала Пселла, несомненно знакомого с платоновским государством философов, трансформируется в представление о гармоническом государстве, равновесие и «порядок» в котором поддерживаются царем, непременно и постоянно направляемым благомысленными советчиками-философами.

*

Огромное литературное наследство писателя, включающее большое эпистолографическое собрание, дает современным ученым весьма редкую — применительно к той эпохе — возможность не только оценить Пселла — государственного мужа, придворного

оратора и ученого, но и охарактеризовать его поведение в частных и даже интимных жизненных сферах. Такая характеристика не только, как принято говорить, «добавляет штрихи к портрету», без нее вообще немислимо создание образа писателя — ведь в конечном счете именно жизненная позиция — основа мировоззрения и мироощущения человека. Приведем несколько эпизодов и ситуаций из разных периодов жизни писателя, которые, хотя и не создадут цельной картины, образуют определенный реальный фон для тщательно выписанного «автопортрета» Пселла, о котором мы говорили выше.

Первый эпизод относится к годам ранней юности. Пселл сообщает своему учителю (скорее всего — Иоанну Мавроподу), что присутствовал на какой-то пышной свадьбе. Однако брачные песни не радовали юношу, и он молил господу скорее прекратить празднество. Как только свадьба кончилась, он поспешил к своим обычным занятиям и пожелал насладиться уроками учителя — адресата письма. Однако бес, который, как известно, во все века с особым удовольствием искушает школяров, на этот раз попутал Пселла, и он, «отказавшись от наслаждения милой и сладостной риторикой», отправился к одному из храмов, где в это время проходило празднество (Курц—Дрексль, II, № 13). Молодой Пселл не только с радостью предается удовольствиям, пренебрегая занятиями, но еще и кокетливо сообщает об этом своему учителю.

Проходит несколько десятилетий, и уже совсем не молодой и к тому же еще принявший монашество Пселл хочет посетить свадьбу своего бывшего ученика, а теперь — влиятельного вельможи Константина Кирулария. Правда, монашеские одежды не очень-то подходят к брачным и застольным песням, и его появление может вызвать ропот окружающих. Однако Пселлу очень хочется побывать на свадьбе, и он пытается найти удобную лазейку и успокоить как возможное недовольство окружающих, так и собственное чувство долга, впрочем, не очень сильное. В конце концов философ даже предлагает Константину насильно задержать его, когда он ненадолго заглянет на торжество (Сафа, V, с. 321). Как видно, прошедшие несколько десятилетий существенно не изменили нрава Пселла.

Из многих писем можно заключить, что в домах философа и его друзей и бывших учеников велись не только беседы об ученых материях. Друзья развлекались, веселились и даже разыгрывали комические сценки, в которых пародировали известных граждан. В доме самого Пселла нередко принимался бродячий монах Илья, всегда готовый оказать мелкие услуги хозяину и позабавить веселой, не всегда приличной историей его гостей или разыграть забавную сценку.

Пселл полагал, что у кормила государственного корабля должен находиться не «сравнявшийся с ангелами» муж, а человек

практической сметки, не брезгующий мирскими делами. Эту практическую сметку философ и теолог Пселл проявляет не только в отношении дел государственных, но и своих собственных. Как упоминалось, уже в царствование Константина Мономаха Пселл стал весьма состоятельным человеком, харистикарием ряда монастырей в Константинополе и провинции. Процветание этих монастырей, приносивших ему, видимо, немалый доход, весьма заботило писателя, который в ряде писем просил своих адресатов, главным образом провинциальных судей, о всяческом содействии. В одном случае Пселл проявляет даже определенные хозяйственные познания и практическую оборотистость, подробно рассказывая в письме, какие усовершенствования он собирается ввести в монастырском хозяйстве одной бедной обители, чтобы оно начало приносить доход.

Человек, умеющий ценить радости жизни, обладающий сметливым практическим умом, Пселл в то же время не был лишен сочувственности и сочувствия к людям. Если писатель никогда не играл первых ролей в придворной иерархии, то всегда оставался влиятельным человеком при дворе. Его содействия постоянно искали, заступничества и протекции добывались. «Меня, как тебе известно, очень многие люди одолевают просьбами, не знаю уж, потому ли, что я люблю многих, или потому, что меня любят многие», — замечает он в одном из своих посланий (Курц — Дрексль, II, с. 153). О том, что шуточные слова писателя соответствуют истине, можно судить по составу его эпистографических сборников, где большую часть писем занимают бесконечные ходатайства за родственников, друзей, бывших учеников, знакомых, а то и вообще малознакомых друзей, «друзей его друзей». Примечательно, что Пселл при этом очень редко ссыался на какие-то особые достоинства своих протеже, почти не апеллирует даже к христианскому милосердию адресатов, но приводит обычно простые «человеческие мотивы»: объект его просьб беден, болен, пережил большое горе, нуждается в помощи. Для тона и стиля этих писем характерна, например, очень «человеческая» просьба, отправленная к судье Македонии Хасану: у какого-то нотариуса заболела жена. Пусть Хасан отмерит дни на дорогу, даст три-четыре дня на пребывание дома и отпустит нотариуса к жене; если жена умерла, нотариус ее оплачет, если жива, — обрадует (Сафа, V, № 39).

Интересно, что готовность помочь другу или простое человеческое сострадание ставится Пселлом выше скрупулезного исполнения законов, закрыть глаза на которые он побуждает в одном из писем своего корреспондента (Курц — Дрексль, II, № 252).

Такого рода предложение характерно для Пселла, нравственные идеи которого очень далеки (обстоятельство, весьма необычное для средневекового человека!) от всякого ригоризма. В центре нравственных представлений писателя находится человек, а не

абстрактные требования морали, извне ему предписанные. Отсюда и та огромная роль, которая отводится Пселлом обстоятельствам, ситуации в мотивировке и оправдании человеческих поступков и действий.

Характерен в этом отношении эпизод, имевший место в период почетной ссылки Иоанна Мавропода в Евхаиту. Мавропод засыпает Пселла письмами, умоляя заступиться перед императором и помочь ему вернуться в столицу. Он даже самолично собирается явиться в Константинополь, чтобы обратиться с просьбой к Константину Мономаху. В связи с этим Пселл дает советы своему бывшему учителю: пусть Иоанн, войдя к императору, не хмурит брови, не упоминает ни о наветах на него, ни о своих страданиях, ни о желании бежать из Евхаиты. Мавроподу надо сменить муз на харит, т. е. проявить приятность нрава. Опытный царедворец, как режиссер, подготавливает будущую сцену (используем выражение самого Пселла). Он опасается, как бы Мавропод не явился «без маски» и не испортил бы всего «лицедейства». Впрочем, и это не страшно: Пселл у самого порога примет Иоанна и приспособит его к «драме». Контраст между двумя людьми, близкими друзьями (поклонником уединенных занятий, прямым и нечестолюбивым Мавроподом и изворотливым придворным Пселлом) здесь очевиден.

В связи с этим и многочисленными другими эпизодами можно вслед за другими биографами писателя наградить его обидными эпитетами, обличающими его сервильизм и «оппортунизм». Вряд ли, однако, это способствовало бы уяснению нравственной сути личности писателя. Как в политических представлениях, так и в нравственных устоях Пселла проявляются удивительная (позволим сказать: не средневековая!) широта и гибкость, которые являются признаком высокоразвитого интеллекта, строго не связывающего себя определенной доктриной. Эта интеллектуальная и нравственная всеядность имеет, как известно, две стороны, в ней сила и слабость писателя. «Ценнейшее качество интеллекта, — пишет современный исследователь проблем интеллигенции, — смотреть на вещи под разными углами зрения, умение встать на чужую точку зрения — легко превращается в собственную противоположность, в беспринципный эклектизм»¹³.

Эти слова вполне можно применить к интеллектуалу XI в. Михану Пселлу. Добавим, что с той же легкостью, с какой интеллектуальная всеядность переходит в эклектизм, нравственная гибкость превращается в беспринципность. То, что мы условно именуем «силой» и «слабостью», — на самом деле неразрывные свойства одной природы, которую нельзя разделить на части, не уничтожив ее самой.

¹³ Кон И. Размышления об американской интеллигенции. — «Новый мир», 1968, № 1, с. 191.

В заключение еще два замечания. Пселл достаточно ясно осознавал (и это опять-таки признак высокообразованного интеллекта, способного к познанию самого себя) своеобразие своей интеллектуально-нравственной позиции и ее противоречие с догматической идеологией¹⁴.

Пселл не желал, чтобы его личность (вновь претензии интеллектуала!) измеряли стандартными мерками. «Мне не нужно, чтобы меня мерили чужие руки, я сам для себя и мерило, и норма», — пишет он в одном из писем.

*

В представлении современников и ближайших потомков Пселл был прежде всего философом и ритором. О его философских трактатах мы здесь говорить не станем — это специальная проблема, которая требует отдельного рассмотрения. Риторические же произведения охарактеризовать необходимо, потому что, как будет видно из дальнейшего, риторика оказала огромное влияние на все историографическое творчество писателя.

Один из немногих исследователей византийской риторики — итальянский ученый Л. Превиале — без обиняков назвал речи Пселла «посредственными, пустыми, лживыми и явно недостойными пера автора „Хронографии“». Пселл в данном случае разделил судьбу почти всех прочих византийских риторов: вряд ли какой-нибудь другой жанр в истории литературы вызывал столько сарказма и иронии, сколько их обрушилось на византийское красноречие со стороны последующих исследователей. Само слово «риторика» давно и, по-видимому, надолго приобрело второе, «техническое» и уже зафиксированное словарями значение бессодержательной, пустой болтовни. Система эстетических ценностей современной литературы прямо противоположна категориям византийской риторики, и ныне почти невозможно представить себе человека, испытывающего положительные эстетические эмоции от чтения памятников среднегреческой ораторской прозы.

Вместе с тем в последнее десятилетие, возможно, как реакция на долгое «неприятие», наметился иной подход в оценке византийского красноречия. «Как могло случиться, — задается вопросом известный австрийский византинист Хунгер, — что такой интеллектуальный народ, как средневековые греки, обладавшие ярко выраженными эстетическими критериями, в течение целого тысячелетия давали себя водить за нос мастерам пустозвонства и профессиональным риторам?» Некоторые ученые, отводя вину от византийцев, справедливо отмечают, что все основные свойства риторики, столь раздражающие современного читателя, не были изобретением средневековых греков, а заимствовались ими у дея-

¹⁴ См. об этом: Любарский Я. Н. Михаил Пселл. . . , с. 124.

телей второй софистики. В недавнее время одним из исследователей была высказана даже мысль, что «пустая и словообильная» риторика была средством удовлетворения потребностей византийской цивилизации и отражала стиль жизни и мышления византийцев. Трудно безоговорочно принять в такой общей форме столь абстрактные утверждения. Ясно только, что широчайшее распространение и многовековую историю жанра красноречия нельзя себе представлять в виде праздных упражнений «мастеров пустозвонства», никак не обусловленных потребностями общественного и литературного развития. Одним из первых заслуживает серьезного подхода творчество Михаила Пселла.

Когда в середине XI в. Пселл обратился к красноречию, история этого жанра насчитывала полторы тысячи лет. Успело пройти семь веков с тех пор, как воспринятая у язычества риторика получила право гражданства в христианской культуре. Христианские риторы IV в. не только заимствовали у своих античных учителей формальные правила построения речей, но сохранили в какой-то мере их светское содержание и привнесли в риторику свойственные раннехристианской литературе теплоту чувств и искренность тона. Начавшийся с VII в. упадок культуры вместе с отступлением других светских или близких к ним жанров привел к почти полному исчезновению нецерковной риторики. Красноречие в те годы низведено было на роль «второй служанки» богословия, в то время как эпидейктические речи (энкомии, эпитафии и прочие сочинения «по случаю»), хотя и произносились, но не издавались и, таким образом, не становились явлениями литературного ряда. Обычное чтение грамотных византийцев той эпохи — не опирающиеся на античную традицию и изощренные эпидейктические речи, а благочестивые агиографические сочинения.

«Фотиевский ренессанс» (вторая половина IX в.) немедленно оживляет светское красноречие. Уже кесарийский епископ Арефа, одно время официальный оратор императорского двора, произносит и издает несколько целиком построенных на античных реминисценциях речей, стиль которых отличается типично византийской цветистостью, а форма выдержана в лучших школьных традициях. Примерно в те же годы появляется большой и тоже изощренный по форме панегирик — эпитафия Василию I, написанная его сыном Львом VI, несколько позже — монодия малолетней Берте, сочиненная неизвестным ритором от имени ее супруга Романа II. Засохшее было древо красноречия не только само начинает давать новые побеги — со свойственной ей агрессивностью риторика вновь проникает в издавна смежные с ней жанры эпистолографии и историографии и «разъедает» их изнутри, оказывает большое влияние даже на прежде далекую от нее агиографию. Начавшийся подъем и секуляризация византийской литературы X в. находят свое выражение прежде всего в возрождении и широкой экспансии эпи-

дейктического красноречия. На гребне этой волны и появляются уже в середине XI в. многочисленные ораторские сочинения Михаила Пселла. Пселл не стоял у истоков этого литературного подъема, но его риторическое наследие по количеству произведений и страниц намного превышающее все созданное до него в X—первой половине XI в., — само по себе целая эпоха в истории византийского красноречия.

До наших дней дошло около восьмидесяти речей писателя. Сколько их было произнесено или написано на самом деле, неизвестно. Можно думать, что во много раз больше. Прежде всего Пселл был учителем риторики и в этом качестве составлял речи для демонстрации своего искусства ученикам, нередко выбирая нарочито ничтожные предметы для восхвалений («Похвала блохе», «Похвала вши» и др.). Образцом тут могло служить, конечно, известное лукиановское сочинение «Похвала мухе». В целом произведения, вышедшие из круга школьного преподавания, составляют 17 процентов всех сохранившихся риторических сочинений писателя.

Деятельный и беспокойный Пселл постоянно оказывался в центре пересечения интересов различных общественных группировок, защищал себя и друзей от нападков, обвинял сам. Свидетельство деятельности такого рода — десять сохранившихся апологий, защитительных и обвинительных речей, 13 процентов всей риторической продукции.

Приближенный философ и доверенный секретарь императоров, Пселл составил от их имени четыре селентия (речи, произносимые царем ежегодно в понедельник первой недели поста).

Остальные речи в подавляющем большинстве относятся к так называемому эпидейктическому красноречию, единственному из трех видов древней риторики, которому была уготована большая судьба в византийской словесности и который ближе других подходит к современному понятию художественной литературы. Среди относящихся к эпидейктическому жанру речей 18 надгробных (эпитафий и монодий), 22 похвальные (энкомии и «обращения») и две так называемые прощальные (произносились от имени граждан в честь императоров, отправляющихся в военные походы).

Большинство из этих речей составлялись по долгу придворного оратора, произносились на торжественных дворцовых или церковных церемониях и обращены были к здравствующим или покойным императорам и патриархам. Однако часть их создавалась в честь друзей и близких и зачитывалась, видимо, в кругу родственников и личных знакомых. Всего к эпидейктическому жанру относится 65 процентов речей писателя.

На этом фоне число образцов духовного красноречия, гомилий, кажется совсем ничтожно: их всего четыре, чуть более пяти процентов. Любопытно сравнить: к области церковной риторики у со-

временника Пселла Мавропода 75, у относительно недалекого его предшественника Арефы — 65 процентов риторических произведений. Светский характер красноречия Пселла получает, так сказать, «цифровое выражение».

Почти все рассуждения о произведениях средневековых ораторов обычно начинаются с анализа их композиции. Ученые сопоставляют последовательность частей в речи того или иного писателя с хорошо зафиксированной еще в античности схемой и с удовлетворением констатируют их совпадение (значит — автор хорошо образован и строго следует традиции) или с сожалением отмечают отклонения. Такой метод прост, нагляден, дает очень конкретные результаты и вместе с тем вряд ли может что-либо прибавить к нашим представлениям о византийском красноречии.

Сам учитель риторики, Пселл отлично владеет всеми схемами, и в его небольших торжественных речах они ощущаются уже при простом чтении. Соблюдаются они и в главных сочинениях писателя, хотя их структура иногда бывает затемнена большими отступлениями и экскурсами.

Панегирические речи Пселла начинаются обычно с введения, где писатель сообщает о своих намерениях, чувствах и иногда обстоятельствах, при которых состоится декламация. Потом следуют сообщения о роде героя (в строгом порядке — о родине, предках и о родителях), затем говорится о его рождении, воспитании и обучении (последнее часто подразделяется на обучение красноречию и юриспруденции). Сообщив обо всем этом, Пселл переходит к основной и самой значительной части — «деяниям», где повествует о славных делах, поступках и изречениях своего героя, и заканчивает сочинение эпилогом, содержащим или прямое обращение к хвалимому лицу, или утешительное слово к его родственникам. Такая схема была установлена еще позднеантичными теоретиками, и сам писатель неоднократно признает необходимость ей следовать, хотя однажды (весьма любопытный факт!) объясняет ее уступкой вкусу публики. Иногда структурные элементы в речах переставляются или опускаются вовсе. Впрочем, это обстоятельство не должно давать пищи для каких-либо обобщений: почти любая система для своего упрочения охотно допускает небольшие отступления от собственных канонов, и уже теоретики античной риторики не только мирились с небольшими нарушениями правил, но и заранее их предполагали. Наличие более или менее жесткой композиционной (и не только композиционной) схемы следует воспринимать как некую данность, хотя и не нейтральную, но и никак целиком не определяющую художественной структуры речей.

Речи Пселла весьма различны по объему. Если самая маленькая не занимает и двух страниц, то самая большая располагается на восьмидесяти трех страницах современного издания. Такие

речи-гиганты ни при устном произнесении, ни при чтении не могли восприниматься как единое художественное целое. На такое восприятие они, собственно, и не были рассчитаны. Пселл, который основное достоинство архитектурного ансамбля или человеческого тела видит в гармонии и соразмерности частей, решительно отказывается применять эти же критерии к литературному произведению. Еще более усугубляя позицию позднеантичных писателей и риториков, Пселл, кажется, делает все, чтобы нарушить единство и цельность своих произведений, требование которых содержалось еще в «Поэтике» Аристотеля. Прежде всего, в речах Пселла, в полном согласии с требованием риторической «пестроты», царит стилистический разноречивый: спокойные историко-повествовательные рассказы сменяются экспрессивно-напряженными прославлениями или плачами.

В величине отдельных частей нет и подобия исомерии. Отдельные структурные элементы занимают от одной строчки до десятков страниц, ткань произведения разрывают огромные отступления и экскурсы. Если применить предложенное Платоном сравнение литературного произведения с человеческим телом, то некоторые речи Пселла можно было бы уподобить уродцам с огромными головами на тоненьких шейках и длинными телами на коротеньких ножках.

Однако наиболее разительным примером «несообразности» пселловских речей являются их жанрово-смысловые противоречия. Два весьма выпяченных энкомия, например, писатель считает возможным завершить просьбами о подачках, обращенными к императорам. Похвальное слово Мавроподу Пселл заканчивает длинным увещанием (так оно и именуется в тексте) не покидать митрополичьей кафедры и не уходить в монастырь, не имеющими, конечно, никакого отношения ни к содержанию, ни к жанру произведения. К «Похвальному слову матери» буквально приставлена речь, смыслом которой является неприятие писателем аскетических идеалов — идеалов, только что прославленных им в основной части произведения. И наконец, за восторженной эпитафией Иоанну Ксифилину следует страстное обличение его философии. Итак, речи Пселла, даже при соблюдении необходимого формального «порядка» никак не могут быть названы внутренне организованными, уравновешенными и композиционно цельными произведениями.

Присмотримся пристальней к некоторым из наиболее известных, больших и интересных ораторских сочинений Пселла. Начнем с энкомия выдающемуся государственному деятелю и личному другу Пселла Константину Лихуду (Сафа, IV, с. 388 сл.). Эта речь — самый «стандартный» из всех панегириков, структура которых почти идеально соответствует школьной схеме. После введения, сообщений о роде и воспитании следует, как и положено, центральный раздел — рассказ о деяниях. Повествуя о них, писатель фактически обращается к простейшему методу историко-

биографического описания, перебиваемого прямыми характеристиками. Последние регулярно появляются, как только герой достигает какой-то новой стабильной жизненной ситуации (в данном случае становится временщиком Мономаха, а затем патриархом). Исходя из традиционного разделения энкомия на «хронологическую» и «эйдологическую» (т. е. описывающую добродетели) части, можно подсчитать, что первая занимает примерно 35, а последняя — 65 процентов текста.

В этот расчет, однако, не входит еще один элемент энкомия, придающий произведению особый колорит, — автобиографические и мемуарного характера вставки. Вообще, авторская личность ощущимо присутствует в этом сочинении, то скрываясь за частоколом стандартных пышных восхвалений, то выступая в качестве наблюдателя, участника или комментатора событий. Уже на первых страницах энкомия, на месте, зарезервированном для описания красноречия героя, Пселл повествует о победоносных словесных схватках Лихуда с «двумя Иоаннами» (Ксифилином и Мавроподом), которые он, тогда еще очень молодой человек, сам наблюдал (с. 393. 11 сл.). С появлением образа автора немедленно начинают звучать и лирические нотки: оба Иоанна — друзья писателя, и он с грустью вспоминает, что еще не выполнил свой долг по отношению к одному из них (Мавроподу) и не почтил его похвальным словом (с. 394. 1 сл.). В середине энкомия Пселл считает нужным извиниться за частое обращение к собственной персоне (с. 406. 30 сл.). Такие извинения, в массе встречающиеся как в речах, так и в «Хронографии», для Пселла — своего рода литературный прием: писатель ощущает некоторое неудобство, тем не менее не видит ни нужды, ни возможности устранять из повествования собственную личность. Роль, отведенная Пселлом в энкомии самому себе, явно непропорционально велика, и если в некоторых случаях писатель действительно не может умолчать о своем участии в событиях, то в большинстве эпизодов его присутствие в повествовании отнюдь не обязательно. Не объективная необходимость, а утрированное авторское самосознание заставляет Пселла постоянно перебивать повествование исторического типа мемуарными вкраплениями.

Итак, три стихии, постоянно соревнуясь между собой и никак не отменяя традиционной схемы, составляют художественную ткань этого произведения: историко-биографическое повествование, эйдологическая характеристика и мемуарные элементы.

Энкомий Лихуду — наиболее «уравновешенный» и внутренне организованный из больших риторических сочинений Пселла. В нем не только соблюдены элементы традиционной риторической схемы, но и находится в определенном равновесии историческая биография, эйдология и личный момент. Однако в ряде случаев такое равновесие нарушается, и речи в зависимости от преобла-

дания того или иного типа повествования приобретают индивидуальный облик.

Так случилось, например, в надгробной речи патриарху и бывшему другу Пселла Иоанну Ксифилину (с. 421 сл.). Если в энкомии Лихуду только присутствовали более или менее значительные и не всегда оправданные вкрапления мемуарного типа, то в похвальном слове Ксифилину субъективная стихия буквально затопляет собой все произведение. В сущности, в этом энкомии два почти равноправных героя: Ксифилин и сам Пселл. Первый из них ведущий, второй — постоянно ему сопутствующий. Даже если территориально они не находятся рядом, любая акция Ксифилина подается в оценке и восприятии (естественно, стилизованном) «тогдашнего» Пселла.

Субъективная стихия настолько доминирует в речи, что автор не считает нужным считаться даже с элементарной логической связью. «Оценив» Ксифилина-патриарха, Пселл, свободно следуя движению своей мысли, неожиданно переходит к новой характеристике героя, на этот раз уже не связывая ее с каким-либо положением в жизни персонажа. Сочленение этой части с остальным энкомием весьма свободно и необязательно: видя, что эпитафия выливается в большое сочинение, писатель спохватывается, что не успел воздать герою хвалу за его «внешнюю» (т. е. светскую, античную) и «нашу» (т. е. христианскую) мудрость, и хочет, «как бы положив новое начало» наверстать упущенное (с. 453. 10 сл.). Последний раздел непосредственно переходит в вызвавшее столько недоумений «обвинение». Вряд ли следует искать вслед за итальянским ученым Р. Анастаси объяснение этому разделу в простой контаминации текстов. Пселл допускает «вольность» и считает ее для себя вполне дозволенной (подобные «броски» возможны в «Хронографии», но там Пселл не связан жесткими схемами!).

Не менее знаменателен в этом отношении и энкомий Иоанну Евхайтскому (Сафа, V, с. 142 сл.). Мавропод — самый интимный друг Пселла, и естественно, что в обращенном к нему похвальном слове также доминирует субъективное начало. Вольные ассоциативные переходы, многочисленные отступления иногда даже затемняют здесь традиционную схему. Так, например, раздел, где говорится об образовании героя, Пселл заканчивает предложением рассказать и о других (помимо учености) добродетелях Мавропода (с. 153. 15 сл.) Рассказ же об этих «других» добродетелях как бы тянет за собой повествование о новых доблестях, а их изложение позволяет в свою очередь автору вновь попасть в хронологическую канву: заметив достоинства Иоанна, Мономах назначает его на евхайтскую кафедру (с. 154. 29). Эйдологические характеристики в данном случае как бы заменяют развитие действия (прием, знакомый Плутарху и постоянно используемый самим Пселлом в «Хронографии»). Назначение же на пост митрополита позволяет

писателю вновь обратиться к перечислению добродетелей своего учителя уже в функции духовного пастыря. Ассоциативность и «смазанность» переходов от одной структурной части к другой создает определенную непринужденность повествования в некоторых частях речи.

Как и эпитафия Ксифилу, энкомий заканчивается жанрово чуждым ему разделом — «увещеванием». Субъективный характер всего сочинения и здесь позволяет Пселлу допустить столь значительную композиционную вольность.

Еще более произвольным (опять-таки при соблюдении обязательной схемы) оказывается построение энкомия матери (Сафа, V, с. 3 сл.). Как и в других упомянутых нами сочинениях, историко-биографические разделы закономерно завершаются здесь эйдологическими характеристиками. Однако судьба Феодоты настолько тесно связывается с жизнью всей семьи и самого Пселла, что писатель не удерживается и в любую (как историческую, так и эйдологическую) часть по ассоциативной связи вставляет экскурсы, по размеру иногда превосходящие те структурные элементы, к которым они прилеплены.

Писатель не раз, как и положено, извиняется за необходимость отвлекаться от основной темы, но в целом благодаря этим отвлечениям энкомий матери оказывается на грани семейной хроники мемуарного типа.

Структура всей этой речи весьма неоднородна. Начало выдержано в рамках трафаретной риторической теории, в ряде разделов ощущается влияние житийного стандарта. Причина этого явления легко объяснима: образ матери (как и сестры писателя в том же произведении) стилизован под святую агиографии и потому «притягивает» к себе трафареты житийного жанра.

И наконец, уже знакомая неожиданность в финале. Речь заканчивается рассуждениями об аскетической жизни, прямо противоположными предыдущему содержанию энкомия! Вновь Пселл, следуя причудливому ходу своей мысли, считает возможным пренебречь не только стилистическим и композиционным единством, но и смысловой согласованностью разделов речи.

Начав разбор композиции речей с относительно уравновешенного энкомия Лихуду, мы перешли к произведениям с ярко выраженным авторским, личностным началом. Еще дальше от «центра» находятся речи, в которых историко-биографический элемент и в значительной мере эйдологические характеристики, если не подавлены вовсе, то очень приглушены лирически-мемуарной стихией.

Образец речей такого рода — эпитафия Никите, учителю школы св. Петра (Сафа, V, с. 87 сл.). Писатель и здесь сохраняет большинство разделов традиционной схемы, но почти каждый из них превращает в лирические воспоминания о герое. Сведений о проис-

хождении, предках и родителях Никиты почти нет, зато рассказ об образовании героя весьма детален — по той, конечно, причине, что автор обучался с Никитой в одной школе и может подробно поведать о нем и заодно о себе, основываясь на личных воспоминаниях. Раздел «деяния» посвящен главным образом учительской деятельности Никиты, но, поскольку он и в данном случае был коллегой Пселла, энкомий вновь превращается в серию лирических воспоминаний.

Если в эпитафии Никите номинально сохранен хронологический принцип изложения, то в энкомии внуку (Курц — Дрексль, I, с. 77 сл.) историко-биографической канвы нет вовсе, да и быть не может (внук умер в возрасте четырех месяцев!), и вся речь выливается в лирический монолог, уже не сохраняющий основных жанровых признаков энкомия или монодии.

Это обстоятельство подметил немецкий византист Г.-Г. Бек, писавший об энкомии внуку следующее: «Сочинение это могло бы с тем же успехом быть написано в форме лирического стихотворения, его одухотворяют удивительная нежность и искренность, любовь и отчаяние, гордость и печаль, а к тому же и немалая доля пселловской иронии».

От энкомия Лихуду можно было бы «двигаться» и в противоположную сторону, приводя примеры совершенно иного характера. В эпитафии Кируларию, например, десятки страниц заняты изложением событий исторического типа, мало чем отличающимся от стиля повествования исторических хроник. Своеобразный парадокс: в то время как пселловская «Хронография» испытывала сильнейшее влияние риторики, некоторые части его речей по стилю приближались к историографии.

Сохранившиеся эпидейктические речи Пселла в структурном отношении представляют собой весьма пестрое зрелище. В специфике их композиции соединились, казалось бы, несоединимые принципы: давно затвердевшая схема и субъективная, доходящая до произвола авторская воля.

Структура эпидейктической речи, зафиксированная позднеантичными теоретиками, не только предусматривала порядок расположения материала, но и предписывала, о чем и даже что именно ритор должен сказать в произведении. В этом отношении порядок частей был не столько композиционной схемой, сколько настоящей программой любой речи. На долю образованного оратора оставалось только заполнить материалом уже подготовленные пустые ячейки. Композиция энкомиастической речи и образ ее главного героя очень тесно между собой связаны: элементы того и другого по сути дела оказывались тождественными понятиями.

В таких условиях любая энкомиастическая речь становилась своего рода «каталогом» добродетелей героя. Так, Константин Мономах из посвященного ему энкомия (Сафа, V, с. 106 сл.) (при-

мер произволен — почти каждое произведение этого типа репрезентативно для десятков ему подобных) обладает быстрым, как молния, умом, величию природы, сверкающей красотой, «превозмошел» философию, юриспруденцию, красноречие, он великий полководец, как никто другой, предан богу, а на подданных излил дождь благодетей. В серьезных делах он проявляет серьезность, а в общении с друзьями — прелесть. Каждая черта (скорее «доблесть» или «добродетель») героя существует отдельно и никак не сопряжена с соседней. По образному выражению Д. С. Лихачева, персонаж одет как бы в кольчугу из добродетелей¹⁵. Сквозь эту кольчугу почти невозможно добраться до живого тела, она лишь очень приблизительно подогнана к фигуре персонажа.

Такой образ не представляет собой организованной замкнутой структуры, а остается «открытым», поскольку к нему произвольно можно добавлять бесконечное число доблестей, никак не преобразуя образ и очень мало влияя на него в целом.

Каждая взятая сама по себе доблесть не несет в себе ничего специфического и индивидуального, она безлична и почти всегда хорошо подходит к любому аналогичному герою аналогичного произведения. Автор озабочен не индивидуализацией, а максимальной гиперболизацией черт прославляемого лица. Любая из этих доблестей имеет эталон, до которого она дотягивается и который часто должна превзойти (у каждой добродетели свой образец!). В упомянутом уже небольшом энкомии Мономаху царь сравнивается с солнцем, олимпийским победителем, Евклидом, целым сонмом античных ораторов и поэтов, библейским Самуилом, пророком Ильей и т. д.

Само собой разумеется, что этот конгломерат черт, который с большим трудом можно назвать образом в современном смысле слова, абсолютно статичен и неизменен. Как дети на картинах средневековых мастеров изображались маленькими взрослыми, так и герои энкомия, едва родившись, уже сияют всеми добродетелями, которые украшают их в расцвете сил.

Разумеется, связи подобного героя с его прототипом весьма призрачны. Достаточно сравнить изображение Константина Мономаха в «Хронографии» с персонажем уже упоминавшегося энкомия, чтобы это положение стало совершенно очевидным. Реальность вообще почти не входит в произведения такого типа, отдельные же вырванные факты действительности «втискиваются» в наперед заданную схему и существуют как бы на периферии (в цитированном энкомии это сообщения, подкрепленные другими источниками, что царь отличал людей не по роду, а по способностям, или упоминания о диковинных зверях, доставленных из Египта).

¹⁵ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 32.

Именно поэтому энкомии, как правило, весьма невысоко ценятся как исторические источники.

Такой характер обрисовки исторического героя, берущий свое начало в античной энкомиастической литературе, — наиболее яркий образец средневекового типа восприятия и изображения человека. Как пишет А. Я. Гуревич, «герой средневековых рассказов — не целостная личность, но некоторая совокупность разрозненных качеств и сил, действующих самостоятельно»¹⁶.

Однако нарисованная здесь картина, как всякое усредненное изображение, отражает не всю правду. Неверно думать, что герои византийских панегириков ничем друг от друга не отличались и представляли собой некую маску, равно подходящую для любого лица. Различие между ними, видимое уже при простом чтении, определяют прежде всего причины внелитературного ряда.

Уже в поздней Римской империи, на заре развития жанра, придворные ораторы, которым доверялось произнесение торжественных речей в честь царственных лиц, пытались «делать политику» и воздействовать на императора, идеализируя и оттеняя отдельные действительные или вымышленные их черты. Метод обрисовки персонажа в этих случаях оставался тем же, несколько иначе подбирались только звенья «кольчуги», в которую автор облачал своего героя. Такое же «идеологическое» использование образа императора можно наблюдать и в некоторых «царских словах» Пселла. Наиболее явный тому пример — речи к Михаилу VII Дуке.

Нам известно то презрение, с которым современники отзывались о деятельности Пселла при дворе юного Михаила VII. Империя, казалось, шла к неминуемой гибели, а стареющий философ занимался со своим царственным воспитанником учеными забавами. Сторонники «военной» партии были возмущены бездействием Михаила, которое они приписывали влиянию глашатая «гражданской» партии — Пселла. Эти претензии политических противников писателя находят недвусмысленное подтверждение в речах Пселла, обращенных к Михаилу. Из всей массы императорских «доблестей», которые были в распоряжении риторы и которыми он так ловко манипулировал в семи своих речах к Мономаху, в отношении Дуки Пселл использует только две: «любомудрие» императора и его кротость. Если раньше двери дворца были открыты лишь для податей, то теперь, разглагольствует оратор, сама мудрость как бы воплотилась в этом царе и привлекает к себе своих питомцев (Курц—Дрексль, I, с. 15 сл.). Кротость же императора — выше всякой меры и в «безумных делах Арея» царь, по словам панегириста, не скор на убийство и не радуется потокам крови (Курц—Дрексль, I, с. 36 сл.).

¹⁶ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 276 сл.

Кротость, равно как и любóмудрие, — конечно традиционные черты хвалимого императора, но прославление их как единственных его добродетелей в период, когда страна раздиралась внешними и внутренними недругами, не могло не иметь политического смысла: в присутствии воинственно настроенных сановников Пселл хвалит императора за отвращение к войне!

Не менее «актуально» должна была звучать и другая небольшая речь к Михаилу, датируемая, видимо, 1077 г. (Курц—Дрексль, I, с. 42 сл.). Человеколюбие, справедливость — вот те свойства, за которые придворный панегирист хвалит царя накануне краха. Энкомий для Пселла продолжает оставаться если не средством политической агитации, то, во всяком случае, рычагом воздействия на императора и двор. В соответствии с этими задачами и формируется образ монарха.

Похвальное слово, обращенное к царствующему самодержцу, допускало, конечно, наименьшую свободу в обрисовке образа героя. Произносившееся в торжественной обстановке придворной церемонии, оно само было частью ритуала и отличалось свойственной ему нормативностью и традиционностью.

В изображении людей не столь высокого ранга, особенно друзей, учеников и родственников, Пселл позволял себе использовать гораздо больше индивидуальных черт. Любой образ в риторическом произведении представлял собой описанную выше конструкцию сборно-разборного типа, однако употребляемые при характеристике героя клише могли модифицироваться, порой весьма значительно.

Из персонажей уже упоминавшихся «больших» энкомиев Пселла наиболее стандартной фигурой является Лихуд. На этом герое нетрудно продемонстрировать нехитрую анатомию риторического образа. Уже младенцем Лихуд обладает всеми мыслимыми добродетелями и умудряется намного превзойти своих наставников. Его отличают ум, приятность нрава, природа, он знаток красноречия, законов и философии, он такой же идеальный первый министр у Константина Мономаха, как в дальнейшем благочестивый и милостивый патриарх. Каждая новая добродетель попросту прибавляется к предыдущим.

Причина такой стандартности героя (и, как мы видели, композиции) энкомия заключается, возможно, в особенностях самого прототипа. Лихуд — один из наиболее просвещенных людей своего времени — многосторонне проявил себя как деятель государственной и церковной истории, соединял в себе определенную широту взглядов с христианским благочестием и был к тому же покровителем и другом Пселла. Идеальный, в представлении писателя, образ лучше всего укладывался в идеальную схему энкомия.

Все отмеченные элементы образа Лихуда в той или иной степени характерны и для персонажей других речей. Однако сопо-

ставление похвального слова Лихуда с аналогичными сочинениями того же жанра обнаруживает не только сходство, но и различие.

Кируларий — герой самой большой по объему эпитафии — патриарх, как и Лихуд. Однако если похвалы Лихуду отражают истинное отношение автора, то славословия Кируларию — не более как дань жанровым канонам: эпитафия ему была выполнением литературного заказа царственного свойственника покойного. Как и Лихуд, Кируларий — человек недостижимых для других добродетелей. «Один только этот муж оказался достоин людей прошлого, стал чудом для нашего времени, образцом и одухотворенным примером для будущих ревнителей добродетели» (Сафа, V, с. 305. 2—5). Как и Лихуд, уже ребенком поражал он всех своей красотой, речами и умом (с. 309. 22 сл.). Как и Лихуд, аккумулирует он в себе все мыслимые доблести, каждая из которых доводится до своего предела серией гиперболических сравнений и ассоциаций.

И тем не менее внимательный читатель не может не обнаружить, что на «втором плане» энкомия присутствует иной образ патриарха, резко контрастирующий со стандартизированной фигурой «первого плана». Этот образ «второго плана» чаще проявляет себя не в риторических описаниях, а в деталях и нюансах. Вот некоторые примеры. Говоря о риторических занятиях патриарха, Пселл отмечает его пристрастие не к «внешней красоте» и не к «убедительности» речи, а к истине и твердости, свойственным философии (с. 310. 5 сл.): стремление Кирулария к неприкрашенной истине оттеняет суровость его нрава. Константин Мономах, который ко всем прочим людям был приветлив и обаятелен, в отношениях с патриархом нередко оказывался «мрачным и ошетинившимся». Император в данном случае так, видимо, реагирует на поведение Михаила. Далее Пселл уже без обиняков пишет о мрачности, суровости и гневливости самого Кирулария, объясняя, впрочем, эти свойства стремлением патриарха воспитывать людей в добродетели (с. 342. 14 сл.).

Противоречие образов «первого» и «второго планов» особенно наглядно в той части энкомия, где содержится сравнение (синкрисис) Кирулария с его старшим братом, пользующимся явным предпочтением писателя. Вот вкратце пункты этого противопоставления: Кируларий превосходит брата в устремлении к высшему; Кируларий сосредоточен и малодоступен для собеседника; брат обладает приятной внешностью, в его облике отражена душа, лик его исполнен харит. Ум у Кирулария строгий, у брата острый, речь у Кирулария искусная, у брата бойкая. Одежда и образ жизни у Кирулария простые, у брата пышные, брат женился и имел детей, Кируларий же старался жить «выше природы». Природа старшего брата более земная, и он предпочел светское образование. Кируларий же все свои занятия, в том числе и политические, оставил ради дел духовного свойства (с. 310. 12 сл.). «Вто-

рой образ» Кирулария явно отражает старинную нелюбовь писателя к покойному патриарху и скорее напоминает его образ в речи полемического содержания, с которой в свое время обратился к нему Пселл (с. 207 и сл.), чем персонаж «первого плана» той же эпитафии. Реальный прототип как бы вступает в противоречие с накладываемой на него идеальной схемой. Противоречия порой обнажаются очень резко. Мрачный и непрístupный Кируларий в той же эпитафии вдруг оказывается «исполненным харит, со сладостной и приятной речью и радушным, радостным взглядом» и к тому же еще прямо противопоставляется суровым, бегущим человеческого общения людям! (с. 332. 15 сл.). Пселл не может отказаться от клише и в то же время не в состоянии полностью «подогнать» под него своего героя, противоречащие черты того и другого сосуществуют в пределах одного произведения, швы между ними видны невооруженным глазом.

Свойства прототипа (особенно людей, которых писатель знал близко) иногда значительно модифицируют клише, придавая образу несомненную индивидуальность. Так случилось, например, с фигурой Мавропода в похвальном слове этому человеку. Уже в начале энкомия Пселл обращается к своему герою с просьбой благосклонно выслушать его сочинение: «А ты мужественно вынеси славословия, не откажись выслушать мою речь и не закрой ушей, как это ты обычно делаешь, едва заслышав в беседе хоть малейшую похвалу в свой адрес» (с. 142. 46 сл.). Конечно, скромность — обязательная черта героя христианского энкомия. Однако в данном случае это свойство играет особую роль, поднимаясь до уровня лейтмотива образа. В том же введении утверждается, что Иоанн настолько мало гордился всем «внешним», что разве только не забыл, откуда он родом. «Нрав души» заставляет Мавропода упорно отказываться от предложенного ему поста Евхаитского митрополита (с. 155. 3 сл.). Пселл порицает своего друга за «неумеренную скромность».

Биографы Мавропода обладают в данном случае достаточным материалом для утверждения, что скромность Иоанна в энкомии — не дань традиции, а реальная черта прототипа. О скромности Мавропода неоднократно идет речь в его переписке с Пселлом, она становится даже одной из причин размолвки между друзьями, сам Мавропод неоднократно декларировал свою скромность.

Приведенный пример показывает, сколь опасной может быть тенденция во всех случаях объяснять особенности византийской риторики следованием расхожим схемам. В то же время, говоря о лейтмотиве образа, нельзя вкладывать в это понятие и современный смысл. Под лейтмотивом мы понимаем здесь не доминанту, вокруг которой группируются и которой определяются остальные черты образа, а наиболее часто подчеркиваемое автором свойство в ряду других равноправных качеств героя.

Какими возможностями для индивидуализации своих героев обладал византийский ритор даже в пределах обязательного канона, могло бы показать и сравнение двух наиболее значительных женских образов, созданных в речах Пселлом: его матери и кесарисы Ирины (Курц—Дрексль, I, с. 155 сл.). Хотя последняя, как и положено женщине, изображается весьма набожной и благочестивой, по сравнению с «непревзойденной в аскезе» Феодотой она может представиться читателю настоящей светской дамой.

Только несколько речей Пселла, да и то в самые последние годы, были изданы в соответствии с правилами современной эдиционной техники. Выявленные там цитаты и заимствования указывают на сильнейшее влияние, которое оказывала на писателя раннехристианская риторика, и в особенности творчество Григория Назианзина. Но не только обычные для средневековья прямые заимствования говорят о связи Пселла с первыми христианскими риториками.

До появления специальных исследований нельзя безапелляционно утверждать, однако можно предположить, что в ряде аспектов Пселл по своему мироощущению вообще близок к раннехристианским «отцам церкви», особенно их этике, гораздо более человеческой, нежели представления фанатичных современников Пселла — Василия Нового Богослова, Никиты Стифата, Михаила Кирулария и др. Видимо, поэтому следование раннехристианским риторам объясняется более глубокими причинами, чем только обязательное благочестие и литературный *usus*. Не византийская ученая компиляция, которой Пселл отдал щедрую дань в научных трактатах, а попытка воспроизведения духа оригинала характеризует зависимость писателя от его образцов.

Как бы ни оценивать с позиций современного литературного вкуса ораторские сочинения Пселла, само возрождение в XI в. линии раннехристианской риторики с ее субъективным началом и теплотой чувств весьма знаменательно для эпохи подъема интеллектуальной жизни и сдвигов в художественном сознании византийцев.

Риторика и связанные с ней литературные виды, вытесняя господствовавшую до тех пор агиографию и перенимая у нее ее «беллетристическую» функцию, вновь начинают играть для византийцев универсальную роль и вбирают в себя свойства, характерные для иных жанров. Не случайно ряд риторических сочинений Пселла оказывается на грани других литературных видов: лирики, биографического повествования мемуарного типа, историографии.

Чем меньше способна была риторика служить почвой для оригинального творчества внутри себя, тем больше играла она роль моста между античной культурой и культурой «высокого» средневековья. Риторика не только «иссушала», как обычно считают, творчество средневековых писателей, но и оплодотворяла его

развитым своим искусством и традициями, которые несла с собой.

Но на этом пути Пселла могли ожидать лишь отдельные удачи, а не художественные открытия: слишком «выработанной» была к его времени «жила» риторики, чтобы можно было рассчитывать на крупные находки. Однако блестяще отработанная техника и некоторые принципы и традиции красноречия оплодотворили творчество Пселла уже в другом жанре, достижения в котором принесли писателю истинную славу. Можно с уверенностью утверждать, что без Пселла-ритора не было бы Пселла-историографа.

Своим историографическим трудам Пселл не придавал большого значения. Много раз писатель высказывался о себе как о риторе и философе, гордился своей государственной и преподавательской деятельностью, но никогда не придавал значения труду историографа. Обязанности историка Пселл принял на себя после настоятельных уговоров и считал их, видимо, побочным занятием. Только однажды, и то по случайному поводу, вспоминает он в письмах о своей «Хронографии» (Сафа, V, № 108). Тем не менее именно «Хронография» обессмертила его имя.

Пселл — автор двух исторических произведений. Одно из них пока что вовсе не известно ученому миру и находится в составе относящейся к XIV в. рукописи синайского монастыря св. Екатерины (№ 1117, лл. 265—279). Оно было еще в 1911 г. отмечено в каталоге русского ученого, профессора Петербургского университета В. Бенешевича¹⁷, и то, что произошло (или, вернее, то, чего не произошло) далее, объяснить трудно: при всем интересе к Пселлу-историографу крупное историческое произведение писателя не привлекло внимания ни одного исследователя¹⁸.

Видимо, не полагалось бы писать об этом сочинении до его детального анализа в статье, не носящей строго академического характера, но трудно его и обойти в разговоре о Пселле-историографе.

Лемма (заголовок) этого произведения гласит: «Краткая история царей старшего Рима, а также и младшего с опущением тех царей, которые не совершили ничего достопамятного, начинающаяся с Ромула. Составитель же истории ипертим Пселл». «Краткая история» не имеет (как и «Хронография») никакого введения — она начинается с Ромула и непрерывно продолжается до царство-

¹⁷ Бенешевич В. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае. СПб., 1911, с. 266.

¹⁸ В нашем распоряжении имеется фотокопия рукописи, любезно присланная П. Шрайнером, который и указал нам на это сочинение.

вания Василия II. История республиканского Рима описана кратко и сумбурно. Все остальное повествование разбивается на отдельные главки, каждая из которых посвящена царствованию одного из последовательно сменявшихся на престоле императоров, при этом главное место уделяется характеристике героев, внешние же события упоминаются редко и по случайному выбору. Изложение истории царствования Василия II неожиданно прерывается на середине фразы, и оставшаяся часть страницы не заполнена никаким текстом. Следующая же страница начинается (опять-таки на середине фразы!) с рассказа о царствовании Романа IV Диогена. Этот текст уже совпадает с «Хронографией». Таким образом, конец «Краткой истории» и заключительная часть «Хронографии» идентичны. В «Краткой истории» отсутствует только «Письмо царя к Фоке».

Заманчиво было бы считать первую часть «Краткой истории» утерянным началом «Хронографии», и в пользу этой гипотезы можно было бы привести немало аргументов, но царствование Василия II в «Краткой истории» и в «Хронографии» изложено совершенно по-разному, и уже одно это сводит на нет самые сильные доводы. Впрочем, до начала серьезного изучения памятника рано делать определенные выводы.

Можно высказать предположение и о времени написания «Краткой истории». Переходя к изложению истории императорского Рима, Пселл указывает: «Я примусь за другую историю, начав с цезаря Юлия, чтобы в одних вещах ты подражал императорам, а в других их высмеял». Таким образом, адресатом сочинения является император. Скорее всего, это Михаил VII (1071—1078), наставником которого был Пселл и которому он посвятил немало своих «ученых» сочинений.

Повествуя о римской и ранневизантийской истории, Пселл, естественно, пользовался какими-то письменными источниками, точное определение которых (если оно вообще окажется возможным!) — дело будущего. Сейчас можно отметить только многочисленные совпадения со «Всемирной хроникой», которая в разных рукописях приписывается то Симеону, магистру и логофету, то Феодосию Мелитинскому, то Льву Грамматiku¹⁹ (для удобства будем называть ее «Хроникой» Симеона). Соответствия начинаются в рассказе о первых римских императорах и не прекращаются вплоть до повествования о Феофиле (829—842); иногда они бывают явными, лексическими и занимают десятки рукописных строчек, иногда ограничиваются несколькими словами. Предположить прямое заимствование Пселлом из «Хроники» Симеона нельзя, ибо в ряде случаев рассказ Пселла подробней. Скорее всего, Пселл и автор «Хроники» пользовались одним источником, который

¹⁹ Издание: *Leonis Grammatici Chronographia*, rec. I. Bekkerus. Bonn, 1842.

у Пселла нередко излагается весьма вольно, снабжается собственным комментарием и, вероятно, контаминируется со сведениями, почерпнутыми в других, не дошедших до нас сочинениях.

Другое историческое сочинение Пселла — «Хронография» — было опубликовано около 100 лет назад и с тех пор переиздавалось дважды, но даже последнее, критическое издание, с которого делался перевод, изобилует многочисленными неточностями и ошибками. Многие описки единственной Парижской рукописи, по которой издан текст²⁰, остались неустраненными.

Уже первыми исследователями было замечено, что «Хронография» составлена как бы из двух частей: первая кончается историей царствования Исаака Комнина, вторая начинается правлением Константина Дуки. Свидетельством тому — сама лемма, перечисляющая имена всех императоров, история которых должна быть изложена в произведении. Этот реестр кончается Исааком Комнином, и при этом специально оговаривается, что изложение доводится только до Константина Дуки. Единственное разумное объяснение этому факту можно видеть лишь в том, что лемма первоначально относилась только к первой части, а затем была использована переписчиком для всего произведения в целом. О двухчастном делении труда Пселла свидетельствует также и различие в композиции: первая часть делится на семь разделов (τόμοι), во второй подобное деление отсутствует. Можно еще добавить, что сам писатель сообщает о своем намерении закончить «Хронографию» правлением Исаака Комнина. Однако никакого словесно выраженного завершения первая часть не имеет, и повествование о Константине Дуке начинается как простое развитие предыдущего. Пселл, вероятно, мыслил вторую часть как продолжение первой и сам их «состыковал». В то же время писатель не позаботился устранить ряд противоречий, возникших между частями, вроде упомянутого уже заявления о желании закончить повествование рассказом об Исааке Комнине.

Время издания первой части определяется обычно 1059—1063 гг. (нижний предел — отречение Исаака I Комнина, верхний — смерть Константина Лихуда, о котором говорится как о живом), но, как следует из упомянутого письма друнгарию виглы Махитарю (Сафа, V, № 108), Пселл писал «Хронографию» уже осенью 1057 г. Вторую часть «Хронографии» Пселл начал писать после прихода к власти Михаила VII (1071 г.), а окончил не ранее 1075 г. (историк упоминает Константина Порфирородного, будущего жениха византийской принцессы и писательницы Анны Комниной, родившегося в 1075 г.).

В целом «Хронография» повествует о событиях столетнего периода истории Византии (976—1075 гг.), при этом история цар-

²⁰ Paris. gr. 1712.

ствования Василия II (976—1025) и Константина VIII (1025—1028) излагается по каким-то не известным нам письменным источникам²¹, а все остальное — на основании свидетельств очевидцев и по собственным воспоминаниям. Таким образом, в значительной своей части труд Пселла имеет значение первоисточника, а его сообщения — свидетельств «из первых рук».

Не удивительно поэтому, что сочинение Пселла постоянно и систематически используется современными историками. Правда, ученые не раз сетовали, что сообщения писателя (особенно о внешнеполитических событиях) носят отрывочный характер, что Пселл не приводит никаких дат, нередко путает последовательность событий и что в отношении тщательности его произведение уступает историям его современников Иоанна Скилицы и Михаила Атталиата.

Если без ссылок на «Хронографию» сейчас не обходится ни одно исследование о Византии XI в., то творчество Пселла — историографа и писателя (мы сейчас разделяем эти понятия, хотя в средние века они существовали нераздельно) практически не получило в науке достойной характеристики. В этом отношении оно разделило судьбу всей византийской литературы, которую «в течение ряда научных эпох изучали скорее как совокупность «исторических свидетельств», свидетельствующих обо всем на свете, кроме самих себя, нежели как литературу в собственном смысле этого слова»²².

*

Едва ли не важнейшей задачей при анализе сочинений на исторические темы является выяснение специфики метода историка, его представлений о сущности и задаче историографии и особенностей его видения истории, иными словами — его историографических и исторических концепций. Строго говоря, никаких оригинальных концепций, если под ними понимать систематически изложенные взгляды, у Пселла нет. Античные и византийские историки вообще теоретизировали крайне редко, создание «системы» всегда было привилегией философов и богословов. Пселл же, который был и тем, и другим, несмотря на свою необыкновенную литературную продуктивность, не оставил ни одного трактата на подобную тему. Более того, «Хронография» лишена предисловия — традиционного компонента почти всех исторических произведений, где обычно историки высказывали свое кредо. Тем не менее концепция у Пселла, как и у любого историка, есть, ибо даже ее принципиальное отсутствие — тоже своего рода концепция.

²¹ Можно предположить, что для времени Константина VIII Пселл пользуется источником, общим со Скилицей. См. Любарский Я. Н. Указ соч., с. 187.

²² Византийская литература. М., 1974, с. 22.

У современных исследователей уже выработался метод анализа воззрений древних и средневековых авторов. Он состоит в подборе, сопоставлении и рассмотрении отдельных, часто мимоходом оброненных замечаний на цели и задачи историографии и сущность исторического движения. Такой метод всегда дает определенные результаты, и мы тоже для начала воспользуемся этим относительно элементарным приемом. Пселл принялся писать историю, опасаясь, что события его времени за давностью лет будут преданы забвению. Высшей целью исторического повествования Пселл признает истину и неоднократно противопоставляет исторический жанр похвальным речам, «энкомиям», мастером которых был сам. «В мои намерения входит сейчас писать не похвальное слово, а истинную историю...», «Если бы я решил создавать похвальное слово, а не истинную историю...» — подобными замечаниями пестрит текст «Хронографии». Наиболее подробно противопоставление обоих жанров содержится в биографии Константина Мономаха. «... Как могу я преступить законы исторического повествования и писать по правилам похвального слова, — пишет Пселл, — забыть о собственном замысле, пренебречь искусством, не проводя грани между разными предметами и сводя к единой цели то, чье назначение различно (Зоя и Феодора. Константин IX, XXV). И дальше: «Славословящий обычно опускает все дурное в своем герое и плетет похвалу только из его достоинств... Напротив, пишущий историю — судья нелицеприятный и беспристрастный, который не склоняется ни в ту, ни в другую сторону и все меряет равной мерой.

Оправдание труда стремлением увековечить события, провозглашение истины смыслом исторического повествования — не выдумка Пселла и даже не изобретение византийских историков, а наиболее распространенные «общие места» всей античной и средневековой историографии. Можно даже утверждать, что декларации подобного рода служат своеобразными жанровыми признаками историографии: историки самых непохожих воззрений и самых различных направлений одинаково хотят увековечить события и одинаково взывают к истине как к высшей цели, хотя, конечно, сама истина часто понимается ими совершенно различно. Ничего нет оригинального и в противопоставлении жанров истории и энкомия, встречающемся у ряда античных историков²³. Вряд ли имеет смысл обсуждать вопрос о том, у кого именно заимствовал Пселл те или иные рассуждения, — они входили в привычный круг идей античной и византийской историографии²⁴.

²³ См.: *Avenarius G. Lukians Schrift zur Geschichtsschreibung*, 1956, S. 13 ff.

²⁴ Надо отметить, что многие из «привычных» идей в «Хронографии» не встречаются — например, утверждения о «пользе» и «удовольствии», которое должно доставлять историческое произведение. Вряд ли, однако,

Коснемся взглядов Пселла на движение истории. Читатель, знакомый с античной и средневековой историографией, открывая очередной труд древнего или византийского историка, обычно готов встретить там апелляции к некоей внешней для человека и высшей силе, управляющей людскими судьбами и ходом событий — «судьбой», «роком» или просто «случаем», если речь идет об античности, божественном провидением и тоже «случаем», если автор — христианин. «Хронография» не «разочаровывает» и в этом отношении. Хотя ссылок на божественный промысел там относительно мало, вложены они чаще всего в уста героев и представляют собой нередко *façon de parler* средневекового автора, тем не менее детерминированность всего происходящего божественной волей для Пселла — аксиома. «События развиваются не по нашей воле, но выше нас существует некое могущественное начало, которое направляет нашу жизнь, куда захочет...», — пишет историк, сожалея, что действия Константина Мономаха не приводят к желаемой цели. «Я привык возводить все значительные события к воле божественного провидения и, более того, ставлю в зависимость от него вообще все происходящее, если наша природа не извращена», — утверждает Пселл в другом случае. Хотя пути провидения для человека неисповедимы, его воля в конечном счете направлена к высшему благу и высшей цели. Так, болгарин Алусиан бунтует против царя, но его измена в конце концов приводит к поражению всего болгарского восстания. Бог внушает Константину Духе мысль добровольно отказаться от царской власти во время мятежа 1057 г., имея в виду позже возвести его на престол законным образом, и т. д.

Определенную роль в управлении земными делами и людскими судьбами играют у Пселла рок и случай, но они не имеют такого значения, как у некоторых современников писателя (например, у Иоанна Мавропода) и поздних византийских историков, да и сами по себе управляются провидением.

Итак, провидение, в полном согласии с христианской доктриной, определяет у Пселла течение земных событий. Вместе с тем в «Хронографии» обнаруживается и иной причинно-следственный ряд, к которому божественный промысел не имеет отношения. «У меня есть обыкновение всякое дело, имеет оно видимость доброго или кажется иным, не только рассматривать само по себе, но исследовать его причины и возможные результаты». Эти слова из «Хронографии» — не пустая декларация. У историка действительно обостренное внимание к причинной зависимости событий, что нередко сказывается даже в композиции его сочинения. «Возвращаясь к истокам событий, я устанавливаю причины и делаю

из этого отсутствия надо делать какие-нибудь выводы. Вспомним, предисловия в «Хронографии» нет.

вывод о следствиях», — заявляет Пселл, объясняя, почему он вставляет в повествование рассказ о самом себе. «Намереваясь поведать о восстании против самодержца, я снова возвращаю к началу свой рассказ и сообщу прежде, как оно возникло, каковы были его причины...», — замечает Пселл, повествуя о мятеже Льва Торника против Константина IX Мономаха.

Историк гордится тем, что в состоянии обнаружить не только явные и всем видимые причины, но и вскрыть истоки событий, не заметные для поверхностного наблюдателя. Императрица Зоя, пишет Пселл, была необыкновенно щедра, и «царская власть тогда, казалось, обрела величие и еще большее достоинство». Но «все происходящее и высочайший взлет на самом деле оказались началом упадка и унижения государства» (Зоя и Феодора. Константин IX, VIII) «Многим кажется, — продолжает историк несколькими строками ниже, — что окружающие нас народы вторглись в ромейские пределы, но, как мне представляется, дом рушится уже тогда, когда гниют крепящие его балки. Хотя большинство людей и не распознало начало зла, оно коренится в событиях того времени: из туч, которые тогда собрались, ныне хлынул проливной дождь» (там же, IX). Конечно, Пселл «задним умом крепок» и обнаруживает причины, следствия которых уже отчетливо проявились, тем не менее умение увидеть приметы разложения в самом расцвете — несомненная заслуга средневекового историка. В этом отношении Пселл (не в смысле традиционного средневекового подражания — «мимесиса», а по существу) продолжает линию Фукидида с его стремлением к вскрытию причинной исторической связи.

Итак, два причинно-следственных ряда (в одном все зависит от провидения, в другом — от естественных причин) как бы параллельно существуют в «Хронографии», пересекаясь лишь в редких случаях, когда историк ощущает необходимость объяснить возникающее противоречие. Так, Пселл приписывает себе в «Хронографии» следующую речь, когда упрекает Константина IX Мономаха, полагающегося на божественный промысел и потому отказывающегося принимать меры по охране своей персоны: «Никто из них (Пселл говорит об архитекторах, кормчих и воинах. — Я. Л.), делая свое дело, не отказывается от упований на бога, но первый возводит строения сообразно правилам, другой кормилом направляет судно, а из людей военных каждый носит щит, вооружен мечом, на голову надевает шлем, а остальное тело покрывает панцирем» (там же, CXXXIII). Объяснение это вполне укладывается в рамки средневекового христианского мировоззрения, никогда не требовавшего от человека бездействия и полного подчинения божественному промыслу, хотя в принципе и предпочитавшего деятельной жизни созерцательную.

Таковыми наблюдениями, вероятно, можно было бы ограничиться, рассуждая об историографических и исторических воззрениях

Пселла, если бы предметом анализа был философский трактат, а не историографическое произведение. Однако, как известно, в древности и средневековье писание истории было видом литературного творчества, а раз так, то мировоззрение писателя проявляется не только в откровенных авторских декларациях, но и во всей структуре произведения. Необходимость анализа этой структуры определяется не желанием воздать долг традиции и добавить обязательный раздел о «художественных особенностях», а специфической задачей статьи.

*

Начиная с первого исследователя византийской литературы К. Крумбахера, чей главный труд и поныне остается единственной универсальной историей литературы Восточноримской империи²⁵, ученые обычно различают в византийской историографии две жанровые линии — так называемые «хронографии» и «истории». Принято считать, что «хронографии», начинавшие обычно изложение событий от сотворения мира или «от Адама», писались полуобразованными монахами, адресовались непритязательным монашеским кругам и распределяли материал в хронологическом порядке. Напротив, «истории» создавались образованными вельможами и чиновниками и концентрировались вокруг современных автору событий. Условность строгого деления между двумя жанрами историографии в недавнее время показал Г. Г. Бек²⁶. Лучшим опровержением традиционной точки зрения могут служить и исторические произведения Пселла: непритязательная «Краткая история», начинающаяся если не «от Адама», то от Ромула, по авторскому жанровому определению, — история, а обширная и ученая «Хронография», посвященная главным образом современным автору событиям, — хронография. Оба произведения принадлежат одному писателю. Впрочем, Пселлу в данном случае чужда всякая терминологическая строгость, и в самом тексте он попеременно называет свое произведение то «историей», то «хронографией». Тем не менее определенные, хотя и не столь принципиальные, как казалось К. Крумбахеру и его последователям, различия в выборе и расположении материала между двумя линиями византийской историографии существуют, их не отрицал и Г. Г. Бек. Эти общие положения надо иметь в виду при рассмотрении жанровой природы риторических произведений.

Только в одном случае сам Пселл более или менее подробно останавливается на жанровой специфике «Хронографии»: «Я умолчал о многих значительных событиях, не распределил материал своей истории по олимпиадам и не разделил подобно Историку

²⁵ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897.*

²⁶ *Beck H.-G. Zur byzantinischen «Mönchschronik». — In: Beck H.-G. Ideen und Realitäten in Byzanz. Gesammelte Aufsätze. London, 1972.*

(Фукидиду. — Я. Л.), по временам года, но без затей сообщил о самом важном и о том, что всплыло в моей памяти, когда я писал. Как уже говорилось, я избегаю здесь всяких подробностей и избрал средний путь между теми, кто повествовал о владычестве и деяниях старшего Рима, и теми, кто составляет летописание в наши дни, — я не подражаю растянутому повествованию первых и не беру за образец краткость вторых, дабы сочинение мое не навело скуку, но и не опускало ничего существенного (Зоя и Феодора. Константин IX, LXXIII). В приведенном отрывке Пселл высказывает три авторские установки. Прежде всего, он отказывается от анналистического принципа в расположении материала. Во-вторых, он открыто провозглашает мемуарный характер своего произведения: фраза «Я просто повествую о наиболее важном и о том, что у меня всплывает в памяти, когда я пишу», — стереотип мемуарной литературы любой эпохи. И наконец, в-третьих, Пселл говорит о своей промежуточной позиции между древними историками и современными ему авторами хронографических сочинений.

Мемуарный характер «Хронографии» бросается в глаза уже при первом чтении: Пселл не только постоянно вводит себя в рассказ в качестве наблюдателя или участника событий, но и пропускает весь исторический материал сквозь призму субъективного авторского восприятия. В этом отношении Пселлу нет равных ни в предыдущей, ни в последующей византийской историографии. В цитированных словах Пселл не связывает себя ни с каким традиционным историографическим жанром (хотя и ощущает некоторую зависимость от них) и резервирует себе свободу в выборе и расположении материала. Действительно, у Пселла нет образца, которому он бы сознательно подражал, хотя такая практика и была в обычае византийской историографии. Напомним, что сравнительно близкий предшественник Пселла Лев Диакон часто настолько рабски следует за своим образцом — историографом VI в. Агафием, что подчас невозможно определить, что в его описаниях от реальности, а что от литературного прототипа²⁷. Два историка, Прокопий и Иоанн Кантакузин, разделенные восемью столетиями, описывают эпидемии, свидетелями которых были сами (542 и 1347 гг.) почти в одинаковых выражениях, ибо оба следуют знаменитому рассказу Фукидида²⁸. В этом смысле «Хронография» Пселла совершенно оригинальна, хотя и она имеет определенные жанровые корни.

«Хронография», повествующая о правлении 14 императоров, четко делится на рассказы об отдельных «царствованиях». В рукописи эти рассказы снабжены заголовками и, хотя последние при-

²⁷ См.: Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы. — «Византийское обозрение», вып. II. Юрьев, 1916.

²⁸ См.: Moravcsik Gy. Klassizismus in der byzantinischen Geschichtsschreibung. — «Polychronion», Festschrift F. Dölger. Heidelberg. 1966. S. 366 ff.

надлежат, видимо, не автору, а переписчику, само их появление — доказательство дробности композиции произведения.

Основная часть «Хронографии» посвящена современным Пселлу событиям, но по крайней мере две первые биографии (Василия II и Константина VIII) составлены по литературным источникам. «Хронография» начата так, будто ее изложение примыкает к какому-то предыдущему рассказу (не исключено, что и самого Пселла в «Краткой истории»!). Все это — черты не «истории», а «хронографии» в традиционном крумбахеровском смысле слова, а точнее — того вида хронографии, который получил в научной литературе наименование «императорских хроник» (Kaiserchronik), представленных Иоанном Малалой, Симеоном Логофетом, Георгием Монахом и другими, разделявшими повествование на отдельные царствования.

Такое парадоксальное сближение не может не вызвать протеста исследователей. Действительно, что может быть общего между неприязнительной «монашеской» хроникой и одним из самых тонких и совершенных произведений ученейшего Пселла! Однако дальнейшее рассмотрение структуры «Хронографии» только убеждает в справедливости этого вывода.

Все «биографии» (так мы для краткости будем называть разделы «Хронографии», посвященные царствованию того или иного императора) построены по определенной схеме: I. Приход к власти. II. Характеристика императора. III. Деяния императора и события царствования. IV. Смерть или отречение императора. Разделы эти могут быть очень различны по величине и занимать от нескольких строчек до десятков страниц, но они легко прослеживаются во всех биографиях, кроме рассказов о Константине X и Михаиле VII, вообще выпадающих из стиля произведения. В компактной и очень ясной по структуре биографии Константина VIII, например, раздел I занимает гл. I, раздел II — гл. II—V, раздел III — гл. VI—IX, раздел IV — гл. X. Такая же четырехчленная схема легко обнаруживается и в так называемых «императорских хрониках» Иоанна Малалы и Симеона Логофета. Если вспомнить, что Пселл в «Краткой истории» пользуется с «Хроникой» Симеона одним источником, структурное сходство двух этих произведений окажется не столь парадоксальным.

И все-таки между «Хронографией» и хрониками Малалы или Симеона только то сходство, которое может существовать между шедевром и примитивом, а удивление, которое оно вызывает, сродни удивлению человека, впервые узнающего, что его анатомическое строение мало чем отличается от животных. На фоне этого сходства лишь явственнее проступает различие. Чтобы его продемонстрировать, мы прибегнем к методу сравнения, но объектом его выберем не «Хронику» Симеона, а «Историю» Иоанна Скилицы. Такой выбор имеет несколько оснований. Во-первых, сочинение

Скилицы — тоже «императорская хроника», и, таким образом, мы остаемся в пределах одной жанровой разновидности; во-вторых, Скилица — современник Пселла; в-третьих, по историческому материалу произведения Пселла и Скилицы частично совпадают, и различие в предметах изображения не помешает делать выводы.

Об Иоанне Скилице, написавшем в самом конце XI в. обширное хронографическое сочинение, частично описывающее современные автору события, нам фактически почти ничего не известно. Уже это обстоятельство дает материал для сопоставлений. Жизнь Пселла — исходя из одной только «Хронографии» — мы можем проследить по годам, а в эпизоде с посольством к мятежному Исааку Комнину — даже по часам. Если Скилица сознательно самоустраняется из рассказа — и в этом он продолжает традицию нарочито «анонимных» византийских хроник, — то «Хронография» Пселла — почти мемуары. Совершенно иначе организован у Скилицы и исторический материал. Следует при этом оговориться, что структура разных «биографий» в сочинении хрониста не совсем однородна и зависит, видимо, от источников, которыми он пользовался.

Вот как, например, построен рассказ Скилицы о царствовании Михаила IV (1034—1041). Хронист начинает «биографию» повествованием о событиях во дворце, об интригах «первого министра» Иоанна Орфанотрофа, о заговорах против императора и его родственников, но вскоре эта «дворцовая» история перебивается сообщениями о самых разнообразных эпизодах, не имеющих между собой никакой внутренней связи. «На одном уровне» повествует Скилица о мероприятиях Иоанна Орфанотрофа, о граде, побившем посевы, падении звезды, болезни императора, варяге, пытавшемся изнасиловать некую женщину во Фракисийской феме и убитом ею, о тучах саранчи, напавших на поля, вещем сне, увиденном неким священнослужителем, возмущении жителей Антиохии, землетрясении в Иерусалиме, наступлении арабов, нападении печенегов и т. д. Мы перечислили эти события в том порядке, в котором приводят их Скилица в начале рассказа о времени Михаила IV. Не станем продолжать перечня: принцип организации исторического материала ясен и из уже сказанного. Сочленение эпизодов чисто хронологическое. «В том же году...», «В это же время...» — такими замечаниями пестрит текст хроники, и они по сути дела — единственные связующие звенья между эпизодами. Естественно, что события, длившиеся продолжительное время, расчленяются и попадают в различные части произведения. При строгой хронологической закреплённости эпизоды лишены не только причинной, но и территориальных связей. Действие рассказа с легкостью переносится из Константинополя в отдаленную малоазийскую фему, а оттуда в Сицилию, Болгарию или на Русь. Местом действия хроники практически оказывается вся византийская ой-

кумена. В такой композиции нетрудно увидеть трансформацию принципов анналистической историографии.

Весьма характерно то внимание, которое уделено автором всевозможным природным явлениям и «чудесам». Все пожары, засухи, падения звезд, землетрясения и прочее старательно фиксируется Скилицей (одних землетрясений в рассказе о правлении Михаила IV насчитывается более десяти!). В ряде случаев Скилица не только фиксирует, но и комментирует эти явления. Град, побивший посевы, — знак божий, ибо господь недоволен незаконным способом, которым новый царь пришел к власти; налет саранчи — наказание ромеям за нарушение божественных заповедей, землетрясение — кара царю Михаилу и т. д. Но и без авторского толкования византийский читатель воспринимал эти экстраординарные явления как знамения высшей воли и потому несколько не удивлялся соседству сообщений о них с рассказами о войнах, заговорах и других политических событиях. Рассказы о всевозможных чудесах, необычных явлениях и стихийных бедствиях создавали как бы второй план повествования и коррелировали реальные исторические события с бдящим божественным промыслом.

У Пселла в биографии Михаила IV, как, впрочем, и в других разделах «Хронографии», ни о каких чудесах и природных явлениях речи нет вообще, все повествование концентрируется вокруг человеческих поступков и реальных исторических событий. Если у Скилицы повествование свободно переносится в любую точку византийской ойкумены, то у Пселла оно сосредоточено вокруг императорского дворца, а точнее — вокруг личности самого императора. Лишь один раз переносит Пселл действие из Константинополя в Болгарию, и то лишь потому, что туда отправился сам царь.

Весь рассказ о Михаиле IV строится на совершенно иных структурных принципах, чем у Скилицы. Начав биографию, как и положено, с сообщения о воцарении Михаила (Михаил IV, I—V), историк тут же переходит к характеристике царя (там же, VI—VIII). Закончив ее, Пселл заявляет о необходимости «вернуть к началу свой рассказ», и далее естественно было бы ожидать повествования о «деяниях императора» (пункт III той идеальной четырехчленной схемы, которую мы выше пытались установить). Такое повествование действительно следует, но построено оно весьма оригинально. Вторично похвалив Михаила за его добрые свойства, Пселл видит единственный недостаток царя в низменных качествах его братьев (там же, X). Это замечание дает ему основание подробно описать братьев (там же, XII—XV). Затем Пселл возвращается к Михаилу и рассказывает о перемене его отношения к царице Зое (там же, XVI сл.). Главную причину этой перемены он видит в болезни императора. Отныне мотив царского недуга становится ведущим и сквозным в биографии. Пселл пове-

ствуем о страданиях царя (там же, XVIII), а потом предлагает читателю посмотреть, что делал царь между приступами болезни. В следующей короткой главе о «времени между приступами болезни» (там же, XIX) Пселл умудряется уместить рассказ о всей внешнеполитической и внутригосударственной деятельности Михаила. «Постигшая болезнь грозила уже его жизни, а Михаил как ни в чем не бывало занимался делами» — такими словами заканчивает Пселл этот раздел. Вновь подхватив мотив царского недуга, Пселл продолжает его развивать дальше. Болезнь и приближающийся конец императора активизируют интриги Иоанна Орфанотрофа, обеспокоенного судьбой царского наследия и желающего обеспечить власть за своим родом. Его усилия приводят в конце концов к усыновлению Зоей царского племянника Михаила — будущего Михаила V. После характеристики Михаила (Пселл никогда не упускает случая набросать портрет упомянутого персонажа!) историк вновь возвращается к мотиву болезни: умирающий царь строительством храма и другими богоугодными делами старается обеспечить себе спасение в загробной жизни (там же, XXXI—XXXVII). Пселл собирается уже закончить рассказ, но, вновь с похвалой упомянув царя, считает своим долгом в подтверждение высказанного им мнения, «выбрав один эпизод из многих», поведать о подавлении Михаилом болгарского восстания Петра Деляна. Впервые на протяжении всей биографии (как иллюстрация положительной оценки героя!) разворачивается более или менее подробное повествование о внешнеполитических событиях и действиях императора (там же, XXXIX—L). Из болгарского похода Михаил возвращается еле живым, и это делает естественным переход к рассказу о его постриге и смерти (там же, LI сл.).

Подобно Скилице, Пселл повествует о Михаиле IV с момента его восшествия на престол и до самой смерти, но как различается структура их рассказов (мы отвлекаемся сейчас от разницы в оценке императора)! У Скилицы элементарная от года к году повременная смена разрозненных событий, у Пселла, у которого вообще нет ни одной даты, — сложное движение и взаимосвязь эпизодов. Группируются они вокруг личности царя, сочленены словесно-ассоциативной связью и в большинстве случаев «зацеплены» за сквозной мотив царского недуга, к которому рассказ неизменно возвращается. Вместо временного развития здесь ассоциативное движение авторской мысли, лишь имитирующее движение хронологическое.

В некоторых случаях ассоциативные связи, используемые Пселлом для создания иллюзии хронологического развития, носят даже характер словесно-риторического трюка. Прекрасный в этом отношении пример содержится в биографии Константина VIII. Характеризуя своего героя и чувствуя необходимость закончить рассказ, как и положено, сообщением о смерти царя, Пселл говорит об

увлечении Константина игрой в кости, после чего следуют слова, которые лучше всего передать на русский язык образом, заимствованным из сферы игры не в кости, а в карты: «И вот его, ставящего на карту державу, таким образом постигла смерть».

Разницу между Скилицей и Пселлом нетрудно, видимо, объяснить несопоставимым интеллектуальным уровнем авторов. Первый — «один из самых сухих и, по-видимому, совершенно тупых византийских хронистов» (мы приводим крайнюю и не совсем справедливую характеристику)²⁹, второй — самый блестящий ученый и ритор эпохи. Безусловно, риторическая техника, которой великолепно владел Пселл и которая уже в X в. все больше и больше проникает в историографию³⁰, оказала на структуру «Хронографии» огромное влияние. Можно определенно утверждать, что именно из риторики заимствовал Пселл изощренное умение пользоваться ассоциативными связями и словесными сцеплениями, что, подобно Плутарху, он решает «исторические задачи риторическими средствами»³¹.

И тем не менее в структуре пселловской «Хронографии» надо видеть не только плоды искусства ритора, но и установку историка, не только блестящее владение риторической техникой, но и своеобразное видение истории.

Христианство, как известно, принесло с собой новую по сравнению с античностью концепцию исторического процесса. История стала мыслиться не как циклическое движение, а как поступательное развитие, имеющее определенное начало и конечную цель и детерминированное божественным промыслом. Трансформируя в христианском духе римскую идею «универсального государства», раннехристианские философы представляли Константинополь в виде «второго Рима» или «нового Иерусалима», Византийскую империю — как царство божие на земле, а императора — как заместника божьего»³².

Сформулированные философами и богословами, эти идеи не нашли полного воплощения в византийских исторических произведениях. Лишь Евсевий на заре развития византийской историографии более или менее последовательно излагает ход мировых событий как историю «благодатных для человека действий промысла божия» и видит содержание всемирной истории в «борьбе неба с адом». Хотя линия Евсевия практически не получила развития и сам жанр «церковной истории» вскоре иссяк, тем не

²⁹ Мы цитируем слова К. Крумбаха по кн.: Бенешевич В. Н. Очерки по истории Византии, вып. III. СПб., 1913, с. 110.

³⁰ См.: Jenkins R. The Classical Background of the Scriptorum post Theophanem. — «Dumbarton Oaks Papers», VIII, 1954.

³¹ Weizsäcker A. Untersuchungen über Plutarchs Technik. Berlin, 1931, S. 59.

³² Ссылки на новейшую литературу вопроса см.: Turner C. Pages from Late Byzantine Philosophy of History. — BZ, 57, 1964.

менее, если не всегда прямо, то косвенно, христианское «ощущение» истории нашло свое отражение в специфическом продукте послелатинского времени — уже упомянутом жанре «всемирных хроник». Создание «всемирных хроник» в средневековье (и не только в Византии) всегда находится в связи с той или иной религиозно-идеологической системой³³. Начиная рассказ от сотворения мира или человека, всякий раз заново излагая (а в некоторых случаях просто непосредственно продолжая труд предшественника), включая в повествование всю византийскую ойкумену, авторы как бы стремились охватить мироздание в целом, постичь лежащую в основе бытия идею³⁴. Хронисты не пытались логически или словесно сочлениить между собой разрозненные события и эпизоды, ибо все в мире было соединено, по их представлениям, высшей связью и явилось результатом действия божественного промысла. Нельзя, естественно, во всех византийских хронистах предполагать столь развитого религиозного сознания — вероятно, многие из них строили таким образом свои произведения просто по традиции, тем не менее именно такие идеи в конечном счете лежали в основе этого удивительно живучего жанра историографии.

Авторы «императорских хроник», т. е. той жанровой разновидности, к которой так или иначе примыкает и «Хронография» (Иоанн Малала, Симеон Логофет, Георгий Монах, Иоанн Скилица и др.), дробили свои хроники на отдельные «царствования», однако императоры играли у них роль своеобразных эпонимов, почти не влиявших на структуру и характер повествования, оставшегося каталогом или описанием сменявших друг друга разнородных событий и эпизодов.

Вышедшая из той же традиции «Хронография» по сути отрицала мировоззренческие основы, на которых жанр «Хронографии» возник и мог развиваться на протяжении всех веков византийской истории. Пселл не начинает рассказа с сотворения мира или человека. Если даже полагать, что «Краткая история» — первая часть «Хронографии», то открывается она не Адамом, а Ромулом — факт уникальный в византийском летописании. Это вообще не «всемирная хроника», а история римских царей (русское слово «римский» не может передать содержание греческого *ῥωμαῖος*, означающего как «римский», так и «византийский»). Любопытно, что история республиканского Рима, в которой не было места императорам, вообще почти обойдена молчанием, как предмет, не достойный изображения. Но главное другое. В сознании Пселла уже не существовало той универсальной связи, которая бы объединяла разнообразные события мировой истории и потому

³³ См.: *Рифтин Б.* Типология и взаимосвязи средневековых литератур. — В кн.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада М., 1974, с. 17.

делала лишним «литературное» сцепление эпизодов. Эта утерянная «всеобщая связь» компенсировалась у Пселла словесно-ассоциативными приемами, заимствованными из риторической практики, и повествование об исторических событиях уже не формально, а по существу тесно связывалось с личностью императора. Утеря «религиозно-идеологических основ» привела к выдвиганию на первый план личности исторического героя — прежде всего императора.

В этом отношении процесс развития византийской историографии в самом общем виде повторил путь историографии античной. И там системообразующая, «концептуальная» историография с определенными принципами освещения истории (Фукидид, Полибий) существует только в периоды государственного подъема, образования или расцвета новой общественной системы: греческого полиса, римской государственности. В периоды нисходящего развития историография (какого бы высокого художественного уровня она ни достигала) концентрирует свое внимание на личности «хорошего» или «плохого» императора. «Горизонт историков, прежде пытавшихся включить в поле зрения весь мир или хотя бы весь римский народ (речь идет о римской историографии. — Я. Л.), сузился до пределов императорского дворца. История стала тесно переплетаться с императорскими биографиями. Их составляли Плутарх, Светоний, позже — авторы, известные как «писатели истории августов», и многие другие, сочинения которых до нас не дошли. . . Историография теряла свою прежнюю общеполитическую и общесоциальную значимость³⁴⁻³⁵. Как античная биография «возникла и развивалась в отталкивании от монументальной историографии как порождение центробежных, антимонументалистских тенденций эллинистической культуры»³⁶, так и византийские исторические сочинения, концентрирующие свое внимание на личности государей, «возникли и развивались в отталкивании» от монументальных «всемирных хроник».

Процесс этот имел глубокие исторические корни, и не Пселл стоял у его истоков.

Более 100 лет до Пселла историки из круга «просвещенного монарха» Константина VII — Генесий и так называемые «писатели после Феофана» — начали, возрождая эллинистическую традицию, создавать произведения, охватывающие не всемирную историю, а царствования одного или нескольких императоров, произведения, содержанием которых были «деяния» и характеристики царей. Характерно уже название труда Генесия — «царствования» (*βασιλείαι*). Некоторые из этих историй превращались в настоящие жизнеописания царей: традиционное наимено-

³⁴⁻³⁵ Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975, с. 85 сл.

³⁶ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973, с. 176.

вание одной из них, принадлежащей перу самого Константина VII. — *Vita Basilii*, т. е. «Жизнеописание Василия» (имеется в виду Василий I Македонянин), — весьма точно отражает ее содержание. Эта идущая от эллинистических истоков линия³⁷ продолжалась и дальше. Фактически описанием «царских деяний» была история и Льва Диакона (конец X в.), и современника Пселла Михаила Атталиата.

Таким образом, если по жанровым корням «Хронография» примыкает к «всемирным хроникам», то в отношении содержания ее нужно рассматривать в русле возрожденной древней традиции «царской истории»³⁸. Однако между «Хронографией» Пселла и современной ему историографией — огромная дистанция. Чтобы это показать, вновь прибегнем к методу сравнения, и его объектом возьмем на этот раз «Историю» Михаила Атталиата. Время жизни обоих авторов примерно совпадает, оба обладали высокими титулами, занимали важные государственные посты и пользовались милостями царствующих императоров, оба писали не понаслышке, а были свидетелями и участниками многих важных политических и исторических событий. Атталиат, подобно Пселлу, принадлежал к интеллектуальной верхушке общества и (в этом важное отличие обоих от Скилицы!) не только не умаляет своей роли в событиях и при царском дворе, но всячески ее подчеркивает и даже преувеличивает.

Сходны в целом и воззрения обоих писателей на движение истории. Наряду с общей провиденциалистской концепцией Атталиат не склонен принижать значение человеческой деятельности и активности. Удачи по Атталиату — дело божественного провидения, несчастья — следствия человеческих грехов (Аттал., с. 86), мысль, весьма напоминающая приведенные уже рассуждения Пселла о том, что все находится в зависимости от божественного провидения, «если только наша природа не извращена» (см. выше, с. 237). Идея кары божьей за человеческие грехи, столь часто повторяемая Скилицей, хотя и разделяется Атталиатом, но с известной долей скептицизма (см. Аттал., с. 97).

Как и Пселл, Атталиат дробит повествование на рассказы об отдельных «царствованиях», каждый из которых представляет собой логическое и даже композиционное целое. Такое разделение отнюдь не формально, и имя царя — вовсе не «эпоним» действия: рассказ действительно концентрируется вокруг фигуры импера-

³⁷ Об эллинистических корнях византийской историографии X в. см.: *Alexander P. Secular Biography at Byzantium*. — «*Speculum*», XV, 1948; *Jenkins R.* Op. cit.

³⁸ Делая такое утверждение, трудно не вспомнить приведенные выше (см. с. 239 и сл.) замечания Пселла о жанровой природе его «Хронографии». Ведь как раз о среднем пути между этими двумя линиями в историографии и говорит историк!

тора, более того — удачи и неудачи империи часто прямо выводятся из достоинств или недостатков царя.

Как и при сравнении Пселла со Скилицей, мы остановились на сходстве, чтобы еще ярче были видны различия. Покажем их, сопоставив разделы о Константине IX Мономахе в обеих «историях». Рассказ Атталната о Константине IX — история деяний царя, который в этой биографии чаще оказывается лицом, страдающим от всевозможных обрушивающихся на него бед, нежели фигурой активной. Не успел Константин прийти к власти, как начинается мятеж Георгия Маниака (Аттал., с. 18). Едва избавился царь от этой напасти, как к стенам Константинополя приближается русская флотилия. Победоносно закончив войну, император принялся за устройство гражданских дел, и его стараниями были открыты юридическая и философская школы. Против Константина поднимается мятеж Льва Торника, царь успешно подавляет восстание. Тем временем печенеги переправляются через Дунай и поселяются во владениях империи. Царь борется с печенегами, но, не имея сил противостоять захватчикам, начинает задабривать их дарами. На Ивирию нападают сельджуки, царские войска противостоят нашествию, и эта борьба длится до смерти императора. Кончина Константина позволяет автору дать развернутую характеристику царя. В рамках характеристики, как иллюстрация «черт» Константина, сообщается и о некоторых его поступках (строительство храма и другие). «Заключительная характеристика» — это обычный элемент, завершающий жизнеописание царя в античной историографии — так называемый *elogium*.

Биография Константина Мономаха в «Хронографии» занимает около трети произведения и представляет собой самый сложно построенный и, пожалуй, наиболее интересный ее раздел. После подробного рассказа о воцарении Константина (Зоя и Феодора, Константин IX, XV—XXI) следуют пространные рассуждения о позиции автора-историка, завершающиеся утверждением о противоречивости характера нового императора. Этот тезис (Константин — «соседство противоположностей») является по сути дела той «предварительной характеристикой», которая у Пселла следует обычно за сообщением о воцарении и является обязательным компонентом композиционной схемы каждой биографии. Следующий затем раздел «деяния императора» строится по уже известным нам принципам. Хронологическое движение материала достигается с помощью изысканных ассоциативных связей, а реальные исторические события оказываются включенными в повествование о главном герое.

Как и полагается историку, Пселл начинает с первых мер пришедшего к власти Константина, но быстро переходит к новой характеристике его качеств. Мономах обладал добрым и приятным

нравом, но отличался легкомыслием (подтверждение тому — любовная связь царя со Склиреной). Мономах не желает заниматься государственными делами (в подтверждение — повествование о «бедах», обрушившихся на империю: восстание Георгия Маниака, нападение русского флота, мятеж Льва Торника). Царь беспечен, в том числе и по отношению к своему здоровью и безопасности (в качестве иллюстрации — рассказ о двух последовательных покушениях на Константина). По всем принятым в «Хронографии» правилам, повествование должно приблизиться к концу: Пселл уже описал внешность императора, поведал о его болезни, но историк вдруг спохватывается, что много упустил, возвращается назад и как бы вновь начинает рассказ: «Как и обычно в этом сочинении, я многое в своем рассказе опустил и потому снова должен вернуться к Константину. Но прежде я обращусь к Зое и, завершив повествование сообщением о смерти царицы, примусь за новый рассказ» (там же, CLVI). Таким образом, все, о чем говорил Пселл до сих пор, оказывается как бы «первым рассказом», за которым должен последовать некий «новый рассказ». «Новый рассказ» композиционно параллелен первому и соответствует уже установленному нами типу построения биографий. За «предварительной характеристикой» следует новое перечисление свойств императора (милосердие, страсть к развлечениям, неуравновешенность характера и т. д.). И лишь после этого Пселл возвращается к болезни царя и сообщает о его смерти. Происходит весьма любопытное дублирование композиционной схемы биографии. Остается добавить, что в раздел о Константине Мономахе включены два больших экскурса о собственной персоне и обширная характеристика царицы Зои.

Никакое схематическое изложение не в состоянии передать действительной сложности композиции биографии Константина Мономаха, построенной как непринужденное изложение со свободным движением мысли, необязательными переносами, едва уловимыми ассоциативными переходами, но непременно концентрирующимися вокруг личности главного героя. «Рассказ о нем, изменяясь и преобразуясь вместе с героем, кажется противоречивым. Тем не менее составлен он по законам правды, а не риторики и как бы уподобляется и соперничает царю». Эту характеристику мы заимствовали не у современных критиков, — она принадлежит самому Пселлу (там же, IX, ССIII).

Если рассказ Атталиата — хронологическая смена эпизодов, связанных с личностью императора, характеристика которого вынесена в конец в виде самостоятельного небольшого раздела, то биография у Пселла — по сути дела сама по себе усложненная характеристика героя, в которой растворяется исторический материал, характеристика, «замаскированная» (термин не совсем точный, потому что речь идет не о сознательном акте) под историю.

Последнее утверждение нуждается в уточнении. Исторический материал и личность героя, в первую очередь императора, в «Хронографии» — нерасчлененное единство, в котором последняя играет явно доминирующую роль. Особенно ясно это видно в биографии Исаака I Комнина. Вся история его царствования разбивается на три «периода» (так мы в данном случае переводим греческое *καίρος*), которые последовательно описываются историком и разбирают повествование на три части. Первый период — время прогрессирующей болезни государства, когда тело государства «болезненно расползло и разбухло от губительных соков» (многозначная метафора, означающая и утерю империей прежней мощи и силы во время правления «слабых императоров», и «перенасыщение» приближенной к царю верхушки синклитиков, «перекормленной» чинами и раздачами, — один образ у Пселла постоянно переходит в другой). Второй период — время, когда государь преждевременно применил сильнодействующие средства (имеются в виду похвалы, с точки зрения историка, но скоропалительные меры императора для «лечения» государства). Третий период — время, когда не достигший результата царь под влиянием неблагоприятных обстоятельств переменился к худшему, что в свою очередь навлекло новые беды на империю. История и образ героя в этой биографии как бы сливаются в нераздельное целое: первый период у Пселла — «болезнь» государства, второй и третий — поступки и характер Исаака. То и другое тесно между собой переплетено. Временное движение материала подменено эволюцией нрава императора, хронологическая последовательность уступает место «хронологии характера».

Пселл не только растворяет исторический материал в личности героя, но иногда искажает последовательность событий в угоду своей концепции характера персонажа. Так случилось, например, в биографии Василия II. Согласно историка, изгнание фаворита Василия II — паракимомена Василия произошло после гибели мятежника Варды Фоки, на самом же деле оно имело место за четыре года до этого события. Реальная последовательность событий, видимо, не устраивала историка, ибо, с его точки зрения, мятеж Варды Фоки стал одной из причин ухудшения нрава императора, а акт неблагодарности — изгнание паракимомена — его следствием.

Пселл ощущает себя не столько историком, излагающим и организующим материал действительности, сколько своеобразным режиссером драмы на историческую тему. Эта художническая и совсем не средневековая раскованность Пселла может быть иллюстрирована примером из упоминавшейся биографии Константина Мономаха. Начав рассказ о законной жене легкомысленного императора Зое, писатель замечает (Зоя и Феодора, LXV): «Расскажу о ней подробней, пока самодержец блаженствует со своей севастой»

(т. е. с любовницей Константина Склиреной, об открытой и шокирующей окружающих связи, о которой писатель только что рассказывал). Следующий затем рассказ о Зое заканчивается словами: «Доведя до этого места повествование о царице, снова вернемся к севасте и самодержцу и, если угодно, разбудим их, разъединим и Константина прибережем для дальнейшего рассказа, а жизнь Склирены завершим уже здесь» (там же, LXVIII). В данном случае уничтожается дистанция между героями и автором, между прошлым и настоящим (Пселл пишет через десятилетия после смерти любовников), и все течение событий подчиняется произволу художника.

Итак, процесс разложения «монументальной» истории находит у Пселла предельное выражение. Последнее, конечно, вовсе не означает, что сама «монументальная» история прекратила существование, напротив, «всемирные хроники» продолжали создаваться до самого конца Византийской империи. У Пселла исчезла не только концепция истории, но если угодно, и сама история, растворяющаяся в личности исторического героя. «Хронография» подходит уже к той грани, за которой вообще вряд ли возможно существование историографического жанра.

Как уже говорилось, процесс разложения «монументальной» истории происходит тогда, когда кризис переживает религиозно-идеологическая система, бывшая ее основой. В XI в., во всяком случае в кругах интеллектуальной элиты, этот кризис ощущался уже весьма остро. Для части византийских интеллектуалов в это время постепенно теряют свое значение сами устои византийской жизни. Догматы христианской религии, безусловно, оставались — и будут еще долго оставаться — объектом непререкаемой веры, тем не менее они превращаются в некую обязательную данность, не способную воодушевить на самоотверженное служение в жизни и на вдохновенное воплощение в литературе. Тем более дискредитируется идея богоизбранничества ромеев. Страна, на престоле которой чередой сменяют друг друга слабые и ничтожные императоры, страна не находящая сил обеспечить безопасность собственных границ, очень мало подходила для роли «второго Рима» или «нового Иерусалима». Терпят крах и прежние универсалистские представления. Иначе говоря, начинает рушиться система иерархического порядка, та *taxis*, которой в глазах византийца подчинялся весь мир и его собственная жизнь³⁹. Наиболее яркое воплощение эти тенденции нашли в личностях и творчестве Михаила Пселла и его ученика Иоанна Итала. Всеядный интеллект и необыкновенно «гибкие» нравственные устои Пселла как раз и были крайним выражением процесса разложения традиционного визан-

³⁹ См.: Ahrweiler H. *Idéologie politique de l'Empire Byzantin*. Paris, 1975, p. 134 sq.

тийского «миропорядка» — *τάξις*. Именно такой писатель, как Пселл, и был способен создать «Хронографию» в ее парадоксальной для Византии XI в. литературной форме.

*

«Растворение» исторического материала, «исчезновение» истории тем не менее не только не умаляют роли «Хронографии» как исторического источника, но, напротив, определяют ее ценность. То, что можно было бы принять за слабость «Хронографии», — на самом деле и ее сила. Раскованность метода историка, его несвязанность наперед заданными концепциями позволили Пселлу создать такие образы современников, нарисовать такие картины жизни Византии XI в., равные которым вряд ли вообще можно найти в византийской литературе.

Главное и наиболее интересное в «Хронографии» — образы исторических героев. Современные исследователи не раз восхищались умением Пселла рисовать портреты современников, искусством оживлять предметы и лица и даже сравнивали в этом отношении византийского писателя с Шекспиром и Достоевским. Искусство психологического проникновения, поражающее современных ценителей творчества Пселла, было вполне осознано и, более того, составляло предмет гордости самого писателя. «... Я проник в твою душу и понимаю тебя лучше, чем ты самого себя», — пишет он митрополиту Амасии (Курц—Дрексль, II, с. 162). «Как никто другой, — похваляется Пселл, — способен я распознавать людей и посредством своих чувств проникать в душу и постигать ее, отраженную в бровях и глазах» (Курц—Дрексль, I, с. 77). На каких же принципах строится портрет исторического героя в «Хронографии» Пселла?

Византийская литература, во всяком случае до XII в., как и большинство литератур «средневековой системы», не знала вымышленного героя. Все ее персонажи — или исторические, или претендующие на историчность. Исторический герой был предметом более или менее развернутой характеристики в произведениях трех жанров: агнографии, «похвального слова» — энкомия (или его антипода: «поношения» — «псогоса») и историографии. Стиль характеристики (как и вообще стиль произведения в широком смысле слова) почти полностью зависел от жанра. Житийный герой по сути дела обладал одной и той же постоянной чертой — святостью. В задачу агнографа входила лишь иллюстрация этого определенного условиями жанра свойства, которое он каждый раз раскрывал и по-новому утверждал в серии эпизодов искушений, добровольного подвижничества или мученичества героя. В результате агнографическое произведение (мы отвлекаемся от возможных вариантов) превращалось в цепочку «подвигов» героя, вновь и вновь подтверждавших его святость. Эту цепочку можно было бы

произвольно сократить или удлинить, ничего при этом не убавив и не прибавив к характеристике объекта изображения. Сам Пселл дал образец такой характеристики в единственном написанном им житии — «Житии св. Авксентия».

Агиография и энкомий — единственные жанры, в которых изображение героя является основной и специальной задачей авторов. В историографии характеристика императора (если она вообще есть) дается в связи с рассказом об исторических событиях и царских деяниях. Ее стиль зависит от отношения писателя к изображаемому лицу. Она может строиться по принципам похвального слова, если автор хочет прославить своего героя (см., например, изображение Исаака I Комнина, Романа IV Диогена, Никифора III Вотаниата у Михаила Атталиата), может превращаться в «поношение» (например, портреты императоров-иконоборцев у ряда хронистов), но может и претендовать на определенную объективность, если отношение историка к герою неоднозначно. Так, Константин X Дука у Атталиата радеет о пополнении казны и правосудии, но мало заботится о военных успехах империи; это милостивый, благочестивый и щедрый царь, но оказывает благодеяние он только немногим избранным, и его политика оказалась причиной упадка государства, хотя вину скорее нужно возлагать не на самого царя, а на его дурных советников (Аттал., с. 76 сл.). Портрет Константина X далек от энкомиастического стандарта, но это портрет «функциональный», в котором историка интересуют лишь свойства и качества государственного мужа, так или иначе влияющие на деятельность императора и вообще на исторические события.

Во всех случаях связь между характеристикой героя и историческими повествованиями поверхностна. Портрет императора или предшествует изложению, или его заключает, или, наконец, на манер отступления вставлен в середину. Его почти всегда можно безболезненно изъять, не нарушив структуры рассказа. Немало подобного рода характеристик содержится и в «Хронографии» Пселла. Многие из них написаны с неподражаемым художественным мастерством, но не в них своеобразие и сила Пселла художника.

Пселл не только осознает свое искусство психологического проникновения, но неоднократно и декларирует собственные взгляды на природу человеческого характера, в которых причудливо переплетались «античные» и «византийские» черты. В полном согласии с античной психологической теорией Пселл различает в человеке врожденную природу (*φύσις*) и благоприобретенные в результате воспитания и жизненной практики свойства, составляющие так называемый «этос» (*ἦθος*): «первая — от родителей, второй — от воспитания» (Сафа, V, с. 97). В душе человека историк видит два начала: «разумное» и «неразумное» (Сафа, IV, с. 331 сл.). «Так

вот составлена наша природа. Мы представляем собой смешение разумного и неразумного, причем разумного в нас меньше, чем неразумного. В первом из них мысль, по которой мы существуем, во втором чувственное восприятие, представление, воображение и большинство мнений. Из этих свойств, разумных и неразумных, мы состоим, и никто из нас не является только разумным или только неразумным. Разуму, как господину и царю, необходимо владычество над тем, что ниже его и чем он управляет, как конем и колесницей. Поэтому служат ему органы чувств, восприятие, впечатления и постигающее их смысл мнение, желание внешних благ, благородный и воинственный дух, вождение и прочие проявления наших свойств» (Сафа, V, с. 435 сл.). Из этих слов ясно: помимо разума, Пселл признает в человеке не контролируемую рассудком сферу, в которую наряду с первыми ступенями познания (чувственное восприятие, представление, мнение) входит то, что, пользуясь современными определениями, можно было бы назвать областью подсознательного и инстинктивного.

Излюбленный тезис Пселла — утверждение о подвижности, изменчивости и противоречивости человеческого характера. В наиболее законченном виде эта мысль высказана в уже цитированных строчках «Хронографии», посвященных Константину Мономаху. Главное свойство императора, по Пселлу, это «соседство противоположностей». Ни один из людей, а тем более из императоров, не остается неизменным до конца своих дней, одни становятся лучше, другие — хуже. Сдвиги в характере происходят по имманентным причинам, но большей частью под влиянием внешних обстоятельств: «изменчива природа людей, особенно если для изменений есть серьезные внешние причины» (Евдокия, Роман IV, V). Истоки представлений Пселла о принципиальной противоречивости человеческой природы нетрудно обнаружить как в античной диалектике, так и в неплатонической философии, адептом которой был писатель. Но коренятся они, скорее всего, в особенностях византийского сознания и православной теологии, для которых сосуществование тезы и антитезы было не только допустимым, но подчас и обязательным⁴⁰. Оставляя в стороне другие общеизвестные философские противоречия, которые христианские теологи пытались решить с помощью диалектических допущений, напомним, что с богословской точки зрения человек и был как раз классическим примером «совмещения несовместимого». Человек «смертен и бессмертен», «велик и ничтожен», он «необычайное смешение противоположностей», — пишет в «Слове о душе» современник Пселла богослов Никита Стифат⁴¹. Что касается взгляда на человека как

⁴⁰ См.: Бычков В. Из истории византийской эстетики. — ВВ, 37, 1976, с. 165 сл.

⁴¹ *Nicetas Stéthatos*. Opuscules et lettres. Paris, 1961, p. 78 sq.

на существо непостоянное и изменчивое, то он тоже не был особенностью мировоззрения Пселла, а входил в систему этических представлений византийцев. Во всяком случае, другой современник Пселла — Кекавмен, не отличавшийся, видимо, глубокой образованностью, замечает: «Природа человеческая изменчива и непостоянна, и то обращается от добра ко злу, то склоняется от зла к добру» (Кекавмен, с. 230—231).

Наверно, не имело бы смысла излагать не блещущие оригинальностью теоретические воззрения Пселла на человеческую природу, если бы они не стали принципами его художественной практики. Специфика пселловского метода создания образов проявляется уже в первоэлементах характеристик — определении отдельных свойств героя. «Сильный телом, он был труслив душой...»; «легко поддающийся гневу, он не был чужд и сострадания...»; «благодетельствовать подданных он умел лучше любого другого императора, однако в милостях не соблюдал справедливости...»; «с науками он был не очень знаком и лишь слегка, по-ученически причастен к эллинской образованности, но, человек от природы способный и приятный, владея бойким и изящным слогом, он прекрасными речами помогал появляться на свет мыслям, рожденным в его душе» (Константин VIII, VI). Приведенные цитаты взяты из небольшой биографии Константина VIII, но аналогичные примеры можно было бы привести и из других разделов «Хронографии». Во всех характеристиках — одна особенность: они двучленны по своему построению. Тезис сопровождается в них антитезисом, корректирующим, ограничивающим или частично отрицающим основное утверждение. Свойства героев Пселла не абсолютны, сфера их проявления ограничена временем, ситуацией или другой чертой характера. Качества героя не подпадают под какое-то стандартизованное свойство, а индивидуализированы и по сути внутренне диалектичны.

Эта диалектичность бывает свойственна не только отдельной черте, но и характеристике в целом. Великолепный тому пример — образ Иоанна Орфанотрофа. Человек умный, деятельный и проницательный, он рьяно заботился о государственных делах, но никого не хотел обижать и принимал грозный вид только для устрашения провинившихся. Государственные заботы не оставляли его даже на пирах, и ничто не могло укрыться от его бдительного взора. Поэтому все страшилось и опасалось Иоанна. Он был изменчив и непостоянен, желал придать своему образу жизни царское великолепие, но был склонен к пьянству и, напившись, пускался во всякие безобразия, хотя и в состоянии опьянения не прекращал бдительно наблюдать за поведением присутствующих. В этом человеке смешались разные свойства: уже давно приняв постриг, он и во сне не помышлял о монашеском благочестии, в то же время лицемерно исполнял все положенное свыше монахам

и выказывал полное презрение к живущим распутно. При этом он был враждебен каждому, кто избрал благообразную жизнь, жил в добродетели или украшал жизнь светскими науками, и всеми способами унижал предмет их рвения. Так нелепо вел он себя со всеми, но к брату-императору всегда сохранял неизменное расположение и проявлял тут постоянство нрава» (Михаил IV, XIV). Диалектизм характеристики достигает здесь апогея. За каждым утверждением следует ограничение или отрицание, за каждой тезой — антитеза. Обычная двучленность превращается в «многочленность» (ср. последнюю цитату: Иоанн — монах, но не благочестив, в то же время порицает нечестивцев, но враждебен к благочестивым людям). Мысль автора, как бы следуя и «сопереживая» персонажу (пользуемся выражением самого Пселла), противоречит самой себе и вместе с тем самой своей противоположностью создает сложный образ героя.

Иоанн Орфанотроф — персонаж второстепенный (при обрисовке второстепенных образов, особенности метода писателей часто проявляются ярче, чем при изображении главных героев!), но индивидуальность и диалектичность — отличительные свойства характера и большинства главных героев «Хронографии».

Индивидуальность обрисовки пселловских героев легко обнаруживается при сравнении их между собой. Михаил V — один из самых «отрицательных» персонажей «Хронографии». Этот образ, однако, не сводится к фигуре «злодея на троне», свойственной историографии предшествовавших веков. Уже первые описания (Михаил тогда еще только наследник престола) содержат указание на основное качество, которое в дальнейшем станет лейтмотивом образа: «Этот человек скрывал, как никто другой, огонь под золой — я имею в виду дурной нрав под маской благомыслия, — питал злые намерения и желания, пренебрегал своими благоделами... Однако все это он умел прятать под притворной маской» (Михаил IV, XXVIII). Еще до вступления на престол кесарь Михаил с наслаждением предвкушает момент, когда он расправится со своими доброжелателями, и особенно с Иоанном Орфанотрофом, которому более всего обязан. Именно по отношению к нему Михаил ведет себя наиболее лицемерно. В отношениях между этими людьми возникает сложная ситуация. Иоанн — «более проникательный, чем Михаил лицемерный» — знает об истинных намерениях будущего императора, но до времени не обнаруживает этого знания. В результате Михаил и Иоанн втайне злоумышляют друг против друга, но изображают доброе расположение, и, хотя каждый думает, что его намерения неизвестны другому, оба хорошо понимают, чего хочет противник.

С восшествием на престол Михаила эта драматическая ситуация получает свое развитие. В первое время молодой император дружелюбно и даже подобострастно относится к царице Зое и

Иоанну Орфанотрофу, однако вскоре обнаруживает истинные намерения. Образ Михаила, казалось бы, совершенно ясен, тем не менее Пселл считает нужным дать ему — на сей раз прямую — характеристику: «В жизни своей этот человек был существом пестрым, с душой многообразной и непостоянной, его речь была не в ладах с сердцем, на уме он имел одно, а на устах другое... Часто вечером сажал он за свой стол и пил из одного кубка с теми, кого уже наутро собирался подвергнуть жестокому наказанию» (Михаил V, IX). Заключительная сцена ослепления императора завершает его образ: царь не находит в себе сил мужественно встретить испытание, он рыдает, молит о пощаде, проявляя неблагодарство и низость натуры.

«Лицемерие» (*προσποίησις*) оказывается в «Хронографии» ведущей чертой и другого образа — Романа III Аргира. Описание этого императора начинается с характеристики, близкой к панегирической. «Этот муж был воспитан на эллинских науках и приобщен к знаниям, которые доставляются наукой латинской, отличался изящной речью, внушительным голосом, ростом героя и истинно царской внешностью» (Роман III, II). Но уже следующая фраза (это обычно для двучленных характеристик) значительно снижает впечатление от первого утверждения: «Однако о знаниях своих мнил много больше, чем они заслуживали». Это противоречие между претензиями и действительностью отныне становится ключом к образу императора. Роман хочет подражать великим древним государям Марку Аврелию и Августу в занятиях науками и в военном деле, но в последнем он был полным невеждой; а науки знал очень поверхностно. Император, пишет Пселл, занимался философско-теологическими проблемами, однако это было «маской и лицемерием», а не выяснением и исследованием истины. Да и вообще деятельность императора могла бы принести немалую пользу, если бы не представляла собой «воображение и лицемерие». Однако между лицемерием Романа и лицемерием Михаила — большая дистанция. Для Михаила — это сознательно надетая маска, имеющая целью обман и мистификацию, Роман III притворяется перед самим собой. Его претензии оказываются в постоянном противоречии с его возможностями, а жертвой этого противоречия он прежде всего оказывается сам: «Сомнение и напряжение сверх меры сил души ввели его в заблуждение в вещах весьма значительных» (там же). Основная черта героя — лицемерие (если не в прямых оценках, то в многочисленных образных деталях, косвенных характеристиках) — постоянно подчеркивается Пселлом. Описывая, например, вступление царя в Антиохию, историк замечает, что «процессия его выглядела царственно, но скорее театрально, чем побоевому (Роман III, VIII)». «Театральность» императорской процессии соотносится в представлении читателя со стремлением героя к чисто внешней эффектности. Во время того же похода

враги предлагали Роману мир, но он, «будто рожденный лишь для того, чтобы располагать и строить в боевые ряды войско, устраивать засады и набеги, копать рвы, отводить реки, разорять крепости и делать все, чем, как известно, занимались знаменитый Траян, Адриан, еще раньше цезарь Август, а до них Александр, сын Филиппа, отправил посольство назад» (там же). «Великие предки» фигурируют здесь не случайно: авторская речь воспроизводит ход мыслей героя, подражающего древним государям. Вообще стремление уподобиться легендарным правителям — постоянное свойство Романа. Царь, например, строит церковь, соревнуясь со знаменитым царем Соломоном и подражая самодержцу Юстиниану. Не благочестие, а стремление походить на властителей прошлого движет византийским императором.

Нетрудно видеть, что Михаила V и Романа III объединяет лишь общность «родового» качества — лицемерия. В остальном это совершенно различные образы. У каждого из героев свой, характерный именно для него тип лицемерия. Внимание историка направлено не на общее, «родовое», а на частное, индивидуальное.

Индивидуальность персонажа, говорили мы, сочетается у Пселла с его внутренней диалектичностью, проявляющейся не только в изменчивости героя, но и в неоднозначности, противоречивости его образа. Так, первая характеристика Исаака Комнина создает возвышенный, героический образ. У Исаака властный вид, благородство мыслей, душевная твердость, он «благородный» полководец. Повстанец Исаак необычайно деятелен и целеустремлен, он проводит ночи в беспокойных мыслях, дни посвящает делам. Действия его отличаются разумностью — Пселл дважды отмечает, что Исаак действует «скорее разумно, чем дерзко». В облике героя подчеркивается сдержанная суровость: Комнин никогда не обнажал меча на провинившегося, но его нахмуренные брови действовали сильнее любого удара. В некоторых эпизодах фигура императора окружена героическим ореолом. Таков он в батальной сцене, когда четыре «скифа», приставив с разных сторон копьяд к Исааку, удержали его в седле. Такова по-царски величественная картина приема Исааком императорского посольства во главе с Лихудом и Пселлом и т. д.

Императору-воину присуща государственная мудрость: он с необычайным вниманием прислушивается к советам (черта, чрезвычайно ценящаяся Пселлом, тем более что в качестве советчика выступает он сам) и философски относится к собственным успехам, полагая, что чрезмерная удача редко приводит к хорошему исходу.

Энкомиастические нотки первых описаний подготавливает торжественно-панегирический стиль рассказа о восшествии на престол и о первых шагах нового императора. Исаак, «человек дела», «не успев еще отряхнуть с себя пыль сражений, сменить платье... и, подобно моряку, нашедшему спасение в спокойной гавани от пу-

чины и бури, обтереть с губ соль и перевести дух», принялся за государственные дела и приступил к управлению (Михаил VI, Исаак I Комнин, XLIV).

Традиционной условности стиля соответствует и экономастический тип изображения героя: император уподобляется восходящему солнцу, лучи которого разгоняют облака. Его образ создается с помощью ряда графически четких сцен, запечатленных как бы наблюдателем «извне». Император на троне, проникнутый государственными заботами, суров и непреклонен, казалось, нрав его не может смягчиться. Но тот же император, находясь в домашней обстановке или раздавая должности, неожиданно превращается в «мягкого и доступного». Одна и та же струна, пишет Пселл, издает то резкие, то гармонические звуки, император — «двойной», в нем совмещены несовместимые свойства.

Другой эпизод рисует «грозного» Исаака. Император поднимается на трон, кругом располагаются синклитики; сначала он не произносит ни слова, но, как бы отдавшись размышлениям, сохраняет на лице точное «Ксенократово выражение»⁴². Собравшихся охватывает страх. Одни застывают на месте, как от удара молнии, стоят «высохшие, обескровленные», словно лишенные души, другие бесшумно двигаются, третьи еще крепче охватывают руками грудь, склоняются вниз и усилием воли стараются заставить себя стоять неподвижно. Сцена замечательна своей статичной монументальностью. Вместе с тем, как это ни парадоксально, в ней присутствует и доля легкой иронии. Император здесь не только на самом деле величествен, но еще и изображает величие. Его действия заранее рассчитаны на определенный внешний эффект: Исаак «как бы» (ὡς) предается размышлениям, «копирует» (μιμησάμενος) «точное» (ἀκριβῶς) «Ксенократово выражение» лица. Еле заметный иронический подтекст сохраняется и в дальнейшем изложении.

Император был немногословен, продолжает Пселл, как Лисий, умел обуздывать свою речь, его молчание было красноречивей слов, а кивок головой и жест могли заменить обильные словоизлияния. Все это, конечно, совершенно серьезно. Но тут же следует описание Исаака в роли судебного арбитра: несведущий в законах император не берет на себя вынесение приговоров, а поручает его судьям. Тем не менее он делает вид, будто заранее знает содержание приговора, более того, выдает себя за его автора. Вместе с тем, не желая продемонстрировать неправильное произношение юридических терминов, Исаак сам не зачитывает приговор, но всегда что-то добавляет или убавляет в тексте, когда его оглашает кто-то другой. И здесь усилия Исаака направлены на создание внешнего впечатления, сокрытие собственных недостатков. Общий экономастический тон первой части биографии, несмотря на элемент иро-

⁴² См. с. 291, прим 41

нии, настораживает: Пселл пишет об Исааке уже после его смерти. И действительно, дальнейший рассказ («детальная характеристика» или «деяния» — по нашей классификации) приносит нечто новое. Оказывается, что все положительные свойства императора, декларированные писателем, не дают никаких результатов, их влияние сводится на нет нетерпеливостью и поспешностью Исаака. Последний все стремится делать немедленно, избыток напористости и приводит его к неудачам. В свою очередь неудачи изменяют характер и образ жизни Исаака, который стал не в меру суров, начал презрительно относиться к окружающим и почти все время проводил на охоте.

Восхищение императором заставляет Пселла прибегать к редким в «Хронографии» энкомиастическим приемам изображения, однако второй частью биографии писатель сводит на нет или, во всяком случае, значительно ограничивает высокую оценку героя в первой части. «Двучленность», вообще свойственная пселловским характеристикам, проведена здесь в масштабе целого жизнеописания. Интересно, что даже в панегирическом разделе биографии монументально-торжественный стиль смягчен легким ироническим подтекстом: отношение автора к герою в «Хронографии» лишено догматической однозначности.

Еще сложнее фигура Константина Мономаха. Грани этого образа нечетки и размыты, ни одно его свойство не получает однозначной оценки, каждое из них одновременно «хорошо» и «плохо», «положительное» с легкостью переходит в «отрицательное» и наоборот. Усложнение исторического образа у Пселла — явление принципиально новое в византийской литературе. Черты героя Пселла — не равноправные детали в мозаике «добродетелей» или «пороков», а взаимосвязанные элементы единой картины, группирующиеся в сложных взаимоотношениях вокруг одного или нескольких свойств, составляющих сердцевину образа. Образ в «Хронографии» — структурное единство, и изъятие любого из его элементов (в отличие от агиографии или энкомия!) наносит непоправимый ущерб целому. Изъятие самого образа из «Хронографии» (в отличие от прочих византийских историографических произведений) — почти такая же невозможная операция, как, скажем, изъятие из «Войны и мира» образов Андрея Болконского, Пьера Безухова или Наташи Ростовской. Действительность воспринимается Пселлом в большей мере по законам художественного отражения, нежели исторического изображения. Скажем иначе. В «Хронографии» наряду с историческим повествованием, принципам которого субъективно следует Пселл, возникает картина действительности, построенная по законам, близким к законам художественного воспроизведения в новом смысле слова. Факт весьма примечательный в Византии, не выработавшей понятия, аналогичного современному термину «художественная литература».

Делая вывод на первый взгляд столь парадоксальный, мы менее всего хотели бы создать впечатление изолированности «Хронографии» от византийской и вообще средневековой литературы. Со средневековым «Хронография» (не говоря уже о ее жанровых истоках) связана многими нитями. Отдельные персонажи сочинения (Михаил VII, например) обрисованы по принципам энкомиастического героя; не умеет Пселл создать адекватного внешнего портрета персонажа, его образная система, особенно сравнения, часто не отличается оригинальностью, да и сама мысль историка нередко сбивается на трафаретную дорогу. Вряд ли, однако, детальное описание подобных «истоков» «Хронографии» может принести серьезные результаты: никакие «истоки» в конечном счете не объясняют появления литературных шедевров.

Образы «Хронографии» дают современному историку беспрецедентную возможность проникнуть во внутренний мир, понять скрытые пружины действий исторических деятелей Византии XI в. Но не только образы. Многочисленные исторические детали и эпизоды, обычно укрывающиеся от взора других историографов, предоставляют современному исследователю поистине бесценный материал. Однако сделаем одну оговорку. «Хронографию» нельзя оценивать, пользуясь критериями, обычными при анализе рядовой византийской хроники. Подход к ней должен быть скорее сродни методу исторического исследования памятников художественной литературы. А художественная литература, как известно, подчас служит незаменимым источником для восстановления исторической действительности минувших столетий.

*

Итак, творчество Пселла, как и его личность, при всех традиционных чертах, — явление исключительное в византийской литературе. В риторике, говорили мы, Пселл следует ораторским канонам, но в ряде речей настолько искусно манипулирует «правилами», что создает сложные и разнообразные произведения и по существу поддразывает сами каноны. Но истинный «взрыв» литературной традиции происходит в «Хронографии», в которой используется принципиально новый метод изображения реальности. Литература «средневековой системы» была весьма тесно, гораздо тесней и, во всяком случае, непосредственней, чем в новое время, связана с исторической реальностью. Однако это была связь особого рода. Жанры словесности удовлетворяли в средние века вполне конкретные потребности жизненной практики, церковного богослужения, придворного церемониала и т. д. и служили определенным внеположенным литературе целям. Подчас литературные произведения непосредственно включались в жизненную практику, становясь составной частью религиозного ритуала (гимнография) или дворцо-

вых церемоний (похвальное слово). Историография в этом смысле в Византии всегда была более свободна, хотя и подчинялась диктату внеположенных литературе факторов (например, хронологически последовательное изложение событий в хрониках), не говоря уже о целой системе связывающих византийского писателя клише, выработанных внутри самой литературы, но в конечном счете зависящих от тех же внешних факторов.

Именно в этом соотношении «литература — действительность», с нашей точки зрения, и произвела «взрыв» «Хронография». Действительность здесь, пропущенная через творческое сознание писателя, как бы заново воссоздается в произведении, образуя новую и уже художественную реальность. Композиция «Хронографии» не следует (или следует лишь внешне) действительной последовательности событий, а подчинена художественной задаче писателя. Образы «Хронографии» определяются не риторической схемой, а художественной логикой.

Почему Пселл — автор десятков многостраничных произведений — только в одной «Хронографии» так резко порывает с традицией? Объяснить это в какой-то степени могут два обстоятельства. Во-первых, как уже говорилось, историография всегда была в Византии жанром, наиболее свободным от канонических предписаний. Истина наряду с пользой упорно, в том числе и Пселлом, провозглашается целью и смыслом исторического повествования. Пселл настаивает главным образом на истине. Во-вторых, как бы ни было велико значение «Хронографии», для самого Пселла, это лишь небольшой эпизод в его литературной деятельности, побочный продукт творчества — как известно, новые явления часто возникают не на магистральном пути, а в боковых ответвлениях.

*

Переводя «Хронографию», мы не считали себя обязанными следовать чтениям и тем более толкованиям текста в издании Е. Рено, по которому делался перевод. В переводе учтен ряд конъектур А. Грегуара и И. Сикутриса⁴³, в некоторых случаях предлагались и новые исправления.

Характер настоящего издания, однако, не позволил в комментарии входить в филологические детали — отмечены только случаи наиболее резкого расхождения перевода с обычным пониманием текста Пселла.

При подготовке настоящего издания мы пользовались постоянными консультациями А. И. Зайцева, которому приносим свою глубокую благодарность.

⁴³ Поправки были сделаны в рецензиях на издание «Хронографии» Рено [см. Byz., 2 (1925), p. 550 sq.; 4 (1927/28), p. 716 sq.; BZ, 27 (1927), S. 98 ff.; 29 (1929), S. 40 ff.].

ПРИМЕЧАНИЯ

«Хронография» Миханла Пселла впервые была издана по единственной рукописи, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке (№ 1712) К. Сафой в составе «Греческой библиотеки средних веков» (т. 4, 1874). В 1926—1928 гг. «Хронография» была переиздана и снабжена французским переводом Э. Рено (Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077), texte établi et traduit par E. Renauld, t. I—II. Paris, 1926—1928). С этого издания и делался настоящий перевод.

По имеющимся сведениям, недавно американский ученый Х.-К. Снайпс обнаружил новую рукопись «Хронографии», остающуюся пока неопубликованной.

При переводе последних глав «Хронографии» учитывались чтения новонайденного фрагмента этого произведения (рукопись Синайского монастыря св. Екатерины № 1117).

На русском языке «Хронография» до сих пор не издавалась.

ВАСИЛИЙ II

¹ «Хронография» не имеет обычного для византийских исторических сочинений предисловия (подробней см. статью, с. 232). Император Иоанн I Цимисхий умер 10 января 976 г. По слухам, он был отравлен евнухом паракимоменом Василием, о котором речь пойдет ниже. Василий и Константин были сыновьями Романа II, умершего в 963 г., когда мальчишкам было соответственно 5 и 3 года. Фактическая царская власть находилась в руках Никифора II (963—969) и затем Иоанна I. При том и другом братья были лишь формальными соправителями, поэтому Пселл и говорит, что царская власть полностью оказалась в руках юношей.

² Василию и Константину было соответственно 18 и 16 лет.

³ Паракимомен — высшая придворная должность, которую могли занимать евнухи (см. ниже, с. 268, прим. 4). Паракимомены спали в одних покоях с императорами и заботились ночью об их безопасности. Паракимомен Василий — незаконный сын Романа I Лакапина — был могущественным «первым министром» при дворах Никифора II Фоки (963—969) и Иоанна I Цимисхия (969—976). Василий и Константин приходились паракимомену внучатыми

племянниками. В определении родства Пселл допускает ошибку: паракимомен был не сводным братом Романа II (отца Василия и Константина), а его дядей.

⁴ Под «захватившими власть близкими», которых сменил на престоле Василий, имеются в виду Никифор Фока и Иоанн Цимисхий.

⁵ Греческое слово ἀνεψιαδής, переведенное здесь как «племянники», может означать также и «двоюродные братья». Подразумеваются Варда Фока и Варда Склир, о которых речь пойдет ниже. Первый был племянником Никифора II Фоки, второй — шурином Иоанна I Цимисхия.

⁶ Варда Склир — выходец из богатого и могущественного византийского рода, выдающийся полководец, облеченный при императоре Иоанне I Цимисхии властью доместика схол Востока (т. е. командующего всеми восточными армиями империи). Вступивший на престол Василий II опасался могущества Варды Склира, лишил его должности и отправил командовать войском в фему Месопотамии. Возмущенный Склир выступил против Василия летом 976 г. Мятежнику удалось овладеть почти всей Малой Азией, а в начале 978 г. его войско уже приблизилось к Константинополю. Ни военные экспедиции царя Василия, ни мирные посольства к Варде успеха не имели.

⁷ Непонятно, что имеет в виду Пселл под введением Варды Фоки в состав церковного клира. Священнослужителем Варда никогда не был. Кроме того, священнослужителям в Византии вообще запрещалось командование войсками.

⁸ К моменту описываемых событий Варда Фока находился в изгнании на Хиосе. Сослан он был туда за мятеж, поднятый им против императора Иоанна I Цимисхия. Поражение мятежному Фоке нанесло тогда войско во главе с Вардой Склиром. Варда Фока был вызван в столицу в начале 978 г. паракимоменом Василием, пожалован титулом магистра и возведен в должность доместика схол.

⁹ Поединок, о котором идет речь, имел место после ряда неудачных для Фоки сражений 24 марта 979 г. на территории фемы Харсиан. По сообщению Скилицы (Скил., 326), Варда Фока, проигрывая очередную битву, решил предпочесть славную смерть «бесславной и постыдной жизни» и устремился на Склира, который мужественно встретил противника. Согласно Льву Диакону и арабскому историку Яхье Антиохийскому, победу в этой битве одержал Склир.

¹⁰ Имеется в виду правивший в Багдаде (977—983) султан Адуд-ал-Даула (Хосрой — по византийским источникам). После его смерти, в 986 г. Склира выпустили из тюрьмы — то ли для того, чтобы, как рассказывает Пселл, он выступил против врагов султана, то ли для того, чтобы вызвать осложнения в соседней Византии.

¹¹ Как следует из сообщений Скилицы и Яхьи Антиохийского, узнав о бегстве Склира к Хосрою, Василий II отправил к багдадскому халифу посла, который просил не оказывать покровительства мятежникам и одновременно обещал Склиру и его сообщникам полное прощение в случае возвращения. Хосрой заключил под стражу не только Склира, но и византийского посла (последний предпринял попытку отравить Склира).

¹² Этническое наименование «ивирь» византийские авторы употребляли для обозначения нескольких народов. Чаще всего так именуют они грузин, а также, возможно, и армян-халкидонитов, т. е. армян, придерживавшихся догм Халкидонского вселенского собора о двух природах Христа (основная масса армян была монофиситами).

^{12а} Стопа — византийская мера длины, равная 31, 23 см. У Пселла — явная гипербола.

¹³ Варда Фока провозгласил себя императором в августе 987 г. «Царским» цветом считался пурпурный.

¹⁴ Под «Вавилоном» византийские историки чаще всего имеют в виду Багдад. Древний Вавилон к этому времени уже давно лежал в развалинах.

¹⁵ Скилица (Скил., 334) приводит две версии освобождения из плена ромеев. Одна из них в общих чертах совпадает с рассказом Пселла. Согласно другой, после победного сражения византийцы (их число Скилица определяет в 3 тыс. чел.) вернулись к Хосрою, который их ласково встретил. Вскоре халиф умер, а его сын отпустил ромеев на родину. Арабские историки (Яхья, Ибн-ал-Асир), упоминающие об освобождении Склира, ничего не знают ни о какой войне с «персами» (так называет Скилица противников арабов).

¹⁶ По сведениям Скилицы (Скил., 335), Склир пытался заручиться поддержкой одновременно и царя, и Варды Фоки; к первому он отправил своего сына Романа, ко второму явился в Каппадокию сам.

¹⁷ Сведения Пселла неточны. Согласно соглашению, заключенному между Вардой Фокой и Вардой Склиром, первый должен был получить все европейские владения империи, второй — азиатские. Однако Фока нарушил соглашение и арестовал своего нового союзника, пообещав после победы выполнить условия договора. В начале 988 г. Фока двинулся на Константинополь, один отряд его войска приблизился к Хрисополю, другой во главе с полководцем подошел к Авдосу. Склир же в это время содержался в крепости под надзором жены Варды Фоки.

¹⁸ Тавроскифы в византийских источниках — русские. В данном случае имеется в виду 6-тысячный отряд, посланный по просьбе Василия II киевским князем Владимиром, женившимся на сестре Василия и Константина Анне. Впервые русские в составе византийского войска появляются в начале X в. Упомянутый отряд — первые крупные силы русских на византийской службе.

¹⁹ Т. е. икону богородицы, которую византийские императоры имели обыкновение брать с собой в военные экспедиции (см. с. 26).

²⁰ Это сражение имело место в апреле 988 г. около Авдоса. По версии Скилицы (Скил., 337), Варда Фока был отравлен своим слугой Симеоном, которого царю Василию удалось подкупить.

²¹ Пселл нарушает хронологию событий. Всесильный паракимомен был послан в 985 г., задолго до описываемых здесь событий. Такое изменение хронологии необходимо Пселлу для построения своей «концепции» характера Василия (см. выше, стр. 251).

²² Игра слов: по-гречески *μοναστήριον* — «место уединения», а *φροντιστήριον* — «место раздумий». Оба слова означают «монастырь».

²³ Монастырь св. Василия был сооружен недалеко от ворот св. Романа. Он функционировал до последних лет существования империи.

²⁴ Как уже отмечалось, Варда Склир находился в это время в заключении под присмотром жены Варды Фоки. Получив известие о гибели мужа, она выпустила Склира из-под стражи. Вокруг Склира, объявившего себя императором, собрались остатки армии Фоки (см. *Яхъя*, с. 25).

²⁵ Состарившийся Склир (ему было тогда около 70 лет) начал быстро слепнуть и потому нуждался в провожатых.

²⁶ Пурпурные сандалии были весьма важной частью императорских инсигний. Их надевание (даже без возложения короны) символизировало возведение в царское достоинство.

²⁷ Царь примирился с Вардой Склиром, видимо, в октябре 989 г. Он пожаловал Склиру высокий титул куропалата и вынужден был пойти на многие другие уступки. Память о встрече Василия II и Варды Склира надолго сохранилась в памяти византийцев. Почти через 100 лет глухо вспоминает о ней Кекавмен, который называет подававшего советы царю Склира «негодным старикашкой» (*Кекавмен*, с. 285, прим. 1198).

²⁸ Варда Склир умер 4 февраля 991 г.

²⁹ О враждебности Василия II к аристократическим родам сообщают также и другие византийские историки. Их силу, однако, царь не смог сокрушить — большинству знатных семейств удалось благополучно пережить царствование этого императора.

³⁰ Талант — античная денежно-расчетная единица. Пселл, верный своей антикизирующей тенденции, вероятно, имеет в виду византийскую литру (золотой фунт).

³¹ Василий II был воинственным императором, который вел весьма активную внешнюю политику: расширил свои владения в Ивирии (Грузии) и Армении, воевал с арабами, покорил Болгарское царство. Пселл, однако, сообщает о войнах Василия только вскользь — эти сюжеты его интересуют менее всего (ср. выше, с. 251). «Скифами» византийские авторы называли самые разные народы, граничившие с империей на севере. Под «кельтами» имеются в виду «западные» европейские народы.

³² Имеются в виду царские захоронения около египетских Фив, о которых сообщают античные писатели.

³³ Гемилохит — командир полулоха (лох — отряд весьма неопределенной численности). Протогастами в византийских и античных военных трактатах обычно именуется бойцы первого ряда. Но в данном случае, скорее всего, имеется в виду какая-то военная должность.

³⁴ Опять обычная у византийских авторов античная реминисценция. Под голплитами имеются в виду тяжеловооруженные воины.

³⁵ Василий II умер 15 декабря 1025 г.

КОНСТАНТИН VIII

¹ Пселл ссылается на какое-то сочинение, послужившее источником для этой части «Хронографии».

² При Константине имело место вторжение печенегов на территорию Болгарии.

³ Скилица (Скил., 371) приводит длинный список людей, которых велел ослепить император Константин. Среди них высшие сановники империи и отпрыски старинных родов.

⁴ На протяжении всей истории Византии евнухи играли очень большую роль в административном аппарате, войске и церкви. Им было доступно подавляющее большинство высоких должностей и титулов, а некоторые из должностей занимались исключительно скопцами. Особенно много евнухов находилось при императорском дворце в непосредственном окружении императора. Евнухов, возведенных Константином на высшие должности, поименно перечисляет Скилица (Скил., 371). Этот историк резко осуждает Константина за пренебрежение родовитыми людьми, а его любимцев-скопцов наделяет самыми бранными эпитетами. Это они, по словам Скилицы, «все наполнили беспорядком и смутой и чуть было не погубили царство».

⁵ Дочери Константина: Евдокия, Зоя и Феодора. О двух последних (будущих императрицах) Пселл подробно рассказывает в дальнейшем.

⁶ Любопытное свидетельство существования при царском дворе не только секретарей, но и стенографистов.

⁷ Никакого театра в Византии не существовало. Театром или Великим театром византийцы называли обычно ипподром — огромный открытый цирк, примыкавший к Большому императорскому дворцу. Ипподром вмещал не менее 40 тыс. зрителей, на нем происходили всевозможные церемонии, зрелища, скачки, состязания и т. п.

⁸ Синклит — высший совет византийской знати. В его состав входили чины первых двенадцати степеней.

⁹ Эпарх — высшее гражданское должностное лицо Константинополя. Ему принадлежали главным образом хозяйственные, полицейские и судебные функции. Под началом эпарха находилось специальное ведомство. Как видно, Пселл очень высоко оценивает роль эпарха, уподобляя его власти царской.

¹⁰ Расторжение брака в Византии было весьма затруднено и осуждалось морально. Вступление во второй брак тоже было связано с определенными трудностями. Пселл, как человек «свободомыслящий», считает такое отношение к браку и разводу «не философским».

¹¹ Роман женился на Зое 12 ноября 1028 г., а тремя днями позже был провозглашен императором.

¹² Сначала умирающий император решил выдать свою дочь за Константина Даласина (см. о нем ниже). Затем, однако, по настоянию одного из придворных он переменяет свое решение и послал за Романом. Согласно Скилице (Скил., 374), Роман был поставлен перед выбором: жениться на Зое и наследовать власть или лишиться глаз. Сомнения Романа разрешила его жена, добровольно ушедшая в монастырь.

РОМАН III

¹ Аргиропул, т. е. сын Аргира. Аргире — знатный византийский род, известный еще с IX столетия.

² Василий I (867—886), родом из Македонии, был основателем так называемой Македонской династии, последними отпрысками которой были Зоя и ее сестра Феодора.

³ Под латинской наукой византийцы, обычно понимали юриспруденцию.

⁴ Император-философ Марк Аврелий принадлежал к династии Антонинов. Август — император Октавиан Август.

⁵ Т. е. в священном писании.

⁶ Имеется в виду проблема «непорочного зачатия» Иисуса Христа.

⁷ Сарацины — обычное наименование арабов. Келесирией византийские авторы называли восточную часть Сирии. Халеб — современный Алеппо.

⁸ Основная часть Сирии была возвращена под византийское господство еще в X в. Василий II относительно меньше уделял внимания восточным землям, в результате чего арабы начали теснить византийцев. Особенно активно боролся с империей фатимидский наместник Алеппо. Уже в царствование Романа III поражение от арабов понес стратиг Антиохии Спондил. Роман низложил его, назначив на его пост мужа своей сестры Константина Карандина (1030 г.). Константин Карандин выступил в Антиохию, а вслед за ним со всем войском двинулся и сам царь.

⁹ Согласно Скилице (*Скил.*, 379), послы от алеппского эмира прибыли не в Антиохию, а в Филомилий. Роман отказался прислушаться к голосу командиров своего войска и ответил отказом на мирные предложения арабов.

¹⁰ Иначе обстоятельства поражения войска Романа описывает Скилица (*Скил.*, 380). Роман остановился лагерем в двух дневных переходах от Алеппо и выслал разведывательный отряд во главе с Львом Хиросфактом. Этот отряд попал в засаду (возможно, Пселл переносит этот эпизод на все войско). Арабы блокировали лагерь Романа, лишив его воды и припасов. Византийцы вынуждены были 10 августа 1030 г. бежать и искать спасения в Антиохии.

¹¹ «Евклидовых времен» — выражение, аналогичное русскому «при царе Горохе».

¹² Пселл говорит о мировом Уме, учение о котором было развито философами-неоплатониками. Постигание мирового Ума невозможно с помощью логических и научных доводов (т. е. «нижней философии») и может осуществиться лишь путем «восхождения души» и мистического созерцания.

¹³ Имеется в виду знаменитый храм, сооруженный в Иерусалиме библейским царем Соломоном.

¹⁴ Главный храм Византийской империи — церковь св. Софии — был воздвигнут императором Юстинианом I в 532—537 гг.

¹⁵ Пселл называет великих древнегреческих мастеров, чьи имена стали нарицательными.

¹⁶ Весьма вольная библейская реминисценция (*Псалт.*, XIV, 1; XXXIII, 1).

¹⁷ И здесь Пселл весьма вольно цитирует Библию (Второзак., 23, 18). На основании библейского текста, мы уверенно меняем ἀγάμα («статуя») рукописи на ἀλλάγμα («цена»).

¹⁸ Сориты и утиды — виды силлогизмов. Пселл был большим знатоком логики. Ему принадлежит специальное сочинение по этому предмету, которое было переведено на латынь и сыграло немалую роль в развитии европейской средневековой логики.

¹⁹ Перивлепт — греч. ἡ Περιβλεπτος. Перивлептский богородичный монастырь был расположен в юго-западной части города.

²⁰ «Множество» — греч. τὸ ποικίλον. Перевод безусловен. Пселл не упускает случая похвастаться знанием математики.

²¹ Т. е. за Гибралтаром.

²² Речь идет об Иоанне Орфанотрофе, родом из Пафлагонии. Иоанн при Романе III был препозитом, а после основания сиротского приюта в 1033/34 г. назначен его смотрителем, отсюда и его прозвище Орфанотроф — досл. «кормилец сирот». Подробно об Иоанне Орфанотрофе Пселл повествует ниже.

²³ По сообщению Скилицы (Скил., 389), Роман заболел, отравленный Иоанном Орфанотрофом. Уже больного, его потчевали медленно действующим ядом Зоя и Михаил.

²⁴ Т. е. на пасху.

²⁵ Император Роман III был убит 11 апреля 1034 г.

МИХАИЛ IV

¹ Преклонение — обычай поклонения императору, состоявший иногда в коленопреклонении, иногда простом поклоне и т. д. В XI в. преклонение было привилегией, отнюдь не для всех доступной.

² Связанные с определенным ритуалом словословия были важным элементом процедуры провозглашения нового императора и даже обладали определенной юридической силой.

³ «Только обратившийся к поэтическим произведениям» — т. е. начавший изучать гомеровские поэмы. «Поэтом» византийцы именовали Гомера, «поэтическими произведениями» — Илиаду и «Одиссею», которые были основным предметом школьного преподавания. Фраза эта вызывает некоторые недоумения. К 16 годам (а Пселл в год смерти Романа находился именно в этом возрасте) штудирование Гомера обычно уже заканчивалось, о чем недвусмысленно свидетельствует и сам писатель: «Мне было 16 лет, и я только закончил слушать поэмы» (Сафа, V, с. 28. 26—27).

⁴ В отличие от Пселла Скилица говорит о разных «благодетельствах», которые Роман оказал народу: он отменил обременительный аллиленгий (обязанность соседей платить налоги за выморочные участки), освобождал от долгов и даже раздавал деньги голодающим.

⁵ Высоко оценивает царя Михаила и Михаил Атталиат (Аттал., 9). Скилица тоже благожелательно отзывается о нем, хотя и утверждает, что этот император был совершенно бездействен, а всеми делами вершил Иоанн Орфанотроф.

⁶ У Михаила были четыре брата: Иоанн, Никита, Константин и Георгий. Все они, за исключением Никиты, были внуками. Императорские братья занимали высшие государственные посты.

⁷ «Выходы», т. е. посещение царем в сопровождении торжественной процессии константинопольских храмов, были одним из важнейших церемониалов византийского двора.

⁸ Согласно позднеантичным и византийским риторическим руководствам, одним из высших достоинств оратора было умение менять стиль в зависимости от предмета речи и обстоятельств ее произнесения. Сам Пселл, теоретик риторики, ценит это достоинство выше всех прочих. «Кротость» Зои Пселл, видимо, преувеличивает: по сведениям Скилицы, царица даже пыталась отравить Иоанна Орфанотрофа.

⁹ Михаил IV страдал эпилепсией. См. выше, с. 30 и сл.

¹⁰ Властителем фатимидского Египта был в те годы малолетний Мустансир, наследовавший власть от своего отца ал-Захира. Под персами Пселл имеет в виду турок-сельджуков, а под Вавилоном, как и в других случаях, — Багдад. Таким образом, «вавилонец» — это багдадский халиф.

¹¹ Августа — т. е. императрица Зоя. Август и августа — титулы императорских особ в Римской империи, не вышедшие из употребления и в Византии.

¹² Кесарь — высший светский титул после императорского, жаловался чаще всего ближайшим родственникам императора. Первым претендентом на него был Никита (единственный неосколненный из братьев Михаила IV). Однако Никиты к моменту описываемых событий уже не было в живых (см. Скил., 396). В прежние века титул кесаря предпочтительно давался наследникам царского престола. Возможно, этим и объясняется предложение Иоанна Орфанотрофа, желавшего обеспечить царскую власть за своим племянником.

¹³ Речь идет о будущем императоре Михаиле V Калафате (сыне Марии, сестры Михаила и Иоанна) и Стефане (см. ниже, прим. 18).

¹⁴ Обычай усыновления был широко распространен в Византии и сопровождался церковным освящением. Теоретически в Византии, как и в Римской империи, императорская власть была выборной. Однако на практике выборный принцип постепенно уступал место легитимному, который вуалировался назначением детей соправителями императоров еще при их жизни. Как можно видеть из переданных здесь слов Иоанна Орфанотрофа, наследственное право на престол уже твердо укоренилось в народном сознании. По этой причине и желает Иоанн усыновления Михаила Зоей.

¹⁵ Влахернская богородичная церковь (во Влахернах, на северо-западе Константинополя) была одним из самых роскошных храмов столицы. В ее стенах свершилось немало важнейших исторических актов.

¹⁶ Таким образом, обе церемонии (усыновления и провозглашения кесарем) произошли в данном случае одновременно. Провозглашение кесарем отличалось в Византии особой торжественностью. Описание этой церемонии сохранилось у Константина Порфирородного.

¹⁷ Кесарь при императорском дворе обладал весьма существенными привилегиями, в числе прочих правом во время торжественных церемониальных

выходов находиться рядом с императором, разделять царскую трапезу, производить выдачи из казны и др.

¹⁸ Не исключено, что Пселл утрирует низменность происхождения Стефана — отца Михаила, желая принизить будущего царя Михаила V. Прозвище последнего Калафат («конопатчик») происходит от профессии отца. В дальнейшем Стефан был назначен друггарием флота, принимал вместе с Георгием Маниаком участие в Сицилийской экспедиции (см. с. 280, прим. 53), посорнялся с Георгием и был причиной его ареста.

¹⁹ Речь идет о монастырской церкви св. Косьмы и Дамиана, в так называемом Космидии. Монастырь был сооружен еще при Феодосии II. Географические уточнения Пселла вызывают недоумение: Космидий был расположен у западных стен Константинополя.

²⁰ Слово *φιλόσοφος* имело в Византии два значения. Так называли не только ученых-философов, но и монахов-аскетов. Два эти значения и различивает Пселл, говоря, кого он считает истинным философом.

²¹ Птохотрофий (т. е. приют для нищих) был сооружен в районе Галаты.

²² Гомер. Одиссея, IX, 123.

²³ В каморках верхних этажей константинопольских домов обычно теснилась беднота.

²⁴ Проституция была очень распространенным явлением в Константинополе. Публичные дома имелись чуть ли не в каждом квартале города.

²⁵ Фраза трудна для толкования. Неясно, кого имеет в виду Пселл под «противником истины». Пример иного восприятия образа Михаила IV дошел до нас в сочинении Скилицы.

²⁶ Помимо подавления болгарского восстания, о котором речь пойдет ниже, Михаил IV вел также войны с арабами.

²⁷ Пселл вспоминает о многолетних войнах Василия II с болгарями. Окончательно под византийское господство Болгария попала в 1018 г.

²⁸ Речь идет о Петре Деляне или Оделяне. Пселл этимологизирует это имя на греческий манер, производя его от греч. *δόλιος* — «хитрый», «коварный».

²⁹ Самуил — болгарский царь (976—1014). Аарон — один из трех братьев Самуила. Зонара (Зон., 192) называет Деляна побочным сыном Аарона. Согласно Скилице (Скил., 527), Делян объявил себя сыном Романа — сына царя Самуила.

³⁰ Почти все греческие источники свидетельствуют о самозванстве Деляна. Однако большинство болгарских историков и поныне склонно считать Петра Деляна сыном Романа от первой жены — дочери венгерского короля.

³¹ Поднятие на щит в древности было одной из форм провозглашения императором. В XI в. этот ритуал вновь входит в употребление.

³² Петр Делян был провозглашен болгарским царем летом 1040 г. в Белграде, и восстание быстро распространилось на значительную часть Балканского полуострова. В качестве его причины Скилица называет усилившийся налоговый гнет во время владычества Иоанна Орфанотрофа (Скил., 412). Восстание Деляна было поддержано мятежом в Диррахии во главе с Тихомиром. Была предпринята попытка объединить силы восставших, но в резуль-

тате распри между предводителями Тихомир был убит, а его войны перешли к Деляну (осень—начало зимы 1040/41 г.). После этого восставшие закрепились в Диррахии и отправили отряд в Грецию, который дошел до Фив и нанес поражение византийскому войску. К восставшим присоединилась и фема Никополитов, жители которой убили налогового сборщика. Когда началось это восстание, больной император находился в Солуни, где искал исцеления на могиле св. Димитрия Солунского. Отряды восставших появлялись и в окрестностях Солуни.

³³ Пселл недостаточно точен. «Услышал о восстании» Михаил IV, конечно, в Солуни (см. предыдущее прим.), из которой был вынужден поспешно бежать. Выступил же в поход он, действительно, из Константинополя.

³⁴ Император остановился у Мосинополя.

³⁵ Опять сведения Пселла неточны. Алусиан — сын не Аарона (который, кстати, никогда не был болгарским царем), а царя Ивана Владислава (1015—1018).

³⁶ Согласно Скилице (Скил., 413), Алусиан был оклеветан перед императором, подвергнут штрафу и лишен поместья, принадлежавшего его жене.

³⁷ «Отцом рассказа» Пселл называет человека, доставившего ему сведения для этой части его «Хронографии».

³⁸ Переводим с учетом нашей поправки к тексту *σπεύδοντα* вм. *σπεύδοται*.

³⁹ Соглашение Деляна и Алусиана должно было иметь место примерно в конце 1040—начале 1041 г. Скилица рассказывает, что Делян пригласил Алусиана себе в соправители и дал ему 40-тысячное войско (Скил., 413).

⁴⁰ Алусиан устроил пир, позвал на него Деляна и расправился с ним.

⁴¹ Другие историки (Скилица, Кекавмен) рассказывают о последнем этапе болгарского восстания иначе. Алусиан, будучи еще соратником Деляна, осаждая Солунь, потерпел поражение от византийского войска. Он учинил расправу над Деляном уже после этого поражения, а потом бежал к византийскому императору.

⁴² Михаил дал Алусиану высокий титул магистра.

⁴³ Войско Михаила вторглось во внутренние области Болгарии и подавило восстание с крайней жестокостью, о которой сообщается в ряде источников.

⁴⁴ Т. е. в Космидии, см. выше, с. 272, прим. 19.

⁴⁵ Михаил IV умер 10 декабря 1041 г. и был похоронен в храме св. Бесребренников в Космидии.

МИХАИЛ V

¹ Т. е. Михаил V Калафат.

² Император, в представлении византийцев, — помазанник божий, и потому церемонию возведения на престол Пселл называет таинством (*μυστήριον*). Эта торжественная и сложная церемония завершалась в храме св. Софии, где патриарх увенчивал нового василевса.

³ Фраза «... добивался царской власти для другого родственника» в этом контексте непонятна, так как ранее Пселл подробно говорил о том, что Иоанн прочил на трон именно Михаила.

⁴ Новелисим — следующий после кесаря титул в византийской табели о рангах, жаловался обычно царским родственникам. Право сидеть во время трапезы за одним столом с императором — одна из высших привилегий византийской знати. Константин и до Михаила V занимал весьма высокое положение: был домашником схол, стратигом Антиохии. Царица Зоя отправила его в изгнание, из которого он был возвращен Михаилом Калафатом.

⁵ О вражде Михаила V к своей родне сообщает и Атталиат, по словам которого царь велел оскопить многих своих родичей, как мальчиков, так и уже зрелых мужей (*Аттал.*, 11—12).

⁶ Переводим с учетом нашей поправки: ἑξοδον вм. ἑφοδον.

⁷ Великая гавань — видимо, царский причал (Вуколеонт), неподалеку от Большого дворца.

⁸ Иоанн Орфанотроф вначале был удален в один из монастырей, оттуда переведен на Лесбос, а в мае 1043 г. ослеплен по императорскому приказу.

⁹ Пселл дает весьма любопытную оценку политической позиции Михаила V, чье царствование продолжалось 5 месяцев. Михаил пренебрегает людьми знатными и вельможными и ищет поддержки народа. То же самое говорят о Михаиле Скилица и Атталиат. Пселл пишет как об «избранном городском люде», так и о «простом народе». О привилегированной части рыночного народа упоминает в сходном с «Хронографией» контексте и Атталиат (*Аттал.*, 11 сл.). Можно ли отсюда делать вывод о торгово-ростовщических кругах, на которые опирался Михаил? Подробно см. *Литаврин Г. Г.* Восстание в Константинополе в апреле 1042 г. — ВВ, 33, 1972, с. 33 сл. Говоря о том, что народ не позволял Михаилу ступить по голой земле, Пселл имеет в виду совершенно конкретные факты: собравшись отстранить от власти царицу Зою, Михаил во время своих выходов испытывал настроение народа, а тот устилал ему путь дорогими тканями (*Аттал.*, 12; *Скил.*, 536).

¹⁰ Об астрологии Пселл подробнее рассуждает ниже (см. с. 133). Здесь речь идет о способах составления гороскопа с целью определить судьбу человека или исход какого-либо предприятия. Астрологи устанавливали точку эклиптики, восходящую в определенный момент (например, рождения того или иного лица) над горизонтом. Начиная от этой точки все небо делалось на 12 «домов» («счастья», «богатства», «братьев», «родства» и т. д.). Затем фиксировалось положение главных планет по отношению к «домам», а также соотношение этих планет между собой («фигуры»). Каждая из планет считалась «хозяином» какого-то определенного «дома», степень близости к своему «дому» обуславливала силу ее влияния. Сами «дома» в разные периоды также обладали разной силой: максимальной — те, которые находились в «центрах» — четырех главных пунктах эклиптики.

¹¹ Принкип — самый большой из Принцевых островов вблизи Константинополя. Обычное место ссылки попавших в опалу вельмож. Зоя была вывезена из Константинополя в ночь на 19 апреля 1042 г. Перед этим был отправлен в Пиперудский монастырь патриарх Алексей Студит.

¹² Зоя была дочерью брата и соправителя Василия II Константина, поэтому ее рождение должно было происходить в специальной палате Большого

дворца — Порфире. Младенцев, родившихся в царской семье, заворачивали в специальные «царские» (т. е. пурпурного цвета) пеленки.

¹³ Пселл начинает рассказ об одном из самых ярких и значительных событий византийской истории XI в. — константинопольском восстании в апреле 1042 г. Восстание продолжалось три дня, о его ходе византийские историки рассказывают по-разному. После сличения их рассказов последовательность событий представляется в следующем виде. Днем 19 апреля (на следующий день после ссылки Зои) в столицу явился патриарх Алексей Студит, потребовавший низложения Михаила V. Вечером того же дня патриарх венчал на царство Феодору, а Михаил V распорядился вернуть из ссылки Зою. 20 апреля народные массы ворвались во дворец. 21 апреля царь вместе с пришедшим ему на помощь новелисимом Константином укрылся в Студийском монастыре, но был извлечен оттуда и ослеплен. Пселл объясняет восстание отстраненным от власти «законных» императриц — на самом деле его причины, равно как и позиции участвовавших в нем сил, были весьма сложны, См. *Литаврин Г. Г. Указ. соч.*

¹⁴ «Мастеровой люд», дословно: «люди из эргастириев», Эргастирями назывались ремесленные мастерские, служившие одновременно и лавками.

¹⁵ Согласно Скилице и Атталиату, первое возмущение произошло тогда, когда епарх города зачитал на площади царскую грамоту, объявляющую о низложении Зои. Атталиат пишет о резкой перемене настроения народа, который сразу вместо любви ощутил ненависть к Михаилу. «Не хотим царем Калафата, а хотим законную наследницу, матушку нашу Зою!» — раздался голос в толпе (Скил., 418). «Помнем кости Калафату!» — закричала толпа. Епарху удалось спастись бегством. Восстание началось.

¹⁶ Пселл имеет в виду, видимо, церемонии ежедневного приема императором должностных лиц, право участвовать в которых он получил. Эти торжественные церемонии ему представляются таинством.

¹⁷ Большой императорский дворец представлял собой комплекс различных зданий и построек, соединенных между собой и окруженных галереями, портиками и т. п. Трудно сказать, что имеет в виду Пселл под «внешней галереей» (ἡ ἕξω στόα).

¹⁸ О разрушении домов царских родичей сообщает и Атталиат, который при этом добавляет, что народ забрал богатство, «нажитое на слезах и страданиях бедняков» (Аттал., 15).

¹⁹ Имеется в виду царский балкон на Ипподроме, соединенный крытым переходом с Большим дворцом.

²⁰ Умерла принявшая монашество Евдокия.

²¹ Феодора была по настоянию Зои пострижена в монахини Петрийского монастыря еще при Романе III. Совершая эту акцию, Зоя, по сообщению Скилицы (Скил., 385), желала обезопасить себя от заговоров. Вокруг Феодоры группировалась недовольная знать. Дальнейшие рассуждения Пселла о «смирении» Феодоры — явное преувеличение.

²² После возмущения на площади (см. выше, прим. 15) часть народа бросилась в церковь св. Софии, где находились патриарх Алексей и некоторые из синклитиков. По их совету толпа доставила в храм Феодору, кото-

рая тут же и была провозглашена царицей (вечер 20 апреля). Во главе толпы находился патрикий Константин Кавасила.

²³ Студийский монастырь Иоанна Крестителя был расположен на берегу Пропонтиды в самой юго-западной части города. От Большого дворца по прямой до него более 4 км. Царь и новелисим Константин бежали в монастырь утром 21 апреля. О том, что толпа ворвалась во дворец и разграбила его, Пселл умалчивает.

²⁴ Весьма любопытное свидетельство существования в Византии песенного фольклора.

²⁵ Имеется в виду преграда, отделяющая алтарь от остальной церкви.

²⁶ Речь идет о некоем Кабонаре, вновь назначенном епархе Константинополя.

²⁷ То, что инициатива ослепления свергнутого царя исходила от Феодоры, подтверждается также и сообщением Скилицы (*Скил.*, 420).

²⁸ Экзекуцию над бывшим императором и его дядей совершил отряд под командованием нового епарха города в месте под названием Сигма. «Недостойное» поведение Михаила засвидетельствовано также Скилицей.

²⁹ Так Пселл постоянно именует храм св. Софии.

³⁰ По сообщению Скилицы (*Скил.*, 420), встреча сестер состоялась еще до ослепления Михаила. Зоя пыталась оттеснить Феодору от власти и согласилась на совместное правление только по настоянию толпы. Таким образом закончилось это необычное для Константинополя XI в. восстание. Несмотря на короткую продолжительность, оно имело большой размах (3 тыс. убитых, по Скилице) и широкий социальный состав участников. Восстание обладало всеми характерными чертами средневековых городских бунтов: народ выступает вначале под династическими лозунгами, настроение толпы быстро меняется, в ходе восстания находят выход социальные страсти и т. д.

ЗОЯ И ФЕОДОРА. КОНСТАНТИН IX

¹ Пселл говорит о так называемой Македонской династии, последними представителями которой были Зоя и Феодора. Основатель этой династии Василий I, бывший царский конюшенный, крестьянин по происхождению, втерся в доверие к Михаилу III, женился на бывшей его любовнице, убил своего соперника кесаря Варду, а потом и самого царя Михаила и, таким образом, через трупы пришел к царской власти.

² Равдухи — воины, исполнявшие «полицейские» функции при императорском дворце.

³ Так описательно Пселл, как и другие византийские авторы, называет воинов из варяго-русской дружины на службе у императоров.

⁴ Все византийское чиновничество было разделено на четыре класса. В состав синклита, помимо носителей высших титулов (кесаря, новелисима и др.), входили также чины первого класса (протоспафарии и ниже). Чины второго класса — спафарокандидаты, третьего — спафарии.

⁵ Константин Даласин (название рода происходит от местности Далас или Далаш на Евфрате) — один из крупнейших феодальных магнатов, в прош-

лом катепан Антиохии. Фигура Константина Даласина неоднократно всплывает на поверхности политической жизни Византии в 20—40-х годах XI в.

⁶ Т. е. у Романа III.

⁷ Речь идет о Константине Артоклине, которого, по сведениям Скилицы, отравила жена.

⁸ Знатным называет род Мономаха и Миханл Атталиат (Аттал., 47). Однако первое упоминание (и то не бесспорное) представителя этой семьи относится к X в. По сведениям армянского писателя Аристакеса Ластиверци, (Повествование Вардапета Аристакеса Ластиверци. Пер., вступ. ст., комм. и приложения К. Н. Юзбашяна. М., 1968, с. 78), отец Константина, Феодосий, был «верховным судьей» при Василии II.

⁹ Образ, заимствованный из Нового завета (Послание к римлянам, II, 24).

¹⁰ Василий Склир — внук мятежника Варды Склира (см. выше, с. 7 и сл.), патрикий, стратиг Анатолика. Был сослан по приказу Константина VIII, а затем вскоре ослеплен.

¹¹ Митиленой византийцы называли Лесбос (по расположенному на этом острове городу).

¹² Уже во время переговоров о несостоявшемся браке Зои с Константином Артоклином Константин Мономах был вызван из ссылки и назначен судьей Эллады. Когда выбор пал на него, Константин был доставлен в монастырь неподалеку от Афира, там облачен в царские одежды и потом привезен в столицу.

¹³ Византийская церковь крайне неодобрительно относилась ко второму и тем более третьему браку и категорически запрещала четвертый. Для Зои (ей в то время было уже за 60) и Константина Мономаха это был третий брак. Их бракосочетание состоялось 11 июня 1042 г., венчал их не патриарх Алексей Студит, а «первый из пресвитеров» св. Софии — Стип. Не исключено, что патриархом, помимо благочестивых соображений, двигала и неприязнь к Зое, поскольку Алексей держал сторону Феодоры.

¹⁴ Сын Ликса — знаменитый древнегреческий историк Геродот. Представления о «злонамеренности» Геродота при описании событий греческой истории, были широко распространены в античности. Плутарх даже написал по этому поводу специальный трактат «О злонравии Геродота».

¹⁵ До наших дней дошло семь похвальных речей (энкомиев) Пселла Константину Мономаху. Из них опубликовано только четыре. В большинстве своем они написаны в стиле традиционных льстивых придворных панегириков.

¹⁶ Апаркий (как и борей) — название северного ветра.

¹⁷ Длинное отступление, которое делает Пселл, имеет целью самооправдание автора. Пселл рассуждает о различии жанров истории и похвального слова (при этом излагает популярные со времен поздней античности риторические теории) и о принципиальной противоречивости души человека, особенно обличенного царской властью. Заканчивается отступление прямым обращением к умершему императору — прием, заимствованный из риторики. По мнению некоторых исследователей, это отступление представляет собой своеобразную замену отсутствующего в «Хронографии» предисловия.

¹⁸ В Византии существовала устойчивая и очень медленно менявшаяся иерархия чинов, равно как и твердые правила и церемонии, связанные с возведением в чин. Всего в XI в. было 15 рангов, носители первых 12 входили в состав синклита.

¹⁹ Здесь и далее Пселл говорит о последовательности своих занятий науками и философией. После изучения риторики он обратился к логике («освоил методы умозаключений»), потом принялся за естественные науки («науки о телесной природе»), а затем через посредство математики («срединное знание», «изучение бестелесных понятий») поднялся к «высшей философии», «чистому знанию», т. е. к метафизике.

²⁰ Пселл перечисляет философов-неоплатоников (Плотина, Порфирия, Ямвлиха и Прокла), из учения которых он многое заимствовал и чьи произведения неоднократно цитирует в своих философских сочинениях.

²¹ См. выше, прим. 19. Постигание «сверхсущего» и «сверхмыслимого» — уже предмет богословия.

²² «Послезаконие» — название произведения, приписываемого Платону.

²³ Под недоступной логическим доводам мудростью, почерпнутой из тайных книг, Пселл, скорее всего, имеет в виду комплекс «халдейской мудрости», под которой в поздней античности и в Византии понимали всевозможные «тайные» и мистические учения, в том числе магию, демонологию, астрологию и т. д.

²⁴ Соединение риторики и философии, объединение в одном лице ритора и философа — один из излюбленных тезисов Михаила Пселла, который он развивает в ряде своих сочинений.

²⁵ Философия, «составляющая сокровенное содержание науки», — богословие. Богословские понятия, согласно учению средневековых теологов, только частично доступны логическому осмыслению. Для их постижения необходимо божественное озарение.

²⁶ Т. е. «отцов церкви».

²⁷ Пселл имеет в виду возвышение Никомидии при Константине Великом — до того, как столица империи была перенесена в Византий (Константинополь).

²⁸ Представление о Константинополе как о втором и лучшем Риме было широко распространено в византийской политической идеологии.

²⁹ Пселл ставит себе в заслугу, что ведет бесплатное преподавание. В принципе школы в Византии были частными и платными. Учитель Пселла Мавропод тоже подчеркивал тот факт, что преподает бесплатно. Пселл занимался преподавательской деятельностью в качестве ината философов и должен был получать за это соответствующее вознаграждение из казны.

³⁰ В крайне выпяченной форме Пселл говорит о том, что именно его красноречие вызвало к нему любовь императора Константина.

³¹ Сравнение государства с телом, разъедаемым болезнью, Пселл подробно развивает в биографии Исаака Комнина (см. с. 151 и сл.).

³² Вторая жена Константина Мономаха была дочерью сестры Романа III Пульхерии и Василия Склера (см. с. 277, прим. 10). Она умерла в середине 30-х годов XI в.

³³ Возможно, Склирена — не племянница, а кузина покойной жены Константина. Ее имя — Мария.

³⁴ «Царица городов», «Царственный город» — обычное у византийских авторов наименование Константинополя.

³⁵ Сначала Склирену поселили в здании, именовавшемся «кинигий», вблизи Манганского дворца. Рядом с этим зданием Константин предпринял строительство монастыря св. Георгия (Манганский монастырь, о сооружении которого Пселл подробно рассказывает дальше, см. с. 125 и сл.).

³⁶ Т. е. с женской половины дворца (имеются в виду приближенные императрицы).

³⁷ Скилица сообщает даже о бунте против Склирены, который произошел 9 марта 1043 г. во время праздника сорока великомучеников. Народ кричал тогда: «Не хотим Склирену царицей, да не примут из-за нее смерть матушки наши Зоя и Феодора!» Только появление на дворцовом балконе цариц смогло успокоить разъяренную толпу (Скил., 434).

³⁸ Севаст (севаста), т. е. «священный» (греческий эквивалент латинского «август») первоначально был титулом, прилагемым к римским, а затем и к византийским императорам. В данном случае впервые этот титул прилагается к лицу, не имеющему царского достоинства. Смысл этого акта, видимо, как раз и заключается в том, чтобы в определенной степени приравнять Склирену к Зое и Феодоре. Вскоре титул севаст вошел в византийскую иерархию.

³⁹ «Осуждать невозможно» — хорошо известная каждому образованному византийцу цитата из «Илиады» (III, 156). Собравшиеся на башне городской стены троянские старцы, завидев прекрасную Елену, говорят: «Нет, осуждать невозможно, что Трои сын и ахейцы брань за такую жену и беды столь долгие терпят». Лыстец, таким образом, сравнивает Склирену с прославленной красавицей древности.

⁴⁰ Дарики — название древней персидской монеты с изображением царя Дария. Пселл, конечно, не имеет в виду персидской монеты. Как обычно, он просто пользуется античными наименованиями.

⁴¹ Смысл этого заголовка (досл.: «Об Антифоните») неясен. В Константинополе существовала церковь Антифонита, в которой, по свидетельству хрониста Феодора Скутариота, была погребена Зоя.

⁴² «Эллинические книги» — т. е. языческие. Пселл говорит о магических обрядах, которыми занимались адепты «халдейской науки» (см. выше, с. 278, прим. 23).

⁴³ Склирена умерла около 1045 г. Пселл посвятил ей длинную и выпендренную стихотворную эпитафию.

⁴⁴ Пселл прямо обращается к некоему лицу, которое побудило его взяться за исторический труд. Многие византийские историки, помимо Пселла, утверждали, что их заставили приняться за сочинения настояния друзей. Вряд ли, однако, Пселл следует здесь стандартам византийской историографии. Вопрос о том, кого имеет в виду писатель под «самым дорогим из людей», до конца не ясен. Обычно считается, что это Константин Лихуд; высказывается, однако, предположение, что им мог быть и Иоанн Мавропод или еще кто-нибудь.

⁴⁶ Позднеантичные историки обычно исчисляют время по олимпиадам, т. е. по четырехгодичным промежуткам времени между Олимпийскими играми.

⁴⁶ Историком в древности и средневековье часто называли Фукидида (точно так же, как Поэтом — Гомера). В «Истории» Фукидида все события распределяются по временам года.

⁴⁷ Пселл, скорее всего, имеет в виду Дионисия Галикарнасского, греческого историка I в. до н. э., жившего в Риме и посвятившего одно из своих сочинений Римской истории. В других произведениях Пселла можно обнаружить многочисленные заимствования из Дионисия.

⁴⁸ В византийской историографии была возрождена древняя традиция, когда кратко описанные исторические события распределялись по годам или царствованиям отдельных императоров. Последний принцип выдержан и во вновь найденном сочинении самого Пселла (см. с. 233).

⁴⁹ Пселл в этом случае наиболее отчетливо формулирует свою основную претензию к царствующим императорам: они не любят прислушиваться к наставлениям мудрых и добродетельных наставников (в первую очередь, конечно, самого Пселла). Упреки такого рода рассеяны по всей «Хронографии».

⁵⁰ Видимо, льстивый намек на Исаака Комнина, в царствование которого писалась первая часть «Хронографии».

⁵¹ Георгий Маниак, вероятно, турок по происхождению, служил на востоке империи и сделал себе карьеру еще при Романе III. Он был сначала стратигом небольшой восточной фемы, затем катепаном Нижней Мидии, получил последовательно титулы протоспафария, патрикия и магистра. В 1037 г. был назначен стратигом фемы Лонгивардия. Георгий Маниак одержал ряд побед над врагами Византии. Пселл неоднократно порицает в «Хронографии» и других сочинениях людей, «перепрыгивающих через ступени». Постепенное продвижение по иерархической лестнице для писателя — несомненное достоинство.

⁵² Георгий Маниак (в то время стратиг приевфратских городов с резиденцией в Самосате) овладел Эдессой в 1031 г. Ни о каком «следствии» над Маниаком в этом случае другие источники не сообщают.

⁵³ Георгий Маниак был отправлен в Сицилию для борьбы с арабами в 1038 г., командующим флотом в этой экспедиции был муж сестры Михаила IV — Стефан. Маниак одержал в Сицилии ряд побед, но рассорился со Стефаном, которого оскорбил «и словом, и делом». В результате доноса Стефана Маниак был схвачен и в оковах отправлен в Константинополь.

⁵⁴ Рост Георгия Маниака, по Пселлу, достигал чуть ли не трех метров. Это явное преувеличение выдержано «в стиле» гиперболизированного портрета полководца. Огромную силу и страшный вид Маниака отмечает также и Атталиат (*Аттал.*, 19).

⁵⁵ Под Италией Пселл в данном случае имеет в виду южную ее часть (Апулию и Калабрию), являвшуюся в то время византийской провинцией. По сведениям Скилицы (*Скил.*, 422), Маниака выпустил из тюрьмы еще Михаил V, а послала в Италию воевать с арабами уже императрица Зоя.

⁵⁶ По сообщению Скилицы, Константина Мономаха натравил на Маниака Роман Склир (брат царской возлюбленной Склирены). Владения Романа

Склира и Георгия Маниака были расположены по соседству, и их владельцы издавна между собой враждовали (Скил., 427).

⁵⁷ Этим человеком был протоспафарий по имени Пард, который, по характеристике Скилицы (Скил., 428), ничем хорошим не отличался и был обязан своим назначением только личному знакомству с царем. Пард должен был стать преемником Маниака.

⁵⁸ Это был севастофор Стефан.

⁵⁹ После убийства Парда Маниак по морю переправил свое войско в Болгарию и победоносно двинулся на Константинополь. Битва, в которой пал Маниак, произошла в расстоянии двухдневного перехода от Солуни (Аттал., 18).

⁶⁰ Т. е. варяги или русские.

⁶¹ Медная стража — вероятно, имеется в виду так называемая Халка — парадный вестибюль Большого дворца со стороны площади Августин. Вблизи Халки находилась церковь Спасителя, основанная Романом I Лакапином и расширенная и роскошно украшенная Иоанном I Цимисхием.

⁶² Утверждения Пселла о враждебности русских к Византии кажутся преувеличенными. До 1043 г. отношения Византии с Русью были (во всяком случае, внешне) вполне дружелюбны. Русские находились в составе так называемой варяго-русской дружины в Константинополе, служили в византийском войске, имели в столице империи собственное подворье. Это было время интенсивной торговли между двумя государствами. О добрых отношениях с Русью (вопреки Пселлу) прямо говорит Скилица (Скил., 430). См. Литаврин Г. Г. Пселла о причинах похода русских на Константинополь в 1043 г. — ВВ, 27, 1967.

⁶³ Текст в этом месте, видимо, искажен. Переводим с учетом поправки, предложенной Сикутрисом. Под «благородным правлением» имеется в виду царствование Македонской династии.

⁶⁴ Несколько иначе о причинах или, вернее, поводах этой войны рассказывает Скилица (Скил., 430). В результате какой-то ссоры купцов в Константинополе был убит знатный русский. Узнав об этом, князь Владимир Ярославич немедленно собрал свое и союзное войско и, отказавшись принять извинения послов Мономаха, двинулся на Византию во главе 100-тысячной армии. Русские плыли в челнах, выдолбленных из одного ствола. Атталиат пишет о 400 русских челнах.

⁶⁵ Как и в большинстве случаев, для обозначения денежных единиц Пселла пользуется античным наименованием. Под статиром, вероятно, имеется в виду византийская номисма (византийская монета, составлявшая примерно $1/72$ золотого фунта).

⁶⁶ По словам Скилицы, Константин Момах первый отправил послов к русским. Те, однако, потребовали выплатить по три литры золота на каждого своего воина (Скил., 431).

⁶⁷ Огненосные суда — корабли, снабженные так называемым «греческим огнем» — самовозгорающейся смесью, направляемой на врага из специальных сифонов.

⁶⁸ Триера — античное название быстроходного судна с тремя рядами гребцов. Почти весь византийский флот сгорел в результате пожара в 1040 г.

⁶⁹ По сообщению Скилицы (Скил., 431), бой начал Василий Феодорокан, который с тремя триерами первый напал на русский флот, сжег семь судов и три потопил вместе с командой. После этого в бой двинулись остальные силы византийцев, но русские бежали, не приняв сражения.

⁷⁰ По сообщению Скилицы (Скил., 431 сл.), русские, испугавшись греческого флота, выбросились на берег, где на них напали византийские воины. После битвы море выкинуло на берег многие тысячи трупов. Сведения о походе русских на Константинополь содержатся также в русских летописях. Согласно их данным, в походе принимал участие сам князь Владимир Ярославич, но фактическим его предводителем был некий Вышата. Во время битвы шесть тысяч русских было выброшено на берег. Они решили возвратиться на родину пешком, но по дороге потерпели поражение от византийского войска, 800 человек из них были взяты в плен, приведены в Константинополь и ослеплены. Оставшиеся на судах русские благополучно вернулись на родину.

⁷¹ Лев Торник — выходец из старинной армянской семьи Торников. После прихода к власти Константина Мономаха был вызван в Константинополь, получил титул патрикия, а затем веста (Аттал., 22). Здесь Пселл именует Торника *ἐξάνεψιος*, т. е. троюродным братом или племянником Мономаха, однако в другом случае он называет его *ἀνεψιός* (т. е. двоюродным братом или племянником) сестры Константина Мономаха.

⁷² Ивирия (Иберия) — древнее название Грузии. То, что Лев Торник был стратигом Ивирии, подтверждает и Скилица.

⁷³ Атталиат датирует бегство Торника из Константинополя 14 сентября 1047 г. Лев, по свидетельству этого византийского историка, жил в Константинополе «свободно и без всякой стражи» (Аттал., 22). По сведениям Скилицы, Торник после возвращения из Ивирии жил не в Константинополе, а в Адрианополе (Скил., 439).

⁷⁴ В Византии XI в. существовала государственная почта. На больших трактах на определенном расстоянии друг от друга были расположены станции с 4—6 быстроходными лошадьми в каждой. Содержались они, видимо, за счет ямской повинности крестьян окрестных деревень.

⁷⁵ Восточная армия под командованием великого этернарха Константина осаждала в этот момент крепость Хелидоний, недалеко от Двина (в Армении). По приказу царя Константин снял осаду и перебросил свое войско во Фракию. Армия, однако, прибыла уже после поражения восстания Торника.

⁷⁶ Лагерь Торника был разбит напротив Влахернского дворца у храма св. Бессребреников (в Космидии).

⁷⁷ Речь идет о Влахернском дворце.

⁷⁸ Т. е. Елену, см. выше, с. 98.

⁷⁹ Пселл использует здесь редкое античное слово *πύρφορος* (в нашем переводе: «жрец-огне носец»), намекая на имевшую хождение поговорку: *οὐδὲ πύρφορος ἐλείφθη* (дословно: «не осталось и жреца»). Передать по-русски эту аллюзию не удается.

⁸⁰ Торник безуспешно пытался взять осадой Редесто — единственный

из македонских городов, сохранявший верность императору (*Аттал.*, 28; *Скил.*, 564).

⁸¹ Этим войском командовал магистр Михаил Иасит.

⁸² Ватацы — известная в Византии семья, происходившая, как считает Скилица, из Адрианополя.

⁸³ Лев Торник вместе с Иоанном Ватацем укрылись в церкви города Булгарофиги, вблизи Адрианополя.

⁸⁴ Торник и Ватац были ослеплены в канун рождества (27 декабря 1047 г.). Сохранилась большая речь Иоанна Мавропода, призывавшего царя проявить милосердие по отношению к заговорщикам.

⁸⁵ Пселл считает себя искусным врачом (ср. с. 163). Он был автором медицинского сочинения и не упускает возможности щегольнуть медицинской терминологией, принятой в его время.

⁸⁶ Константин IX страдал подагрой в тяжелой форме. Эта болезнь была весьма распространена в Византии.

⁸⁷ В Афинах в V—IV вв. до н. э. регулярно составлялись и пересматривались списки граждан, подлежащих призыву на военную службу в качестве гоплитов. Эти списки, вероятно, и имеет в виду писатель.

⁸⁸ Многие древние писатели, начиная с Тита Ливия, считают Ромула «демократическим царем».

⁸⁹ Пселл не называет имени этого неудачливого заговорщика. Другие источники и вовсе о нем умаляют.

⁹⁰ Имеется в виду церемония омовения рук императора.

¹ В греческом тексте наоборот: «многочисленного». Принимаем поправку издателя. Речь идет об аланах, которых сам Пселл ниже называет племенем «не очень-то важным и значительным».

⁹² См. Гомер. *Илиада*, IV, 20.

⁹³ Посещение бань было излюбленным развлечением византийцев. Мытью в банях приписывали также лечебные свойства.

⁹⁴ «Свобода» (греч. *παρρησία*) — термин, обозначавший право свободно высказывать перед царем свое мнение. Такое право давалось как высшая привилегия наиболее высокопоставленным и близким к императору вельможам.

⁹⁵ Императорский шут, о котором с таким презрением рассказывает Пселл, — Роман Воила. Его покушение на Константина Мономаха имело место около 1050 г. Скилица говорит о нем как о человеке «изошренном, ловком, коварном и хитром» (*Скил.*, 605).

⁹⁶ Севаста — т. е. Склирена, умершая около 1045 г.

⁹⁷ Государство аланов на Северном Кавказе обладало политической самостоятельностью и в IX—XI вв. играло определенную роль в византийской дипломатии. Аланы еще в IX в. приняли христианство.

⁹⁸ Наиболее вероятная дата смерти Зои — 1050 г.

⁹⁹ Смысл фразы не до конца ясен, тем не менее переводим по рукописному чтению, не принимая во внимание предложенных поправок.

¹⁰⁰ См. выше, с. 88.

¹⁰¹ Пселл ошибается присоединяя к числу «самодержцев» Эпаминонда Фиванского.

¹⁰² Т. е. выигравший процесс. В судебной практике древней Греции судьи, бросавшие белый камешек, подавали оправдательный голос, черный — обвинительный.

¹⁰³ «Право свободного суждения» — *παρρησία*. См. выше, с. 283, прим. 94.

¹⁰⁴ Заимствование у Гомера.

¹⁰⁵ Император в Византии обладал высшей судебной властью. За каждым подданным признавалось право апелляции к царскому суду.

¹⁰⁶ Речения Фемиды — т. е. судебный приговор.

¹⁰⁷ «Как бог из машины» (латинск. *deus ex machina*) — известное античное выражение, заимствованное из театральной сферы, со значением: «в качестве неожиданного избавителя».

¹⁰⁸ Пселл цитирует «Илиаду» (II, 24).

¹⁰⁹ Имеется в виду евнух логофет Иоанн, которым Константин Мономах заменил попавшего в опалу Константина Лихуда.

¹¹⁰ Пселл говорит о будущем патриархе Константине Лихуде, одном из самых близких друзей и единомышленников Пселла. Лихуд был значительно старше Пселла (родился, видимо, в конце X в.). Придворную карьеру он сделал еще в юные годы, при Михаиле IV входил в состав синклита, в царствование Константина IX Мономаха носил титулы проэдра и протовестиария и фактически был «первым министром» этого императора. Его стараниями был приближен ко двору и Пселл. До самой кончины Лихуда связывали с Пселлом дружеские отношения. Сохранилась большая надгробная речь писателя Лихуду, а также ряд адресованных ему писем. Отставка и опала Лихуда относятся примерно к 1050 г.

¹¹¹ В выспренных выражениях Пселл говорит о будущем патриаршестве Константина Лихуда.

¹¹² Речь идет о строительстве одного из самых известных в дальнейшем константинопольских монастырей — так называемого Манганского монастыря св. Георгия, недалеко от Большого дворца. По утверждению Пселла, Константин начал строительство храма, чтобы иметь возможность посещать свою возлюбленную Склирену (см. выше, с. 85).

¹¹³ Константин IX Мономах действительно вел успешные войны в Армении. Летом 1045 г. византийское войско заняло Ани, а правитель анийского царства Гагик II оказался почетным пленником византийского царя.

¹¹⁴ Властитель Египта — халиф Мустансир (1036—1094). Отношения между Византией и Египтом в середине XI в. были вполне дружелюбны.

¹¹⁵ Текст оригинала содержит определенные трудности для понимания. Вслед за Платоном Пселл пользуется метафорой, заимствованной из состязаний борцов. Схолиаст к «Законам» Платона разъясняет: когда борцы падают так, что ни один из них не оказывается сверху, они поднимаются с земли и схватываются прежним образом; это и означает «повторять прежнюю схватку». Таким образом, Мустансир, по утверждению Пселла, как бы пользуется несчастными приемами в борьбе.

¹¹⁶ Пселл подвергался непрерывным нападам со стороны своих врагов. Об этом свидетельствуют, в частности, несколько произведений полемического характера, написанных в этот период (частично находятся еще в рукописи).

Противников Пселла возмущало стремление философа и его друзей заниматься политической деятельностью. Быстрое продвижение способных молодых людей вызывало нелюбовь многочисленных завистников.

¹¹⁷ При Константине Мономахе Пселл стал ипатом философов и получил титул импертима и вестарха.

¹¹⁸ Речь идет о двух ближайших друзьях Пселла — известных деятелях XI в. Иоанне Мавропode и Иоанне Ксифилине. Иоанн Мавропод, родом из Клавнополя в Пафлагонии, родился в последние годы X или в самом начале XI в. Иоанн Ксифилин происходил из Трапезунда, время его рождения определяется примерно 1010 г. Иоанн Мавропод был учителем (а вернее — «директором») частной школы, которая размещалась в его доме. Учеником этой школы был Пселл. Приближенный ко двору благодаря Пселлу, он отказывался от всех постов и титулов, которые ему предлагали, предпочитал далекую от суеты жизнь ученого, тем не менее оказался в роли одного из организаторов константинопольского «университета», руководителем философского факультета которого («ипатом философов») был Михаил Пселл (между 1044 и 1047 гг.). Многочисленные письма (в том числе к Пселлу) и другие поэтические и прозаические произведения Мавропода рисуют его человеком благородным и бескомпромиссным. После падения Лихуда в конце 40—начале 50-х годов Мавропод вынужден был принять назначение на митрополичью кафедру в Евхаиту. Это назначение он расценивал как изгнание. Умер Иоанн Мавропод после 1075 г. Сохранилось много писем и большая похвальная речь Пселла Мавроподу. Иоанн Ксифилин, будущий патриарх Иоанн VIII (1064—1075), был соучеником Пселла по школе Мавропода в 30-е годы XI в. Как и Мавропод, он был по рекомендации Пселла приближен ко двору и получил высокие должности судьи ипподрома и эксактора, а затем стал номофилаком — главой юридической школы Константинопольского университета. Пселл был другом и единомышленником Иоанна в молодые годы. Помимо писем, до нас дошло сочинение Пселла в защиту Ксифилина от нападков его врагов и большая эпитафия, посвященная уже покойному патриарху. В 50-е годы между Михаилом Пселлом и Иоанном Ксифилином возникают серьезные расхождения, приведшие в конце концов к серьезному идейному конфликту между ними.

¹¹⁹ Пселл прежде всего имеет в виду отставку около 1050 г. «первого министра» Константина Мономаха Константина Лихуда, который был другом и покровителем Пселла, Мавропода и Ксифилина.

¹²⁰ Первым удалился из Константинополя и поселился в одном из монастырей на горе Олимпе (в Вифинии) Иоанн Ксифилин.

¹²⁰ Сохраняем нумерацию глав по изданию Э. Рено.

¹²² Гермоген из Тарса — знаменитый античный ритор II в. Оставил после себя многочисленные компилятивные сочинения, оказавшие огромное влияние на всю византийскую риторику. К Гермогену восходит и большинство риторических теорий самого Пселла. По сведениям, имевшим хождение у византийских авторов, талант Гермогена расцвел очень рано, им восхищался сам император Марк Аврелий. Однако, войдя в зрелый возраст, Гермоген утратил свой дар и даже лишился рассудка.

¹²³ Пселл говорит об Иоанне Ксифилине. От этого периода сохранился ряд писем Пселла к Ксифилину, из которых можно понять, что Иоанн упрекал друга за промедление и требовал его к себе. Пселл же заверял будущего патриарха в стремлении к святой жизни и в то же время признавался, что ему трудно отказаться от светской жизни и покинуть двор.

¹²⁴ Столь фигурально Пселл выражает ту простую мысль, что Константин простудился и заболел — очевидно, воспалением легких.

¹²⁵ Скилица сообщает некоторые подробности этих событий. Перед смертью царя (Константин умер 11 января 1045 г.) его приближенные (в том числе логофет Иоанн) решили отдать власть наместнику Болгарии Никифору Протевону. Однако не успел последний достичь Константинополя, как сторонники Феодоры доставили царицу в Большой дворец (Скил., 477 сл.).

¹²⁶ Т. е. тот факт, что Феодора родилась как царская дочь (см. выше, с. 275, прим. 12).

¹²⁷ Таким образом завершает Пселл рассказ о Константине Мономахе — самый интересный и самый противоречивый из всей «Хронографии». Обширные характеристики этого императора содержатся также в исторических трудах Атталиата (Аттал., 51 сл.) и Скилицы (Скил., 476 сл.). Несмотря на разные позиции всех трех историков, их оценки Константина Мономаха во многом совпадают. Атталиат пишет об истинно царской щедрости императора, о его строительной деятельности и о его военных успехах. В то же время он отмечает ненасытную жажду удовольствий Константина и жестокость царя при взыскании поборов. Смерть Константина, по его словам, подданные расценили как божественную кару. Скилица хвалит Мономаха за строительное дело церквей, но осуждает за распущенность и чванство и считает, что он оказался виновником упадка государства.

САМОДЕРЖАВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ЦАРИЦЫ ФЕОДОРЫ

¹ Скилица и Атталиат в один голос жалуется на то, что Феодора возвела на высшие государственные посты своих евнухов — спальников и через них управляла империей.

² Феодора имела в виду свое совместное царствование с Зоей, конец которому положил приход к власти Константина Мономаха.

³ Пселл пишет о протосинкеле Льве Параспондиле (Стравоспондиле, по другим источникам). Отпрыск знатной фамилии, Лев начал государственную службу еще при Михаиле IV и был возвышен царицей Феодорой благодаря своей «многоопытности» (Скил., 479). Михаил Атталиат (в отличие от Пселла) считает Льва человеком разумным и опытным, который ввел строгий порядок в государственные дела (Аттал., 51 сл.). Сохранилось несколько писем и риторические произведения Пселла, обращенные к Льву Параспондилу, часть из них написана в период правления Феодоры и сменившего ее на престоле Михаила VI Стратиготика. Они полны лести и заискивания перед всеильным фаворитом.

⁴ В своих рассуждениях о различных состояниях душ Пселл в конечном счете следует Платону (см. диалоги «Федон», «Государство»),

⁵ Песнь песней, V, 3.

⁶ Смысл этого утверждения, видимо, сводится к следующему. Государственный деятель не может всегда строго идти по прямой линии и должен допускать «отклонения». Тот, кто отвергает «отклонения», должен отвергнуть успехи и достижения, которые являются результатом этих «отклонений».

⁷ Гомер. Одиссея, I, 149.

⁸ Пселл пользуется астрономической терминологией своего времени. Циклы (круги) — окружности, по которым движутся светила. Эпициклы (малые круги) — окружности, по которым движутся планеты. Центры окружностей тоже в свою очередь совершают круговое движение вокруг земли.

⁹ Преподавание в византийской школе велось по вопросно-ответной системе. Ученики задавали учителю вопросы и выслушивали в ответ его пространственные объяснения и лекции. Некоторые из таких лекций Пселла дошли до нашего времени.

¹⁰ Зидитель (демиург) у Платона — творец, создатель мира. «Исходящее свыше» — т. е. являющееся эманацией божественного.

¹¹ Текст последней фразы не вполне ясен. Перевод буквален. Астрология отвергалась большинством христианских теологов, с которыми, как видно из этого пассажа, солидаризируется и Пселл. В то же время на всем протяжении истории Византии эта «наука» находила горячих приверженцев, в том числе весьма высокопоставленных. Возражения Пселла вызывает в первую очередь стремление астрологов приписать влияние на судьбу человека «неким новым богам», т. е. планетам.

¹² Имеется в виду трость (в одном из евангелий упоминается растение испоп), на которой поднял к устам Иисуса смоченную уксусом губку воин, присутствовавший при распятии Христа.

¹³ При всей противоречивости мировоззрения Пселла эта декларация не может не вызвать удивления. Пселл «отрывается» здесь от научного знания и эллинской науки, о приверженности к которым не раз заявлял в своих письмах и сочинениях.

¹⁴ Пселл принял монашество незадолго до кончины императора Константина Мономаха, но удалился в монастырь на Олимпе уже после смерти царя. Как видно из этого места «Хронографии», его пребывание в монастыре длилось недолго, и вскоре писатель вернулся ко двору. Несколько сочинений Пселла адресованы царице Феодоре.

¹⁵ После 1050 г., когда умерла императрица Зоя и был отстранен от власти Константин Лихуд, а всеми делами стал заправлять логофет Иоанн, отношение Константина Мономаха к Феодоре явно ухудшилось. Приближенные покойного царя не хотели передавать правление последней «законной» представительнице династии.

¹⁶ Судя по письмам и некоторым другим сочинениям Пселла, противники писателя ставили ему в вину то, что он, монах, стремился к государственной деятельности.

¹⁷ Речь идет о константинопольском патриархе Михаиле I Кируларии, сменившем в 1043 г. на священном престоле Алексея Студита. Фанатичный, суровый и своевольный человек, Михаил конфликтовал почти со всеми импера-

торами, на время правления которых приходилось его патриаршество. Михаил Кируларий был одним из главных виновников разделения восточной и западной церквей в 1054 г., так называемой схизмы (см. подробно: *Сюзюмов М. Я.* «Разделение церквей» в 1054 г. — *ВИ*, 1956, № 3). Пселла связывала с патриархом длительные и сложные взаимоотношения. Писатель заискивал перед Михаилом Кируларием и льстил ему, но на самом деле испытывал к нему глубокую антипатию. В конце концов именно Пселл должен был стать главным обвинителем на процессе, который затеял против Кирулария император Исаак Комнин (см. с. 292, прим. 56). Кроме писем к Кируларию и обвинительного заключения, которое Пселл собирался произнести на так и не состоявшемся процессе, патриарху посвящена также большая эпитафия писателя.

¹⁸ Назиреями византийские авторы обычно называют монахов. Антимонашеский выпад не случайно встречается у Пселлы в контексте рассказа о событиях царствования Феодоры. Незадолго до этого писатель имел неприятный опыт общения с монашеской средой в период своего краткого пребывания на малоазийском Олимпе.

¹⁹ Пселл обвиняет монахов в том, что они берутся предсказывать сроки человеческой жизни, о которых людям знать не дано. «Делимая природа» — т. е. человеческая.

²⁰ Об акарнанцах (т. е. жителях Акарнании, области в Средней Греции), которые носили оружие даже в мирное время, рассказывается у Фукидида.

²¹ Согласно Атталнату и Скилице, Михаил VI Стратиготик, или Старик, вззошедший на трон в весьма преклонном возрасте, был человеком ничем не примечательным, примитивным, негибким и ни в чем, кроме военного дела, не разбирающимся. Придворные интриганы, окружавшие Феодору, специально избрали человека такого типа, чтобы иметь на троне послушного исполнителя их воли.

²² «Не дожив до конца года одного часа» (*ἐνιαυσίου ὧρας δεούσης μίτης*). Слово *ὧρα* означает по-гречески как «час», так и «время года», «сезон». Таким образом, помимо предложенного толкования, возможен и перевод: «не дожив до конца года одного сезона». По сообщению нескольких источников, Феодора умерла в августе 1056 г. В двух рукописях Скилицы (*Скил.*, 480) указывается даже, что смерть наступила 31 августа. Это заставляет нас избрать предложенный перевод (год в Византии начинался с 1 сентября).

МИХАИЛ VI. ИСААК I КОМНИН

¹ О неразберихе и смятении, охватившем империю после воцарения Михаила VI, пишет и Атталнат (*Аттал.*, 53), по словам которого власть в государстве оказалась разделенной между многими людьми, что византийскому историку даже напомнило положение при демократии. Пселл ничего не сообщает о мятеже, который поднял против нового царя племянник Константина Мономаха Феодосий.

² Воинские начальники явились в Константинополь в пасхальные дни 1057 г., время, когда обычно производились царские раздачи и пожалования.

³ Исаак Комнин — будущий император Исаак I Комнин (1057—1059), дядя основателя династии Комнинов, утвердившейся на престоле с 1081 г. Исаак — сын известного деятеля эпохи Василия II Мануила Комнина (Эротики). Исаак обладал чином магистра и командовал восточным войском империи, боровшимся с турками-сельджуками. При Феодоре он был лишен своего поста. Исаак был женат на Екатерине, дочери болгарского царя Ивана-Владислава.

⁴ Катакалон Кекавмен, армянин по происхождению, византийский полководец, игравший большую роль и часто упоминающийся в связи с событиями 20—40-х годов XI в. В конце царствования Константина Мономаха получил чин магистра и был назначен дукой Антиохии. Пселл был хорошо знаком с Катакалоном Кекавменом. Сохранилось три его письма к полководцу, относящиеся уже ко времени отставки последнего. *Литаврин Г. Г.* Три письма Михаила Пселла Катакалону Кекавмену. — «Revue des études sud-est européennes», VII, 3, 1969.

⁵ По сообщению Скилицы, царь обошелся с просителями весьма ласково, похвалил их, но удовлетворить их просьбы отказался (*Скил.*, 483).

⁶ Во второй раз полководцы попытались добиться удовлетворения своих требований через Льва Параспондила, но последний грубо отослал их прочь.

⁷ Заговорщики собрались в храме св. Софии, окончательно договорились о восстании и обменялись клятвами. К своему заговору им удалось привлечь командующего македонским войском Вриенниа.

⁸ О подготовительной стадии мятежа Пселл рассказывает скороговоркой и менее подробно, чем другие историки. Согласившийся участвовать в мятеже Вриенний был схвачен и ослеплен императором. Опасаясь разоблачений, заговорщики поспешили с выступлением. Они явились в Кастамон, в Пафлагонии, где жил Исаак Комнин, и, забрав его с собой, отправились в Гунарию, куда подошли и остальные их сообщники. Исаак был провозглашен императором 8 июня 1057 г.

⁹ Т. е. патриархом Михаилом Кируларием.

¹⁰ Царские войска состояли главным образом из македонян и находились под командованием одного из приближенных к царице Феодоре евнухов, domestika востока Феодора, которого Пселл упоминает ниже. Мятежники обосновались в хорошо укрепленном лагере к северу от Никеи, царская армия — у горы Софон (вблизи Никомидии). Противники делали безрезультатные попытки склонить врага на свою сторону. В конце концов Феодор нехотя распорядился передвинуть лагерь к Петрос, примерно в трех километрах от лагеря мятежников. Его помощником был Аарон — брат Екатерины, супруги Исаака Комнина.

¹¹ Имеются в виду отряды союзников.

¹² Цитата из Гомера («Илиада», III, 8).

¹³ Сражение произошло 20 августа 1057 г. недалеко от Никеи, в месте под названием Полемон, или Анд. Иначе описан этот бой у Скилицы и Атталата (*Скил.*, 494 сл.; *Аттал.*, 55). Сначала левый фланг императорских войск под командованием Аарона опрокинул правый фланг мятежников. Комнин готов был уже спастись в Никею, но положение исправил командовавший

левым флангом мятежников Катакалон, который перешел в наступление и даже сумел ворваться в лагерь противника. Неизвестно, насколько прав в деталях Скилица (в этой части своей истории он явно благовоит к Катакалону Кекавмену), но Пселл при описании сражения, видимо, перепутал левый и правый фланги.

¹⁴ Рассказ о случившемся с Исааком Комнином носит легендарный характер. В этой братоубийственной битве, которую Атталиат сравнивает с «вакхическим безумием», большие потери понесли обе стороны. Пселл резко обрывает рассказ об этой битве, пропускает несколько эпизодов, и в результате сообщение о победе мятежного войска кажется неподготовленным. Вполне вероятно лакуна в тексте.

¹⁵⁻¹⁶ Как показал дальнейший ход событий, Пселл не ошибся в своем предположении. После завершения посольства действительно возникли слухи, что послы тайно встречались с мятежниками и убеждали их не поддаваться ни на какие публичные уговоры (Скил., 496 сл.).

¹⁷ Речь идет о провозре Феодоре Алопе.

¹⁸ Третий участник посольства — будущий патриарх Константин Лихуд (см. с. 284, прим. 110). «Став священным приношением Слову (т. е. богу-Слову. — Я. Л.)» — т. е. принял монашество. «Принес его (Слово. — Я. Л.) в жертву Отцу» — имеется в виду «бескровная жертва» христианской литургии, когда в жертву богу-Отцу приносится «тело Христово».

¹⁹ Исаак Комнин в это время стоял лагерем у Никомидии. Послы прибыли к нему 25 августа.

²⁰ Мятежники водрузили венки на головы в знак мира.

²¹ Термином «дука» (от латинск. *dux*) в Византии иногда обозначали военачальников отдельных отрядов.

²² Кресло Исаака было украшено двумя позолоченными львиными головами.

²³ Текст не отличается ясностью, даем приблизительный перевод.

²⁴ Не совсем ясно, что имеет в виду Пселл под «свободными». Может быть, воинов, не входивших ни в какие отряды?

²⁵ Итальянцы — т. е. норманны.

²⁶ «Заполняли круг щита» — даем буквальный перевод. Смысл нам не понятен.

²⁷ Слог Лисия считался образцом ясности и простоты. Рассказывая о своей речи, произнесенной в столь драматической ситуации, Пселл не упускает случая щегольнуть ссылками на авторитеты и специальной риторической терминологией.

²⁸ Значение этой фразы следует расшифровать, видимо, следующим образом. «Соверцание» (*θεωρία*) ценилось в христианском сознании выше, нежели «дело» (*πράξις*). Царь — человек «соверцательный» (*θεωρητικός*), в то время как занимающий следующую ступень кесарь — уже «человек дела» (*πρακτικός*).

²⁹ Кесарский титул действительно нередко служил ступенью для достижения царской власти (см. выше, с. 271, прим. 12).

³⁰ Смысл фразы не вполне ясен. Возможно, в тексте выпало отрицание и мятежники, следовательно, спрашивают, как можно будет не лишать власти

«царского сына» (т. е. Исаака). В последнем случае становится понятным пример с Константином Великим. Последний возвел своих четырех сыновей в ранг кесаря.

³¹ Исаак намекает на Льва Параспондила, отличавшегося очень маленьким ростом.

³² Кесарский венец роскошью и обилием украшений значительно уступал императорскому. Для их обозначения употреблялись иногда разные термины.

³³ Имеется в виду императорская роспись, которая делалась пурпурными чернилами.

³⁴ Т. е. Льва Параспондила. Любопытно, что попавший в опалу Лев начал искать покровительство у Пселла, когда тот вновь был приближен к престолу. Об этом свидетельствует ряд писем писателя к бывшему царскому фавориту.

³⁵ По сообщению Скилицы, только один Катакалон Кекавмен не хотел верить обещаниям царя и требовал его насильственного свержения (Скил., 447).

³⁶ Пока Пселл с товарищами находился в лагере мятежного Комнина, события в Константинополе развивались следующим образом. Почувствовав, на чьей стороне сила, группа знатных константинопольцев решила низложить Михаила VI. Прежде всего они заручились поддержкой патриарха Михаила Кирулария (последний делал вид, что нехотя и по принуждению присоединяется к заговорщикам) и побудили его низложить старого царя, провозгласить императором Исаака Комнина и даже объявить бунтовщиками тех, кто был не согласен с его решением. Дома протестовавших были отданы на разграбление. Михаил Стратиготик не противился приказу патриарха, добровольно снял царские одежды и был пострижен в монахи (Аттал., 56—57); Скил., 499 сл.). Впоследствии Пселл сурово порицал Михаила Кирулария за «предательство».

³⁷ Имеются в виду отшельники, живущие в пещерах, и столпники.

³⁸ Пселл сопоставляет античные (языческие) и христианские представления о человеческой судьбе. Согласно первым, жизненный путь смертного предопределен заранее и изменить его человек не в состоянии. Согласно вторым, человеку воздается за его дела. Впрочем, христианские теологи очень по-разному трактуют эту проблему. Говоря об обманчивости счастья, Исаак Комнин имеет в виду распространенное в античности представление о «зависти богов», которые не допускают чрезмерного возвышения и счастья смертных людей.

³⁹ Провэдр синклита (т. е. президент сената) — весьма почетная должность, введенная еще в середине X в.

⁴⁰ Исаак Комнин вступил в царский дворец 3 сентября 1057 г. Накануне туда уже прибыл Катакалон Кекавмен.

⁴¹ Ксенократ — греческий философ IV в. до н. э., славившийся своей суровостью.

⁴² Перевод последней фразы условен — текст не вполне ясен.

⁴³ Продолжатель Скилицы дает Исааку Комнину следующую характеристику (отсутствующую у Атталиата, произведение которого он перелагает): «Был этот царь нрава твердого, души доброй, характера горячего, на руку

скор, умом быстр, на войне полководец искусный, для врагов страшный, к своим добрый, наукам приверженный (*Продолжатель Скилицы*, 110).

⁴⁴ Свое отношение к политике Исаака Комнина Пселл выражает с помощью огромной развернутой метафоры, основанной на сопоставлении государства с человеческим телом. Сравнение это восходит к античной литературе. Развивая метафору, писатель делает краткий обзор исторических событий, ранее им уже изложенных.

⁴⁵ Как видно из этого замечания писателя, Пселл хотел первоначально завершить «Хронографию» историей царствования Исаака Комнина.

⁴⁶ Василий II был сыном Романа II, правнука основателя Македонской династии Василия I. Василий II царствовал в течение 50 лет.

⁴⁷ Т. е. к врачам (Асклепий — бог врачевания у древних греков).

⁴⁸ Сын Филиппа — Александр Македонский. Буцефал — конь Александра.

^{48a} Приконис (совр. Мармора) — остров в Мраморном море, где с античных времен велась добыча мрамора.

⁴⁹ Пселл пишет о строительстве монастырей, которым усиленно занимались многие императоры. В основанном царем монастыре обычно погребалось его тело.

⁵⁰ Слово «аскитирий» (*ἀσκητήριον*) в ту пору означало монастырь. Пселл этимологизирует это слово, происходящее от глагола *ἀσκέω*, что означает: «упражняться в аскетической жизни».

⁵¹ Фраза не очень понятна. А. Грегуар толкует ее в том смысле, что Исаак отменил распоряжения не только Михаила VI, но и всех предшествующих императоров.

⁵² См. выше, с. 287, прим. 10. Согласно Платону, весь чувственный мир является творением демиурга, который, подобно архитектору, создал его по образу и подобию вечных и неизменных идей.

⁵³ Ветхозаветный патриарх Моисей считался автором Пятикнижия. В Книге Бытия, входящей в Пятикнижие, излагается легенда о сотворении мира.

⁵⁴ Верный своей антикизирующей тенденции, Пселл называет парфянским сельджуцкого султана Тогрул-бека. Слова Пселла о султани — явное преувеличение: турки-сельджуки в это время распространились на большую территорию, их отряд захватил Мелитину и Севастию, а Тогрул-бек был провозглашен «царем Востока и Запада».

⁵⁵ Т. е. Мустансир, см. выше, с. 284, прим. 14.

⁵⁶ Так мимоходом сообщает Пселл об одном из самых значительных и драматических событий внутренней жизни Византии периода правления Исаака Комнина — ссоре между царем и патриархом и низложении Михаила Кирулария. Конфискация церковного и монастырского имущества, производимые императором, претензии и непримиримый характер патриарха быстро привели к разрыву между светским и духовным властителями. В ноябре 1057 г., воспользовавшись въездом Михаила из города, царь велел схватить Кирулария и сослать его на остров Приконис. Непреклонный патриарх отказался добровольно отречься от престола, и царь вынужден был назначить суд над Кируларием, который должен был собраться в небольшом местечке

фракийского Херсонеса. До суда, однако, дело не дошло, ибо подсудимый, не дождавшись процесса, умер, вероятно, от сердечного приступа. Роль Пселла в описанных событиях была весьма значительна. Не исключено, что он был первым советником царя (см. *Аттал.*, 64 сл.). Именно ему была уготована функция главного «прокурора» на несостоявшемся процессе.

⁵⁷ «Раскаившийся» Исаак велел доставить тело патриарха в столицу и похоронить его в основанном Михаилом монастыре. Под родней патриарха прежде всего подразумеваются племянники и сподвижники Михаила — Константин и Никифор, которые находились в ссылке вместе с дядей. Оба они были учениками Пселла, и писатель на протяжении долгого времени состоял с ними в дружеской переписке.

⁵⁸ Имеется в виду Константин Лихуд.

⁵⁹ Отсюда можно заключить, что по крайней мере эта часть «Хронографии» писалась до смерти Константина Лихуда, т. е. до 1063 г.

⁶⁰ Под мисами Пселл имеет в виду печенегов.

⁶¹ Истр — древнее наименование Дуная.

⁶² Как и в предыдущих случаях, писатель пользуется античным наименованием для обозначения народа: геты — здесь узы (торки).

⁶³ Пселл вспоминает о событиях 1046—1047 гг., когда печенеги под командованием Тираха, переправившись по льду Дуная, впервые вторглись в византийские земли.

⁶⁴ Аргивяне — жители Аргоса в Греции. Гомер так нередко именовал вообще греков.

⁶⁵ Исаак Комнин дошел до Триадицы (Софии), где к нему явились послы угров, с которыми он заключил мирный договор. После этого царь двинулся на печенегов. Последние тоже поспешили замирииться с Комнином, и только одно печенежское племя во главе с Сельте оказало сопротивление византийцам. Сельте, однако, потерпел поражение, и его лагерь был разгромлен.

⁶⁶ Когда Исаак возвращался из похода, его войско около Ловеча застала буря (24 сентября 1059 г.), во время которой чуть не погиб сам император.

⁶⁷ Речь идет о младшем брате Исаака I Иоанне Комнине, отце будущего императора Алексея I Комнина. Иоанн получил от Исаака титул куропалата и был назначен им великим домашником.

⁶⁸ Вблизи Онаратополиса, на азиатском берегу Пропонтиды.

⁶⁹ В истории Продолжателя Скилицы содержится фантастический рассказ об обстоятельствах смерти Исаака. Во время охоты царь погнался за кабаном, который, добежав до моря, скрылся в волнах. Исаак же был поражен «сверканьем молнии» и замертво рухнул с коня (*Продолжатель Скилицы*, 108).

⁷⁰ Трехдневный период, по способу исчисления древних врачей, характерен для малярии (приступы повторяются через день). Таким образом, Пселл предполагает малярию, которую в Византии лечить не умели и которая считалась тяжелым заболеванием. Императорский же медик предполагает обыкновенную (однодневную) лихорадку. Додонская чаша и треножник в данном контексте — синонимы оракулов. В Додоне, в храме Зевса в Эпире жрецы предсказывали будущее по характеру звучания медной чаши. В Дельфах на золотом треножнике восседала прорицательница — Пифия.

⁷¹ Влахерны — район в северо-западной части города, непосредственно прилегающий к городской стене. Там был расположен Влахернский дворец, который с конца XI в. начал превращаться в главную резиденцию царей.

⁷² Пселл перечисляет членов семьи Исаака Комнина: жену, дочь Марию, брата Иоанна и племянника (сына сестры Исаака) Феодора Докяна.

⁷³ Т. е. патриарх Константин Лихуд.

⁷⁴ Пселл употребляет гомеровский эпитет.

⁷⁵ Ср. с. 169. Пселл возводит род Дука к историческим персонажам начала X в., послужившим прототипами героев известной византийской поэмы о Дигенисе Акрите. Однако прямая генеалогическая связь Константина X с этими Дуками весьма сомнительна.

⁷⁶ Пселл вспоминает о времени, когда мятежное войско провозгласило императором Исаака Комнина (см. выше, с. 138). Константин Дука действительно был соратником Исаака, однако другие источники ничего не сообщают о намерении воинов избрать его царем.

⁷⁷ Исаак Комнин отрекся от власти в декабре 1059 г. Он постригся в монахи Студийского монастыря, где и скончался 31 мая 1060 г.

КОНСТАНТИН X ДУКА

¹ Даласа (Далаш) — была расположена на Евфрате. О Константине Далассине см. выше, с. 72.

² Имеется в виду Новый Рим, т. е. Константинополь. Издатель текста Рено пишет это слово (ῥῶμη) с маленькой буквы и переводит: «сила».

³ Речь идет о Евдокии Макремволитисе, дочери Иоанна Макремволита, женатого на сестре Михаила Кирулария.

⁴ Будущий император Михаил VII Парапинак.

⁵ См. выше, с. 138.

⁶ Тронный зал византийских царей (хрисотриклиний) был разделен раздвижным или подъемным занавесом, за который приглашали назначенных к приему чиновников.

⁷ Эта тронная речь Константина Дуки подробно излагается у Атталиата (*Аттал.*, 70 сл.).

⁸ По словам Атталиата (*Аттал.*, 71), Константин Дука «оказал честь», т. е. предоставил должности и возвел в титулы очень многих людей «как из синклита, так и с рынка» и при этом восстанавливал в прежнем положении лиц, подвергшихся преследованиям при Исааке Комнине.

⁹ Чрезвычайное и даже чрезмерное увлечение Константина делами правосудия отмечает также Атталиат. Из-за этого император пренебрегал другими своими обязанностями. В результате «доносов, клеветы, софистических ухищрений и судебных разбирательств», пишет этот историк, пришло в упадок Римейское государство (*Аттал.*, 76).

¹⁰ Атталиат и вслед за ним Продолжатель Скилицы неоднократно отмечают «скудость» Константина Дуки, особенно его нежелание тратить деньги на войско, чем, по их мнению, объясняются многие неудачи Византии.

¹¹ У Константина и Евдокии было восемь детей: четыре мальчика и четыре девочки. Согласно другим источникам, старшую дочь звали Анной. Ее имя у Пселла — Арета.

¹² Подробную характеристику Андроника см. с. 193. Номинально облеченный царской властью, Андроник никогда государственной деятельностью не занимался и ничем себя не проявил.

¹³ Заговор, о котором рассказывает Пселл, случился в первые годы царствования Константина. В то время как царь на пасхальных праздниках находился в Манганском монастыре, часть заговорщиков (те, что «действовали на суше») подняла мятеж в городе. Восставшие надеялись, что встревоженный царь поспешит морем поскорей прибыть в город. На царском же корабле его должны были ожидать другие заговорщики (те, что «учинили беззаконие на море»). Последние должны были принять Константина на борт судна и утопить. По счастливой случайности царь сел на другой корабль и таким образом избежал смерти. Бунт в городе был подавлен, а царь действительнонисходительно отнесся к мятежникам (*Аттал.*, 75 сл.).

¹⁴ Скорее всего, Пселл имеет в виду события 1064 г., когда узы, переправившись через Дунай, вторглись в пределы империи. Константин Дука выступил было на врага, но вскоре узнал о гибели неприятельского войска в результате эпидемии.

¹⁵ Речь идет об одном из главных таинств христианской мифологии: воплощении бога в человека в образе бога-Сына — Иисуса Христа.

¹⁶ Наше понимание текста резко отличается от толкования издателя. Последний некоторые из реплик Михаила VII отдает Пселлу.

¹⁷ Кесарь Иоанн Дука — одна из наиболее колоритных фигур византийской истории конца XI в. Образованный вельможа, страстный охотник, человек, ценящий интеллектуальные удовольствия, кесарь в то же время стремился постоянно играть активную политическую роль. Иоанн был интимным другом Пселла, сохранилось большое число писем к нему писателя. Развернутую характеристику этого вельможи Пселл дает в дальнейшем.

¹⁸ Имеется в виду Иоанн Ксифилин (см. выше, с. 285, прим. 118). В других своих сочинениях Пселл неоднократно утверждает, что Константин Дука возвел Иоанна Ксифилина на патриарший престол по его представлению.

¹⁹ Император Константин Дука скончался в мае 1067 г.

ЕВДОКИЯ, РОМАН IV

¹ В годы правления Константина Дуки и Евдокии империя подверглась сильнейшему натиску со стороны турок-сельджуков. Сельджуки вторглись в Армению, захватили Ани и начали наступление на Малую Азию. В 1067 г. они нанесли поражение византийскому войску около Мелитины и совершили опустошительный набег на Кесарию. На обратном пути турки ограбили Киликию. Все попытки константинопольских правителей оказать сопротивление новому врагу оказались бесполезными.

² Принимая царскую власть, Евдокия по требованию синклита и синода поклялась не вступать в новое супружество (текст этой клятвы сохранился и

ные опубликован). Однако люди, стремившиеся поставить во главе государства «сильного царя» (вероятно, сторонники «партии» военной аристократии), убедили патриарха освободить царицу от клятвы. После этого Иоанн Ксифилин сам начал убеждать высокопоставленных должностных лиц в необходимости нового брака императрицы (*Аттал.*, 92). Естественно, что такой ход событий ущемлял интересы Дук, и потому подготовка к новому браку велась в глубокой тайне. Пселл, как сторонник Дук и друг кесаря Иоанна, само собой разумеется, не был посвящен в эти приготовления, и слова Евдокии оказались для него полной неожиданностью.

³ Т. е. Иоанна Дуку.

⁴ Роман Диоген был провозглашен императором 1 января 1068 г. Радость кесаря Иоанна, несомненно, была притворной: царская власть уплывала от Дук. И действительно, кесарь, по утверждению Атталиата (*Аттал.*, 101), оказался скорее заговорщиком, нежели помощником нового царя.

⁵ Отец Романа Константин Диоген, женатый на племяннице Романа III Аргири, начал свою карьеру еще при Василии II, занимал высокие административные посты на севере Балканского полуострова, носил титул патрикия. В 1031 г. был обвинен в заговоре и отдан под следствие. Не дожидаясь суда, Константин бросился со стены Влахернского дворца и погиб.

⁶ Роман Диоген, женатый первым браком на дочери Алусиана, был назначен при Константине X Дуке дукой Сердики и получил от него титул вестарха. Уже после смерти этого императора он начал организовывать заговор, но был предан, доставлен в столицу и судим. Красавца Романа пожалела Евдокия, которая вместо наказания отправила его на его родину в Каппадокию. Из Каппадокии и вызвали его вновь в Константинополь, чтобы отдать трон и руку царицы. Атталиат относится к Роману с неизмеримо большей симпатией, чем Пселл, и подробно описывает красоту и мужество нового царя (*Аттал.*, 99).

⁷ Персами Пселл, как и другие византийские авторы, именует турков-сельджуков.

⁸ Пселл цитирует Гомера («Илиада», XV, 673). В этом контексте гомеровские слова рассчитаны на комический эффект.

⁹ Возможно, Пселл действительно был настроен отрицательно к этому предприятию, однако именно он оказался автором дошедшей до нас «процессуальной речи», которая предназначалась для произнесения от имени константинопольцев перед отправлением Романа в поход. Как и положено, Пселл превозносит в ней царя и хвалит его начинание.

¹⁰ Роман Диоген выступил в этот поход через два месяца после прихода к власти, т. е. в начале марта 1068 г. Его войско состояло в основном из наемников и было плохо вооружено. Михаил Атталиат, который сам участвовал в этом походе, оценивает его результаты не столь пессимистично: Роман дал ряд победных сражений, успешно штурмовал несколько городов в Сирии, нанес поражение сельджуцкому отряду в Каппадокии. Впрочем, в общей оценке похода Пселла, вероятно, недалеко от истины: ничего, кроме демонстрации силы, он империи не принес. Вернулся Роман «в разгар зимы» 1068/1069 г.

¹¹ Отправляясь во второй свой поход, Роман Диоген выступил из Кон-

стантинополя, «не дожидаясь пасхальных дней» 1069 г. Несмотря на обещание, Пселл так и не рассказывает, по каким причинам Роман Диоген вынудил его идти вместе с ним. Можно предполагать, что царь не хотел оставлять в столице опасного и недоброжелательного царедворца. Впрочем, Пселл дошел с войском только до Кесарии, откуда вернулся назад в Константинополь.

¹² Во время второй кампании Роман Диоген дошел с войском до Месопотамии, решительной победы нигде не одержал и к концу 1069 г. возвратился в столицу.

¹³ Уже в 1070 г. сельджуки начали новое наступление в Сирии и Армении и двинулись на Алеппо.

¹⁴ Роман Диоген выступил в третий свой поход ранней весной 1071 г.

¹⁵ Пселл, скорее всего, имеет в виду военный совет, о котором рассказывает Никифор Вриенний (*Вриенний*, 35). На совете стоял вопрос о том, следует ли войску продолжать движение или остаться на месте и отражать натиск сельджуков. Мнения участников разделились, но в конце концов Роман «по совету льстецов» решил двигаться дальше.

¹⁶ Пселл имеет в виду сельджукского султана Алп-Арслана.

¹⁷ Обвинения Романа Диогена в невежестве в военном деле, конечно, продиктованы ненавистью писателя к императору. Тем не менее Роман действительно отделил от основных сил значительный отряд своего войска под командованием Иосифа Тарханиота, который, натолкнувшись на сельджукское войско, бежал в Мелитину (*Вриенний*, 37).

¹⁸ Так скороговоркой повествует Пселл о битве византийцев с сельджукским войском Алп-Арслана при Манцикерте (19 августа 1071 г.). Сведения различных авторов о ходе сражения расходятся (помимо византийских, об этом сражении сохранились сообщения у арабских и армянских историков). Роман Диоген пал жертвой предательства. Арьергард его войска, которым командовал Андроник Дука (сын кесаря Иоанна), обратился в неожиданное бегство, что привело к поражению всей армии. Разгром византийцев при Манцикерте открыл сельджукам путь в Малую Азию, что в конце концов поставило империю на грань катастрофы.

¹⁹ Кесарь Иоанн Дука был выслан Романом из столицы и жил в своем вифинском имении. От этого периода сохранилось одно письмо кесарю Пселла, в котором писатель, утешая Иоанна, говорит о том, что императрица сохранила к нему доброе расположение.

²⁰ Согласно договору Алп-Арслана с Романом Диогеном, последний уступал сельджукам большую территорию (в том числе Манцикерт, Антихию и др.) и обязался выплачивать султану ежегодную дань. В обмен сельджуки обещали не тревожить границ империи. Роман Диоген согласился также выдать свою дочь за сына Алп-Арслана (по другим источникам, женить сына на дочери султана).

²¹ Т. е. Михаил VII, в царствование которого писалась эта часть «Хронографии».

²² Сыновья кесаря Иоанна: старший — Андроник, младший — Константин.

²³ Михаил VII Дука (Парапинак) был провозглашен единодержавным правителем 24 октября 1071 г.

²⁴ Несколькими штрихами дополняет этот эпизод Никифор Вриенний (в целом его рассказ основан на «Хронографии» Пселла). В то время как воины Андроника и Константина Дуки отвели Михаила в верхние этажи дворца, люди самого кесаря Иоанна отправились в покои Евдокии, которая, испугавшись, укрылась в «тайном помещении, похожем на пещеру» (так Вриенний понимает «потаенную пещеру» у Пселла!), где и спряталась, «полумертвая от страха». Однако сам кесарь явился к царице и успокоил ее (*Вриенний*, 45 сл.).

²⁵ Императрицу изгнали в Пиперудский монастырь на берегу Босфора.

²⁶ Т. е. Константину.

²⁷ Отсюда начинается текст новонайденной рукописи Пселла, совпадающий с «Хронографией» (см. выше, с. 232 и сл.). В переводе мы учитываем ее чтения. Слова и фразы, содержащиеся только в новой рукописи, заключены в квадратные скобки.

²⁸ Согласно Атталиату, Роман Диоген обосновался в крепости Докея в Армениаке, куда ему на помощь подошел отряд под командованием Феодора Алиата. Константин напал на войско Романа, когда оно вышло из крепости, чтобы укрыться в Киликии, откуда свергнутый царь был родом (*Аттал.*, 169 сл.).

²⁹ Крепость носила название Тиропей (к юго-западу от Кесарии).

³⁰ Хачатур (так звали неожиданного спасителя Романа Диогена) был назначен царем катепаном Антиохии.

³¹ В связи с этим походом Пселл направил Андронику выспренное и льстивое письмо, в котором провозглашал его «спасителем Ромейской империи».

³² Немного подробней повествует об этом посольстве Вриенний. Михаил предложил прощение Роману. Свергнутый царь, однако, воспринял такое предложение как оскорбление, ибо не мог признать за собой никакой вины и не отказался от претензий на царскую власть. Любопытно, что послов (людей «священных и души миротворной» — у Пселла) Вриенний именует «дурными» (*Вриенний*, 48).

³³ Имеется в виду крепость Адана.

³⁴ Франк Криспин — известный и по западным источникам Роберт Крепин, норманский полководец. Воевал в Испании против арабов, сражался в Италии, потом поступил на византийскую службу; при Романе Диогене был обвинен в подготовке мятежа и сослан. Михаил Дука вернул Крепина из ссылки. Точная дата его смерти, к сожалению, неизвестна, но в 1075 г. его уже не было в живых (*Вриенний*, 59). Это замечание Пселла позволяет определить время завершения второй части «Хронографии» (если, конечно, писатель не имеет в виду годовщину смерти Крепина).

³⁵ Роман Диоген не только рассчитывал на своих союзников-сельджуков, но и тщетно пытался привлечь на свою сторону и Крепина (*Вриенний*, 54).

³⁶ Выражение «Царственная дорога» встречается в Библии и используется раннехристианскими писателями, например Евсевием.

³⁷ Остров Проти — один из Принцевых островов (традиционное место ссылки в Византии) у азиатского берега Мраморного моря.

³⁸ Роман Диоген был ослеплен в Котнее. Палач оказался очень неумелым и должен был четыре раза запускать раскаленное железо в глаза царю. Пселл повествует об этом эпизоде с явным смущением и при этом всячески старается выгородить Михаила VII. Напротив, Атталиат полностью возлагает вину за эту акцию на царя Михаила и отпускает по этому поводу несколько гневных тирад (Аттал., 175 сл.). Пселл, который, несомненно, несет долю ответственности за жестокую казнь, счел возможным отправить ослепленному монарху утешительное послание, где сулил ему царство небесное и всячески обелял царя Михаила VII. П. Безобразов называет это письмо «нахальным издевательством над умирающим несчастливцем» (Безобразов П. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, с. 116).

МИХАИЛ VII

¹ «Платы и выдачи» (греч. *συντάξεις καὶ πρῦταχεία*). Имеются в виду, видимо, денежные выплаты и натуральные выдачи, которые в большом количестве производила византийская казна.

² Период правления Михаила VII — время значительного обесценивания и ухудшения качества золотой монеты.

³ Зевгма и эмфаза — понятия средневековой грамматики и риторики. Зевгма — подчинение одному члену предложения нескольких других, из которых грамматически согласуется с ним только один. Эмфаза — особая подчеркнутость какой-то мысли.

⁴ Иносказания или аллегорические толкования (естественно, в христианском духе) античных мифов, живописных изображений и т. п. принадлежали к излюбленным занятиям византийских философов и риторов. Несколько таких аллегорий принадлежат перу Пселла.

⁵ Константин X Дука назначил Пселла наставником наследника престола Михаила. Плодом этой деятельности писателя явилось большое число сочинений, посвященных самым разным наукам, в том числе истории, философии, богословию, филологии и др., непосредственно адресованных Михаилу.

⁶ Именно за «сочинение ямбов», которым придворный философ занимался с молодым царем накануне неизбежного, казалось, краха империи, и обвиняет Пселла Михаил Атталиат и вслед за ним Продолжатель Скилицы.

⁷ Пселл имеет в виду представления Платона, изложенные в диалоге «Тимей», согласно которым земле как одному из четырех элементов («родов») бытия приписывается вид куба (см. Платон. Сочинения, т. 3, ч. I. М., 1971, с. 498 и прим. 85).

⁸ Время Михаила VII было периодом тяжелейшего внешнеполитического кризиса империи. Поражение при Манцикерте в 1071 г. практически открыло сельджукам беспрепятственный путь в Малую Азию. В этом же году норманны вняли Бари — последний оплот византийского господства в Италии — и начали наступление на Балканы. Одновременно усилился нажим на Византию со стороны кочевых народов — печенегов и угров.

⁹ Софокл. Аякс, 293.

¹⁰ Жена Михаила VII — Мария или Марфа (по византийским источникам Аланская) — дочь грузинского царя Баграта IV, в будущем супруга императора Никифора Вотаниата, сменившего на престоле Михаила VII. О ее красоте с восхищением пишут и другие византийские историки.

¹¹ Сын Михаила VII Дуки Константин родился в 1074 г. В младенчестве он был обручен с дочерью предводителя сицилийских норманнов Роберта Гвискара Еленой. Однако этот брачный контракт был расторгнут с приходом к власти Никифора III Вотаниата. В дальнейшем его обручили с Анной, дочерью царя Алексея I Комнина, будущей знаменитой писательницей Анной Комниной. Константин, однако, умер, не дожив до совершеннолетия. Анна Комнина дважды восторженно воспевала красоту юного Константина (*Анна Комнина*. Алексиада. М., 1965, 78, 117).

¹² Аякс Теламонид — один из самых сильных и мужественных героев греческой мифологии, сражавшихся под Троей.

¹³ Нестор — «мудрый старец» гомеровского эпоса. Неоптолем — юный сын Ахилла. Рассказ о наставлениях, которые Нестор давал Неоптолему, содержится в «Гиппии Большем» Платона.

¹⁴ Цитата из Софокла («Аякс», 56).

¹⁵ Так без большой уверенности переводим мы греч. *περί τὰς ἀχίλας εὐχολος*.

¹⁶ Константин, младший брат Михаила VII (родился в 1060 г.), уже в ранней юности проявил себя отважным воином. Он погиб в 1081 г. в битве с норманнами при Диррахии.

¹⁷ Элиан (конец I — начало II в.) — известный в античности и в средние века автор трактатов и руководств по военному делу. Аполлодор из Дамаска — знаменитый римский архитектор и инженер начала II в., автор «Полиоркетики» — руководства по осаде городов.

¹⁸ Согласно мнению всех исследователей, под Фокой здесь имеется в виду будущий император Никифор Вотаниат, который возводил свой род к Фокам (*Аттал.*, 220). Никифор, крупный военный и государственный деятель, карьера которого началась еще при Константине Мономахе, занимал ряд высоких постов в провинциях, участвовал в походах Романа IV Диогена. Панегристом Никифора является историк Михаил Атталиат. В конце 1077 г. Никифор Вотаниат поднял мятеж в Малой Азии. Этим временем обычно датируется письмо. Однако анализ содержания письма, с нашей точки зрения, не подтверждает этой атрибуции. Скорее всего, это письмо царя Василия II к Варде Фоке при начале восстания последнего в 987 г. Каким образом письмо попало в рукопись «Хронографии», определить невозможно. Подробнее см. *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. Личность и творчество... М., 1977, с. 181 и сл.

¹⁹ После первого мятежа против Иоанна I Цимиския Варда Фока был пострижен в монахи и отправлен в ссылку на остров Хиос. Василий II вернул его в Константинополь, когда войско восставшего Варды Склира подошло к столице и приближенные царя искали достойного противника мятежнику (см. выше, с. 8). Возвращенному из изгнания Варде Фоке Василий

в избытке предоставил богатства, почтил титулом магистра и назначил домашником схол.

²⁰ Брат Василия II — его формальный соправитель Константин VIII, мать — Феофано, которая была, согласно Скилице, возвращена из ссылки, когда ее сыновья пришли к власти.

²¹ «Загасить пожар маслом» — т. е. против одного мятежника (Варды Склира) отправить другого (Варду Фоку).

²² Намек на евангельскую притчу (Матф., 13, 25): «... пришел его враг и посеял между пшеницей плевелы, и ушел».

ВИЗАНТИЙСКИЕ ТИТУЛЫ И ДОЛЖНОСТИ *

СВЕТСКИЕ ТИТУЛЫ

(в порядке уменьшения их значимости)

кесарь	вестарх
севаст	вест
новелсим	патрикий
куропалат	протоспафарий
проэдр	спафарокандидат
магистр	
протосинкёл	} титулы, жаловавшиеся преимущественно духовным лицам
ипертим	

ДОЛЖНОСТИ

- Гемилохит — командир полулоха (воинского отряда неопределенной численности)
- Доместик схол (великий доместик) — высший военачальник империи
- Друнгарий виглы — чиновник с полицейскими функциями, ведавший охраной императорского дворца
- Друнгарий флота — главнокомандующий флотом
- Дука (от латинск. *dux*) — воинский начальник, правитель фемы, иногда командир отряда воинов
- Катепан — наместник фемы (чаще всего пограничной)
- Логофет — термин для обозначения ряда административных должностей; начальник
- Паракимомен — евнух, верховный спальничий, начальник службы личных покоев императора
- Препозит — евнух, ведавший церемониями царских приемов; в XI в. почетный титул
- Протовестиарий — придворная должность, обычно занимавшаяся евнухами; в XI в. — главный церемониймейстер двора
- Проэдр синклита — председатель синклита (сената)
- Севастофор — чиновник, возглавлявший нового императора; в XI в. почетный титул
- Стратиг — правитель фемы, командующий войском
- Эпарх — префект Константинополя, подчинялся непосредственно императору
- Этериарх — начальник императорской гвардии, состоявшей преимущественно из чужеземцев

* Приводятся лишь титулы и должности, упомянутые в настоящем издании.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА *

976, 10 января	— смерть Иоанна I Цимисхия
976, 11 января —	
1025, 15 декабря	— правление Василия II Болгаробойцы
976, весна	— начало мятежа Василия Склира
978, начало	— возвращение из ссылки Варды Фоки
976, 24 марта	— сражение войск Варды Фоки и Варды Склира, поединок полководцев
985	— ссылка паракимомена Василия
986	— первый поход Василия II против болгар, поражение византийского войска
987, весна	— начало второго мятежа Варды Склира
987, август	— начало мятежа Варды Фоки
987, 14 сентября	— заключение в крепость Варды Склира Вардой Фокой
988, 13 апреля	— сражение у Авдоса между императорской армией и войском Варды Фоки, гибель Варды Фоки
989, октябрь	— примирение Василия II с Вардой Склиром
991	— второй поход Василия II против болгар
991, 4 февраля	— смерть Варды Склира
995	— поход Василия II в Сирию против фатимидов
1001	— перемирие Василия II с фатимидами
1001—1014	— войны Василия II с болгарами, завоевание Болгарии
1018	— рождение Михаила Пселла
1021—1024	— походы Василия II на Кавказ
1023	— начало обучения Пселла в школе
1025, 16 декабря —	
1028, 11 ноября	— правление Константина VIII
1025—1043	— патриаршество Алексея Студита
1028, 12 ноября —	
1034, 11 апреля	— правление Романа III Аргири
1030, 10 августа	— поражение византийского войска от арабов в Сирии
1034, 11 апреля —	
1041, 10 декабря	— правление Михаила IV Пафлагонца

* В таблице приводятся даты событий, упомянутых в «Хронографии», а также даты, связанные с жизнью и деятельностью самого Пселла.

- 1034 — начало обучения Пселла в школе Иоанна Мавропода
- 1036 — набег печенегов на Византию
- 1038—1041 (?) — исполнение Пселлом функций фемного судьи в провинциях, нотария, императорского секретаря
- 1040—1041 — восстание болгар под предводительством Петра Деляна
- 1041, 11 декабря —
- 1042, 22 апреля — правление Михаила V Калафата
- 1042, 19—21 апреля — восстание в Константинополе против Михаила V
- 1042, 22 апреля —
- 11 июня — правление Зои и Феодоры
- 1042, 11 июня —
- 1055, 8 января — правление Константина IX Мономаха
- 1042 — приближение Пселла ко двору
- 1043—1058 — патриаршество Михаила I Кирулария
- 1043, март — восстание в Константинополе против Склирены
- 1043, начало — мятеж Георгия Маниака
- 1043, июль — поражение русского флота у Константинополя
- около 1044 — получение Пселлом титула ипертима
- между 1044 и 1047 — открытие Константинопольского «университета», назначение Пселла ипатом философов
- 1046—1047 — наступление печенегов под предводительством Тираха на Византию
- 1047 — мятеж Льва Торника
- около 1050 — покушение Романа Воилы на Константина IX Мономаха
- около 1050 — отставка Константина Лихуда, опала Пселла и его друзей
- 1050 — смерть Зои
- 1054, 20 июля — разделение христианской церкви на западную и восточную
- 1054, вторая половина — принятие монашества Пселлом
- 1055, 8 января —
- 1056, 31 августа — правление Феодоры
- 1055, начало — уход Пселла в монастырь на Олимпе (в Вифинии)
- 1055, конец или
- 1056, начало — возвращение Пселла в Константинополь
- 1056, август —
- 1057, 3 сентября — правление Михаила VI Стратиготика
- 1057, 20 августа — сражение у Полемона между императорскими войсками и мятежными полководцами
- 1057, 25 августа — прибытие посольства вместе с Пселлом в лагерь мятежного Исаака Комнина
- 1057, 3 сентября — вступление Исаака Комнина в Константинополь
- 1057, 4 сентября —
- 1059, 22 ноября — правление Исаака I Комнина
- 1057 — получение Пселлом титула проэдра
- 1057, ноябрь — опала и арест Михаила Кирулария
- 1059—1063 — патриаршество Константина III Лихуда

- 1059, лето — кампания Исаака I Комнина против печенегов
1059, 24 сентября — буря у Ловеча
1059, 23 ноября —
1067, 23 мая — правление Константина X Дуки
1060, 31 мая — смерть Исаака I Комнина
1064—1075 — патриаршество Иоанна VIII Ксифилина
1064 — вторжение сельджуков в Византию
1067, 23 мая —
1068, 1 января — правление Евдокии
1068, 1 января — провозглашение императором Романа IV Диогена
1068, весна—лето — первый поход Романа IV Диогена против сельджуков
1069, весна—лето — второй поход Романа IV Диогена против сельджуков
1069, весна — участие Пселла в походе Романа IV Диогена
1071, апрель — захват Бари норманнами
1071, весна—лето — третий поход Романа IV Диогена против сельджуков
1071, 19 августа — поражение византийского войска при Манцикерте
1071, 1 октября — переход власти к Михаилу VII Дуке и Евдокии
1071, 1 ноября — заточение Евдокии в Пиперудский монастырь
1071, 1 ноября —
1078, 24 марта — правление Михаила VII Дуки
1072, 29 июня — ослепление Романа IV Диогена
1073, конец —
1074, начало — восстание Руселя де Батоля
после 1075 — удаление Пселла от двора
1077, конец — начало мятежа Никифора Вотаниата
1078, конец
марта — 1081,
1 апреля — правление Никифора III Вотаниата
1081, 1 апреля — воцарение Алексея I Комнина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский временник
ВИ — Вопросы истории
ВЗ — Byzantinische Zeitschrift
Вуз. — Byzantion
Атталиат — *Michaelis Attaliothae* Historia, rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1853
Вриенний — *Nicephori Bryennii* Commentarii, rec. A. Meineke. Bonnae, 1836
Зонара — *Ioannis Zonarae* Epitomae historiarum libri XIII—XVIII. Bonnae, 1897
Кекавмен — Советы и рассказы Кекавмена, сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введ., пер. и комм. Г. Г. Литаврина. М., 1972
Куруц — Дрексль — *Michaelis Pselli* Scripta minora magnam partem adhuc inedita. Vol. I—II. Ed. E. Kurtz, F. Drexl. Milano, 1936—1941
Продолжатель — Τσολάκη Θ. Ἡ συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη (Ioannes Scylitzes Continuatus). Θεσσαλονικηή, 1965
Скилицы
Сафа — Bibliotheca graeca medii aevi. Vol. IV—V. Ed. C. Sathas. Athenai—Paris, 1874—1876
Скилица — *Ioannis Scylitzae* Synopsis historiarum, rec. I. Thurn. Berlin—New York, 1973
Яхъя — В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъя Антиохийского. СПб. 1883

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аарон, брат болгарского царя Самуила 47—49, 272, 273
- Аарон, брат Екатерины, жены Исаака I Комнина 289
- Август, Октавиан, римский император (31 до н. э.—14 н. э.) 22, 25, 258, 259, 269
- Агафий Миринейский, византийский историк (VI в.) 240
- Агесилай Лакедемонский, спартанский царь (401—361 до н. э.) 119
- Адриан, римский император (117—138) 25, 194, 259
- Адуд-ал-Дауда, багдадский халиф (977—983) 8, 9, 265, 266
- Александр Македонский (356—323 до н. э.) 25, 119, 259, 292
- Алексей I Комнин, император (1081—1118) 198, 199, 293, 300
- Алексей Студит, константинопольский патриарх (1025—1043) 75, 135, 274—277, 287
- Алипий, тесть Константина VIII 19
- Алп-Арслан, сельджукский султан 297
- Алусиан, руководитель восстания болгар 48, 49, 237, 273, 296
- Ал-Захир, халиф Египта (1020—1035) 271
- Анаксагор, греческий философ (V в. до н. э.) 28
- Анастаси Р., итальянский византист 223
- Андроник Дука, византийский полководец X в. 165, 169
- Андроник Дука, сын Константина Дуки 173, 193, 295
- Андроник Дука, сын кесаря Иоанна Дуки, военачальник 186, 187, 297
- Анна, сестра Василия II и Константина VIII 266
- Анна, дочь Константина X Дуки 295
- Анна Комнина, принцесса, византийский историк (XII в.) 234, 300
- Антонины, династия римских императоров (96—192) 22, 269
- Аполлодор из Дамаска, римский инженер и архитектор, автор руководства по осаде городов 194, 300
- Аргиропул, см. Роман III Аргир
- Аргирь, византийский род 269
- Арега, дочь Константина X Дуки 295
- Арефа Кесарийский, митрополит, ритор, ученый (IX—X вв.) 218, 220
- Аристакес Ластиверци, армянский историк (XI в.) 277
- Аристотель, греческий философ (384—322 до н. э.) 80, 205, 221
- Атталиат, см. Михаил Атталиат
- Баграт IV, грузинский царь (1027—1072) 300

* Указатели составлены Я. Н. Любарским

- Безобразов П. В., русский византист 207, 299
- Бек Г.-Г., западногерманский византист 225, 239
- Бенакис Л., греческий византист 205
- Бенешевич В. Н., русский византист 232
- Берта, супруга Романа II 218
- Блок А. А., русский поэт (1880—1921) 213
- Вавилонец, см. Мустансир
- Варда Склир, полководец, мятежник 7—9, 12—14, 265—267, 277, 300, 301
- Варда Фока, полководец, мятежник 7—10, 12, 13, 194, 195, 251, 265—267, 300, 301
- Варда, кесарь 276
- Василий I Македонянин, император (867—886) 22, 218, 248, 269, 276, 292
- Василий II Болгаробойца, император (976—1025) 6, 7, 9—19, 22, 29, 46, 59, 71, 73, 74, 87, 95, 118, 155, 163, 198, 210, 233, 235, 241, 251, 264—267, 269, 272, 275, 277, 289, 292, 296, 300, 301
- Василий Великий Кесарийский, архиепископ, богослов и писатель (IV в.) 11
- Василий Новый Богослов, византийский теолог (XI в.) 231
- Василий Склир, патрикий, внук Варды Склира 74, 277, 278
- Василий Феодорокан, военачальник 282
- Василий, паракимомен 6, 7, 11, 12, 251, 264, 265
- Ватац, см. Иоанн Ватац
- Ватацы, византийский род 283
- Владимир I Святославич, киевский князь (ум. 1015) 266
- Владимир Ярославич, киевский князь (XI в.) 281, 282
- Вриенний, военачальник, заговорщик 289
- Вриенний, см. Никифор Вриенний
- Вышата, русский воевода 282
- Гагик II, армянский царь (1042 (?)—1045) 284
- Генесий, автор, которому приписывают создание византийской хроники (X в.) 247
- Георгий Маниак, полководец, мятежник 91—94, 211, 249, 250, 272, 280, 281
- Георгий Монах, Амартол, византийский хронист (IX в.) 241, 246
- Гермоген из Тарса, греческий ритор, теоретик красноречия (II в.) 129, 285
- Геродот, греческий историк (V в. до н. э.) 277
- Гиппократ из Коса, греческий врач (V—IV вв. до н. э.) 127
- Гомер, греческий поэт (IX—VIII вв. до н. э.) 200, 270, 280, 284, 289, 293, 296
- Грегуар А., французский византист 263, 292
- Григорий Назианзин, греческий богослов, ритор, писатель (III в.) 231
- Гуревич А. Я., советский историк-медиевист 227
- Дарий I, персидский царь (522—486 до н. э.) 279
- Дигенис Акрит, герой византийского эпоса 294
- Диоген, см. Роман IV Диоген
- Дионисий Галикарнасский, греческий ритор и историк Рима (I в. до н. э.) 280
- св. Дмитрий Солунский 273
- Долиан, см. Петр Делян
- Достоевский Ф. М., русский писатель (1821—1881) 253

- Дука, см. Константин X Дука
Дуки, византийский род 165, 207, 294, 296
- Евдокия Макремволитиса, императрица, жена Константина X Дуки 174, 176, 177, 179—181, 203, 294—296, 298
- Евдокия, дочь Константина VIII Дуки 19, 268, 275
- Евклид, греческий математик (IV в. до н. э.) 226
- Евпрепия, сестра Константина IX Мономаха 84, 98, 104, 115
- Евсевий Кесарийский, греческий церковный историк (III—IV вв.) 245, 298
- Екатерина, жена Исаака I Комнина 289
- Елена, жена Константина VIII 19
Елена, дочь Роберта Гвискара 300
Елена, сестра Константина IX Мономаха 98, 125, 282
- Зайцев А. И., советский филолог 263
Зевксид, греческий художник (V—IV вв. до н. э.) 27
- Зонара, см. Иоанн Зонара
Зоя, императрица (1042) 28, 30, 34, 38, 39, 59, 67, 68, 70, 71, 73, 84, 86—88, 116, 117, 124, 209, 244, 250, 251, 257, 269—271, 274—277, 279, 280, 283, 286, 287
- Ибн-ал-Асир, арабский историк (1160—1234) 266
- Иван Владислав, болгарский царь (1015—1018) 273, 289
- Илья, монах 214
Илья, пророк 226
- Иоанн Ватац, соратник Льва Торника 106, 283
- Иоанн I Цимисхий, император (969—976) 6, 17, 94, 264, 265, 281, 300
- Иоанн VI Кантакузин, император (1347—1354) 240
- Иоанн Дука, кесарь, брат Константина X Дуки 174, 193, 295—298
- Иоанн Евхантский, см. Иоанн Мавропод
- Иоанн Златоуст, константинопольский патриарх (398—404), ритор 200
- Иоанн Зонара, византийский хронист (XII в.) 208, 272
- Иоанн Итал, византийский философ (XI в.) 252
- Иоанн Комнин, куропалат, великий доместик, брат Исаака I Комнина 293, 294
- Иоанн VIII Ксифилин, константинопольский патриарх (1064—1075) 201, 202, 221—224
- Иоанн Мавропод, митрополит евхантский, писатель, ритор (XI в.) 200—202
- Иоанн Малала, византийский хронист (VI в.) 241, 246
- Иоанн Макремволит, тесть Константина X Дуки 294
- Иоанн Орфанотроф, евнух, брат Михаила IV 34, 35, 37, 38, 40—43, 49, 52—57, 66, 207, 243, 244, 256—258, 270—272, 274
- Иоанн Сидский, фаворит Михаила VII 208
- Иоанн Скилица, византийский хронист (XI в.) 212, 213, 235, 241—246, 248, 249, 265, 266, 268—270, 272—277, 280—283, 286, 288—291
- Иоанн, дука, начальник императорских телохранителей 144
- Иоанн, евнух, логофет, фаворит Константина IX Мономаха 208, 284, 286, 287
- Иоанну П., западногерманский византист 205
- Иосиф Тарханиот, военачальник 297
- Ирина, кесариса 231

- Исаак I Комнин, император (1057—1059) 137—159, 161—167, 170, 171, 202, 203, 205—210, 234, 251, 254, 259—261, 278, 280, 288—294
- Кабонар, эпарх 276
- Калафат, см. Михаил V Калафат
- Катакалон Кекавмен, полководец 138, 289—291
- Катон, Марк Порций, римский государственный деятель и писатель (234—149 до н. э.) 163
- Кекавмен, византийский писатель (XI в.) 212, 213, 256, 267, 273
- Кекавмен из Колонии, см. Катакалон Кекавмен
- Кефал, отец оратора Лисия 154
- Кируларий, см. Михаил I Кируларий
- Комнины, византийский род 289
- Комнин, см. Исаак I Комнин
- Константин I Великий, император (324—337) 146, 278, 291
- Константин VII Порфирородный, император (913—959) 234, 247, 248, 271
- Константин VIII, император (1025—1028) 6, 7, 10, 11, 18, 19, 21—23, 63, 74, 95, 155, 235, 241, 244, 245, 264, 265, 268, 275, 277, 301
- Константин IX Мономах, император (1042—1055) 69, 72—80, 83—86, 89, 90, 92, 95, 97—99, 101, 102, 104, 106—109, 113, 115—117, 119—130, 133, 143, 156, 170, 201, 202, 209—211, 215—217, 222, 225, 227—229, 236—238, 249—252, 254, 261, 277, 278, 280—288, 300
- Константин X Дука, император (1059—1067) 165—174, 203, 209, 234, 237, 241, 254, 294—296, 298, 299
- Константин Артоклин, вельможа 277
- Константин Даласин, вельможа 72, 73, 169, 268, 277, 294
- Константин Диоген, отец Романа IV Диогена 296
- Константин Дука, полководец (X в.) 165, 169
- Константин Дука, сын Константина X Дуки 176, 177, 193, 300
- Константин Дука, сын Михаила VII Дуки 192, 193, 300
- Константин Дука, сын кесаря Иоанна Дуки 298
- Константин Кавасила, патрикий 276
- Константин Карандин, муж сестры Романа III 269
- Константин Кируларий, племянник Михаила I Кирулария 214
- Константин III Лихуд, константинопольский патриарх (1059—1063) 160, 201, 207, 208, 221—225, 228, 229, 234, 259, 279, 284, 285, 287, 290, 293, 294
- Константин, великий еретиарх 282
- Константин, новелисим, брат Михаила IV 54—56, 271, 274
- Константин, магистр, племянник Иоанна Орфанотрофа 55
- Криспин, см. Роберт Крепин
- Крумбахер К., немецкий византист 239, 245
- Ксенократ, греческий философ (IV в. до н. э.) 291
- Лев VI Мудрый, философ, император (886—912) 214, 218
- Лев Диакон, Византийский историк (X в.) 240, 248, 265
- Лев Грамматик, автор, которому приписывают византийскую хронику (XI в.) 233
- Лев Параспондил, вельможа 208, 286, 289, 291
- Лев Торник, мятежник 95, 98—100, 103, 105, 106, 238, 249, 250, 282, 283
- Лев Хирсфакт, военачальник 269

- Ликс, отец Геродота 76, 277
- Лисий, афинский оратор (ок. 445—ок. 380 до н. э.) 145, 154, 261, 290
- Литаврин Г. Г., советский византист 212
- Лихачев Д. С., советский литературовед 226
- Лихуд, см. Константин Лихуд
- Мавропод, см. Иоанн Мавропод
- Маниак, см. Георгий Маниак
- Мануил Комнин Эротик, вельможа 289
- Мария Аланская (Марфа Грузинская), жена Михаила VII 300
- Мария, дочь Исаака I Комнина 294
- Мария, мать Миханла V 271
- Марк Аврелий, римский император (161—180) 22, 258, 269, 285
- Махитарий, друнгарий виглы, адресат Пселла 234
- Михаил III, император (842—867) 276
- Михаил IV Пафлагонец, император (1034—1041) 29, 31, 34—38, 50, 52, 72—74, 95, 156, 209—211, 242—244, 270—273, 280, 284
- Михаил V Калафат, император (1041—1042) 41, 52, 55, 57, 58, 63—65, 74, 75, 92, 211, 244, 257—259, 271—275, 280
- Михаил VI Стратотик, император (1056—1057) 136—138, 140, 142, 149, 150, 152, 156, 158, 170, 203, 206, 210, 211, 286, 288, 291, 292
- Михаил VII Дука, император (1071—1078) 169, 173, 176, 177, 179, 183, 184, 188—191, 193, 203, 206—208, 227, 228, 233, 234, 241, 262, 294, 295, 297—300
- Михаил Атталиат, византийский историк (XI в.) 208, 212, 213, 235, 248—250, 254, 270, 274, 275, 277, 280—282, 286, 288—291, 294, 296, 298—300
- Михаил Иасит, военачальник 283
- Михаил I Кируларий, константинопольский патриарх (1043—1058) 135, 159, 203, 206, 207, 225, 227, 229—231, 287—289, 291—294
- Мономах, см. Константин IX Мономах
- Мономахи, византийский род 73, 170, 277
- Мустансир, халиф Египта (1036—1094) 40, 271, 284, 292
- Никита Стифат, византийский богослов (XI в.) 231, 255
- Никита, брат Михаила IV 271
- Никита, соученик Пселла, учитель 200, 224, 225
- Никифор II Фока, император (963—969) 8, 17, 94, 264, 265
- Никифор III Вотаниат, император (1078—1081) 254, 300
- Никифор Бриенний, византийский историк (XII в.) 297, 298
- Никифор Кируларий, племянник Михаила I Кирулария 293
- Никифор Протевоп, наместник Болгарии 286
- Никифорица (Никифор), временщик Михаила VII Дуки 208
- Николай I, римский папа (858—867) 204
- Орфанотроф, см. Иоанн Орфанотроф
- Панфирий Дука, византийский полководец (X в.) 169
- Пард, протоспафарий 281
- Перикл, афинский политический деятель (ок. 500—429 до н. э.) 110
- Петр Делян (Оделян), предводитель восстания болгар 46, 49, 244, 272, 273
- Пир, эпирский царь (306—272 до н. э.) 119
- Платон, греческий философ (427—

- 347 до н. э.) 23, 80, 158, 191
278, 284, 286, 287, 292, 300
- Плотин, греческий философ-неоплатоник (III в.) 80, 278
- Плутарх, греческий писатель и историк (46—120) 223, 245, 247, 277
- Полибий, греческий историк (ок. 200—ок. 120 до н. э.) 247
- Полигнот, греческий художник (V в. до н. э.) 27
- Порфирий, греческий философ-неоплатоник (III в.) 80, 278
- Превнале Л., итальянский ученый 217
- Прокл, греческий философ-неоплатоник (V в.) 80, 278
- Прокопий Кесарийский, византийский историк (VI в.) 240
- Пульхерия, сестра Романа III Аргира 24, 30, 31, 74, 278
- Рено Э., французский византист 263, 264, 285, 294
- Роберт Гвискар, вожь норманнов 300
- Роберт Крепин, норманский полководец 186, 187, 298
- Роман I Лакапин, император (920—944) 264, 281
- Роман II, император (959—963) 6, 155, 163, 218, 264
- Роман III Аргир (Аргиропул), император (1028—1034) 21—24, 28—31, 34, 35, 73, 74, 95, 155, 156, 179, 209, 210, 258, 259, 268, 270, 275, 277, 278, 280, 295
- Роман IV Диоген, император (1068—1071) 176, 179—188, 203, 205, 207, 208, 233, 254, 295—300
- Роман Воила, фаворит Константина IX Мономаха 283
- Роман Склир, брат Склирены 280
- Роман, сын царя Самуила 272
- Ромул, легендарный основатель Рима (VIII в. до н. э.) 109, 232, 239, 246, 283
- Самуил, болгарский царь (976—1014) 47, 272
- Сафа К., греческий византист 264
- Светоний, Транквилл, Гай, римский историк (ок. 70—ок. 150) 247
- Сельте, печенежский вожь 293
- Сикутрис И., греческий византист 263, 281
- Симеон Магистр, Логофет, византийский хронист (X в.) 233, 241, 246
- Симеон, слуга Варды Фоки 266
- Скилица, см. Иоанн Скилица
- Скилицы Продолжатель, византийский хронист (XI в.) 208, 212, 213
- Склир, см. Варда Склир
- Склирена, Мария, севаста, любовница Константина IX Мономаха 84—87, 89, 250, 252, 279, 280, 283, 284
- Склиры, византийский род 84
- Снайпс Х.-К., американский византист 264
- Софокл, греческий драматург (496—406 до н. э.) 300
- Спартак, руководитель восстания рабов в древнем Риме (I в. до н. э.) 110
- Спондил, стратиг Антиохии 269
- Стефан, отец Михаила V 271, 272
- Стефан, севастофор 281
- Стефан, военачальник, муж сестры Михаила IV 280
- Стип, пресвитер храма св. Софии 277
- Стравоспондил, см. Лев Параспондил
- Тирах, печенежский вожь 293
- Тит Ливий, римский историк (I—II вв.) 283
- Тихомир, руководитель восстания болгар 273
- Торгрул-бек, сельджукский султан (1055—1063) 292
- Торники, византийский род 282

- Траян, римский император (98—117)
194, 259
- Торник, см. Лев Торник
- Фемистокл**, афинский политический деятель (524—459 до н. э.) 110
- Феодор Алиат**, военачальник 298
- Феодор Алоп**, проэдр 290
- Феодор Докиан**, племянник Исаака I Комнина 294
- Феодор Скутарнот**, византийский хронист (XIII в.) 279
- Феодор**, военачальник, domestik востока 141, 289
- Феодора**, императрица (1042, 1055—1056) 63—71, 86, 87, 99, 114—116, 130, 131, 133—136, 141, 156, 202, 203, 209, 268, 269, 275—277, 279, 286—289
- Феодосий II**, император (408—450) 272
- Феодосий Мелетинский**, автор, которому приписывается византийская хроника 233
- Феодосий**, отец Константина IX Мономаха 73, 277
- Феодосий**, племянник Константина IX Мономаха, мятежник 288
- Феодота**, мать Михаила Пселла 199, 200, 224, 231
- Феофан**, византийский хронист (VIII—IX вв.) 247
- Феофано**, мать Василия II 301
- Феофил**, император (829—842) 233
- Фидий**, греческий скульптор (V в. до н. э.) 27
- Филипп Македонский**, царь Македонии (356—336 до н. э.) 25, 157, 259, 292
- Фока**, см. Варда Фока
- Фоки**, византийский род 300
- Фотий**, константинопольский патриарх (858—867) 204
- Фукидид**, греческий историк (V в. до н. э.) 238, 240, 247, 280, 288
- Хасан**, судья, адресат Пселла 215
- Хачатур**, катепан Антиохии 186, 187, 298
- Хосрой**, см. Адуд-ал-Даула
- Хунгер Г.**, австрийский византист 217
- Шекспир**, Вильям, английский драматург (1564—1616) 253
- Шрайнер П.**, западноберлинский византист 232
- Элиан**, греческий военный писатель (I—II вв.) 194, 300
- Эпаминонд Фиванский**, греческий полководец и государственный деятель (IV в. до н. э.) 119, 283
- Юлий Цезарь**, Гай, римский полководец и государственный деятель (100—44 до н. э.) 233
- Юстиниан I**, император (527—565) 27, 259, 269
- Ямвлих**, греческий философ-неоплатоник (III—IV вв.) 80, 278
- Яхья Антиохийский**, арабский историк (XI в.) 265, 266

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ*

- Августион, площадь (в Константинополе) 281
Авидос 266
св. Авксентия монастырь 202
Адана, крепость 298
Адрианополи 98, 99, 282, 283
Акарнания, область 288
акарнанцы 135, 288
Алания 116, 117
аланы 283
Александрия 82
Алеппо 24, 269, 297
Амасия 185, 253
Анатолик, фема 277
Ани 284, 285
Антиохия 24, 25, 138, 242, 259, 269, 274, 277, 289, 295, 297, 298
Антифонита церковь (в Константинополе) 279
Апулия, область 280
арабы 15, 24, 242, 266, 269, 280, 298
аргивяне 161, 293
Армениак, фема 298
Армения 126, 185, 267, 282, 284, 295, 297
армяне 266
Ассирия 8, 9, 154
Афины 82, 109, 283
Афир 277
Афон, гора 78
Багдад 9, 265, 266, 271
Балканский полуостров 178, 272, 296, 300
Бари 299
Белград 272
Бессребреников храм (ц-вь св. Космы и Дамиана около Константинополя) 44, 272, 273, 282
Болгария 242, 243, 268, 272, 273, 281, 286
болгары 47, 48, 272
Большой дворец в Константинополе 164, 274—276, 281, 284, 286
Босфор 298
Болгарофиги 283
Вавилон, см. Багдад
Вавилон (древний) 266
св. Василия монастырь (в Константинополе) 11, 267
Великая гавань (в Константинополе) 57, 274
Великий театр, театр, см. ипподром
Византий, см. Константинополь
Вифиния, область 285
Влахернская церковь (в Константинополе) 41, 271
Влахерны, Влахернский дворец (в Константинополе) 163, 271, 282, 294, 296
Вуколеонт, причал 274

* Этнические наименования у Пселла, как и у других византийских авторов, нечетки и как правило антикизированы. В скобках даются другие наименования, под которыми можно найти тот или иной народ в тексте Пселла и в Приложении.

- Галата (район Константинополя) 272
Геракловы столбы, см. Гибралтар
геты (узы, торки) 160, 293
Гибралтар 28, 270
грузины, см. ивиры
Гунария 289
- Далас, Даласа (Далаш) 72, 169, 277, 294
Дамаск 300
Двин 282
Дельфы 293
Дирахий 273, 300
Додона 293
Докея, крепость 298
Дунай 160, 249, 293, 295
св. Екатерины монастырь (на Синае) 232, 264
- Евхапта Евхаетская епархия 202, 216, 285
Евфрат 154, 294
Египет 40, 82, 118, 126, 154, 159, 226, 271, 284
египтяне 154
- Ивирия (Грузия) 98, 100, 249, 267, 282
ивиры (грузины) 9, 10, 11, 15, 266
Иерусалим 242, 269
Индия 118
Ипподром (в Константинополе) 20, 50, 63, 94, 268, 275
Испания 298
Истр см. Дунай
италийцы (см. также норманны) 145, 290
Италия 91, 92, 280, 298, 299
- Калабрия, область 280
Каппадокия, фема 266, 296
Кастамон 289
Келесирия, провинция 24, 269
кельты 15, 267
Кесария малоазийская 182, 295, 297, 298
Киликия провинция 185, 295, 298
- Клавдиополь 285
Колония, фема 138
Константинополь 24, 26, 42, 48, 49, 85, 135, 137, 140, 149, 150, 170, 198, 200—202, 215, 216, 242, 243, 245, 255, 248, 265, 266, 268, 271, 274, 276—282, 286, 288, 294, 296, 297, 300
Космидий, монастырь 272, 273, 282
Котией 299
Курды (персы) 182
- Лесбос 74, 274, 277
Ловеч, гора 293
Лонгивардия, фема 280
- Македония, область 99, 215, 269
македоняне 99, 102, 105, 284
Малая Азия 198, 202, 265, 295, 297, 299, 300
Манганский монастырь св. Георгия 125, 279, 284, 295
Манганский дворец (в Константинополе) 279
Манцикерт 297, 299
Медная стража, см. Халка
Месопотамия 198, 265, 297
Мелитина 292, 295
мисы (см. также печенеги) 160, 161, 173, 293
Митилена, см. Лесбос
Мосинополь 273
Мраморное море 10, 95, 276, 292, 293, 299
- Нижняя Мидия, провинция 280
Никея 289
Никомидия 82, 278, 289, 290
Никополитов фема 273
Нил 154
норманны (см. также италийцы) 290, 300
- Олимп, гора (в Малой Азии) 128, 202, 285, 287, 288
Онаратополис 293

- Парфяне 154
 Парфлагония, фема 270, 285, 289
 Перивлептская церковь, Перивлепт
 (в Константинополе) 28, 270
 Персия 180, 187
 персы (см. также сельджуки) 180,
 182, 266, 271, 296
 св. Петра школа (в Константинополе)
 224
 Петрийский монастырь (в Констан-
 тинополе) 276
 Петроя 289
 печенеги (см. также мисы) 268, 293,
 300
 Пиперудский монастырь 274, 298
 Полемон (Анд) 289
 Приконис, остров 292
 Принкип, остров 59, 274
 Принцевы острова 274, 299
 Пропонтида, см. Мраморное море
 Проти, остров 188, 299
 Птохотрофий, приют (в Константи-
 нополе) 45, 272
- Редесто** 282
 Рим 82, 90
 св. Романа ворота (в Константино-
 поле) 267
 росы, русские (см. также тавро-
 скифы) 95, 266, 281, 282
 Русь 242, 281
- сарацины, см. арабы
 Севастиа 292
 сельджуки (см. также персы) 203,
 207, 208, 271, 249, 289, 292,
 295—298
 Сердика, см. София
 Сигма (в Константинополе) 276
 Сирия 24, 180, 269, 296, 297
 Сицилия 91, 242, 280
 скифы (см. также болгары) 48, 267
 Соломона храм (в Иерусалиме) 27
- Солунь 273, 281
 св. Софии храм (Великий храм
 божьей мудрости) 27, 65, 68, 150,
 164, 269, 273, 276, 277, 289
 София 293, 296
 Софон, гора 289
 Спасителя церковь (в Константино-
 поле) 281
 Студийский монастырь (в Констан-
 тинополе) 65, 171, 275, 276, 294
- тавроскифы (см. также росы, рус-
 ские) 10, 61, 141, 145, 268
 Тиропей, крепость 298
 Трапезунд 285
 Триадица, см. София
 трибалы 173
 Троя 193, 300
- угры 193, 300
 узы (торки) (см. также геты) 293,
 295
- Фивы греческие** 273
Фивы египетские 267
 Филомилай 269
 Финикия 82
 Фракисийская фема 242
 Фракия, область 282
- Халка (в константинопольском Боль-
 шом дворце) 94, 281
 Халерб, см. Алеппо
 Харсиан, фема 265
 Хелидоний, крепость 282
 Херсонес Фракийский 293
 Хиос, остров 265, 300
 Хрисополь 266
- Эдесса 91, 280
 Эллада (древняя Греция) 80
 Эллада, фема 277
 Эпир, область 293

СОДЕРЖАНИЕ

ХРОНОГРАФИЯ

ВАСИЛИЙ II	6
Восстание Склира	7
Восстание Варды Фоки	9
Удаление от дел и отставка паракимомена Василия	11
Второе восстание Склира после гибели Фоки	12
Внешность царя	17
КОНСТАНТИН VIII	18
РОМАН III	22
Представление во дворец Михаила его братом	29
Болезнь царя	31
Смерть царя	32
МИХАИЛ IV	34
Усыновление Михаила августой и возведение его в достоинство кесаря	41
Поход царя на болгар	47
Бегство Алуσιана к болгарам	48
Постриг императора	50
МИХАИЛ V	52
Провозглашение Михаила	53
Ненависть и зависть императора к августу	58
Как толпа переметнулась на сторону августы Феодоры	64
Бегство царя и его дяди и их ослепление	65
ЗОЯ И ФЕОДОРА. КОНСТАНТИН IX	69
Раздумья августы Зои о том, кого возвести на царский престол	71
Каким образом император Константин был возведен на престол августой	73

Как и каким способом севаста Склирена была представлена царице	84
Как севаста была введена во дворец	86
Антифонит	88
Смерть севасты	89
Восстание росов (и мятеж Торника)	95
Внешность царя	106
Болезнь царя	107
Заговор против императора	109
Природные свойства императрицы Зои	117
Постриг Пселла	127
Самодержавное правление царицы Феодоры	130
МИХАИЛ VI, ИСААК I КОМНИН	137
Начало царствования Михаила Старика, правившего один год	137
Посещение царя Михаила воинскими начальниками	137
Восстание Комнина	138
Советы царю в связи с восстанием	140
Посылка войска против Исаака	140
Посольство к Комнину	142
Царствование Комнина	153
Избрание патриархом Константина	160
Болезнь царя	163
Приход Дуки к Ксмнину, его избрание и суждения родни [Исаака]	167
КОНСТАНТИН X ДУКА	168
Ромейский император Константин Дука владел престолом семь лет	168
ЕВДОКИЯ, РОМАН IV	176
Царица Евдокия с сыновьями Михаилом и Константином	176
Правление Романа Диогена	178
МИХАИЛ VII	189
Константин, сын царя Михаила Дуки	192
Андроик, брат царя Михаила Дуки	193
Его брат Константин	193
Кесарь Иоанн Дука	193
Письмо царя к Фоке	194

ПРИЛОЖЕНИЯ

Историограф Михаил Пселл	198
Примечания	264
Византийские титулы и должности	302
Хронологическая таблица	303
Список сокращений	306
Указатель имен	307
Указатель географических и этнических наименований	314

Михаил Пселл
ХРОНОГРАФИЯ

Утверждено к печати
Отделением истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *Ф. Н. Арский*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *А. В. Каскова*
Корректоры *Т. И. Борисова, Б. И. Рыгин*

ИБ № 5009

Сдано в набор 10.01.78. Подписано к печати
15.05.78. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 2. Гарнитура академическая. Печать
высокая. Усл. печ. л. 20,43. Уч.-изд. л. 22,2.
Тираж 52700 экз. Тип. зак. 41. Цена 1 р. 60 к.

Издательство „Наука“
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
1-я типография издательства „Наука“
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

ХРОНОГРАФИЯ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ

